

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

К.М. МУСАЕВ

**СИНТАКСИС
КАРАИМСКОГО ЯЗЫКА**

МОСКВА 2003

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

*Утверждено к печати
Институтом языкознания РАН*

ББК

Мусаев К.М. Синтаксис караимского языка. М., «Academia», 2003 г.
с. 347.

Рецензенты: Доктор филологических наук *Г.Ц. Пюрбеев*
Кандидат филологических наук *С.А. Орлов*

Компьютерный набор и верстка
Л.Б. Протасова

Предлагаемая вниманию читателей книга представляет собой естественное продолжение ранее опубликованного труда автора: «Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология» (М., «Наука». 1964). В ней впервые описывается в монографическом плане синтаксический строй одного из очень слабо изученных тюркских языков западно-кыпчакской ветви. Во введении даются общие сведения о караимах, их истории и языке, о диалектах, об истории их изучения.

Книга рассчитана прежде всего на тюркологов: научных работников, преподавателей вузов, аспирантов и студентов, а также караимов, интересующихся строем родного языка. Кроме того она будет полезна для специалистов по проблемам развития языков, двуязычия, синтаксиса и др., работающих в разных отраслях лингвистики, а также для всех, кому небезразлична судьба языков малых народов.

ISBN 5-87444-190-5

© К.М. Мусаев
© Институт языкознания РАН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошло уже более 30 лет со времени опубликования «Грамматики караимского языка» (1964), затем был опубликован «Караимско–русско–польский словарь» коллектива авторов, «Краткий грамматический очерк караимского языка», «Очерк грамматики караимского языка (крымский диалект)», которые явились определенным историческим этапом в исследовании караимского языка и в какой–то мере подытожили достижения в области его изучения. Был опубликован ряд статей об этом уникальном тюркском языке в бывш. СССР и за рубежом. Однако вряд ли можно считать успехи караимоведения выдающимися. К сожалению, со стороны самих караимов проявляется мало интереса к вопросам караимоведения. А кому как не представителям самого народа решать все проблемы своей культуры и языка.

Еще не все аспекты строя караимского языка описаны хотя бы в общем виде, предварительно, не говоря уже о создании капитальных трудов, посвященных отдельным разделам строя караимского языка. Нет подробного описания синтаксиса, лексики этого языка, а с течением времени все труднее будет добывать языковые источники для изучения.

Предлагаемая вниманию читателей книга представляет собой продолжение ранее опубликованной автором этих строк «Грамматики караимского языка. Фонетика и морфология» (М., 1964). Материалом для исследования (в отличие от фонетики и морфологии) послужили в основном письменные тексты на караимском языке, хотя данные живой разговорной речи также использовались. В иллюстрированных примерах автор стремился показать богатство духовной культуры и мудрость караимского народа, все примеры документированы, и читатели могут обращаться к первоисточникам.

Небольшие по объему письменные тексты не содержат достаточных данных для некоторых разделов синтаксиса, а данные разговорного языка, записанные автором, также не всегда дают полное представление о всех проявлениях структуры синтаксиса.

Помимо ограниченности материалов и трудности их добывания, определенные рамки книги, естественно, не позволяют провести более подробное исследование каждого из разделов и их подразделов, разумеется, каждый из них заслуживает более углубленного специального исследования. Автор надеется, что в будущем найдутся энтузиасты, которые более углубленно исследуют и опишут все стороны строя караимского языка.

В настоящее время в тюркологии постепенно отходят от чуждых строю тюркских языков схем и идей, от подгонки тюркского материала под прокрустово ложе индоевропейских схем. Конкретный анализ материалов самих тюркских языков вводит в научный обиход явления и категории: грамматические, семантические и др., что является весьма прогрессивным явлением. В предлагаемом труде трудно учитывать в полной мере подобную тенденцию. Караимский язык отличается от большинства тюркских языков тем, что именно в отношении его синтаксиса оказываются вполне приемлемыми многие идеи, схемы, добытые в индоевропеистике, поскольку его синтаксический строй в процессе исторического развития сильно сблизился со строем индоевропейских, особенно славянских языков, в чем читатель может убедиться в разных частях данного труда.

Иногда в разных подразделах книги применяются различные принципы классификации материалов с целью выявить возможности применения разных критериев. В некоторых случаях делается попытка показать историческое движение исконно тюркских и появление заимствованных конструкций в караимском языке.

В отличие от фонетики в синтаксическом строе тракайского и галицкого диалектов нет заметных различий. Несомненно, большие различия обнаружатся при сравнительном исследовании синтаксиса западных диалектов и языка крымских караимов. Однако это не входило в задачу автора и может стать объектом специального изучения – создание сравнительного синтаксиса трех диалектов.

Разработка специальных теорий синтаксиса – задача главным образом теоретиков и это также не входило в задачу автора, который стремился показать синтаксический строй караимского языка на основе существующих синтаксических идей, используя подход – от формы к содержанию высказывания. В исследовании синтаксиса тюркских языков заметно немало подражательства, модных увлечений, без критического подхода воспринимается ряд "новых" идей что не всегда способствует выявлению истинной структуры синтаксиса тюркских языков, для изучения которого нужны разные подходы, в том числе и идеи семантического синтаксиса, функциональной грамматики и т.д.

Синтаксис караимского языка невозможно исследовать как, например, синтаксис английского, русского и других языков крупных народов, где можно себе позволять такую "роскошь", как создание различных типов синтаксических исследований: формальный, коммуникативный, функциональный, экспрессивный и т.д. По объему и разнообразию синтаксических исследований, разумеется, караимский язык невозможно сравнивать и с тюркскими языками крупных народов: турецкого, азербайджанского, узбекского, казахского и др. Возможности здесь весьма ограничены.

"Грамматика караимского языка" (1964) стала библиографической редкостью, поэтому автор счел необходимым предпослать к данной работе введение.

В книге принята та же система письма, что и в "Грамматике". Это письмо основано на законе сингармонизма, который в караимском языке строго соблюдается в отношении рядности гласных и согласных, показывая первоначальную гармонию в составе тюркского слова: гласные переднерядные требуют мягких согласных, гласные заднего ряда – твердых согласных. Поэтому автор считает лишним обозначать мягкость согласных мягким знаком, например: *кельдимь* вместо *келдим* 'я пришел', так же как подобная черта согласных не обозначается при использовании латинского письма: *keldim*. Нет и необходимости обозначать задний характер согласных особыми знаками, поскольку индикатором их "твердости" являются заднерядные гласные, например, *калдым* 'я остался' и т.д.

Функции караимского языка в течение столетий сужались, исключением являлись редкие периоды, когда оживлялись связи между караимскими общинами, открывались школы, в которых детей учили караимскому языку. В настоящее время в Крыму, в Литве и в Москве активизировались работы по сохранению и развитию культуры и языка караимов, создаются общества, культурные центры в городах Крыма, Литвы, России, что связано с процессами, нравственного возрождения общества. Эти попытки будут осуществляться тем успешнее, чем выше национальное самосознание караимского народа, чем сильнее культ исторической памяти народа.

Автор с глубокой благодарностью вспоминает всех тех, кто помогал в собрании и анализе материалов из живой речи, в организации работы, а также своими критическими замечаниями: М.С. Тинфович, С.А. Фиркович, М. Михайлович, И. Лопатто, Я.М. Робачевская, Р.Р. Робачевская, Я.Л. Ешвович, М.Я. Ешвович, С.И. Кушкуль, Б.С. Ельяшевич, Б.Я. Кокенай, С.Н. Дубинский, С. Дубинская, З.М. Феруз, М.И. Авах, Д.М. Гумуш, А.И. Баккал, Р.И. Фиркович и многих, многих других.

Автор благодарен также тюркологам, которые поддержали его ценными советами; Э.В. Севортяну, А.Н. Кононову, С.М. Шапшалу, А.А. Юлдашеву, А.А. Зайончковскому, А.И. Дубинскому, Н.А. Баскакову, Э.Р. Тенишеву, а также рецензентам Г.Ц. Пюрбееву и С.А. Орлову.

Автор

ВВЕДЕНИЕ

Под именем «караимы» подразумевают тюркоязычный народ, в настоящее время живущий островками в Литве, в украинском городе Галиче и в Крыму; основной религией караимов является иудаизм караимского толка. По переписи населения 1989 г. в пределах бывш. СССР живут 2602 караима. Немыми свидетелями первоначального расселения караимов в Литве являются их кладбища в Тракае, Биржае, Новом Месте и Посволисе. Некоторая часть тюркоязычных караимов живет также в Польше и Румынии. В Крыму до XVIII в. караимы жили в основном в его внутренней, горной части, главным образом в крепости Чуфут–Кале (или Джуфт–Кале). На территорию Литвы и Украины караимы переселились из Крыма в конце XIV – начале XV в. По историческим сведениям, в 1397 г. литовский князь Витаутас увез из Крыма (из окрестностей Старого Крыма) 383 караимских семьи, которые в 1398 г. осели в Тракае. В Галич и Луцк караимы переселились немного позже – в 1408 – 1411 гг. Переселение караимов из Крыма в другие районы Литвы продолжалось и в течение XV–XVI вв. Возможно, это послужило впоследствии основой для образования, хотя возникновение диалектов еще в Крыму трудно отрицать, западных диалектов караимского языка, которые с одной стороны, законсервировали многие особенности этого языка в таком виде, в каком они существовали почти шесть веков тому назад, с другой – претерпели влияние окружающих языков на новой территории.

Официальное, распространенное в мире название этого народа – "караимы". Установившаяся версия его происхождения – от семитского слова *кара* 'читать' с суффиксами *-й*, *-м*, соответственно обозначающих формы причастия ('читающий') и множественного числа ('читающие', т.е. признающие писанный закон Моисея – Пятикнижие Ветхого Завета и не почитающие его устное толкование – Талмуд). Это название показывает веру караимов. Подобным образом получили этнические названия и некоторые другие народы. Например, в народе татар и других народов по вере называют мусульманами.

Наблюдается различие в официальном этнониме и самоназвании караимов.

Самоназвание народа "карай", "карайлар" наводит на размышления о возможных связях караимов с крупным древним тюркским племенем Керей, Керейт(ы). Таким образом, в данном случае мы имеем дело с возможным смешением двух слов в современном этнониме караимов, которых вернее было бы называть "караи".

Этническое происхождение караимов отражает сложные взаимосвязи их предков, относящихся также к предкам многих современных тюркских народов.

К древним предкам современных караимов относятся такие известные из истории по крайней мере с IV века до нашей эры племена, занимавшие обширные территории Евразии, как *Саки* (которые имели различные названия: массаки – массагеты, кайсаки, турусаки – "этруски" – в Европе, саи, сакае и т.д. – в Азии), *Скифы* – это грецизированная форма множественного числа от слова "сак" и *Гунны* – так названные в Европе (которые по выражению Ф. Энгельса "вдохнули жизненную силу умирающей Европе"), Хунну – по китайским источникам, это тюркское слово *Кун* – самоназвание тюрков, обозначающее "Солнце". Тюрки считали себя потомками Солнца, так считают себя и американские "индейцы". Эти племена жили на огромной территории Евразии от Алтая до Адриатики и создали свою оригинальную письменность не позже V века до н.э. и высокую культуру, неоднократно разрушенную завоевателями. К далеким родственным предкам караимов относятся также древние племена – предки современных "индейцев" Америки, переселившиеся туда 30–20 тысяч лет тому назад из Центральной Азии и создавшие там в древности великую культуру, разрушенную европейскими варварами после "открытия" Колумба.

К средневековым предкам караимов относятся, главным образом – кыпчакские и балкарские (современная татаризованная форма – «булгарский») племена, куманы, половцы, печенеги, торки, обитавшие на прикаспийских степях между Черным морем и Поволжьем, между Дунаем и Сыр–Дарьей.

Караимский этнос формировался на территории Хазарского каганата, население которого по племенному составу было

неоднородным. В Каганате жили предки современных балкаров/малкаров, карачаевцев, крымских татар и другие тюркские племена: предки чувашей, татар, башкиров, кумыков, крымчаков, ногайцев, казахов и т.д.

По своему антропологическому типу караимы близки к балкарцам, карачаевцам, крымским татарам, чувашам, башкирам, частично кумыкам и казахам. Антропологические особенности караимов тесно связаны с их языковыми показателями.

Вера: тенгрианство, *шаманизм*, вера в духов, священное дерево – от древних тюрков, учение Анана в средневековье.

Язык караимов подтверждает их формирование во взаимодействии с предками указанных современных народов. В частности, общность караимского языка с современными крымтатарским, крымчакским, карачаевским, балкарским, кумыкским, образующими западно–кыпчакскую ветвь кыпчакской группы тюркских языков, и с памятником XIII века Кодекс Куманикус, с памятниками, написанными арабским и армянским письмом в средневековье, а также общие элементы караимского и ныне далеко расположенного от караимов чувашского языка говорят об их тесных связях в средневековье, когда формировались указанные языки и их носители. В караимском языке монгольские элементы составляют незначительное количество и относятся к заимствованиям через тюркских языков–посредников. Караимы сохранили древнее тюркское название Бога–неба – Тенри и т.д.

Окончательное формирование современного этнического и языкового типа караимов, надо полагать, относится к предмонгольскому периоду, т.е. до начала XIII века нашей эры. Оно происходило на территории между Волгой, Уралом, Северным Кавказом и Черным морем, на которой проживали предки близкородственных к караимам многих современных тюркских народов.

В конце XIV века произошло передвижение части караимов на западные территории – Великого Княжества Литовского, что известно из письменных источников. Это привело к формированию на новой территории двух ветвей караимского этноса: тракайской и галицкой с языками, отличающимися от языка крымских караимов.

Караимами до последнего времени называли себя и представители некоторых других народов: турки, греки, евреи, русские, которые исповедовали караимскую веру. В зарубежной и дореволюционной русской литературе караимы, прежде всего последователи еврейской религиозной секты, возглавлявшейся Ананом бен Давидом и создавшей отдельную религию – караизм. Анан выступал против раввинов и отвергал все предания, настаивая при этом, что слова Господа Бога настолько точны и совершенны, что не нуждаются в разных толкованиях. Главной целью он поставил восстановление иудейской религии в первоначальном виде, очищение ее от поздних напластований.

Караимы как последователи Анана считают учение Моисея единственно верным и отвергают положения Талмуда и других толкований Торы – пятикнижия Моисея. Первоначально сторонники караимского вероучения жили в Палестине, однако во времена крестовых походов они начали переселяться в разные страны, распространяя и свою веру. Караимскую веру приняла и часть тюрков Крыма и Северного Кавказа, которая дошла до наших дней как современные караимы.

Караимы стали подданными России с конца XVIII в. За рубежом существует также название *караит* как эквивалент слова *караим* в религиозном понимании. Иногда для названия караимов использовался и этноним *киргизы*.

Караимский язык

Караимский язык представляет собой один из тюркских языков обширной северо–западной, или кыпчакской, группы и расположен на самой северо–западной границе территории распространения тюркских языков. Вместе с крымско–татарским, карачаево–балкарским и кумыкским языками входит в западно–кыпчакскую подгруппу.

Говоря о караимском языке, мы имеем в виду в первую очередь язык караимов Литвы и города Галича на Украине. Караимский язык часто в литературе называли татарским языком, даже сами

караимы¹. Караимский язык нельзя смешивать также с древне-еврейским языком – ивритом, который для караимов был языком религиозного культа; некоторые караимские писатели, религиозные деятели и ученые писали на нем свои труды.

По сравнению с другими тюркскими языками караимский язык находится в особом положении. Прежде всего, это язык весьма малочисленного народа; на нем говорит меньшинство представителей данной национальности. Во-вторых, караимский язык со всех сторон окружен языками нетюркской группы, что накладывает свой отпечаток на него. В-третьих, в настоящее время даже в местах наибольшей концентрации караимы живут смешанно с другими национальностями. Поэтому вполне естественно, что в караимском языке имеются свои особенности: наряду с сохранением древних черт наличествуют новые явления, связанные с влиянием окружающих славянских и литовского языков.

Сужение сферы функционирования и количества говорящих на караимском языке началось давно. До XX в. этот процесс шел медленно, а с XX в., особенно с начала первой мировой войны, принял ускоренный темп. Даже в тот короткий период между первой и второй мировыми войнами, когда выходило наибольшее количество печатных изданий на караимском языке, редакциям приходилось часто переводить то или иное караимское слово на язык местного населения. Например, в стихотворениях С. Фирковича и Н. Лобаноса, напечатанных в журнале «*Myśl Karaimska*» («Караимская мысль») некоторые караимские слова комментированы редакцией по-польски: сакчы ‘*stryż, wartownik*’, *баи йазыш* ‘*los*’², в журнале "Онармах" («Успех») на литовском языке: чанах ‘*lekšte, talers*’, *чийа* ‘*višnia*’, *джырғыях* ‘*pergament*’ и т.п.³, которые уже были заимствованы разговорным караимским языком.

Караимский язык, оказавшись в окружении славянских языков, все больше отгеснялся на задний план, что привело к возникновению сначала караимско-славянского двуязычия, которое сменяется

¹ См., например, "Седерь галлель гаккатань". Перевел на татарское наречие... Ф.А. Малецкій. Вильна, 1900.

² *Myśl Karaimska*. Wilno, 1929. Т. II, z. 2. с. 33, 34.

³ *Onarmach* (Panevėžis), 1939, стр.7,8,9.

господством одного языка или появлением двуязычия без караимского.

Двуязычие характерно для всего современного мира и обусловлено развитием общества. В разных частях света оно возникло различными путями: в Европе – на стыке различных народов и их культур: романских, германских, славянских; в Америке, Африке и Азии – в результате колонизации, в царской России – в результате русификации. В бывшем Советском Союзе двуязычие распространялось как следствие миграции больших групп населения (по разным причинам) и обязательному обучению русскому языку.

Существуют также внутринациональные факторы, способствующие возникновению двуязычия. Интенсивное развитие современного общества предъявляет к языку каждой национальности как к орудию повышенные требования. Если данный язык не может удовлетворять всем этим требованиям, его носители частично или полностью прибегают к помощи другого языка. В этом можно найти причину того, что массовое и общенациональное двуязычие характерно, как правило, для малочисленных народностей, а не для больших наций.

Двуязычие у основных его носителей возникает контактным путем. Преподавание в школе второго языка в качестве только предмета, как правило, не ведет к овладению им вторым языком и не порождает двуязычия. В лучшем случае это может привести к пассивному двуязычию – пониманию, но не говорению.

Подвижность населения, столь характерная для современного общества, порождает двуязычие у индивидуумов, их становится все больше и больше. Двуязычие у подобных людей ликвидирует языковой барьер.

С точки зрения социальных наук двуязычие отражает процесс аккультурации, происходящий у носителей двуязычия. Двуязычие является в некоторой степени барометром, показывающим изменения, происходящие в культуре данного народа.

В зависимости от условий жизни, от окружающей среды, от потребностей в определенные периоды истории двуязычие может изменяться у одной и той же народности. Так, у части западных караимов в течение нескольких столетий двуязычие эволюционировало следующим образом. Вначале возникло караимско–русское,

караимско–польское, караимско–украинское, караимско–литовское, караимско–белорусское двуязычие. У крымских караимов сохранилось караимско–русское двуязычие, которое теперь находится в процессе смены русским одноязычием. В.В. Радлов около ста лет тому назад заметил, что караимское население больших городов владеет русским языком наравне с татарским, который остался в употреблении исключительно как домашний язык⁴.

По употребительности в быту караимского языка некоторое время тому назад различались караимы: 1) тракайские, 2) паневежские, 3) галицкие, 4) крымские. Двуязычие этих групп караимов было обусловлено местом жительства. Однако это двуязычие ослаблялось, переходя в одноязычие – русское, украинское или двуязычие без караимского: украинско–русское, русско–литовское.

Двуязычие можно признать таковым лишь в том случае, если лицо, народность (или часть народности) более или менее систематически употребляет как свой родной язык, так и язык другой нации. Хорошее знание двух языков встречается весьма редко – обычно у талантливых представителей интеллигенции. Как правило, носитель двуязычия один из языков знает хуже – либо язык межнационального общения, либо язык своей национальности.

Степень развития двуязычия зависит от многих факторов: регулярности контактов с носителями другого языка, функциональной широты того или другого языка на данной территории, процесса обучения второму языку, возраста обучаемого, формы обучения, способностей ученика и учителя и т.д.

В настоящее время в бывшем Советском Союзе двуязычны главным образом: 1) лица нерусских национальностей, имеющие высшее образование; 2) малочисленные народности, живущие в контакте с большими нациями, к которые относятся и караимы; 3) представители больших наций, живущие на территории относительно малых наций. Нередко к двуязычным причисляют представителей нерусских национальностей, знающих русский язык, но не говорящих на языке своей национальности. Незнание или плохое знание отдельными представителями нерусских

⁴ В .В .Радлов. Образцы народной литературы северных тюркских племен. СПб., 1896. Т. VII, с. XII.

национальностей языка своей национальности, особенно распространено среди интеллигенции, обучающей своих детей, как правило, в русских школах или на иностранных языках. В семьях этой категории интеллигенции даже на бытовые темы разговаривают обычно на русском языке, несмотря на то, что родители принадлежат к местной национальности, знают язык своей национальности. В таких семьях налицо тенденция к одноязычию. Можно встретить и лиц, стыдящихся говорить на языке своей национальности, хотя они и знают его, что особенно распространено среди детей в разнонациональной среде. Это обычно возникает в том случае, когда индивидуум чувствует, что язык его родителей становится серьезным барьером на пути к овладению достижениями мировой культуры и науки, в общении с представителями других национальностей.

Двуязычие, точнее владение вторым языком, выполняет различные функции: 1) служит общению с людьми, не знающими языка данной национальности, на производстве, в общественной жизни, в переписке и т.д.; 2) является средством ознакомления с достижениями науки и культуры других национальностей и 3) представителей других национальностей с достижениями науки и культуры данной национальности. При этом часто происходит распределение функций между двумя языками. Некоторые национальные языки не могут служить языком науки, так как не созданы отраслевые термины на этом языке, отсутствует научная традиция, да и создание научных терминов, научной литературы на этом языке иногда не вызывает необходимости. Представители таких национальностей пишут научные труды на языке межнационального общения. Таким образом, второй язык как язык науки, искусства берет на себя часть функций первого языка. Часто говорят, что при двуязычии национальный язык употребляется в семье, в быту, где он выступает как основное средство общения. Это положение в общем верно, но нельзя упускать из виду того факта, что представители малочисленных (и не только малочисленных) народностей иногда и между собой говорят на межнациональном языке, несмотря на то, что собеседники знают свой родной язык. Обычно это происходит в тех условиях, когда

один из собеседников чувствует себя меньшим знатоком родного языка, чем другой.

Смена одного двуязычия другим двуязычием или одноязычием, как и само двуязычие может длиться иногда веками, причем за это время может происходить смена нескольких конкретных видов двуязычия, двуязычие может сменяться трехязычием, трехязычие – двуязычием или одноязычием. Иногда двуязычие может довольно быстро переходить в одноязычие. Это распространенное явление у индивидуумов. В семьях части нерусских национальностей практически двуязычие уже заменено одноязычием, так и у караимов. Среди караимов осталось немного людей, в какой-то степени владеющих родным языком, да и компактность их расселения не такая, как прежде. Молодое поколение караимов во всех случаях жизни употребляет языки местного населения: в Литве – литовский и русский, иногда – польский, в Галиче – украинский и русский, в Крыму – русский. На надгробных памятниках караимских кладбищ встречаются надписи на караимском, русском, литовском, польском, древнееврейском, языках⁵. Влияние этих языков отразилось в фамилиях и именах караимов, хотя преобладают библейские, можно встретить польские и тюркские.

В отношении владения караимами родным языком примечательно замечание покойного караимского поэта, юриста по специальности, Михаила Тинфовича (письмо, присланное мне 13 мая 1968 г.): «Будьте осторожны при разборе отдельных слов и оборотов речи у некоторых малограмотных переводчиков последних времен, которые старались переводить дословно в ущерб родному языку. Следует строго различать в народе прижившие слова и выражения от надуманных выражений и форм, придуманных переводчиками. Возьмем для примера сочинение Я. Малецкого «Иштырган тюзювляр». У него так много натяжки, искусственности, выдумки, что пришлось бы для этого посвятить целую работу. Напр. *борчум айтма, борчум табетмя, еди ниетим иштырма арасындан*

⁵ Hersch Liebmann. Les langues des inscriptions funéraires au cimetière caraïme de Troki // Genus, Vol. II, N 2–4 (Roma), 1937, pp. 259–294.

аларнын. Если бы Малецкий относился с большим уважением к родному языку, если бы он имел элементарные знания по грамматике, синтаксису, если бы разбирался в требованиях стилистики (курс среднего образования), то его переводы и сочинения имели бы совсем другой вид... Поэтому несмотря на свои способности, энтузиаст Я. Малецкий, у которого не хватало общеобразовательных знаний, так сказать, изнасиловал родной язык. Причем часто неудачно делал натяжку, полагая, что его переводы идеальны». В письме от 7 марта 1966 г.: «Дело в том, что словарный состав караимского языка гораздо беднее окружающих языков – русского, польского, литовского. Поэтому караим без употребления чужих слов не сможет высказать самых простых мыслей бытового характера, напр.: “Дай мне уют, надо выгладить рубашку”, или “Позвони на станцию и узнай, когда отходит поезд в Вильнюс” и т.п.».

Однако дело вовсе не в том, как тот или иной караим идеально знает родной язык – так считает в душе, пожалуй, почти каждый носитель языка. Дело в том, что нет кодифицированного литературного языка с общепринятой нормой. То, что говорит один караим, другому кажется неправильным, тем более людям пишущим – поэтам, прозаикам.

Задача лингвиста заключается не в том, чтобы решить спор – чей язык самый нормальный или идеальный, а честно фиксировать все, что ему встречается во время опроса носителей языка, что и старался сделать автор этих строк. Поэтому не приходится удивляться, что какие-то материалы в трудах исследователя кому-то покажутся нормальными, а кому-то неприемлемыми и вызовут недовольство.

Процесс утраты караимами своего родного языка отразился и в художественной литературе. В 30-е годы XX в. была написана сатирическая пьеса-комедия С. Рудковского "Друзья" (S. Rudkowski. Dostiar. Juck, 1931, Ч. I; 1939, Ч. II), где персонажи говорят на смешанном славянско-караимском языке.

Однако, несмотря на длительное пребывание караимов среди славянских народов, караимский язык сохранился до XX в. (правда с рядом изменений в своем строе), несмотря на малочисленность его носителей, тогда как крымские татары, переселившиеся в Литву

одновременно с караимами, уже в XVIII в. полностью утратили свой язык. Причины этого, очевидно, нужно искать в исторических условиях жизни караимов.

Одной из главных причин сохранения языка является компактность заселения караимов и образ жизни – они жили общинами. Все дела, относящиеся к культуре, религии и просвещению, проводились в жизнь главами общин, избранными собранием народа. Караимы жили между собой очень дружно, стремились быть ближе друг к другу, руководители общин старались сохранить народ в этнической чистоте, женились или выходили замуж караимы как правило, внутри этноса.

Другой причиной, связанной с предыдущей, является языковая практика. Караимы в пределах общины между собой стремились общаться на родном языке. Несмотря на то, что языком культа считался древнееврейский (иврит) язык, для многих представителей народа языком культа, молитв был родной караимский язык.

По мнению ростовского караима Б.Я. Кокеная, древнейший рукописный перевод Библии, с которым он имел дело, относится к XVII в., возможно и к более раннему периоду, поскольку на рукописи нет даты, однако имеются приписки, относящиеся к первой половине XVII в. – 1648 и др. годам. Он считает, что различные рукописные переводы Библии вовсе не являются работой переводчиков разных эпох, а были осуществлены и канонизированы в древнюю эпоху, и эти переводы переписчики размножали, о чем говорит тождественность целых выражений. Эти же переводы дают возможность проследить эволюцию языка крымских караимов, сблизившегося с турецким языком, и сохранение архаичных черт в языке западных караимов. Кроме рукописных переводов, имеется полный печатный перевод всей Библии, изданный в караимской типографии в Евпатории в 1841 г. по рукописи 1676–1677гг. во времена гахама Хаджи–Ага Бабовича⁶

В школе руководство общины и духовенство стремились сохранить обучение караимскому и древнееврейскому языкам.

⁶ *Kokenai B. Bir-nieča bergianliar Karaj sioz-bitiktian. Onarmach. Panevėžis, 1939, s. 25-31.*

Караимские поэты и писатели могли писать свои произведения как на древнееврейском, так и на караимском языке.

Произведения караимских поэтов и писателей XX в. – С.А. Кобецкого, И. Лобаноса, З. Абрагамовича, А. Мардковича, Ш. Лопатто, С.А. Фирковича, С. Рудковского, М. Тинфовича и некоторых других, переводы А.А. Зайончковского, Я. Малецкого написаны на караимском языке и вышли в свет, когда уже начался процесс распада караимских общин. Те, кто лучше владеет родным языком, являются либо поэтами, либо служителями церкви, т.е. людьми, у которых было больше языковой практики: сочинение стихов, рассказов, издание книг и журналов, богослужение на родном языке, перевод молитвенников и т.д.

Караимский язык сохранялся в течение шести веков с момента переселения караимов на нынешние территории, несмотря на малочисленность его носителей. Поэтому представляется вероятным, что караимы говорили на этом языке еще за много веков до их переселения из Крыма.

Начало XX в., как известно, ознаменовалось великими революционными событиями, провозглашением равноправия народов, борьбой с расовыми, этническими, религиозными предрассудками. Этот процесс оказал влияние и на караимский народ и его язык.

В первой половине XX в. по территории, населенной караимами, дважды прошла война. Перед первой мировой войной и во время войны многие караимы из Литвы и Украины эмигрировали в Россию и в Крым, что привело к определенной разобщенности носителей караимского языка, живших до этого времени более или менее компактно. Как известно, обычно язык обслуживает народ, живущий на одной территории. А у караимов эта общность территории во многом была нарушена, что обусловило и отсутствие функционирования общенародного языка. Караимы через ступень караимско–русского, караимско–литовского и других видов двуязычия переходят на русское, литовское одноязычие. Караимский язык заменяется украинским, литовским и русским во всех сферах употребления. И на Украине, и в Литве младшее поколение караимов лучше владеет русским языком. Основным языком старшего поколения караимов, в зависимости от их места

жительства были: польский – у тракайских и виленских, литовский – у паневежских и украинский – у галицких и луцких караимов.

Влияние славянских языков на караимский началось, по-видимому, в XV в., после переселения караимов на нынешние территории. Изучение закономерностей процесса влияния, а также результатов влияния одного языка на другой (или группы родственных языков на другую группу родственных языков, группы родственных языков на другой неродственный язык и т.д.) в последние десятилетия привлекает все больше внимания в языкознании, социологии, этнографии. Влияние одного языка на другой представляет собой реальный и объективный факт исторической и современной действительности. Языки народов бывш. СССР дают интересные материалы для изучения механизма языкового влияния. В мире очень редко можно встретить "чистый" язык, который в какой-то степени не испытал бы влияния другого языка.

Под «языковым влиянием» подразумевается проникновение элементов одного языка в строй другого. В данной работе речь пойдет об одностороннем влиянии одного языка на другой неродственный язык, поскольку караимский язык не оказывал влияния на другие языки.

Влияние родственного языка на родственный же язык гораздо труднее обнаружить, чем влияние неродственного языка на неродственный.

Языковое влияние рассматривается нами как одна из причин языкового изменения. Оно сопровождается как процесс расцвета языка, так и его умирание, которое отчасти является его следствием.

Языковое влияние прежде всего обусловлено социальными факторами. Из них определяющими являются: 1) соседство или совместная жизнь носителей двух различных языков, в результате чего происходит непосредственные языковые контакты; 2) влияние языка культуры, науки, иной культуры, с носителями которого носители другого языка не имеют непосредственных контактов, но имеют экстерриториальные контакты. Языковое влияние происходит главным образом в результате длительных непосредственных контактов языков.

Заимствование русским языком массы французских слов не привело к появлению новых фонем в русском языке, в то время как массовое заимствование русских и интернациональных слов через русский язык народами бывш. СССР вызвало в их языках появление новых фонем – значит суть явления заключена не в заимствовании. Заимствование – лишь внешний показатель языкового влияния. А главное – в повседневном и массовом языковом контакте представителей народов бывш. СССР с носителями русского языка. В принципе смежность территории двух контактирующих языков не является обязательным условием для языкового влияния.

В возникновении двуязычия языковое влияние играет свою роль. Можно даже утверждать, что двуязычие в какой-то степени представляет собой продукт языкового влияния. В свою очередь двуязычие активно содействует языковому влиянию, оно его интенсифицирует. Однако двуязычие и языковое влияние – явления разные, и их нельзя смешивать.

Смешение языков является результатом, последствием, продуктом языкового влияния. Процесс смешения языков обычно происходит при влиянии на язык малочисленного народа другого языка, имеющего более широкие сферы функционирования и перспективы дальнейшего развития, являющегося языком политически и экономически сильной, развитой в культурном отношении нации.

Необходимо различать языковое влияние на письменный язык и на разговорную речь – каждое имеет свою специфику. Влияние одного языка на другой может происходить и через посредство третьего языка. Так же как и в других языках, языковое влияние проявляется в следующем:

- 1) в заимствовании (слов, словообразовательных, иногда – словоизменительных моделей);
- 2) калькировании слов и грамматических моделей;
- 3) утрате определенных черт (слов, словообразовательных и словоизменительных моделей и т.д.);
- 4) внутривидовом изменении разных категорий языка.

Сила сопротивляемости языковому влиянию разных уровней языка, как показывают материалы караимского языка, неравномерна. Значительное влияние претерпевает лексика. Почти все работы,

посвященные языковому влиянию, обычно обращают внимание именно на эту сторону языка. На втором месте по степени проникаемости стоит синтаксис, дальше – фонетика и морфология, в том числе изменение семантики некоторых морфологических форм). Заметим, что языковое влияние на синтаксис, морфологию и фонетику относится к малоразработанным проблемам языкознания.

Языковое влияние литературного языка на нелитературный или бесписьменный язык значительно отличается от влияния литературного языка на литературный язык.

Периодизация элементов славянского влияния на караимский язык – вопрос очень сложный и трудный, требующий дополнительных специальных исследований. Пожалуй, лишь в лексике можно отметить с некоторой вероятностью древние и новые заимствования. Определенную трудность, вызывает установление границ заимствований, поскольку эти границы могут быть расширены или сужены в зависимости от того, идет ли речь о разговорно-бытовой речи XX в., в которой заимствований значительно больше, или о письменной литературе караимов, где заимствований меньше, так как здесь сказываются субъективные факторы – авторы стремились меньше употреблять заимствований. Промежуточное положение занимают устные рассказы караимов, которые удалось записать в 50-х годах XX в. Количество заимствований зависит также от возраста и социального положения говорящих на караимском языке (домохозяйка, поэт, служащий, священнослужитель и т.д.). Еще в XIX веке К. Фой отмечал, что опрошенный им караим многие самые простые понятия и мысли выражает часто польскими, украинскими или белорусскими словами⁷. Современная разговорная речь караимов изменилась в сторону увеличения заимствований и представляет смесь славянских и караимских элементов, а в Паневежисе – славянских, литовских и караимских. например: т . *Булка рубль эңли эки турат* ‘Булка стоит рубль пятьдесят две (копейки)’; *Там гулят этип йатат колхоста* ‘Там в колхозе гуляют’; *Это неважно, барт*

⁷ К. Foy. Karaimisch-türkische Sprachproben aus Kalic in Galizien // Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen, Berlin, 1898. T. I, Abt. 2.

кагыт 'Это неважно, есть бумага'; г. *Ол торговляда ислейт* 'Он работает в торговле'; *Каргыслы зыйвотноем брыкац этеди, а потум цюхац этеди прысохларга* (Д. П) 'Проклятое животное брыкается, а потом бросает в грязь'.

Многие слова, выражения, фразеологические сочетания представляют собой кальки соответствующих славянских слов и выражений, например: т. *Безди майа бары!* (Ков.) 'Надоело мне все!'; *айырыч бундан* (0) 'кроме этого'.

Стихотворения С. Кобецкого (1904 г., Киев) изобилуют польскими словами. Некоторые из караимов считают, что это было неправильно, так как существовали караимские эквиваленты. Однако дело не в "неправильном употреблении слов", а в том, что стихи С. Кобецкого отражают состояние разговорного караимского языка того времени в отношении заимствований.

На караимский язык оказали влияние более других именно славянские языки, поскольку носители славянских языков являются той основной средой, в которой живут караимы в течение последних шести веков. Караимский же язык не оставил каких-либо следов в окружающих его языках, поэтому не может быть и речи о языковом взаимодействии.

Влияние славянских языков пронизывает фонетический, грамматический и лексический строй караимского языка, но неравномерно на разных уровнях. Сильное влияние претерпел синтаксис караимского языка, в котором изменилась во многом сама система – синтаксис разговорного языка приобрел славянский тип. Значительное влияние славянских языков наблюдается в лексике караимского языка. Тем не менее тюркская система лексики сохранилась. Более устойчивыми оказались фонетическая и морфологическая системы, в которых меньше славянских элементов.

Влияние славянских языков на караимский шло двумя путями. Через непосредственное заимствование проникали в караимский язык в основном лексические элементы. Сначала это происходило в тех случаях, когда в караимском языке не хватало средств для обозначения новых понятий. Таковы, например, древние заимствования в караимском языке: *печь*, *плац*, *самала* 'смола', *бервеня* 'бревно', *салам* 'солома', *рубль* и т.д. Затем в процессе развития языка заимствовались такие слова, частицы, которые имели большую

частоту употребления в окружающем языке. И, наконец, в результате возникновения массового двуязычия и расширения функций второго языка становится нормальным употребление слов, обозначающих понятия, для выражения которых в языке имелись свои средства, например: *песоклар* вм. *кум*, *гнезда* вм. *гуйа* и т.д. На начальном этапе подобные пары употребляются как синонимы. В дальнейшем заимствованные элементы часто полностью вытесняют караимские слова. Например, в тракайском диалекте понятие «остров» выражается польским словом *выспа*, а не тюркскими *арал* или *отрач* (встречается лишь в письменных памятниках). Некоторые из этих заимствований проявляют порой определенную неустойчивость в языке и иногда могут быть заменены словами, ранее существовавшими в караимском языке.

Второй путь проникновения элементов славянских языков связан с двуязычием и трехязычием (караимско–руско–польское; караимско–украинско–польское), которые получили широкое распространение у караимов вследствие социальных, географических и экономических условий их жизни. Славянское окружение, отсутствие обособленной экономической и политической жизни привели к интенсивному общению между представителями караимской и славянских национальностей. В таких условиях караимы стали все реже употреблять родной язык. Этот способ влияния на язык имеет большую силу и может привести к ломке системы языка, что ярко проявилось в синтаксической системе караимского языка. Результатом подобного влияния являются слова и выражения, которые возникли в результате калькирования: т. *барыба йахшы* ‘совсем хорошо’; *клейм айтма* ‘хочу сказать’ и т.д. Образованные из собственного материала, но по моделям славянских языков.

Так как караимский язык одновременно испытывает влияние четырех славянских языков: восточнославянских – русского, украинского, белорусского, и западнославянского – польского, поэтому вполне закономерно, что иногда одно и то же понятие обозначается разными словами, заимствованными из разных славянских языков, например, в тракайском диалекте понятие «кирпич» обозначается как русским заимствованием тюркского происхождения *кирпич*, так и польским *cegia*.

На какие категории и элементы строя языка оказывают наибольшее влияние окружающие языки? Ответ на этот вопрос зависит от различия или сходства систем языков. Категории, коренным образом отличающиеся от аналогичных категорий окружающих языков, подвергаются изменению и с течением времени полностью заменяются последними. Наиболее устойчивы и не подвергаются изменению те элементы, которые имеются в окружающих языках, хотя и несколько отличаются.

Картина влияния славянских языков на караимский значительно отличается от влияния русского языка на литературные тюркские языки народов бывш. СССР. Эти отличия вытекают, с одной стороны, из отсутствия у караимского языка нормированного литературного языка, с другой стороны – литературные тюркские языки, сохраняют функциональные сферы и самостоятельность, что отсутствует у караимского.

Славянское влияние в фонетике. Фонетическая система караимского языка обнаруживает много славянских произносительных норм, и утрату некоторых специфических черт караимского языка, характерных для многих тюркских языков.

Вокализм. В тракайском диалекте под влиянием русского языка в первых слогах слова *й* переходит в восходящий дифтонг *йя*, который в дальнейшем развитии переходит в дифтонг с задним гласным *йу*: *яв* > *йяв* > *йув* 'дом'. В галицком диалекте переднеязычные губные гласные *ö*, *ü* вовсе исчезли, заменены соответственно негубными *e*, *u*. Как в галицком, так и в тракайском диалектах отсутствует фонема *э*, но звук *э* в тракайском диалекте вторично возникает как вариант произношения фонем */a/* и */e/*. В галицком гласный *e* в ауслауте имеет более заднюю артикуляцию, что следует считать влиянием украинского языка: *кисиде* 'никто'; *ы* в сочетании с предшествующим *к* переходит в закрытый *э*: *кыста-* > *к'эста-* 'тискать'.

Консонантизм. В обоих диалектах первоначальный тюркский *ң* во всех позициях в слове заменяется обычным для славянских (восточнославянских) *н*. В обоих диалектах исчез глубокозаднеязычный смычный *к* [q]. В тракайском диалекте он в ауслауте перешел в *х*, а в других позициях – в среднеязычный *к*. В галицком во всех позициях звук *қ* перешел к среднеязычному *к*. Исчезновение *қ*,

однако, не привело к исчезновению его звонкой пары ε [γ]. Последний сохранился в обоих диалектах, по-видимому, по той причине, что близкий к нему звук имеется и в славянских языках: украинском и белорусском⁸. В обоих диалектах появились губно-зубные ε , ϕ . Раньше в караимском языке существовал губно-губной проточный ε , а звука ϕ вовсе не было. В современном же караимском наряду с губно-губным ε существует и губно-зубной ε , а также губно-зубной ϕ .

Ранние лексические заимствования из славянских языков подчиняются фонетическим законам караимского языка: *мыгла* 'мгла, тьма', *хирен* 'хрен', *истеп* 'степь', *бервеня* 'бревно' и т.д. В позднейших заимствованиях не происходит подобных фонетических изменений, что связано с частичным нарушением в языке законов гармонии гласных, ассимиляции и сочетаемости согласных: *але* (польск.) 'но', *стена* и т.д. Нарушение гармонии гласных наблюдается в ряде аффиксов: *-мус*, *-адогон* и нек. др..

Ударение в современном караимском языке практически падает на любой слог слова, что также следует считать влиянием славянских языков, однако в большинстве слов сохраняется правило последнего слога.

Славянское влияние в морфологии. Чисто грамматических влияний славянских языков на морфологию караимского языка немного, что лишний раз подтверждает мнение об относительной устойчивости морфологической системы языков. Большинство славянских элементов, вошедших в систему морфологии караимского языка, представляет в конечном счете грамматические модели, свойственные славянским языкам во всех частях речи. Славянское влияние не ограничивается только заимствованиями слов и форм. Некоторые словообразовательные и словоизменительные модели образуются по славянскому типу и проявляют семантическую близость к славянским формам. Наряду

⁸ Ср. "Заднеязычный характер звука γ мы констатируем только для современного литературного белорусского произношения. В белорусских же диалектах ранее сделанные наблюдения констатируют гортанный, т.е. еще более задний характер этого звука" (*Т.П.Ломтев*. Грамматика белорусского языка. М., 1956, с. 37).

со знаменательными и служебными словами караимский язык заимствовал и некоторые славянские суффиксы и префиксы (таким образом, правило «аффиксы не заимствуются» не относится к караимскому языку).

Славянское влияние проявляется в различных частях речи. В имени **существительном**: а) появление аффиксов, обозначающих женский пол: *-ка*, *-ча/-ца*; б) широкое распространение уменьшительной формы на *-чах*; в) ограничение сферы употребления и тенденция к утрате аффиксов лица при именах (синтетический способ выражения категории лица при именах заменяется аналитическим способом: *Мен карай-мын* > *мен карайбарм* > *мен карай* 'я караим'); г) присоединение аффикса множественного числа *-лар* к именам, которые в тюркских языках употребляются лишь в единственном числе, а в славянских языках и во множественном числе: т. *этикляр*, г. *этик-лер* 'сапоги', т. *йаш-лар*, *йас-лар* 'слезы'; д) употребление в разговорной речи галицких караимов уменьшительного суффикса украинского языка *-ину* (*-унь*): *кыз-ину/кыз-ина* 'девочка'; *мам(а)-уню* 'мамочка'; *малах-уня* 'ангелочек'.

В имени **прилагательном**: а) образование превосходной степени прилагательных посредством славянской приставки *наи-*: т. *науңлурах* 'наибольший'; *наитеренряк* 'глубочайший'; б) образование прилагательных от имен посредством словообразовательного аффикса *-ский*: *карай-ский* 'караимский'; в) присоединение аффикса сравнительной степени *-рах* к производным словам на *-лы*, *-сыз*, которые караимами воспринимаются как качественные, поскольку их славянские эквиваленты принимают суффикс сравнительной степени.

Славянскими элементами в наречии являются слова-заимствования и слова-кальки, образованные по образцу славянских слов: *окром* (польск.) 'только', *аж* 'даже', *барыба* (*бары* 'все' + *ба* 'с') 'совсем' ('с + всем').

В имени **числительном** влияние славянских языков сказалось на правилах сочетания его с именами (см. далее).

В **местоимении**: а) употребление для образования отрицательных местоимений славянского префикса *ни-* (*не-*): *никайда* 'нигде', г. *не-кацанда* 'никогда'; *ни-кисиде* 'никто'; в

отличие от других тюркских языков отрицательные местоимения могут употребляться и без отрицательных форм глагола; б) сближение по семантике и употреблению притяжательных местоимений, образованных посредством аффикса родительного падежа, с притяжательными местоимениями восточнославянских языков; в) переход вопросительных местоимений в разряд вопросительно–относительных, г) образование указательного местоимения *этол* ‘тот’, упомянутый посредством сочетания русского указательного местоимения *это* и караимского *ол*; д) распространение сочетания нескольких местоимений, что не характерно для тюркских языков: *не бу андий* ‘что это такое’.

В глаголе: а) широкое распространение сложных глаголов, образованных по модели «славянский глагол в форме инфинитива плюс *эт*–». При этом славянский глагол воспринимается как имя: *жалет этти* ‘он пожалел’; б) выражение тюркской формой аориста только настоящего времени.

В служебных частях речи имеются следующие элементы славянских языков: а) предлоги *по*, *до*: *до джыматны йетти* ‘дошло до общины’, *по дунйаны* ‘по миру’; б) союзы *а*, *то*, *а то*, *але*, *пуки*, *но*. Как уже отмечалось, широкое распространение получило употребление вопросительно–относительных местоимений в функции союзов; в) модальные олова и частицы: *могет*, *може*, *оком*, *нехай*, *ага*, *же*.

Междометия в караимском языке почти полностью заменены славянскими. Подражательные олова почти исчезли, очевидно, по той причине, что в славянских языках они не имеют того большого значения, что наблюдается в тюркских языках, сохранивших древнейшие черты, и употребляются весьма редко.

Славянское влияние в синтаксисе. При анализе синтаксического влияния следует четко различать: 1) книжный язык – язык переводов Библии и молитвенников, где строго соблюдаются синтаксические правила языка–оригинала (древнееврейского языка) – этот синтаксис неправомерно рассматривать как синтаксис собственно караимского языка; 2) разговорный язык и язык светской литературы – этот синтаксис имеет много черт, характерных для славянских языков.

О способах **связи слов** в предложении: глагольное управление зачастую зависит от того, каким падежом управляет соответствующий глагол в славянских языках. Например, глаголы *оз-* ‘перегонять’ и *кал-* ‘отставать’ в тюркских языках управляют исходным падежом. В караимском же глагол *оз-* управляет винительным (*Мен аны оздум*), как в русском языке (‘Я его перегнал’). Глагол *кал-* управляет исходным падежом (*Мен андан калдым*), поскольку русский его эквивалент управляет родительным падежом с предлогом *от* (‘Я отстал от него’), что соответствует по семантике караимскому исходному падежу. Определение с определяемым согласуется в падеже, что не характерно для тюркских языков: *колуну онуну* ‘правую руку’, т. *мендян өзюмдян* ‘от меня самого’. Числительное с существительным согласуется в числе: т. *эки уланлар* ‘два мальчика’.

Нарушен порядок слов в притяжательном словосочетании: компоненты меняются местами по образцу славянских конструкций: *башнын чачы* > *чачы башымнын* ‘волосы моей головы’. Подобное происходит в определительном словоочетании с причастиями и именами: *алнында оптурадогон маймун* > *маймун олтурадогон алнында* ‘обезьяна, сидящая впереди’.

Порядок слов в распространенном предложении в караимском языке заменен славянским. В отличие от других тюркских языков члены предложения свободно могут меняться местами. Наиболее распространен следующий порядок слов: сказуемое – подлежащее – дополнение – обстоятельство (каждое с предыдущим или последующим определением): г. *Басланды анын каты тирлиги йангы орунда* ‘Началась его тяжелая жизнь на новом месте’.

Широко распространены инфинитивные конструкции, напоминающие славянские: т. *башлэйт ирлама* ‘начинает петь’, *йахлэйт айтма* ‘хочет сказать’ и т.д. Сужено употребление причастных и деепричастных синтаксических конструкций, широко распространенных в тюркских языках. Под влиянием славянских языков получили широкое распространение сложносочиненные и сложноподчиненные предложения (подробнее см. в разделе "Синтаксис").

Славянское влияние в лексике. Если славянские элементы в фонетике, морфологии и синтаксисе наблюдаются как в разговорном, так и в письменном языке, влияние в лексике больше заметно в

разговорном языке и менее характерно для письменных текстов. Письменный язык в большей мере сохраняет старые традиции. Разговорный же язык живо реагирует на воздействие окружающих языков. В разговорной речи караимов многие арабские, персидские и древнееврейские слова, которые употребительны в письменных текстах, заменяются славянскими. Подавляющее большинство славянских заимствований, употребляющихся в разговорном языке, относятся к существительным и глаголам. Славянские заимствования пронизывают всю лексическую систему караимского языка, например: рус. *боб*, *череп*, *олень*, *монета*, *паук*, *плащ*, *соловей*, *стан*, *танец* и т. д., польск. *але* 'но', *валас* 'вал', *цегла* 'кирпич', *фарст* 'стена', *малта* 'обезьяна' и т. д. Древнейшие славянские заимствования в караимском, такие, как *печь*, *изба*, *смола*, встречаются также в памятнике половецкого языка Codex Cumanicus.

По степени распространенности заимствованных славянских слов диалекты караимского языка можно разделить на следующие говоры: тракайский диалект: а) тракайско-вильнюсский говор – в речи старшего поколения преобладали белорусские и польские слова, в речи последующих поколений – русские и литовские; б) паневежский говор – очень мало славянских слов, но много литовских; галицкий диалект: а) луцкий говор, где преобладали русские и украинские слова; б) галицкий говор – в речи старшего поколения преобладали украинские и польские слова, а у последующих – украинские и русские.

Развитие лексики караимского языка, как и других его уровней, шло в направлении уменьшения тюркских слов и увеличения заимствований, главным образом русских. Забыты многие караимские слова, обозначающие, например, части тела: «пятка», «челюсть», «подбородок», «локоть», «мочевой пузырь», «указательный, безымянный пальцы», «мизинец» и т.д. Многие караимы забыли также исконные олова, выражающие понятия: «гнездо», «скала», «капля», «роса», «песок» и т.д., вместо которых в разговорной речи употребляют русские, украинские и польские олова. Но в письменной литературе вместо них употребляются караимские олова: *гуйа*, *кайа*, *тамчу*, *чых*, *кум*. Забыты также глаголы, образованные от подражательных слов со значением 'рычать', 'шипеть', 'куковать' и т.д. Вместо них употребляют сложные глаголы, образованные от

русских: т. *ит рычит этият* ‘собака рычит’. Еще в 30–е годы прошлого века в издаваемых караимами художественных произведениях, как оригинальных, так и переводных, было мало заимствованных славянских слов и максимально использовалась лексика переводов Библии, в которых караимский язык сохранял свою архаичность и чистоту. Но наряду с этим при помощи калькирования была создана масса новых слов, часть которых воспринималась как неестественные. Подобных новых слов много в луцких изданиях А.Мардковича, в паневежском издании переводов с русского языка И.Малецкого.

Караимская письменность

Каждый издатель при печатании книг и журналов на караимском языке выбирал тот или иной алфавит, сообразуясь с местными условиями, и применял его своему усмотрению. Общепринятого единого письма не было. Караимы пользовались еврейским, латинским и русским алфавитами. Шире употреблялись еврейский и латинский. Латинская алфавитная система существовала на основе польской графики в Луцке и Вильнюсе. В Паневежисе при издании караимских текстов пользовались латинским алфавитом на основе литовской графики. Еврейский алфавит не может передать ряд фонетических особенностей караимских диалектов: например, *ч* и *ц* обозначаются одним знаком צ , *ш* и *с* – знаком ש . Гласные в еврейском письме обозначаются подстрочными диакритическими знаками и могут быть опущены (как и в арабском письме), но эти свойства еврейского письма были приняты караимами.

При пользовании еврейским алфавитом караимы, говорящие на тракайском диалекте, могли свободно читать и понимать текст, написанный на галицком диалекте, и наоборот. Правда, иногда возникают некоторые трудности в установлении диалектной принадлежности текстов. Так, например, слово קרונולע ‘страшный’ на тракайском диалекте читается [корхунчлу], на галицком – [коркунцлу]. В подобных случаях принадлежность текста к тому или иному диалекту можно определить по обозначению некоторых гласных или грамматическим формам. Так слово כיעיל можно читать только как [кицли] ‘сильный’, следовательно, данный текст относится к га-

лицкому диалекту. В тракайском диалекте это слово писалось бы כיווייל [кючлю]. В данном случае диалекты узнаются по обозначению гласных (י' – ю, ' – и). Диалектную принадлежность иногда можно установить и по согласному: וַדַּי [вагдайны] ‘твое обещание’ – тракайский диалект, поскольку здесь имеется переход *н > й*; וַדַּנַּי [вагданны] – галицкий диалект, поскольку здесь отсутствует переход *н > й*.

Таблица

Алфавиты, использованные караимами

Русский	Еврейский	Латинский	
		на основе польской графики	на основе литовской графики
а	א	a	a
б	ב	b	b
в	ו ב	w	v
г	ג	g	g
	ג ה ע	h	h
д	ד	d	d
е	—	ie	e, ie
ё	—	io	io
дж	ז	dž	dž
з	ז	z, ź	z

Таблица (продолжение)

Русский	Еврейский	Латинский	
		на основе польской графики	на основе литовской графики
дз	דז	dz	–
и і	י	i	i
й	י	j	j
к	קב	k	k
л	ל	il	l
м	ממ	m	m
н	נן	n, c	n
о	ו	o	o
	ו	ц	ц
п	פ	p	p
р	ר	r	r
с	ש	s	s
т	טט	t	t
у	ו	u	u
	וי	ũ, iu	ь
ф	פ	f	f
х	פ	ch	ch
ц	צ	c	ts
ч	צ	cz	č
ш	ש	sz	š
ы	-	y	y
ь	-	-	-
ь	-	-	-
э	-	e	é
ю	וי	iu	iu
я	י	ia	ia

Место караимского языка среди тюркских языков

Караимский язык впервые был введен в классификационную схему тюркских языков А.Н. Самойловичем⁹. По этой классификации караимский язык относится к обширной северо-западной, или кыпчакской, группе тюркских языков, характерными признаками которой автор выдвигает фонетические признаки: *й, бол, у* (тау). При последующем дроблении этой группы А.Н. Самойлович включает караимский язык в одну из домонгольских групп, в которую входят также кумыкский, карачаево-балкарский и татарский языки. Т. Ковальский¹⁰ и А. Зайончковский¹¹ объединяют в одну группу с караимским карачаево-балкарский язык и мертвые кыпчакский, куманский, язык половецких армян. Ж. Дени объединяет в один язык под общим названием "команский" следующие языки: 1) половецкий (по Codex Gumanicus), 2) половецких армян (Armeno-Coman) и 3) караимский (Hebreo-Coman)¹². С.Е. Малов, строивший свою классификацию на противопоставлении новый – древний, включил караимский язык в группу древних языков наравне с азербайджанским, огузским, половецким, саларским, тувинским и др.¹³. По классификации Н.А. Баскакова караимский язык вместе с кумыкским, карачаево-балкарским, крымтатарским, а также древним кыпчакским (половецким) языком отнесен к кыпчакско-половецкой подгруппе кыпчакской группы западнохуннской ветви тюркских языков¹⁴. И.

⁹ А.Н. Самойлович. Некоторые дополнения к классификации тюркских языков. Пг., 1922, с. 10–11.

¹⁰ T. Kowalski, Karaimische Texte im Dialekt von Troki. Krakow, 1929.

¹¹ A. Zajaczkowski. Krytyki wykiad gramatyki jkzyka Zachodnio-karaimskiego (narzecze Jucko-Halickie). Juck, 1931.

¹² J. Denu. L'arméno-Coman et les Ephymyrides de Kamienc (1604-1613). Wiesbaden, 1957.

¹³ С.Е. Малов. Древние и новые тюркские языки // Изв. ОЛЯ АН СССР, сер. лит. и яз., 1952. Т. XI, Вып. 2.

¹⁴ Н.А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962, с. 233–235.

Бенцинг, который писал, что «...среди тюркологов нет единогласия по вопросу классификации тюркских языков, что вполне понятно, так как тюркские народы постоянно перемешивались друг с другом», в основание своей классификации положил географический принцип, караимский язык вместе с карачаево-балкарским и кумыкским выделен в отдельную подгруппу *Ponto-Caspian group* – западнотюркских (кыпчакско-команских) языков¹⁵. При этом И. Бенцинг оговаривается, что грамматические особенности этой группы в полной мере не исследованы, поэтому классификация языков западной группы весьма гипотетична. И наконец, по классификации К. Менгеса¹⁶ языки полонецкий, караимский, карачаево–балкарский, крымско–татарский, кумыкский включены в закаспийскую группу, т.е. его классификация совпадает с классификацией Н.А. Баскакова.

Как видно из сказанного, среди тюркологов отсутствует единое мнение и единые критерии и в вопросе определения ближайших родственников караимского языка. Т. Ковальский, А. Зайончковский, Ж. Дени, Н.А. Баскаков, И. Бенцинг и К. Менгес близко подошли к решению этой задачи, значительно сузив круг близкородственных караимскому тюркских языков. Однако указанные исследователями конкретные сходные черты, выбранные как особенности лишь этой группы языков, в которую включается караимский язык, при более внимательном рассмотрении оказываются характерными и для других тюркских языков – это следствие недостаточной изученности тюркских языков, особенно той группы, в которую входит караимский язык.

Исторические связи караимского языка с разными тюркскими языками отражены в фольклоре, например, в народных стихах и песнях периода расцвета хазарского государства: *Лапа–лапа қар йава, Эрби баба қой сойа, Хазар оглу ат чаба, Байларымыз той чала* ‘Снег идет хлопьями, дед Эрби режет барана, хазарский сын скачет на коне, наши богачи устраивают пир’; *Ата миндим сагдагым вар, Сагдагымда ўч оқым вар, Ўчи билен ўч йат урсам, Хазар бийден тартагым вар* ‘Я сел на коня, у меня (есть) колчан, в

¹⁵ *Philologiae Turcicae Fundamenta*. Wiesbaden 1959, T. I, p. 1.

¹⁶ Там же, с. 6.

нем (есть) три стрелы, если я тремя стрелами убью трех врагов, получу подарок от начальника–хазара¹⁷.

Сравнительный обзор лексики караимского языка с другими языками показывает, что караимы довольно длительное время общались с предками современных осетин на Северном Кавказе и с предками современных чувашей в районе Волги и Каспийского моря. Доказательством могут служить чувашско–караимские параллели: чув. *пелтек* – кар. *белтек* (ср. болг. *белтек*) ‘заика’; чув. *саерае* (венг. *guiri*) ‘кольцо’ – кар. *чювря* ‘вокруг’; чув. *арня кун* – кар. г. *айне кин* ‘пятница’; чув., кар *кермен* ‘крепость’; чув. *хорав/хурав* – кар. *карув* (ср. монг. *кару*) ‘ответ’; чув. *авкалан*– ‘изгибаться, корчиться’ – кар. *авкалан / окалан* ‘валяться в пыли, в порошке’. Некоторые древнееврейские слова в чувашский вошли, по–видимому, через караимский: чув. *тора* ‘бог’ – кар. *тора* ‘закон, Библия, Ветхий завет’. О связи караимов с предками осетин говорят осетинско–караимские параллели в области животноводческой лексики: осет. *цыхт/цыгд* – кар. *чыгыт/цыгыт* ‘сыр’ (ср. также чув. *чакат* ‘сыр’, осет. *ахсаен* – кар. *аксын/ахсын* ‘желудок, сычуг’). Движение этих слов шло, по–видимому, в направлении от иранских языков к караимскому. От тюркских к иранским переходили следующие слова: осет. *цетена* – кар. *цетен/четян* ‘корзина’, ср. также карач. *четен* ‘корзина’; осет. *аслан* ‘дешевый’ – кар. *аслан* ‘выгода’, ср. в других тюркских языках *аслам* ‘выгода’. Имеются слова, вошедшие из других языков и локализованные на Северном Кавказе и в прилегающих к нему районах: осет. *айван* ‘насмешка, издевка, глумление’, кабард. *аван* ‘издевка, глумление’ (это слово пришло из древнееврейского, очевидно, через караимский, ср. *аван* ‘грех, зло’ от евр. *гавон* ‘грех, преступление’); осет. *алэм* ‘обрядовый предмет вроде знамени’ – кар. *алам* ‘знамя’ (арабского происхождения, имеется также в персидском, грузинском, турецком, ингушском языках); осет. *айнаг* ‘гладкий’ – кар. *айныг* ‘ясный, трезвый’; осет. *барыски/ бараскае* ‘пост, траур’ – кар. т. *бараски* – день Святой Прасковьи, пятница’, *кичи бараски* ‘четверг’.

17. *شايشال اوغلى سورييا .*
تريچر قرايى توركلرن. تورك يپلى. استانبول
1928.

имеются они также в грузинском, чеченском, убыхском и кабардинском языках.

Анализируя осетинское слово *косарт* (< др.-евр. *кашер*) 'заколотое для трапезы животное', В.И. Абаев появление конечного *t* в осетинском слове предположительно относит к особенностям хазарского языка¹⁸. Следует отметить, что вставка конечного *t* характерна в ряде случаев и для караимского языка: *нафст* (< *нафс*) 'страсть', *сибиртки* (< *сибир+ки*) 'метла', *йокт* 'нет', *айтмаст* 'он не скажет'. г. *барст* (< *барс*) 'тигр' и т.д.

Имеется предположение о существовании ч-диалекта и ц-диалекта в хазарском языке¹⁹, что отражается в наиболее полном виде в существующих диалектах караимского языка.

Сказанное может служить в какой-то мере подтверждением гипотезы о тесной и непосредственной связи караимов с хазарами в далеком прошлом.

Фонетический, грамматический и лексический строй тюркских языков не имеют между собой больших расхождений. Различия касаются, как правило, деталей. Так, например, основные модели и показатели словоизменительных, иногда и словообразовательных категорий в тюркских языках в основном почти одинаковы, различия часто обусловлены фонетическими и семантическими особенностями того или иного языка. Специфика каждого тюркского языка проявляется при сопоставлении его с другими тюркскими языками. Чем больше противопоставлений, тем очевиднее особенности данного языка.

Современные кыпчакские языки можно разделить на три подгруппы: 1) восточнокыпчакские – казахский, каракалпакский, ногайский и киргизский; 2) северокыпчакские: татарский и башкирский; 3) западнокыпчакские (или) закаспийские – крымтатарский, кумыкский, карачаево-балкарский и караимский. В последнюю группу также входят половецко-куманский и армяно-куманский²⁰.

¹⁸ В.И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. с. 332.

¹⁹ См.: Н.А. Баскаков. Указ. соч., с. 196.

²⁰ К.М. Мусаев. Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М., 1964; см. также: К.М. Мусаев. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975.

Специфические черты караимского языка отчетливее обнаруживаются при сопоставлении его с восточной, среднеазиатской и южной группами тюркских языков, больше общих черт с западной подгруппой кыпчакских языков, в которую он входит: из живых – с карачаево-балкарским, крымтатарским и кумыкским языками, из мертвых (по памятникам – с языками половцев-куман и половецких армян. К сожалению, западнокыпчакская подгруппа кыпчакских языков относится к наименее исследованной, что затрудняет сравнительный анализ.

Сопоставление языков указанной подгруппы показывает, что наиболее близким к караимскому языку, особенно его тракайскому диалекту, является язык половецких армян, известный по документам из Каменец-Подольска. На втором месте (в равной близости) стоят языки памятника «Codex Cumanicus» и карачаево-балкарский язык, имеющие сходные черты как с тракайским, так и с галицким диалектом караимского языка; на третьем месте – крымтатарский язык, в особенности его степные диалекты, менее подвергнутые влиянию турецкого литературного языка, и, наконец, в отдалении стоит кумыкский язык, представляющий собой переходный тип к огузской (южной) группе. В таком же отдалении стоит ногайский язык, который тяготеет к восточной подгруппе кыпчакских языков (как известно, ногайцы переселились на нынешние территории позже – в XVII в.).

Данный вывод сделан на материале старого состояния караимского языка. Что же касается позднего состояния караимского языка, то аналогичные явления можно наблюдать в языке половецких армян и в гагаузском, также претерпевших сильное влияние славянских языков в фонетике, синтаксисе и лексике.

Западнокыпчакская подгруппа языков характеризуется наличием восьми гласных фонем и неустойчивостью девятой гласной фонемы *ə* (аналогичное явление отмечено и в гагаузском языке, где *ə*, в отличие от других южных языков, в корнях не употребляется, а

содержится в аффиксах и ауслауте). Широкие губные *o*, *ö* могут употребляться лишь в первом слоге. Нарушена нёбная гармония гласных.

Некоторые особенности вокализма караимского языка характерны и для других тюркских языков, не относящихся к западнокыпчакской подгруппе. Например, переход губных гласных в негубные характерен для галицкого диалекта караимского языка и диалектов ногайского, туркменского и азербайджанского языков. Чередование передних и задних гласных, столь характерное для диалектов караимского языка, отмечено и в диалектах азербайджанского языка.

Консонантизм западнокыпчакской подгруппы также единообразен, за исключением фонем *q*, *jq*, которые в некоторых языках отсутствуют или переходят соответственно в *x*, *dз/ч*. Явление *n + л > њл*, характерное для тракайского диалекта, отмечено и в говорах крымтатарского языка. Выпадение конечного *k*, *k'* при присоединении уменьшительного аффикса *-чык* характерно для караимского и крымтатарского языков. Переход *k > x*, свойственный тракайскому диалекту караимского языка, отмечен в карачаево-балкарском и в языке полонецких армян, а также в диалектах "дальнеродственных" языков – ногайского, татарского, узбекского и туркменского. Переход *ɲ > й*, характерный для тракайского диалекта, отмечен также в диалектах и говорах узбекского, азербайджанского и киргизского языков. Чередование *c > ш*, служащее одним из дифференциальных признаков диалектов караимского языка, имеется также в диалектах ногайского языка. Метатеза согласных *p ↔ й* в слове *кырый* (кыйыр) 'край. граница', имеет место в ногайском языке и в тракайском диалекте караимского языка.

Как явствует из приведенного, в фонетике данной подгруппы языков много общих черт с караимским языком. Однако имеются и расхождения. Например, ближайший к караимскому – язык полонецких армян имеет с ним расхождения, которые в тюркологии принято считать классификационными признаками: *ол-* ~ кар. *бол-* 'быть'; *д* (*öлдюр*) ~ кар. *т* (*öлтюр-* 'убивать'), афф. *-джы* (*тамгаджы*) ~ кар. *-чы* (*тамгачы*) 'тавровщик'; наличие первоначального заднеязычного носового *ɲ*, который исчез в караимском языке: *се-*

ниң; сохранение в конце слога *ɣ*, *ɟ*, которые в караимском языке переходят в *в*: *түгүл* ~ кар. *түюль* 'не', *огул* ~ кар. *увул* 'сын' и т.д. Карачаево-балкарский язык отличается начальным *ж* на месте караимского *й* (*жети* ~ *йеди* 'семь'), эта черта сближает карачаево-балкарский с казахским. В карачаево-балкарском *т* соответствует кар. *д* (*тёрт* ~ *дёрт* 'четверг'). Крымтатарский и половецко-куманский языки сохранили велярные *к*, *ң* и древнее сочетание звуков *ог*: *оглу* 'его сын', *огры* 'вор' и т.д. Кумыкский язык отличается наличием начального *ɟ*, характерного для огузских языков, что соответствует караимскому *к*: *гёз* ~ *кёз* 'глаз'.

В морфологии западнокыпчакская подгруппа тюркских языков отличается большей монолитностью, чем в фонетике. Главнейшие продуктивные словообразовательные и словоизменительные аффиксы одинаковы, различия относятся к деталям.

Аффикс множественного числа имеет лишь два варианта: *-лар* / *-лер*. Разделительные числительные образуются посредством аффикса *-ар/-шар*, по этому признаку ногайский язык (восточнокыпчакский) сближается с данной подгруппой и отдалается от своих ближайших казахского и каракалпакского языков. Неопределенные местоимения образуются посредством аффикса *-эседа*, наречия – посредством аффикса *-лай/-лей*, в качестве живой формы деепричастия выступает аффикс *-майын* (*-мадын/-матын*) и т.д. Однако имеются и некоторые расхождения между ними. Например, в отличие от караимского, в языке половецких армян, половецко-куманском и крымтатарском языках форма настоящего времени образуется посредством аффикса *-йир*, что характерно для огузских языков. В последних и в кумыкском, так же как и других кыпчакских, имеется причастие будущего времени на *-р*. Оно отсутствует в караимском языке, что объясняется, по-видимому, поздней эволюцией его грамматического строя. В языке половецких армян существует форма повелительного наклонения на *-кил/-гил*, а в половецко-куманском – деепричастие на *галы*, что характерно для казахского и других тюркских языков, но отсутствует в караимском. В карачаево-балкарском существует двадцатиричная система счета, заимствована, по-видимому, из языка предков осетин и отсутствующая в караимском и других тюркских языках.

Из других "более отдаленных" групп тюркских языков с караимским сближаются по форме некоторые чувашские слова, например: *ем-ешел* 'совершенно зеленый', чув. *авалхилле* ~ кар. *авалгыплэй* 'по-старинному' и т.д. С караимской идентична гагаузская форма инфинитива на *-ма* вместо южной на *-мак*.

В караимском языке имеются и некоторые элементы огузских языков, например, в ряде слов встречаются начальные звонкие *г, д*: *гёл* 'озеро', *гертмя* 'груша', *дёрт* 'четыре', однако по сравнению с другими языками западнокыпчакской подгруппы в караимском огузских элементов значительно меньше, чем, например, в кумыкском и крымтатарском.

В лексике караимского языка сохранились многие древние тюркские слова: *йав* 'жир', *чирим* 'дремота'; *кирпя* 'овечья шкура', *тиря-* 'рожать', *цбгя* 'предок', *тарлав* 'поле', *утру* 'против', *цксюз* 'сирота', *бутар* 'добыча' и т.д., которые имеются не во всех языках не только данной подгруппы, но и шире – в кыпчакских языках.

Весьма оригинальные в караимском языке названия месяцев, отражающие древний быт и представления караимов: *артарых ай* 'апрель', *курал ай* 'май', *баикусхан* 'июнь', *йаз ай* 'июль', *улаг ай* 'август', *сырых (чирик) ай* 'сентябрь', *айрыхсы ай* 'октябрь', *кюзь ай* 'ноябрь'. *согум ай* 'декабрь', *кыш ай* 'январь', *кара кыш ай* 'февраль', *сювюнч ай* 'март', *артых ай* 'март – апрель' (тринадцатый месяц).

Лексика караимского языка в основной, более старой части, мало отличается от лексики языка половецких армян. Различия касаются главным образом заимствований: в языке половецких армян преобладают армянские слова, вместо которых в караимской лексике употребительны древнееврейские. Лексика же половецко-куманского языка во многом идентична караимской²¹.

Своеобразие характерно для данной группы тюркских языков также в названиях дней недели, анализ которых дает некоторый материал о взаимоотношениях разных народов. Из семи названий совпадают в языке половецких армян, карачаево-балкарском и караимском: 'воскресенье' – *йех кюн*, 'понедельник' – (*йех*) *баиш кюн*,

²¹ К.М. Мусаев. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975.

‘суббота’ – *шеббат (шапатэ кюн)*, в названиях остальных дней языки расходятся ‘среда’ в караимском и половецко-армянском *хан кюн (хаин кюн)*, в карачаево-балкарском *орта кюн*. Названия четверга и пятницы в языке половецких армян совпадают с галицким диалектом караимского языка – *кичайна кюн, айна кюн*; в карачаево-балкарском ‘четверг’ – *барас кюн*, ‘пятница’ – *байрам кюн*, в тракайском диалекте ‘четверг’ – *кичи бараски*, ‘пятница’ – *бараски* (что отражает связи с христианским миром). Название вторника разное в разных языках: кар. *орта кюн*, карач.-балк. *гюрге кюн*, в языке половецких армян *погари кюн*. Особо стоят названия дней недели в кумыкском и крымтатарском языках. Как явствует из приведенного, в названиях дней недели в этих языках встречаются еврейские, греческие, персидские, арабские и тюркские слова, указывающие на взаимосвязь разных культур²².

Лексика караимского языка имеет и свои специфические черты, отличные от остальных языков (западнокыпчакской подгруппы). Например, кар. *өз* ‘самость, сущность’ ~ полов.-арм. *кенс*, карач.-балк. *кес*; кар. *куйаиш* ‘солнце’ ~ полов.-арм. *гунаиш*; кар. *карув* ‘ответ’ – в других западнокыпчакских языках *джавап*; кар., полов.-арм. *сатын ал-* ‘купить’ – кр.-тат. *сатып ал-*, ср. тур., туркм. азерб. *сатын ал-*; кар. *тувар* ‘скот’, балк. ‘крупный рогатый скот’; кар. *арув* ‘чистый’, карач.-балк. – ‘красивый’ (как в казахском); полов.-арм. *хулхутан*, каз. *кулкутан* ‘слуги’ (в караимском нет) и т.д.

Заимствования из неродственных языков в караимском языке включают арабские, персидские, древнееврейские, славянские (главным образом – русские и польские), греческие, итальянские, древние иранские, литовские слова. Имеются также караимско-монгольские параллели, в большинстве – характерные и для других тюркских языков. Но есть и слова неизвестного происхождения, которые еще не изучены.

Сравнительное исследование лексики западнокыпчакской подгруппы, кыпчакской группы тюркских языков, с одной стороны, и чувашского и северокавказских языков, с другой – может пролить свет на историю как караимов, так и некоторых других народов.

²² К.М. Мусаев. Названия дней недели в западнокыпчакских тюркских языках // Советская тюркология, 1972, № 4.

В.И. Абаев считает, что осетинские элементы в карачаево-балкарском языке – не результат новейшего заимствования из современного осетинского, а наследие старого алано-тюркского смешения (В.И. Абаев считает аланов предками только осетин. – *К.М.*), происходившего на территории от Терека до верхней Кубани²³. Караимы, как известно, в течение последних восьми – девяти веков не имели контактов с осетинами.

Анализ языковых материалов дает возможность предположить, что следы языка хазар следует искать в языке половецких армян, половецко-куманском, карачаево-балкарском и караимском языках, составляющих единую группу, которую можно было бы выделить среди западнокыпчакских языков как хазаро-половецкую. Сюда же примыкал старый крымтатарский язык, особенности которого сохранились в степных (северных) его говорах, сформировавшихся на базе ногайских говоров в Крыму в XVIII в.

Одной из особенностей караимского языка является наличие цоканья в галицком диалекте. Наличие звука *ц* вместо *ч* характерно и для некоторых других языков западнокыпчакской подгруппы: половецко-куманского и карачаево-балкарского. Наличие цоканья в перечисленных языках можно рассматривать как один из классификационных признаков, объединяющих эти языки. В наиболее полном виде цоканье представлено в галицком диалекте караимского языка, где вся система шипящих перешла в систему свистящих: *ч* > *ц*, *ш* > *с*, *дж* > *дз*, *ж* > *з*. В черекском и хуламобезенгинском диалектах карачаево-балкарского языка в этом ряду недостает лишь *ш* > *с*²⁴. По-видимому, и в диалектах языка половецких армян и половецко-куманского языка чередование шипящих и свистящих происходило последовательно, однако нам известны лишь звуки *ц* и *дз*. Цоканье обнаружено также в ордубадском диалекте азербайджанского языка, в мишарском и тевризском говорах языка сибирских татар (Омская область), в языке сибирских бухарцев и ташкентцев.

²³ В.И. Абаев. Указ. соч., с. 275.

²⁴ Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору. Нальчик, 1962, с. 15.

Таким образом, выявляются две области распространения *ц* в тюркских языках, разделенные огромным расстоянием: 1) Северный Кавказ и Азербайджан и 2) Сибирь. Распространение *ц* в этих регионах можно объяснить, по-видимому, разными причинами. В первом – это результат взаимосвязей с языками народов Кавказа (предков иранцев-осетин, кабардинцев и т.д.), а во втором, по-видимому, сказывается роль монгольского субстрата²⁵ Эти два цокающих региона тюркских языков соединяются языковой областью, в которой *ш* перешел в *с* – хакасский, якутский, казахский языки. Однако в этих языках другие шипящие не переходят в соответствующие свистящие.

В галицком диалекте караимского языка переход шипящих в свистящие сопровождается такими явлениями, как переход переднерядных губных в негубные (*ö* > *э*, *ỵ* > *и*), что не отмечено в других цокающих говорах тюркских языков. Это явление особо выделяет галицкий диалект среди других тюркских языков.

Сказанное выше говорит о том, что изучение диалектов слабо исследованных тюркских языков дает богатейшую материальную базу для сравнительно-исторических исследований, для построения новых классификаций тюркских языков, основанных на данных диалектологии, А ргіогі можно утверждать, что почти в каждом из современных тюркских языков, имеющих диалекты и говоры, в той или иной степени наличествует большинство фонетических классификационных признаков (*б* ~ *м*, *ш* ~ *с*, *з* ~ *ж*, *д* ~ *р* ~ *з* ~ *ц*, *т* ~ *д*, *к* ~ *г* и т.д.).

Диалектные материалы также показывают, что при классификации тюркских языков одну из важных ролей должны играть аномалии языка.

Диалектное членение караимского языка

Понятия "Караимский язык" и "Язык караимов" не идентичны. Под "караимским языком" в тюркологии принято обычно называть

²⁵ О цоканье в монгольских языках см. *Г.Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953, Ч. I, с. 91-96.*

точнее "язык западных караимов"²⁶ или западнокараимский язык.

Он делится на два главных диалекта: тракайский и галицкий. На тракайском диалекте (название произошло от имени города Тракай или Троки, где более компактно проживает основная масса караимов) говорят караимы Литвы, живущие главным образом в городах Тракай, Вильнюс, Паневежис. На галицком диалекте говорят караимы, проживающие в регионе города Галич и поселка Залуква Ивано-Франковской (бывш. Станиславской) обл. Украины. Этот диалект раньше назывался также "луцко-галицким", когда значительное число караимов жило в городе Луцке, который в течение ряда лет был их культурным центром, где издавались караимский журнал и книги на караимском языке.

Разница между тракайским и галицким диалектами количественно невелика, однако она сводится к весьма существенным свойствам в фонетике. Это приводит к тому, что представители разных диалектов в разговоре часто не понимают друг друга.

Существует мнение о том, что современный язык караимов Крыма представляет собой восточный диалект караимского языка²⁷ Однако вопрос о восточном или крымском диалекте караимского языка не простой. С чисто научной точки зрения не совсем правомерно включать язык, на котором говорит часть единого народа, проживающего на разных отдаленных территориях, в общенародный язык, лишь на основании их общего этнического названия. Например, караимы на территориях присредиземноморья говорят на семитских языках, евреи Восточной Европы говорят на языке германской семьи и т.д. В прошлом караимы Крымского полуострова, а также Литвы и Украины до их переселения на новые места, несомненно, говорили на одном языке. Сейчас можно условно выделять крымский диалект караимского языка, называя его "языком крымских караимов". Однако язык крымских караимов с течением времени ассимилировался с близкородственным языком численно превосходящего местного населения – крымтатарским и

²⁶ См. *A. Zajaczkowski*. *Krytki wykiad ...*, с. 5.

²⁷ *O. Pritsak*. *Das Karaimische // Philologiae Turcicae Fundamenta*. Wiesbaden, T.I. 1959, с. 320.

потерял многие отличительные черты, которые сохранили диалекты западных караимов. Правда, некоторые особенности караимского языка сохранились в Крыму в древних рукописях, главным образом в переводах Библии. Но язык и этих рукописей во многом ближе к крымтатарскому языку, чем тракайскому или галицкому диалектам. Поэтому в настоящее время дать описание крымского диалекта означало бы описать крымтатарский язык, что не входит в задачу данной работы.

Грамматический очерк «Язык крымских караимов», опубликованный О.Я. Прик, признан специалистами описанием крымтатарского языка (за редким исключением в лексике наличие древнееврейских элементов).

Крымские караимы в отличие от западных в течение многих веков имели интенсивные контакты с другими тюркоязычными народами: с турками, ногайцами и особенно с крымскими татарами, что оказало большое влияние на их язык.

Интересные данные об окружавших крымских караимов народах дают караимские названия крымских татар. Так например, местных татар караимы Евпатории называют *ногайлар*, а Феодосии – *татарлар*. Бахчисарайские караимы местных татар называют по их религии – *муслманлар*, а степных – *ногайлар*.

Язык крымских караимов отличается от языка западных караимов (как и вообще кыпчакские языки) преимущественно в фонетике и лексике. Морфологические различия связаны в основном с наличием в языке огузских элементов и сохранением тюркских черт. Различия в синтаксисе характеризуются сохранением тюркского порядка слов а языке крымских караимов. В Крыму происходило постепенное смещение местных караимов с западными и турецкими, что отразилось в их фамилиях, например, с одной стороны – чисто крымские: *Балджи, Эрби, Кылджы, Бурунсуз*; с другой – западные: *Троицкий, Дубинский, Ельяшевич* и т.д. Это создавало некоторые языковые барьеры между караимами, которые в разговоре употребляли больше знакомый и западным и крымским караимам русский язык, что также способствовало исключению из употребления родного языка.

Язык крымских караимов функционировал в трех стилевых разновидностях: 1) литературный язык, 2) книжный язык и 3)

разговорный язык. Литературный язык, представляющий собой по существу крымтатарский литературный язык со всеми его особенностями. Сюда же относится язык *меджум* (язык рукописных сборников сказок, рассказов, стихов и пьес караимских писателей), который имеет много особенностей, не свойственных разговорному языку, хотя в меджумах широко представлены элементы разговорного языка.

Язык этих произведений можно характеризовать словами А.Н.Самойловича, высказанными о крымтатарском литературном языке: «Во всем своем объеме он становится понятен крымским татарам после специального изучения»²⁸ Этот язык многие караимы в быту называют "культурным языком", доступным образованным людям. Т. Ковальский указывал, что материалы В.Радлова в VII томе (СПб., 1896) «Образцов народной литературы тюркских племен», представленные как караимские (крымские), в языковом отношении стоят на одной ступени с литературными произведениями крымских татар и местами даже до того османизированы, что создается впечатление не турецкого ли они происхождения (см. Ков. XXV). Сам В.В. Радлов по этому поводу писал: «Я считал единственно правильным ограничиться литературными произведениями караимов, стоящих в отношении языка на одном уровне с образованными татарскими горожанами, с тою только разницею, что османское влияние ограничено настолько, насколько оно фактически существовало в начале нашего столетия», т.е. таким образом язык караимов признавался языком более кыпчакского типа, как и язык степных крымских татар. Например, в литературном языке мы имеем: *гелдiм* 'я пришел', *бен* 'я', *эйтiрм* 'я скажу', *эчи* 'горький', *кадын* 'женщина', *зиаде* 'свыше', которые в разговорном языке соответственно произносятся *келдiм*, *мен*, *айтырм*, *ачы*, *катын*, *зиада*. В литературном языке употребительно слово *севинч* 'радость', которое в разговорном заменяется словом *куанч* и т.д.

²⁸ А.Н. Самойлович. Опыт краткой крымско-татарской грамматики, СПб, 1916, с. 8.

В Меджума записывались в основном произведения караимского устного народного творчества, но вносились также турецкие и крымтатарские песни и сказки.

Книжный язык – это язык переводов Библии и молитвенников. Печатная Библия появилась впервые в 1841 г. в г. Гёзлеве (Евпатория). В языке этого издания бросается в глаза особый синтаксис – синтаксис оригинала (древнееврейского языка). Религиозная литература переводилась на караимский язык с сохранением порядка слов оригинала. Поэтому, хотя все слова в подобных текстах принадлежат караимской лексике, язык их не всегда понятен основной массе караимов и требует от последних специального обучения. Поэтому владение литературным, книжным языками, так же как и древнееврейским языком, получившим распространение среди караимов, было достоянием в основном образованной и богатой части караимов.

Разговорный язык имеет отличия как от литературного, так и от книжного языка. Он имеет ряд кыпчакских свойств, отсутствующих в крымтатарском языке. Разговорный язык караимов Бахчисарая и Евпатории имеет большую общность и проявляет некоторые отличия от языка феодосийских караимов, в котором имеют место огузские элементы.

Разговорный язык крымских караимов имеет такие отличительные черты от литературного, которые в тюркологии принято считать классификационными признаками огузских и кыпчакских языков: *бол*- вместо литературного *ол*- ‘быть’, *қол* вместо лит. *эл* ‘рука’, *май* вместо лит. *йағ* ‘жир’, *мен* вм. лит. *бен* ‘я’; причастная форма на *-ган* вместо лит. *-мыш*, послелог *билен* вместо лит. *ила* и т.д. Разговорный язык крымских караимов сближается со средним диалектом (орта йолак) крымтатарского языка, по крайней мере

еще в конце XIX в. его трудно было отличить от крымтатарского при беглом обзоре.

Особенности, которые отличают язык крымских караимов от языка западных караимов

В вокализме: фонема *ö* употребляется не только в анлауте (что наблюдается также в тракайском диалекте), но и в инлауте: *öpnek* ‘целовать’, *öksüz* ‘сирота’, *kök* ‘синий’, *töшек* ‘постель’; фонема *ü* не является йотированной и употребляется во всех позициях в слове: *ür-* ‘дуть’, *bügün* ‘сегодня’, *kün* ‘день’, *küldü* ‘он смеялся’. Наличие характерных для кипчакских языков узких редуцированных гласных *i*, *ы*, которые в языке западных караимов перешли в полные гласные (напоминающие русские *и*, *ы* в слове *кино*, *тыл*): крымский – *кыз* (*кьз*), западный – *кыз* ‘девушка’.

В разговорном языке под влиянием литературного языка иногда *a* переходит в *э*: *айна* > *эйне* ‘зеркало’. Спорадически встречается огубление *i* под влиянием губного согласного: *kim* > *күм* ‘кто’.

В консонантизме: сохранение *ç* и *ң*, которые в языке западных караимов перешли в другие согласные, например: *қазан* ‘котел’, *ақыл* ‘ум’; *атың* ‘твой конь’, *эңсе* ‘затылок’; увулярный *ɣ* сохранился в языке крымских караимов, тогда как в языке западных караимов он несколько продвинут в заднюю часть языка (вперед).

Для языка крымских караимов характерно сохранение некоторых архаичных черт, которые исчезли в языке западных караимов: наличие *к*, *қ* в интервокальной позиции в корневых морфемах: *ақа* ‘дядя’, *йоқары* ‘вверх’, *секиз* ‘восемь’, *доқыз* ‘девять’; наличие *ɣ* в инлауте и ауслауте (в диалектах западных караимов он переходит в *в*): *дағ* ‘лес’, гора’, *ағыз* ‘рот’; ср. у западных караимов: *тав*, *авуз*.

Некоторые особенности консонантизма языка крымских караимов представляют результат влияния огузских языков: непоследовательность начального *д/т*: *демир* ‘железо’, *дөрт* ‘четыре’, *диңле* ‘слушай’, *деңиз/теніз* (в Феодосии – *деңиз*) ‘море’, *терең* ‘глубокий’, *төшек* ‘постель’. Чередование *к/г* в языке бахчисарайских караимов: *күн/гүн* ‘день’, *көр-/гөр-* ‘видеть’. В Феодосии в анлауте последовательно употребляется *г*: *гөзлерім гөрмез олду* ‘мои глаза ослепли. В Бахчисарае и Евпатории эта же

фраза произносится: *кӧзлерім кӧрмез (б)олду*. Чередование *м/б*: *мен/бен* ‘я’, *мойын/бойын* ‘шея’, но: *бурун* ‘нос’ *бин* ‘тысяча’. Конечный *с* переходит в *з*: *келмес* > *келмез* ‘он не придет’.

Ч тракайского диалекта и *ц* галицкого в аффиксах соответствуют *дж* в языке крымских караимов: *йаланджы* ‘обманщик’, *йухуджы* ‘любитель поспать’, *биринджи* ‘первый’, ср. т. *йаланчы*, *йухучу*, *биринчи*; г. *йаланцы*, *йукуцу*, *биринци*.

Произнесение некоторых слов в Бахчисарае и Евпатории идентично, а в Феодосии имеет отличие: *йігірм* – *йігірмы* ‘двадцать’, *мага* – *мана* ‘мне’, *йүзүк* – *жүзүк* ‘кольцо’ и т.д.

В начале слова в языке крымских караимов употребляется *й* (лишь изредка чередующееся *дж*), отличающее его от крымтатарского языка, где последовательно употребляется в анлауте *дж*: кар. *йігірм(и)* ‘двадцать’, *йап* ‘закрой’; кр.-тат. *джігірмі*, *джап*.

В морфологии разговорный язык крымских караимов имеет мало отличий от западной подгруппы кыпчакских языков. Словоизменительные и словообразовательные аффиксы почти те же, что и в диалектах западных караимов. Отличия вытекают, во-первых, из соседства языка крымских караимов с огузским языком – турецким, который оказал свое влияние на разговорный язык через литературный; во-вторых, из утраты тюркских черт в языке западных караимов.

В языке крымских караимов сохранились характерные для многих тюркских языков парные слова типа *бала-чала* ‘дети’, *алыш-верши* ‘торговля’ и т.д. 1-е лицо сказуемости при имени выражается морфемой *-(ы)м*: *инженерим* ‘я инженер’, которая формально совпадает с аффиксом принадлежности, в западных диалектах эта категория выражается нулевой формой имени.

Аффикс *-даш* является более продуктивным, чем в диалектах западных караимов: *кцйдеш* ‘односельчанин’, *айақташ* ‘попутчик’; существует аффикс *-маджа*: *тап-маджа* ‘загадка’. Интенсив от некоторых слов образуется иначе, чем в диалектах западных караимов: *бом-бош* ‘совершенно пустой’, ср. т. *бон-бош*, г. *бон-бос*. Имеются указательные местоимения *шу*, *о* ‘тот’, отсутствующие в западных диалектах. Наречие имеет словообразовательные аффик

сы *-час/-чес, -часына/-чесіне*: *девечес* ‘по-верблужьи’, *аркадашчасына* ‘по-товарищески’.

Глагол имеет ряд особенностей: наличие формы долженствования на *-малы*: отсутствие формы повелительного наклонения на *-қын*, наличие формы будущего времени на *аджақ*; сохранение широкой функции вспомогательных глаголов, которые, как и в большинстве тюркских языков, сочетаются с деепричастной формой и образуют аналитические формы словоизменения и словообразования (в диалектах западных караимов вспомогательные глаголы сочетаются как правило – с формой инфинитива). Аспект возможности глагола образуется посредством вспомогательного глагола *бол*, а не *ал*: *ашап бол*- ‘мочь есть’.

Для языка крымских караимов характерны послелогои *блен* (лит. *ила*, т., г. *была*) ‘с’, *қадар* ‘как, настолько’, *сайын* ‘всякий (раз)’, *эвель* ‘прежде’, *белли* ‘с’, отсутствующие в диалектах западных караимов, а также союзы: *амма*, *лакин* ‘но’, *чунки* ‘потому что’, которых также нет в диалектах западных караимов.

В морфологии литературного языка широко употребительны некоторые аффиксы, характерные для огузских языков: *-дық, -мыш* (вместо разговорного *-ган*); настоящее время на *-ыр*; аффикс родительного падежа на *-н* (вместо разговорного *-ның*). Аффикс *-мыш* в разговорном языке существует лишь в лексиколитованных основах нескольких слов, которые имеются и в ряде других кыпчакских языков: *оқыммыш* ‘ученый’ и др.

Ряд особенностей имеется и в лексике. Одно и то же значение в языке крымских караимов и в диалектах западных караимов передается разными словами, например:

названия человека: ‘отец’ – к. *баба, ата*, т., г. *ата*; ‘мать’ – к. *нене, ана*, т., г. *ана*; ‘хозяин, муж’ – к. *қоджа, эвсабу*, т. *убий*, г. *ивбий*;

названия частей тела: ‘тело’ – к. *тен*, т., г. *гуф*; ‘живот’ – к. *курсақ*, т., г. *карын*; ‘рука’ – к. *эл*, т., г. *кол*; ‘плечо’ – к. *омуз*, т., г. *шин*;

названия домашних предметов: ‘стул’ – к. *стул* // *скемле*, т. *олтуруш*; ‘занавес’ – к. *перде*, т., г. *каплав*; ‘гвоздь’ – к. *мық*, т. *кадав*; ‘ведро’, – к. *копка*, т. *челяк*;

одежда: ‘шапка’ – к. *қалпақ*, т. *бёрк*, г. *бэрк*; ‘пояс’ – к. *қушақ*, т., г. *белибав*;

растения: ‘роза’ – к. *гуль*, т., г. *гилаф*; ‘груша’ – к. *армут*, т. *гер-тмя*, г. *гертмэ*; ‘виноградник’ – к. *ўзўм бағы*, т. *борлалых*;

‘Церковь’ – т. *йугуз*, к. *кілсе*: *қазақ кілсесі* ‘русская церковь’, *урум кілсесі* ‘греческая церковь’, *эрмен кілсесі* ‘армянская церковь’, но: *татар джамысы* ‘татарская мечеть’

прилагательные: ‘белый’ – к. *бейаз* / *бийаз*, т. *ах*. г. *ак*; ‘высокий’ – к. *йўксек*, т., г. *биик*;

местоимения: ‘сколько?’ – к. *қач?*, т. *нечя?*, г. *неце?*.

Понятие ‘половина’ – к. *йарым* и *бучуқ*, т., г. *йарым*.

Некоторые слова, имеющие в разных тюркских языках одно и то же значение, но разные фонетические варианты, в языке крымских караимов выступают с различным значением каждого из вариантов. Одно и то же слово иногда в разных городах Крыма имеет разное значение, например, *чэуке* в Бахчисарае означает ‘галка’, в Евпатории – ‘скворец’. Некоторые понятия в разных городах передаются разными словами: ‘закрой (дверь)’ в Бахчисарае и Евпатории – *қапа* (*қапыны*), в Феодосии – *йап* (*қапыны*).

В лексику языка крымских караимов через посредство турецкого и крымтатарского языков проникло множество арабских и персидских слов, которые отсутствуют в диалектах западных караимов: *миллет* ‘нация’, *халқ* ‘народ’, *зарар* ‘убыток’, *қалем* ‘перо’, *инсан* ‘человек’, *дженк* ‘война’, *атеиш* ‘огонь’, *лаф* ‘слово’ и др.

Немногие лексические отличия языка крымских караимов от крымтатарского языка главным образом сводятся к следующему. Язык крымских караимов имеет специфические названия дней недели и месяцев, отличные от крымтатарских. Названия дней недели в языке крымских караимов идентичны с соответствующими названиями галицкого диалекта и отличаются от названий тракайского диалекта в обозначении четверга и пятницы. Интересно отметить, что в речи мужчин воскресенье и понедельник выражаются соответственно словами *пазар кўнў* и *пазар эртесі* (в Феодосии – со звонким начальным согласным – *базар*), в речи женщин употребительны караимские названия: *йух кўн*, *йух паиш кўн*. В речи женщин Бахчисарая и Евпатории встречается слово *салы* ‘вторник’. Феодосийские караимы утверждают, что это слово

употребляется у татар; названия месяцев, которые теперь почти не употребляются, идентичны с западно-караимскими. Общность названий месяцев и дней недели у крымских и западных караимов сохранилась на базе общности караимского календаря.

В языке крымских караимов имеются слова, вошедшие из древнееврейского языка и связанные с религиозным культом: *кавод* 'слава, честь', *гехал* 'алтарь', *набий* 'пророк', *тора* 'пятикнижие' и др.

Некоторые понятия в речи крымских караимов выражаются другими словами, чем в крымтатарском языке: кар. *чыр-чыр* – кр.-тат. *чибурек* 'чебуреки', кар. *йагмур* – кр.-тат. *йавун* 'дождь', кар. *джен* – кр.-тат. *ишше* 'стекло', кар. *мечи* – кр.-тат. *мышых* 'кошка', кар. *копек* – кр.-тат. *ит* 'собака' и нек. др. Подобных слов незначительное количество.

Отличия языка крымских караимов в вокализме, консонантизме, лексике от диалектов западных караимов в общей сумме образует существенную разницу между ними. Отличительные черты языка крымских караимов в то же время оказываются характерными для крымтатарского языка, что наряду с другими признаками указывает на их близость.

По существу общенародного, единого караимского языка нет. Речь может идти таким образом лишь о караимских диалектах, без объединяющего общенародного языка. Здесь мы сталкиваемся с тем редким явлением, когда понятия "караимский язык" и "язык караимов" не совпадают, в этом своя специфика караимских диалектов. В некоторых случаях диалекты ведут себя как разные языки, и может возникнуть вопрос, не являются ли эти диалекты разными тюркскими языками, объединенными названием народа, и не имеют ли они генетической связи с другими тюркскими языками, а не между собой? Ответ может дать сравнительно-историческое исследование караимских диалектов и тюркских языков.

Основные отличия между западными диалектами

В вокализме. В галицком диалекте отсутствуют губные гласные переднего ряда *ö, ü*, которые имеются в тракайском диалекте, *ö* и *ü* в галицком диалекте соответственно замещаются *e(э)* и *и*: т. *öпкя* / г. *эпке* 'легкие', т. *öктям* / г. *эктем* 'гордый, властный', т. *кёрдюм* / г. *кердим* 'я видел'; т. *үч* / г. *иц* 'три', т. *үлюш* / г. *илис* 'доля, часть,

удел', т. *өлдю* / г. *элди* 'он умер', т. *кюл* / г. *кил* 'смейся', т. *гёл* / г. *гел* 'озеро'. Утрата в галицком диалекте *ө, ү* произошла, очевидно, под влиянием окружающих славянских языков, в первую очередь – украинского языка, в котором отсутствуют аналогичные звуки. Подобная тенденция замещения указанных губных гласных негубными имеется и в тракайском диалекте, где налицо чередование *ө/э*, что также следует считать влиянием славянских языков.

Исчезновение *ө, ү* приводит к тому, что в многовариантных аффиксах в галицком диалекте всегда отсутствует вариант с нёбным губным гласным, и, таким образом, четырехвариантный аффикс превращается в трехвариантный, восьмивариантный – в шестивариантный и т.д.

Утрата *ө, ү* привела также к изменению характера как губной, так и нёбной гармонии. В галицком диалекте губной гармонии подвергаются ненёбные гласные; нёбной гармонии подвергаются негубные гласные. Смешанной нёбно-губной гармонии нет, имеется лишь смешанная ненёбно-губная гармония.

Потеря *ө, ү* привела также к возникновению омонимов в галицком диалекте: *кетир*–: 1) 'уводить, уносить'; 2) 'поднимать' В тракайском диалекте ему соответствуют два слова: 1) *кетир*, 2) *кётюр*; г. *сендир*: 1) 'ты (есть)', 2) 'гасить, тушить' (т. *сёндюр*) – омонимия в правописании; в произношении значения различаются по ударению: *сйндир* 'ты есть', *сенди* *р* 'гаси, туши'.

2. В тракайском диалекте первоначальный тюркский *e* в аффиксах переходит в *a* (графически *я*), чего нет в галицком диалекте: т. *келгянляр* (произносится *келганлар*) / г. *келгенлер* 'пришедшие', т. *өзюмя* (произносится *озйума*) / г. *эзиме* 'мне самому'; т. *мендян* (произносится *м'ен'дйан*) / г. *мэндэн* 'от меня' и т.д. В некоторых аффиксах тракайского диалекта происходит не замена *e > a*, а чередование *e/a*. Таковы, например, уменьшительный аффикс *-чек/-чак* (-чяк), аффикс, образующий наречие *-лей/-лай* (-ляй) и др.

Другие различия диалектов в области вокализма носят частный характер.

3. В тракайском диалекте дифтонг *ай* часто переходит в *эй*: т. *алэй* / г. *алай* 'так'; т. *булэй* / г. *булай* 'так', т. *баргей* / г. *баргай* 'чтоб

он пошел'; т. *чэйта-* / г. *цайта-* 'уничтожать' и др. Но в односложных словах и в первом слоге двусложных основ *ай* не переходит в *эй*: т., г. *ай* 'луна, месяц', *вай!* – междометие 'ой!', *кайсы* 'который' и т.д.

4. В тракайском диалекте наблюдается чередование *а/э*, например, в аффиксе *-чак / -чэх*: *тончах / тончэх* 'шубка'.

5. В тракайском диалекте глагольные формы 1-го и 2-го лица первой группы аффиксов лица имеют варианты с узкими гласными и подчиняются закону гармонии гласных (*-мын/-мин*, *-сын/-син*), тогда как в галицком диалекте они имеют в своем составе широкий гласный *и*, следовательно, не подчиняются закону гармонии гласных, сохраняя тем самым архаичные формы (личные местоимения): *-мен*, *-сен*. Но во множественном числе эти формы имеют узкий гласный и подчиняются закону гармонии гласных в обоих диалектах: *-быэ/-биз*, *-сыз/-сиз*.

6. В тракайском диалекте в некоторых словах переносится ударение на первый слог в приказании и обращении: *сйкир!* 'прыгай!', *тю'кюр!* 'плюй!', *кётюр!* 'поднимай!', *кардаш* 'брат'.

7. В галицком диалекте существует гармония гласных по подъему – широкости и узости в форме будущего времени: *ал-ар* 'он возьмет', *кел-ер* 'он придет'; *кыл-ыр* 'он сделает'; *йир-ир* 'он будет ходить'. В тракайском диалекте эта форма имеет варианты лишь с узкими гласными: *ал-ыр*, *кел-ир*, *кыл-ыр*, *йёр-юр*.

8. В галицком диалекте в некоторых словах чередуются широкие гласные с узкими: *а/ы*, *э/и*. Чередование *а/ы*, как правило, происходит в инлауте: *цайка-/цыйка-* 'полоскать', *шайтан/шьйтан* 'дьявол', *цызасен/цызысен* 'ты чертишь, рисуешь'. Чередование же *э/и* происходит как в анлауте, так и в инлауте: *эзи/изи* 'он сам'; *эзик/изик* 'кольцо', *эгирми/игирми* 'двадцать', *йиред/йирид* 'он ходит'. В некоторых аффиксах гласные *э/е* тракайского диалекта в галицком диалекте замещаются соответственно гласными *ы/и*: т. *-сэид/-сейд*, г. *сыйд/-сийд* (форма условно-желательного наклонения).

9. В галицком диалекте происходит выпадение конечного узкого гласного в аффиксе разделительных числительных: т. *-ары/ -яри/ -шары/-шяри* – г. *-ар/-ер/-сар/-сер*.

В консонантизме:

1. Тракайский *ш* соответствует галицкому *с*: т. *баш* ~ г. *бес* 'голова'; т. *таш* ~ г. *тас* 'камень', т. *йашырын* ~ г. *йасырын* 'тайно, скрытно', т. *шагар* ~ г. *сагар* 'город', т. *киши* ~ г. *киси* 'мужик' и т.д. Исключение составляют некоторые заимствованные слова, где в галицком сохраняется *ш*: т., г. ар. *шайтан* 'дьявол'; т. *шюкюр* ~ г. *шикир* 'слава, хвала' (богу).

2. Тракайский *ч* соответствует галицкому *ц*: т. *чач* ~ г. *цац* 'волосы', т. *чайпа-* ~ г. *цайна-* 'уничтожать', т. *ачы* ~ г. *ацы* 'горький', т. *балчых* ~ г. *балцык* 'болото, глина', т. *биянч* ~ г. *биенц* 'радость'.

3. Тракайский *дж* соответствует галицкому *дз*: т. *джан* ~ г. *дзан* 'душа' (в галицком также 'сердце'), т. *теряджя* ~ г. *тередзе* (*пендзере*) 'окно'.

4. Этимологически велярный *q* в обоих диалектах исчез. В галицком диалекте этот звук во всех позициях в слове перешел в среднеязычный *к*. В тракайском диалекте в ауслауте, иногда и в анлауте он переходит в заднеязычный спирант *х*: г. *аксак* ~ т. *ахсах* 'хромой', г. *бармак* ~ т. *бармах* 'палец'; г. *азаскан* ~ т. *азаихан* 'заблудившийся'.

5. Этимологический *ң* в галицком диалекте перешел во всех позициях в слове в *н*, тогда как в тракайском диалекте он также переходит в *н*, но в определенных позициях (часто в грамматических формах 2-го лица) переходит в *й*: т. *майа* – г. *мана* 'мне'; т. *сайа* – г. *сана* 'тебе'; т. *айттыйыз* – г. *айттыныз* 'вы говорили, вы сказали', т. *келдийиз* – г. *келдиниз* 'вы пришли'; т. *бардый* – г. *бардын* 'ты пошел'; т. *муайды* – г. *мунайды* 'он загрустил'; т. *айтсэй* – г. *айтсан* 'если ты скажешь' и т.д.

Перечисленные явления наиболее универсальные. Другие фонетические различия носят более частный характер.

6. Губно-губной спирант *ў* [w] в тракайском диалекте часто произносится как губно-зубной: т. *черюв* – г. *цериу* 'войска', т. *айтувчу* – г. *айтуўчу* 'говорящий'; т. *карув* – г. *каруу* 'ответ'; т. *тав* – г. *тау* 'гора' и т.д.³¹

³¹ Т. Ковальский это явление объяснял как переход лабиодентального спиранта тракайского диалекта в полугласный в галицком

7. В тракайском диалекте происходит диссимиляция сочетания – двойного *лл*, которое переходит в *нл* (вообще диссимиляция согласных характерна больше для тракайского диалекта): т. *эңли* – г. *элли* ‘пятьдесят’, т. *уңду* – г. *уллу* ‘большой’; т. *йеңляр* – г. *йеллэр* ‘ветры’; т. *жеңля* (< *жаль* + *ля*) ‘жалеть’. По аналогии сочетание *нл* > *ңл*: эринляр > эриңляр ‘губы’, катынлар > катыңлар ‘бабы’ и т.д.

Диссимиляция *йй* > *нй* происходит в слове *каййам* (евр.) > *канйам* ‘вечный’.

8. В галицком диалекте *т* чередуется с *к*, *д* чередуется с *г* в сочетаниях *ти*, *ди*: *тиз* ‘осень’ / *киз* ‘степь’; *тил* ‘смеяться’ / *кил* ‘язык’; *тилэк* / *килэк* ‘желание’; *киндиз* / *кингиз* ‘днем’, *билди* / *билги* ‘он узнал’, *нендийс* / *ненгийс* ‘какой-нибудь’. Следует отметить, что чередование звонких согласных *ди/ги* менее распространено и происходит менее последовательно, чем чередование глухих согласных *ти/ки*. Чередование *т/к* встречается и в тракайском диалекте: *этмяк* / *экмяк* ‘хлеб’.

9. В тракайском диалекте (особенно в паневежском говоре) *-т* на стыке основы и аффикса с начальным гласным озвончается: *ат* + *ы* > *ады* ‘его имя, его конь’, *тарт* + *ад* > *тардад* ‘он тянет’, *йылт* + *ырым* > *йылдырым* ‘молния’.

10. В тракайском диалекте *л* в слове с передними гласными всегда произносится мягко, в галицком диалекте *л* произносится мягко лишь перед *и*, в других позициях – всегда твердо: т. *өлгян* [ол’г^йан] – г. *элген* ‘умерший’; т. *сювюмлю* [с^йув’ум’л^йу] – г. *сивимли* [сиу^йимли] ‘любимый’.

11. В тракайском появляется протеза *-т* в ауслауте: *йохт* (ср. г. *йок/йо*) ‘нет’, *барт* (г. *бар*) ‘да, есть’, *бармаст* (г. *бармас*) ‘он не пойдет’.

12. В галицком в некоторых служебных словах сохраняется конечный *н*, который выпадает в тракайском: г. *дагын* – т. *дагы* ‘еще, так же’, г. *дерин* – т. *деря* ‘до, вплоть до’.

13. В галицком сочетание *сти* переходит в *сци*: т. *тюштю* – г. *тисци* / *кисци* ‘он слез’, т. *кести* – г. *кесци* ‘он резал’.

диалекте. См.: *T. Kowaiski, Karaimische Texte...*

В морфологии. Многие морфологические особенности диалектов вытекают из различий фонетических, например, в галицком диалекте некоторые аффиксы имеют меньше вариантов, чем в тракайском, из-за отсутствия губных гласных *ö, ü*, а некоторые аффиксы, начинающиеся или оканчивающиеся в тракайском на *ш, ч*, имеют в галицком вместо них соответственно *с, ц* и др. Однако в этом разделе речь пойдет не о них.

Основные морфологическое расхождения (их немного).

1. В галицком диалекте имя существительное имеет продуктивные словообразовательные аффиксы *-одогон, -дагы*. В тракайском их нет.

2. Некоторые слова с идентичной семантикой образуются в разных диалектах от одного и того же корня, но посредством разных аффиксов: т. *куй-ув* – г. *куй-дук* ‘колодец’.

3. Галицкий диалект имеет союз *клэ... клэ* ‘или... или’, которого нет в тракайском диалекте.

4. В тракайском диалекте прошедшее время условно-желательного наклонения в 3-м лице имеет полную форму – *барсэйдыр* ‘если бы он пошел’, а в галицком – сокращенную – *барсайд(ы)*. Т.Ковальский видел в этом различии разные аффиксы 3-го лица; т. *-дыр/-д/-т; -дыр/-ды/-ты*³². Однако, как показали материалы, оба диалекта имеют как полную форму *-дыр*, так и обе сокращенные – *-ды, -д*.

В лексике. Лексических отличий в диалектах немного. Они в основном отражают влияние окружающих языков. Так, в речи караимов, проживающих в Тракае и Вильнюсе, много польских и русских слов. В тракайском диалекте исконный вспомогательный глагол *болал-* ‘мочь’ заменен польским *могет*. В речи паневежских караимов вместо польских и русских слов употребляются литовские слова. В речи галицких караимов имеется немало украинских и русских слов, отсутствующих в тракайском диалекте.

Кроме того, имеются диалектные отличия в характере употребления тюркского лексического фонда.

Одни и те же понятия или предметы в тракайском и галицком диалектах обозначаются разными словами, образуя синонимические

³² T. Kowaiski, Karaimische Texte..., S. XIV.

диалектизмы: ‘волосы, шерсть’ – т. *йўн*, г. *тик/дик*; ‘корова’ – т. *сыйыр*, г. *инэк*; ‘сырой’ – г. *йувуш*, г. *нам* (перс.); ‘купаться’ – т. *чомун-*, г. *царпун-*; – ‘торговаться’ – т. *йараиш-*, г. *багалаиш-*; ‘всюду’ – т. *барында*, г. *барцыйартын*; ‘немного’ – т. *битрах*, г. *битах*, *битамцын*; ‘дым’ – т. *тютёв*, г. *китси /титси*. Некоторые слова одного диалекта непонятны носителям другого: г. *киппы* ‘косточка, крепкий’ – т. *кип* ‘крепкий’, г. *пэндээрэ* – т. *тереджя* ‘окно’; г. *кебек* – т. *ит* ‘пес’; т. *йанчыл-* – г. *как-* ‘стучать (в дверь)’, т. *азирля-* – г. *аникла* ‘приготовить’, т. *чекюч* – г. *клевиц* ‘молоток’, т. *энкеч* – г. *йырган* ‘вилки’.

Встречаются синонимы, возникшие разными путями: т. *кёз* ‘глаз человека и животных’ – *энайат* ‘око божье’, *қол* ‘рука человека’ – *қудрат* ‘рука божья’, *қулах* ‘ухо человека и животных’ – *эшитюв* ‘ухо божье’; ‘колодец’ – т. *кудух*, г. *куйув*, *кудук*; ‘много’ – т. *чоп*, *чок*, *кёп*, г. *цок*, *кеп*; ‘всадник’ – г. *атлы* (древн.), *атцы* (новое); ‘товарищ’ – т. *йолдаш*, *хавер*; ‘окно’ – т. *тереджя.*, г. *тередзе*, *пендзере*.

Слова, характерные для тракайского диалекта: *йылысув* ‘баня’, *йегюв* ‘церковь’, *йанч-* ‘стучать’ (в паневежском говоре ‘разбивать’), *кудагый* ‘сваха’, *мухуттан* ‘сват’, *кыртыш* ‘подкожный слой жира у животных’, *кырав* ‘иней’, *караваиш* ‘прислуга’, *луска* (польск.) ‘скорлупа’, *некяс* ‘бездельник’, *сермя* ‘махать’, *сыхта* ‘рыдать’, *сайлама* ‘отборный’, *барвеня* ‘бревно’, *чырахба* ‘подсвечник’.

Галицкий диалект: *баз* ‘разный’, *кемец* ‘солдат, русский’, *катыш-* ‘трогать’, *кувур-* ‘жарить яйцо’, *келгос* ‘глухой’, *кырмызы* ‘багровый’, *лагана* (греч.) ‘капуста’, *левент* ‘насильник’, *мабул* (евр.) ‘разлив’, *пасыр* ‘мозоль’, *недан* ‘приданое’, *пендээрэ* ‘оконная рама, окно’, *салле-* ‘махать’, *саллав* ‘веер’, *сыгын* ‘скука’, *секил* (араб.) ‘форма’, *таз* ‘плешивый’, *ода* ‘комната’, *сайлын* ‘маслобойная’, *тудзлу* ‘медный’, *такыр* ‘трудный’, *тамэ* ‘сало, шпиг’ и т.д.

Из семи названий дней недели, как уже указывалось выше, расходятся: ‘четверг’ – т. *кичи бараски*, г. *кицейне кин*; ‘пятница’ – т. *бараски*, г. *айне кин*.

Фонетические варианты слов в разных диалектах обусловлены фонетическими закономерностями того или иного диалекта. Напри-

мер, слово *кавод* + аффикс принадлежности в диалектах имеет следующие варианты: т. *каводуйуз*, *каводуй*, *кодуй*; г. *каводуз*, *каводуз*, *кануз* 'Вы', слово 'много' имеет варианты: т. *кён*, *кёнси*, *кёнляр*, г. *кеп*. *кебев*, *кебиси*; 'откуда' – г. *кайдан*, *каан*; 'где' – т. *кайда*, *каа*; 'куда' – т. *кайры*, *кейре*.

Общие слова, получившие в диалектах разную семантику: т. *алачых* 'укрытие', – г. *алацык* 'шалаш', т. *секирмак* 'танец' – г. *секирмек* 'прыжок'; т. *тоздургуч* 'веялка' – г. *тоздургуц* 'молоток', *сус-* – т. 'похищать', г. 'черпать', *йомдар-* – т. 'поглощать', г. 'собирать', т. *ойнамах* 'любовная игра' – г. *ойнамак* 'игра', *кабун-* – т. 'хвататься', г. 'торопиться'. Некоторые слова и внутри диалекта имеют разные значения. В тракайском диалекте, например, слово *безгяк* в Тракае, Вильнюсе имеет значение 'лихорадка', Паневежисе – 'бабочка'.

Арабские, персидские, греческие, а также некоторые заимствования из языков северокавказских народов являются общими для обоих диалектов. Эти заимствования, очевидно, относятся к древним – до XIV в., поскольку западные караимы (по историческим данным) после XIV в. не имели контактов с названными народами. Многие из арабских и иранских заимствований, имеющиеся в диалектах караимского языка, характерны для большинства тюркских языков. Арабские слова: т., г. *айып* 'вина', *акыл* 'ум', *алам* 'знамя', *азиз* 'святой', *эмин* 'свободный', *фикир* 'мысль', т. *гормят* – г. *гормат* 'почет, уважение', т. *омюр* 'жизнь', т., г. *ресим* 'обычай'; т. *вахт* – г. *вакт* 'время' и др. Иранские (персидские) слова: т., г. *афта* 'неделя', *аваз* 'голос', *бахт* 'счастье', *дост* 'друг', т. *джомарт* – г. *дзомарт* 'щедрый', т. *ходжа* – г. *кодза* 'богатый'; т., г. *пак* 'чистый'; *сарай* 'дворец'; т. *шагар* – г. *сагар* 'город'; т. *тадж* – г. *тадз* 'венец'; т. *тахт* – г. *такт* 'престол' и др.

Диалекты караимского языка заимствовали много слов из древнееврейского языка (иврит) – языка культа: т., г. *адонай* 'господь', *аван* 'грех' (ср. заимств. из перс. *гунах*); *бахур* 'кавалер', *берош* 'кипарис', *цафон* 'север', *цедака* 'милостыня', *дефус* 'печать', *дор* 'поколение', *галут* 'изгнание', *гуф* 'тело', *ханлаш* 'слабый', *хавер* 'товарищ', *хелех* 'часть, удел'; *канла* 'невеста'.

Имеются лексические параллели с монгольскими языками (что характерно и для других тюркских языков): т., г. *абра-* ‘хранить’, *астра-* ‘прятать’, *багана* ‘опора, подпорка’, т. *черай* – г. *цырай* ‘лицо’; т. *чибин* – г. *цибин* ‘муха’; т. *маңлай* – г. *манлай* ‘лоб’; т. *олджа* – г. *олдза* ‘трофей’, т. *обгя* – г. *эбге* ‘предок’; т., г. *тала-* ‘грабить’ и др.

Греческие слова: г. *лагана* ‘капуста’, т., г. *лиман* ‘залив’, *авер* ‘воздух’, *гераб* ‘корабль, судно’. Встречаются и итальянские слова: г. *левент* ‘наильник’.

В тракайском диалекте имеются заимствования из литовского языка: *эчю* ‘спасибо’, *грыбас* ‘гриб’, *купра* ‘горб’ (*купратый* ‘горбатый’), *луна* ‘губа’, *варшкя* ‘творог’, *маргис* ‘пестрый’, *монас* ‘призрак’ и др.

В диалектах караимского языка широко распространены заимствования из славянских языков, которые начали проникать с начала XV в. Наибольшее распространение получили русские слова, имеющие высокую частотность в быту: т. *жила* ‘жила’, т. *женля-* ‘жалеть’, т., г. *вот* ‘вот’, *вина* ‘вино’, *соловей*, *словик* ‘соловей’, *танец*, *стол*, *стена*, *пуста* ‘пустой’, *поля* ‘поле’, *олень*, *мороз*, *лоток*, *кавор* ‘ковёр’, *изба*, *гора* ‘горы’, т. *череп* – г. *цэрэп*, т., г. *блин*.

Польские слова: т. *анцуг* ‘клещи’, *одверя* ‘косяк двери’, *лонка* ‘луг’, *жадны* ‘никакой’, т., г. *зараз* ‘сейчас’, *закленты* ‘заколдованный’, *высна* ‘остров’, *вежа* ‘башня’, т. *шпиц* ‘мальчишка’, т., г. *посаг* ‘приданое’, *панна* ‘барышня’, *осмак* ‘монета’, т. *мёре*, г. *мере* ‘также, так’, т., г. *малта* ‘обезьяна’ и др.

Белорусские и украинские слова, имевшиеся в диалектах в недалеком прошлом, в настоящее время заменяются русскими. Однако иногда белорусские и украинские слова сохраняются: т. *мокотерт* (бел.) ‘глиняная миска’, *дакуй* (бел.) ‘спасибо’, т., г. *левца* (укр.) ‘скамья’ и др.

Лексика диалектов караимского языка систематически не исследована. Существует много слов неизвестного происхождения, изучение которых может пролить свет на многие аспекты исторических связей караимов с другими народами.

История изучения караимского языка

История изучения караимского языка не похожа на историю планомерного изучения других живых современных тюркских языков. Она скорее похожа на историю исследования языковых памятников или мертвых языков. До сих пор не было систематического изучения учеными караимского языка, он исследовался от случая к случаю как учеными, так и любителями. Фактически научное изучение караимского языка началось в XX в. Этим можно объяснить отсутствие материалов караимского языка в общетюркологических трудах и классификационных схемах В.В. Радлова («Phonetik der nordlichen Türksprachen»), П.И. Ильминского, П.М. Мелиоранского, Ф.Е. Корша, М. Казембека и др.

Труды, посвященные караимскому языку, до 60-х годов XX в. были в основном написаны зарубежными, главным образом, польскими, учеными. О языке караимов написано больше, чем о духовной культуре и жизни, за исключением религии.

В России начальные сведения о караимах появляются в различных периодических изданиях и отдельных книгах начиная с 30-х годов XIX столетия. Они представляют собой в основном рассказы отдельных людей, совершивших поездку в Крым. Некоторые из этих путешественников, наряду с описанием обычаев, нравов, психологии, занятий и религии караимов, говорят и о их языке. Например, в статье «О караимах, преимущественно живущих в городе Евпатории»³³, автор, подписавшийся инициалами «А.П.», пишет, что «караимы крымские говорят языком татарским, его же употребляют и при переписке, только еврейским шрифтом». В статье, опубликованной в газете «Северная пчела» (29 июля 1852) Ф. Березкин обратил внимание на то, что «образ жизни, язык и одежда крымских караимов почти нисколько не отличают их от крымских татар, даже до такой степени, что уроженец Крыма, встречая караимов и татарина, ни в коем случае не может их различить».

Некоторые ученые при изучении истории караимов уделяли внимание также данным языка. Так, например, В.В. Григорьев,

³³ «Новороссийский календарь» на 1839 год». Новороссийск, 1838, с. 180.

основываясь на исследованиях А. Фирковича, твердо убежденного, что караимы – потомки древних евреев, отделившиеся до Вавилонского пленения, проникшие через Кавказ в Персию и принявшие тюркский язык уже после перехода через Кавказ, вместе с тем отмечает, что «наречие татарского языка, которым говорят русские караимы, не заключает в себе ни малейшей примеси еврейских слов, оборотов или каких-либо других следов того языка, которым должны были говорить их предки, если эти предки точно были евреями». Далее он пишет, что «по-татарски же (слово «татарский» тогда употреблялось в широком понимании и было почти эквивалентно современному термину «тюркский». – К.М.) говорят караимы галицийские; константинопольские употребляют греческий язык, а египетские и гитские – арабский»³⁴.

В.Д. Смирнов в 1890 г., подчеркивая своеобразие караимского языка, писал, что «разговорная речь караимов содержит в себе много тюркских архаизмов, каких не находится в современном говоре наших татар». На основании своих наблюдений он высказал предположение, что «теперешние караимы есть остаток народного сплава, который мог образоваться от слияния собственных ветхозаветных караимов с хазарами»³⁵. Эти высказывания В.Д. Смирнова были поддержаны С.М. Шапшалом и целиком приведены в его книге о караимах³⁶.

Вопросам караимско-татарских языковых отношений посвящены статьи А.Н. Самойловича. В рецензии на VII том «Образцов...» В.В. Радлова он отмечает, что междумы в большинстве случаев – это произведения, известные и татарам и заимствованные караимами или от татар, или из того же источника, откуда черпали и татары. На основании этих материалов А.Н. Самойлович приходит к выводу, что «еще до монгольского

³⁴ В.В. Григорьев. Караиты или караимы. Россия и Азия. СПб., 1876, с.435.

³⁵ З.А. Фиркович. Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русскоподданных караимов. СПб., 1890, с. XI-XII.

³⁶ С. Шапшал. Караимы и Чуфут-Кале. СПб., 1896, с. 12-13.

нашествия, т.е. до XIII в., караимы говорили и писали на языке тюркского корня, причем этот язык существенно отличался от крымско-татарских наречий, сформировавшихся после XIII в., и был близок к языку домонгольских обитателей южнорусских и крымских степей – половцев (иначе куманов или кыпчаков). Был ли тот старокараимский язык их исконным языком или был он ими заимствован, пока доподлинно неизвестно. Существует в науке гипотеза о том, что крымские караимы – потомки хазаров, народа, как полагают турецкого корня, но языковых данных ни в пользу такого предположения, ни против него пока никем не приводилось. Гипотеза эта ждет его дальнейшей разработки и всестороннего обоснования. В материалах В. Радлова старокараимского языка не имеется, здесь представлен новокараимский язык, несомненно выработавшийся из старого под влиянием языка крымских татар и, подобно наречиям последних, обнаруживающий на себе османское и вообще южнотурецкое влияние»³⁷. Следует отметить, что автор в статье пользуется термином «караимско-татарский» вместо «караимский», не отделяя караимский язык от крымтатарского.

В другой своей статье А.Н. Самойлович, развивая свою мысль, резко выступил против утверждения польского ученого Я. Гжегожевского о хазарском происхождении караимов: «Наряду со многими морфемами караимского языка, которые, будучи чужды южнотурецкой языковой группе, являются, напротив, общими для занимающих нас караимских говоров и для западных, среднеазиатских и северных турецких диалектов, а иногда вполне соответствуют только морфемам уйгурского и куманского языков, – имеются и такие, которые не могут утаить свое урало-алтайское происхождение, но не встречаются ни в монгольском, ни в поныне известных турецких диалектах. Приписать эти морфемы (А. Самойлович не указывает их, – К.М.) уральским языкам или, выражаясь яснее, – хазарскому, чтобы таким образом приобрести вообще опору для гипотезы о мнимом хазарском происхождении караимов, излюб-

³⁷ А.Н. Самойлович. О материалах Радлова по народной словесности крымских татар и караимов // Зап. Крымского Общества естествоиспытателей и любителей природы. Симферополь, 1916, с.118-124.

ленной у пары караимов и еще теперь иногда появляющейся в польских и украинских заметках, – значило бы желать решить а priori еще не подготовленный вопрос (см. «Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien. Phil-hist». Kl, CXLVI, 1. Wien. 1903, ч. 11-12).

Затем в «Caraimica» (RO I, ч. 2, с. 288-290) Ян Гжегожевский начал признавать связь караимов с хазарами. К сожалению, Гжегожевский в первой работе не дал примеров морфем, которые он не мог отождествить ни с помощью турецких, ни с помощью монгольских языков, а во второй – не объяснил перемены в своем отношении к караимско-хазарскому вопросу.

Во всяком случае в наличной лингвистической литературе положительных данных в пользу языковой связи караимов с хазарами нам не известно. Караимский язык со своими наречиями, судя по обнародованным материалам, определенно в старейшей своей части соприкасается с кыпчацко-куманско-половецким языком XIII-XIV вв.»³⁹.

Против гипотезы Я. Гжегожевского выступил также В.В. Бартольд, который писал, что "в VIII и IX вв. среднее и нижнее течение Волги находилось во власти родственных между собой и отличавшихся по языку от турок хазар и болгар; только печенеги в конце IX и в начале X в. вновь внесли в нынешние южнорусские степи чисто турецкий элемент. <...> По вполне определенному известию арабских географов, народы, жившие в IX-X вв. по Волге – хазары и болгары – говорили на языке, непонятном ни для турок, ни для финнов, что вполне соответствует характеру чувашского языка.<...> При таких условиях такие факты, как еврейская религия и турецкий язык караимов, недостаточны для решения вопросов об их происхождении и их отношении к хазарам»⁴⁰. Следует подчеркнуть, что «непонятность» не может служить критерием для определения родственной связи народов или отсутствия ее. Профессор С.М. Шапшал рассказывал автору этих строк, что возражая В.В. Бар-

³⁹ А.Н. Самойлович. К вопросу о наследниках хазар... «Еврейская старина», М., 1924. XI, с.207.

⁴⁰ В.В. Бартольд. Соч. Т. II, ч.1. М., 1963, сс. 556, 815; V.V. Bartold. Orta Asya Türk tarihi hakkında dersler. Istanbul. 1927.

тольду и стремясь доказать, что представители близкородственных языков могут и не понимать друг друга, он привел В. Бартольда к торговцам на улицах Стамбула и объяснялся с ними на одном из диалектов крым-татарского языка. Торговцы не поняли, о чем говорил им С. Шапшал. По утверждению С. Шапшала, после этой прогулки В. Бартольд отказался от своей точки зрения, что языки хазаров и болгар были далеки от языка тюркских народов. В свете последних данных археологии, истории, языкознания, на основании караимского фольклора, по-видимому, нет оснований отрицать связь не только караимов, но и других тюркских народов Крыма и Кавказа с хазарами.

Большую ценность для караимоведения и тюркологии представляет публикация текстов на караимском языке, так как малочисленность исследований по караимскому языку отчасти объясняется малочисленностью и малодоступностью печатных и рукописных текстов на этом языке при недостаточном функционировании разговорного языка. Первые публикации текстов на языке западных караимов принадлежат венгерскому ученому В. Муначи⁴¹. Караимские тексты и лингвистические комментарии к ним приводятся в ряде статей Т. Ковальского⁴².

Результатом многочисленных научных исследований Т. Ковальского в области караимского языка явилась его книга «Караимские тексты тракайского диалекта», которая является и поныне ценным пособием по тракайскому диалекту караимского языка. Она завоевала широкую популярность среди тюркологов. Именно после выхода этого труда караимский язык стал занимать соответствующее место в общетюркологических работах.

⁴¹ *B. Munkacsı*. Kardisch-tatarische Hymnen aus Polen. Keleti Szemle Budapest, 1909, t.X.

⁴² *T. Kowaiski*. Piesni obrzkdowe w narzeczu karaimyw z Trok // Rocznik Orientalistyczny. Lwyw, 1925. T. III; *Он же*. Przyczynki do etnografji i dialektologii karaimskiej // Rocznik Orientalistyczny. Lwyw, 1929. T.V; *Он же*. Z pozoikiych kart, Myśl Karaimska; Wilno, 1931. T.II, z. III-IV.

Основную часть этого труда составляют тексты религиозного и светского содержания в транскрипции автора. В книге помещен караимско-польско-немецкий словарь к текстам, а также предпослано большое введение, распадающееся на краткие разделы, посвященные фонетике, грамматике, диалектам и характеристике места караимского языка среди других тюркских языков, при этом Т. Ковальский главное внимание уделяет сопоставлению материалов караимского языка с данными памятника половецкого языка. В 1930/31 уч. г., используя эту работу Т. Ковальского, в Берлинском университете на кафедре урало-алтайских языков, известный тюрколог В. Банг прочел курс караимского языка.

Немало западных караимских текстов с подробными лингвистическими комментариями и с переводом на другие языки опубликованы польским ученым – впоследствии членом Польской Академии наук – караимом А. Зайончковским⁴⁴.

Тексты на языке крымских караимов конце XIX в. были опубликованы В.В. Радловым⁴⁵ и в 20-х годах XX в. В.И. Филоненко⁴⁶.

⁴⁴ *A. Zajaczkowski. Opis podróży do Ziemi świętej // «Myśl Karaimska». Wilno. 1931. T. II. z. III-IV; Он же. Przekłady Trenów Jeremiasza w narzeczu trocko-karaimskim // Rocznik Orientalistyczny. Lwyw, 1934. Tt. VIII, X; Он же. Naistarsza wiadomość o języku tureckim Karaimow w Polsce (z XVII v.) // «Myśl Karaimska», Wilno. 1939, N 12; Он же. Wróżby z drgania części ciała // «Myśl Karaimska», Wilno. 1928, T. II, z. 1.*

⁴⁵ *В.В. Радлов. Образцы Народной литературы северных тюркских племен Ч. VII. Наречие Крымского полуострова. СПб., 1896.*

⁴⁶ *В.И. Филоненко. Аталар созы // Изв. Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1929. Т. III.; Он же. Материалы по изучению караимской народной поэзии – пословицы, поговорки // Изв. Крымского пед. ин-та. Симферополь, 1930.*

Последний для передачи караимских звуков использовал русский алфавит, что, по мнению Т. Ковальского, «не только не дает понятия о караимском языке, но часто и затрудняет понимание смысла высказывания»⁴⁷. Крымтатарско-караимские народные песни, называемые «чин», были опубликованы А. Зайончковским⁴⁸. Тексты на караимском языке можно найти также в ряде периодических⁴⁹ и неперидических⁵⁰ изданий, издаваемых караимами.

⁴⁷ *Myśl Karaimska*, Wilno, 1931. Т. II, z. 3-4.

⁴⁸ *Rocznik Orientalistyczny*. Lwów, 1939. Т. XIX.

⁴⁹ Журн.: «Караимская жизнь», М., 1911-1912; «Караимское слово». Вильна, 1913-1914; «Сабах». Луцк, 1914 (вышел только один номер); «Известия караимского духовного правления». Евпатория, 1917-1919; «*Myśl Karaimska*». Вильна, 1924-1939; Вроцлав, 1946, 1948; «Бизым йол». Симферополь, 1927 (вышел только один номер); «*Karaj awazy*». Луцк, 1931-1938; «*Onarmach*». Паневежис, 1935-1939 (вышло три номера); рукописный журнал «*Dostu Karajnuj*». Троки, 1931-1935; газ. «Сагышымыз» (на караимском и русском языках). Вильна, 1927 (вышел только один номер) и др.

⁵⁰ Например, *С.А. Кобецкий*. Ирлар. Киев, 1904 (на тракайском диалекте). Большие заслуги в публикации текстов на караимском языке принадлежат А. Мардковичу, который с 1930 по 1938 г., т.е. до начала второй мировой войны, кроме журнала «*Karaj awazy*» издал много брошюр на галицком диалекте. На этом же диалекте в Луцке в 30-е годы было опубликовано несколько брошюр С. Рудковским: *Dostiar* (два выпуска в 1931 и 1939 гг.), «Переселение караимов в Луцк» (посвящен 525-летию переселения караимов в Луцк).

На тракайском диалекте в Вильне издавались духовные книги: «Книга Бытия» (1888), «Рунне Паллет» (1890), Молитвенник (1892, 1938), «Седець галлель гаккатань» (1900).

На языке крымских караимов были изданы: «Крымские караимско-татарские народные песни». Пб., 1910 (рец. на нее см. журн. «Караимская жизнь». М., 1911, № 1); «Аталар созы». Пб., 1910; *А.О. Леви*. Ахыр зэман. Пб., 1911; *А.И. Катык*. Ени яка, эски тон. Пб., 1911; *Он же*. Яддес. Евпатория, 1919.

В Крыму также издавались духовные книги: «Мекаббец» Чу-

Общая характеристика караимского языка дается в ряде статей С.М. Шапшала под псевдонимом «Г.С.»⁵¹, Т. Ковальского⁵², А. Зайончковского⁵³ и Б. Кокеная⁵⁴. В большинстве из них обсуждается вопрос о месте караимского языка среди других тюркских языков. Общие вопросы исследования караимского языка получили отражение в многочисленных рецензиях Т. Ковальского и А. Зайончковского (опубликованных на страницах журнала «Myśl Karaïmska»).

Научное изучение диалектов караимского языка началось в XIX в. с поездки В.В. Радлова в 1886 г. в места, заселенные караимами: Крым, Литву, Польшу. В своих статьях, представляющих отчет об этой экспедиции, В. Радлов⁵⁵ впервые установил в языке западных

фут-Кале, 1734 (в этой книге, написанной на древнееврейском языке, на с. 13-18 имеется перевод на язык крымских караимов); «Алдерет Елиягу». Евпатория (Гёзлев), 1835 (повторное издание – Одесса, 1870), Библия. В 4-х тт. (на языке крымских караимов). Евпатория (Гёзлев), 1841.

⁵¹ Г.С. Краткие очерки тюркской-караимской литературы // Изв. караимского духовного правления, Евпатория, 1918. Т. I, ч. 1, 2; Шапшалогьлу Серайя // Кырым карай тюрклері, с. 575-615.

⁵² Т. Kowalski. Język karaïmski // Myśl Karaïmska, Wilno. 1926, T.I, z. 3; *Он же*. Najpilniejsze zadania karaïmoznawstwa // Myśl Karaïmska, Wilno. 1936, N 11; *Он же*. Über die polnischen Karaïmen, ihre Sprache und deren Verhältnis zu den anderen Kiriakischen Sprachen // Oostersch Genootschap in Nedarland, Verslag van het Vijfde Congres gehouden te Leiden op 20, 21 april 1927. Leiden, 1927.

⁵³ А. Zajonczkowski. Karaj tili // Onarmach. Panavėžys, 1939; *Он же*. Literatura Karaïmska // Myśl Karaïmska, Wilno. 1926. Т. I, z. 3. *Он же*. Piesni Kobeckiego // Myśl Karaïmska, Wilno. 1928. Т. I, z. 4-5.

⁵⁴ В. Kokenai. Bir-nieia bergianliar Karaj sioz-bitiktian // Onarmach, Panevėžys, 1939.

⁵⁵ W. Radloff. Vorläufiger Bericht über eine wissenschaftliche Reise in die Krym im Jahre 1886 // Mélanges asiatiques. St-Pb., 1887. Т. IX, N 3; *Он же*. Bericht über eine Reise zu den Karaïmen der westlichen

караимов два диалекта и отметил характерные черты галицкого диалекта, отличающие его от тракайского. Последующие диалектологические работы основывались на этой классификации и уже представляли собой более развернутое описание разных разделов фонетики и грамматики конкретных диалектов караимского языка. Другой исследователь караимского языка XIX в. К. Фой⁵⁶ сосредоточил свое внимание на особенностях галицкого диалекта.

В XX в. вопросы фонетики и грамматики диалектов караимского языка получили освещение в трудах Я. Гжегожевского⁵⁷, А. Зайончковского⁵⁸, Н.А. Баскакова⁵⁹. «Краткая грамматика западнокараимского языка» А. Зайончковского впервые дает систематические сведения по грамматике и фонетике галицкого диалекта. В статье О. Прицака⁶⁰ сделана попытка изложить в кратком виде строй всех диалектов караимского языка (она написана на основании обобщения данных трудов В. Радлова, Т. Ковальского, Я. Гжегожевского и А. Зайончковского).

В области караимской лексикологии и лексикографии можно

Gouvernements // *Mélanges asiatiques*. St.-Pb., 1888. T. IX, N 4; // *Bulletin de l'Académie imperiale des sciences de St.-Pb.* 1888. T. XXII, N2.

⁵⁶ К. Фой. *Karaimisch-türkische Sprachproben aus Kalic in Galizien* // *Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen*, Berlin, 1898. T. I, Abt. 2.

⁵⁷ J. Grzegorzewski. *Ein türk-tatarischer Dialekt in Galizien* // *Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien. Phil.-hist. Kl.* Wien, 1903, CXLVI, 1; *Он же*. *Narzecze poludniowe karaityw polskich* // *Sprawozdani z czynności posiedzen Akademii Umiejktnosci*. Krakow, 1917. T. XXII; *Он же*. *Caraimica. Język Lach-Karaityw* // *Rocznik Orientalistyczny*. Krakow, 1916-1918. T. I, z.2; T. Kowalski. *Materiały karaimskie s.p. Jana Czregorzewskiego* // *Myśl Karaimska*, Wilno. 1934. N10.

⁵⁸ A. Zajoukovski. *Sufiksy imienne i czasownikowe w języku Zachodnio-Karaimskim*. Krakow, 1932; *Он же*. *Krytki wykład...*

⁵⁹ Н.А. Баскаков. *Некоторые наблюдения над синтаксисом караимского языка* // *Ural-Altäische Jahrbücher*. Vol. 36, f. 3-4, 1965.

⁶⁰ О. Прицак. *Das Karaimische* // *Philologiae Turcicae Fundamenta*. Wiesbaden, T/ I, 1959.

отметить в первую очередь статью В.А. Гордлевского⁶¹, а также работы Н.А. Баскакова⁶² и польских тюркологов-караимов А. Зайончковского⁶³, А.И. Дубинского⁶⁴, В. Зайончковского⁶⁵.

⁶¹ В.А. Гордлевский. Лексика караимского перевода библии // Доклады АН СССР. Сер. В, 1928, № 5.

⁶² N.A. Baskakow. Z prac nad siownikiem karaimsko-rosyjsko-polskim // Przegląd orientalistyczny. Warszawa, 1960, N 4.

⁶³ A. Zajączkowski. Terminologia muzulmacska a tradycje nomadyw w słownictwie Karaimskim // Myśl Karaimska. Seria nowa. Wrocław, 1946-1947. T. 2.

⁶⁴ A. Dubinski. Badania nad siownictwem języka karaimskiego // Przegląd Orientalistyczny. Warszawa, 1958, N 2(26); *Он же*; Die magisch-weissagerische Terminologie im Karaimischen // Ural-Altäische Jahrbücher. 1964. Vol. 36, f. 3-4.

⁶⁵ Wi. Zajączkowski. Zapożyczenie litewskie w języku Karaimów trockich // Sprawozdania Polskiej Akademii Umiejętności, 1948; T. XLIX.; *Он же*. Die Krimkaraimischen Sprichwörter // Folia Orientalia, Kraków, 1959, I/1; *Он же*. Die mongolischen Elemente in der karaimische Sprache // Folia Orientalia. Kraków, 1960, I/2.

Лексические заимствования из древнееврейского языка в караимском вкратце показаны в статье М. Алтбауэра «Об евреях – литовских караимах и об еврейских элементах в их языке»⁶⁶. Базой для анализа послужили материалы, взятые автором в основном из текстов Т. Ковальского. Автор склонен не всегда обоснованно приписывать еврейскому языку многие нетюркские элементы в строе караимского языка: нарушение порядка слов, частое употребление личного и указательного местоимения *ол*, *бу* и т.д. Необходимо постоянно учитывать при исследовании караимского языка существование книжного (главным образом, язык переводов Библии, где сохраняются почти все отличительные черты древнееврейского языка, поскольку по религиозным канонам при переводе Библии предписывалось не изменять почти ничего, или, тем более, отбрасывать что-либо) и разговорного языка (в котором преобладают из иноязычных славянские элементы), причем язык переводов Библии был понятен не всем караимам, поскольку в нем был изменен характерный для караимского языка синтаксис.

Лексический материал, собранный В. Радловым и его помощниками включен в его знаменитый словарь – Опыт словаря тюркских наречий. Тт. I-IV. СПб., 1893-1911. Можно считать, что он излишне доверял информантам, из-за чего в словаре встречается немало ошибок, противоречащих фонетическим закономерностям караимских диалектов.

В 1933-1935 гг. А. Мардкович впервые опубликовал караимско-польско-немецкий словарь (объем около 4000 слов), который является единственным словарем галицкого диалекта⁶⁷.

Одним из первых караимских словарей является вышедшая в

⁶⁶ ל' שוננו (Лешонену), Иерусалим, 1957. Т. XXI, N 2; 1958. Т. XXII, N 4. Автор вслед за некоторыми иностранными учеными называет караимов «евреями».

⁶⁷ A. Mardkowitz. Karaj sez bitigi. Słownictwo karaimskie. Karaïmsko-polsko-niemiecki siownik. Juck, 1933-1935. Рец. на этот словарь см.: Т. Ковальский. // *Myśl Karaimska*. Wilno, 1936, N II; *Ян Рыпка* // *Archiv orientalni*. Praha, 1936, T. VIII, N 1.

1831 г. в Константинополе книга «Зехер рав», представляющая собой караимские толкования трудных слов древнееврейского языка, встречающихся в Библии. Толкование сделано Евпаторийским гахамом, выходцем из Луцка Яшаром-Иосифом Соломоном Луцким. Лексика этого словаря представляет собой язык караимов, живущих в Крыму и Турции, близкий к крымтатарскому литературному языку.

Ряд вопросов изучения караимского языка и литературы получил освещение в статьях В. Зайончковского⁶⁸. Польский караимовед А. Дубиньски опубликовал немало статей по вопросам караимского языка и литературы, скрупулезно собирал и публиковал библиографию по караимоведению⁶⁹.

Список публикаций материалов на древнееврейском и караимском языках караимских авторов мы находим у С. Познанского, который, по-видимому, и древнееврейский язык считает караимским⁷⁰.

Материалы караимского языка привлекались и в исследованиях по другим тюркским языкам, особенно при исследовании языка

⁶⁸ *Wl. Zajaczkowski*. Die bibliographischen Materialien zur Erforschung der karaimischen Sprache und Volkskunde // *Folia Orientalia*. Kraków, 1960, I/2.

⁶⁹ *A. Dubinski*. Początki zainteresowania językiem i literaturą karaimską w nauce europejskiej do końca XIX wieku // *Przegląd orientalistyczny*, Warszawa, 1959, N 2 (30); *Он же*. Z dziejów badań nad językiem i literaturą karaimską // *Przegląd orientalistyczny*, Warszawa, 1960, N 2 (34); *Он же*. Phonetische Merkmale des Juck-Halicz Dialektes der karaimischen Sprache // *Rocznik orientalistyczny*, Warszawa, 1979. T. XXXIX, z. 2. *Он же*: Pół wieku karaimoznawstwa w Polsce // *Euhemer – Przegląd religioznawczy*, 1975, N 4 (98); *Он же*. Publikacje religioznawcze w zakresie karaimoznawstwa polskiego (1918-1980) – bibliografia // *Karaimi (materiały z sesji naukowej)*. Pieterikó, 1987 и др.

⁷⁰ *S. Poznanski*. Die karaische Literatur der letzten dreißig Jahre // *Zeitschrift für Hebraische Bibliographie*. Frankfurt a.M., 1909-1910. Tt. XIII, XIV. *Он же*. Karaische-tatarische Literature // *Keleti Szemle*. Budapest, 1912-1919. Tt. XIII, XIV, XVIII.

памятника «Codex Cumanicus» и языка половецких армян⁷¹. Некоторые материалы по караимскому языку имеются в кандидатской диссертации И.Я. Неймана⁷².

Материалы караимского языка из трудов В.В. Радлова, Я. Гжегожевского, К. Фоя, Б. Мункачи, Т. Ковальского и А. Зайончковского были использованы в работах по общим вопросам тюркологии⁷³.

Большинство исследований по караимскому языку написано на иностранных языках и публиковалось незначительными тиражами.

Некоторое оживление в изучении караимского языка в бывш. Советском Союзе началось во второй половине 50-х годов⁷⁴. Начи-

⁷¹ В.А. Гордлевский. Замечания на «Пословицы крымских татар, изданные И.А. Фалевым» // ЗВОРАО. Пг., 1921. Е. XXV. А.Н.Самойлович. К истории и критике Godex Cumanicus // Докл. АН СССР. Сер. В., 1924; Т. Kowalski. Wyrazy kipczackie w jkzyku Ormian polskich // Myśl karaimska. Wilno, 1939, N 12; M. Lewicki, R. Kohnowa. La version turque-kiptchak du Code de lois des Armйniens d'apres ms. N 1916 de la Bibliotheque Ossolineum // Rocznik Orientalistyczny. Warszawa, 1957, T. XXI; J. Deny. L'Armeno-coman...; H.S. Shapszal. O zatracenii jkzyka ojczistego przez Tataryw w Polsce // Rocznik Tatarski. Wilno, 1932. T. I; T. Kowalski. Zu den turkischen Monatsnamen // Archiv Orientalni. Praha, 1930. T. II, N 1; K.H. Menges. Qaraqalpak Grammar. N.Y., 1947. и др.

⁷² И.Я. Нейман. Подчинительная связь между членами простых предложений в современном русском языке сравнительно с тюркскими (узбекским, западнокараимским, турецким). Ташкент, 1950.

⁷³ А.Е. Кримський. Тюрки їх мови та літератури. Київ, 1930; М.Рясянен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955; Он же. Materialien zur Morphologie der turkischen Sprachen. Helsinki, 1957; S. Wurm. Turkic Peoples of the USSR, their historical background, their languages and the development of Soviet linguistic policy. London, 1954 и др.; K.H. Menges. The Turkic Peoples and Languages. Wiesbaden, 1968.

⁷⁴ См., например, Н.А. Баскаков. Состояние и ближайшие перспективы изучения караимского языка // Вопросы языкознания. 1957, № 6.

ная с 1957 г. К. Мусаев опубликовал ряд статей по вопросам караимской диалектологии, строя караимского языка, об отношении караимского языка к другим тюркским языкам, об изучении караимского языка и т.д.⁷⁵

Краткий грамматический очерк о языке крымских караимов, отражающий его неразрывную связь с крымтатарским языком, опубликован О.Я.Прик⁷⁶.

Важнейшим этапом в научном исследовании караимского языка явилась публикация академической грамматики караимского языка⁷⁷ и караимско-русско-польского словаря⁷⁸, вобравшего в себя

⁷⁵ *Kenesbajus Musajevas*. Karaimų kalbos vieta kitu tiurkų kalbu šeimoje // Pergalės Vėliava, 1957, N 67. *Он же*. Lietuvos karaimai ir jų kalba // Panevėžio Tiesa, 1958, N 99; *Он же*. Studijuojama Lietuvos karaimų kalba. Tiesa, 1958, N 195; *Kenesbaj Musajew*. Miejsce języka karaimskiego w rodzinie języków tiurkskich // Sztandar zwycięstwa, 1957, N 67; *M. Tinfavičius*. Tiriama karaimų kalba // Pergalės vėliava, 1957, N 66; *К. Мусаев*. Рец. на: *О. Притсак*. Das Karaimische // Philologiae Turcicae Fundamenta. Wiesbaden, 1959. I – в ж. Вопросы языкознания. 1962, № 1. *К. Мусаев*. Диалекты караимского языка в их отношении к другим тюркским языкам // Тезисы докладов на IV региональном совещании по диалектологии тюркских языков, 27-30 мая 1963 г. Фрунзе, 1963; *Он же*. Способы выражения категории принадлежности в караимском языке // Тюркологические исследования. М. – Л., 1963; *Он же*. Заметки о языке крымских караимов // Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1966. Вып. IV. *Он же*. Караимский язык // Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. М., 1966; *Он же*. Караимский язык // Языки мира. Тюркские языки. М., 1997; *Он же*. Краткий грамматический очерк караимского языка, М., 1977; *Он же*. Строй караимского языка. Автореф. дис... д-ра филол. наук, Баку, 1968 и др.

⁷⁶ *О.Я. Прик*. Очерк грамматики караимского языка (Крымский диалект), Махачкала, 1976.

⁷⁷ *К.М. Мусаев*. Грамматика караимского языка, фонетика и морфология. М., 1964.

⁷⁸ *Н.А. Баскаков, А.Н. Дубинский, А.А. Зайончковский, В.Н. Зайончковский, Р.М. Ижбулатова, Х.Ф. Исхакова, К.М. Мусаев*,

материалы всех предыдущих лексикографических трудов, по существу зафиксировавших караимский язык как исторический памятник.

Из опубликованных трудов о языке караимов в 90-х годах XX века следует отметить сборник статей А. Дубиньского⁷⁹, словарь М.Э.Хафуза⁸⁰ и разговорник Г.С. Ялпачика⁸¹. Выпущены также несколько книжек по устному народному творчеству караимов⁸².

В последние годы о караимах опубликован ряд книг, в том числе первый том караимской народной энциклопедии на основе материалов С. М. Шапшала⁸³, а также книги самих караимов под названием «Караимы о своем народе»⁸⁴. В области языкознания в последнее время работают Анна Сулимович (Anna Sulimowicz, Варшава), Генрик Янковский (Henryk Jankowski, Познань), Эва Чато-Йогансон (Eva Csato-Johanson, Германия), разработавшая проект создания компакт-диска, а также тюркологи в Турции: Мустафа Онер (Mustafa Oner, Измир), Озлем Казан (Ozlem Kazan, Стамбул), Мехмет Олмез (Mehmet Olmez, Анкара).

СИНТАКСИС

Синтаксический строй караимского языка до сих пор оставался весьма мало тронутый лингвистическими исследованиями областью. В этом отношении его нельзя сравнивать ни с его фонетикой, ни с его морфологией. Синтаксическая структура

С.М.Шапшала. Караимско-русско-польский словарь. М., 1974.

⁷⁹ *A. Dubinski*. Caraimica. Prace Karaimoznawce. Warszawa, 1994.

⁸⁰ М.Э.Хафуз. Русско-караимский словарь. (Крымский диалект). М., 1995.

⁸¹ *Г.С. Ялпачик*. Русско-караимский разговорник. Симферополь., 1993.

⁸² *Karaj koltchalary*. Vilnius, 1993; *Ю.А. Полканов*. Кърым Къарайларынынъ аталар-созы. Бахчисарай. 1995.

⁸³ Караимская народная энциклопедия. Т. I., Вводный. М., 1995.

⁸⁴ Материалы к серии «Народы и культуры», вып. XIV, М., книги: 1– *Б.С.Ельяшевич*, 1993; 2 – 1993; 3 – 1994; 4 – *М.Э. Хафуз* 1994; 5 – *В.И. Кефели*, 1994.

караимского языка в силу своеобразия развития имеет интереснейшие особенности, не свойственные другим тюркским языкам кыпчакской, уже –западнокыпчакской группы, в которую он входит как общепризнанный ее представитель. В словосочетании особенно заметны специфические черты в способности слов сочетаться между собой, в порядке расположения главного и подчиненного элемента. С этим связано то, что в отличие от многих «типичных» тюркских языков, в караимском предложении отроится более свободно, допускается свободное размещение почти всех членов предложения, произошла некоторая перестройка почти всех подуровней синтаксиса.

В караимском языке не получили развития глагольно-именные конструкции (образуемые глагольными именами), которые в большинстве современных тюркских языков, в особенности в северо-западной группе, выступают как основной способ передачи сложных мыслей¹. Подобные конструкции в караимском языке лишь изредка образуются формой на *-ган*. Утрата функции образования сложных синтаксических конструкций привела и к изменениям в морфологии, в частности, к исчезновению причастия на *-р*, существующего во всех тюркских языках кыпчакской группы. Категория деепричастия, образующая во всех тюркских языках сложные синтаксические конструкции, в караимском имеет более узкую сферу употребления – она в предложении реализуется в основном одиноко или с управляемым именем как отдельный член предложения, редко образует более сложную синтаксическую конструкцию. Вместо указанных типов сложных оборотов широкое развитие получили сложные предложения с придаточными, присоединяемыми к главному посредством союзов и относительных местоимений, что во многом является влиянием строя окружающих славянских языков. По-видимому, это наряду с другими фактами свидетельствует о том, что широкое развитие в тюркских языках глагольно-именных, причастных и деепричастных сложных конструкций – процесс более позднего времени.

¹ См. *К.М. Мусаев*. О глагольно-именных конструкциях в казахском языке. Автореф. дис. канд. н. М., 1956.

Поэтому в караимском языке не возникает проблемы отнесения причастных, деепричастных и глагольно-именных конструкций к предложениям или словосочетаниям, они представляют собой слабо развитые конструкции – не являются предложениями. В современном языке вместо них функционально выступают личные глагольные формы. Ср. например, казахское: *ол үйге барып айтты*, караимское: *Ол үвгя барды да айтты* ‘Он пошел домой и сказал’.

В структуре сложного предложения караимского языка основным типом связи компонентов является аналитический тип – осуществление связи посредством союзов и относительных местоимений. В результате этого в отличие от других тюркских языков расширились грамматические функции вопросительных местоимений, их возможность сочетаться с другими словами; возникло множество союзов и союзных слов, заимствованных из славянских либо калькированных из этих же языков по их образцам. Как увидит читатель в дальнейшем, сложно-подчиненные предложения в караимском языке строятся преимущественно по типу славянских.

Неразвитость сложных предложений, возникших на базе расширения простого предложения, и широкое распространение типов сложных предложений, свойственных славянским языкам, показывает, что более интенсивный процесс развития сложного предложения в караимском языке происходил после их переселения на нынешние территории.

Сказанное выше говорит о том, что значительное влияние оказали окружающие неродственные языки на синтаксический строй караимского языка. Это влияние происходило в условиях более расширяющегося двуязычия и многоязычия среди караимов и пронизывает все «подуровни» синтаксического строя: словосочетание, простое предложение, сложное предложение. Наиболее ярко проявляется славянское влияние в разговорном языке и языке письменной светской литературы, меньше – в языке переводов духовной литературы – книжном языке, где заметно влияние языка оригинала – древнееврейского. Таким образом, синтаксис языка в определенных условиях (например, массового двуязычия) оказывается весьма проницаемым для элементов неродственного языка.

Синтаксис караимского языка прежде всего – это синтаксис разговорного языка, поскольку сфера бытовой разговорной речи доминирует в динамике функционирования караимского языка в последнем столетии. Это также связано с отсутствием общего объединяющего и унифицирующего и стандартизирующего влияния единого литературного языка. Поэтому связь языка литературных произведений, общественно-политических очерков, поэтических произведений с разговорной речью в караимском языке ощущается сильнее, чем в литературных языках с устоявшимися нормами. Размываются стилистические различия устной речи как основы от письменной ее формы фиксации.

К разговорной речи по своей структуре близок и строй синтаксиса караимских пословиц и поговорок, в котором преобладают односоставные и двухсоставные простые предложения.

При исследовании различных категорий синтаксического строя языка, так же как и других уровней языка, их необходимо рассматривать не в «чистом» рафинированном виде, как исконное, изначальное явление, а учитывать все возможные контакты данного языка с другими как родственными, так и неродственными языками. Такой подход целесообразен как при изучении строя отдельного языка, так и при реконструкции праязыка группы языков или всей семьи языков.

Общенародное двуязычие и многоязычие караимов является своеобразным типом аккультурации, и всякая встречающаяся в караимском языке интерференция представляет собой случай культурной диффузии. Возникновение контактного двуязычия неразрывно связано с условиями жизни носителей караимского языка. Языки окружающих народов, превосходящих по своей численности, экономическому и политическому положению, культурному развитию широко употребляемые в повседневной общении, обуславливают возникновение караимско-русского, караимско-польского, караимско-украинского и караимско-литовского двуязычия и караимско-русско-польского и других видов многоязычия.

Отражение общенародного устоявшегося веками типа двуязычия в структуре караимского языка пока не стало объектом широкого и углубленного лингвистического изучения.

Большинство исследователей билингвизма (особенно – западноевропейских и американских) уделяет внимание выявлению особенностей языка, возникающих в процессе сознательного изучения и овладения иностранным языком. Однако необходимо особо подчеркнуть, что до сих пор основная масса людей в совершенстве овладевает вторым языком лишь в результате непосредственного общения с носителями другого языка, а не в результате обучения по учебникам, механизм этого феномена недостаточно исследован.

При изучении вопросов языкового влияния, так же как и в проведении многих сравнительных исследований, необходимо соблюдать определенные этапы. В данном случае, когда речь идет о влиянии двуязычия на синтаксис, прежде, чем сделать определенные выводы, можно было бы наметить, по крайней мере, два этапа исследования: 1) выявление элементов, возникающих или исчезнувших под влиянием двуязычия и объяснение их причин в отдельных языках; 2) сравнительное исследование явлений по определенным группам языков, т.е. первый этап является этапом накопления фактических материалов, 3) теоретическое обобщение результатов исследования. К сожалению, нередко среди лингвистов наблюдается спешка, они иногда делают далеко идущие выводы, минуя указанные этапы.

В отличие от синтаксического влияния для проникновения лексических элементов другого языка не обязательно наличие двуязычия, например, люди, употребляющие в своем языке слова *колхоз*, *совхоз*, *спутник*, *луноход* и т.д., могут не иметь представления о русском языке, или непосредственное отношение к этим предметам, так же как носители русского языка, употребляющие в своем языке слова *акын*, *аул* и т.д., обходятся без знания тюркских языков.

Влияние другого языка на все уровни караимского в условиях общенародного контактного двуязычия оказывается гораздо глубже и шире, чем при других типах двуязычия.

Синтаксический строй языка является одним из наиболее проницаемых уровней, поскольку он тесно связан с формированием мышления, особенно в условиях массового общенародного двуязычия. Появляется множество синтаксических калек на всех

«подуровнях»: в словосочетании, в предложении, как в простом, так и сложном. В условиях устойчивого двуязычия эти кальки перестают восприниматься как отклонение от норм и законов родного языка.

При рассмотрении вопроса о влиянии двуязычия следует четко отличать синтаксические элементы, появившиеся в родном языке в процессе перевода литературы с другого языка (например, в условиях массового перевода литературы с русского на языки народов бывшего СССР в переводной литературе часто можно видеть перенесение не характерных для данного языка синтаксических конструкций русского языка) от элементов, возникших в результате массового двуязычия народа. При проникновении в синтаксис родного языка элементов другого языка не обязательно наличие в первом аналогичных или слабо развивающихся тенденций и явлений. Например, во многих современных тюркских языках имеется тенденция к расширению функций оборотов с глагольными именами, причастных и деепричастных оборотов, тогда как в караимском языке, относящемся к тюркским, широкое развитие получило союзное подчинение компонентов сложного предложения, что является результатом влияния славянских языков. Обычно элементы другого языка в письменный язык проникают меньше, чем в устную речь, здесь сказывается роль сознательных и субъективных факторов – соблюдение языкового стандарта, стремление очищать язык от влияния извне и т.д. Однако в караимском языке славянское влияние проявляется и в письменном языке.

В условиях общенародного двуязычия в течение определенного исторического периода в развитии караимского языка в нем появились новые структурные типы синтаксических категорий, чуждые другим родственным ему тюркским языкам: новые типы и способы сочетания частей речи, новые типы оборотов, новые типы простых и сложных предложений, исчезновение характерных для других родственных языков типов сочетаний частей речи, оборотов, предложений и т.д., что в свою очередь способствует появлению новых категорий и форм в морфологии языка.

Более рельефно возможно показать картину влияния синтаксического строя одного языка на синтаксический строй

другого языка при выявлении таких материалов, которые представляют собой результат влияния языка другой системы, значительно отличающейся по своей структуре. Именно таковыми являются славянские элементы в синтаксическом строе тюркских языков (как известно, первые относятся к флективным, а вторые – к агглютинирующим). При этом влияние целесообразно рассматривать в тесной связи с влиянием другого языка (или языков) на все другие уровни языка (фонологию, морфологию, лексику), иначе выводы не всегда будут верными.

Наблюдения над изменениями в синтаксисе караимского языка, одного из тюркских языков, испытывающего сильное влияние славянских языков при длительном существовании караимско-славянского двуязычия, которое затем перешло в славянское или литовское одноязычие у караимов, показывают, в каких сферах синтаксического строя языка-реципиента происходят наиболее существенные изменения. Благодаря общенародному двуязычию в течение нескольких столетий тенденция к приведению структуры родного языка в соответствие со структурой другого языка зашла так далеко, что в синтаксисе караимского языка произошли типологические изменения, не свойственные тюркским языкам.

Славянское окружение, отсутствие особенностей экономической и политической жизни привели к интенсивному общению между представителями караимского и славянских народов. В этих условиях караимы реже стали употреблять свой родной язык, передавая все большую часть его функций славянским языкам.

Билингвизм у караимов до недавнего прошлого зависел от возраста говорящих и географического их положения: 1) караимско-русский или русско-караимский – у старшего поколения караимов в Российской Федерации, у молодежи – русское одноязычие (за редким исключением); 2) караимско-украинский или украинско-караимский – у старшего поколения караимов, проживающих на Украине, у молодежи – украинско-русский билингвизм, реже – украинско-русско-караимский полилингвизм, с сильно ослабленным караимским; 3) караимско-польский – у старшего поколения караимов, проживающих на территории Литвы, караимско-литовский – у части старшего поколения, у ряда представителей старшего поколения существовал русско-польско-

караимский или русско-литовско-караимский полилингвизм, у молодого поколения – русско-литовский билингвизм. Кроме перечисленных, по-видимому, еще в определенный период существовал и караимско-белорусский билингвизм, однако в данное время у нас нет достаточных сведений об этом. Таким образом, влияние четырех славянских языков отражается в синтаксическом строе караимского языка. Элементы другого языка проникали в условиях мышления билингва. Чтобы могло иметь место влияние языков и сближение структур в этом процессе между влияющим и реципиентом должно существовать посредствующее звено, которым в процессе двуязычия выступает мышление билингва.

Несмотря на то, что в литературе немало сказано о проницаемости синтаксиса, выявлено мало данных, подтверждающих теорию о проницаемости синтаксиса, что дает повод противникам этой теории не принимать ее всерьез. Приводимые обычно материалы, кочующие из одной работы в другую, в большинстве своем представляют собой развитие на базе имеющихся уже в языке структур. К. Бругманн писал: «Заимствования в области синтаксиса происходят не так, что некое явление, доселе совершенно чуждое языку, перенимается им из другого языка наподобие слова для какого-нибудь культурного понятия, так что языку навязывается "нечто абсолютно неизвестное"... Известное совпадение было уже с самого начала, но что у одного народа встречалось только эпизодически и в зачаточном состоянии, то у другого было правилом и достигало широкого распространения; в процессе общения языков существующие у одной из сторон начала... получали дальнейшее развитие»². О том, что это не всегда соответствует действительности, можно убедиться при ознакомлении с приводимыми ниже материалами. В книге В.А. Звегинцева в разделе, посвященном синтаксическому влиянию, характерно следующее заявление автора по этому вопросу: «Как только дело доходит до того, чтобы установить, какие же конкретно грамматические элементы или конструкции перешли из

² Цит. по: *Звегинцев В.А.* Очерки по общему языкознанию. М., 1963, с. 243-244.

скандинавского в древнеанглийский, их невозможно обнаружить»³, т.е. у авторов, говорящих о проницаемости синтаксических элементов, оказывается зачастую отсутствуют доказательные материалы.

Синтаксис караимского языка в силу своеобразия развития имеет интереснейшие особенности, не свойственные другим тюркским языкам северо-западной или кыпчакской группы, в которую он входит как общепризнанный ее представитель. Эти особенности – несомненно новое развитие в караимском языке, особо выделяющее его среди тюркских языков (некоторые аналогичные явления заметны и в гагаузском языке, относящемся к юго-западной группе тюркских языков, который испытал влияние индоевропейских языков)⁴. Эти особенности образуют две группы явлений: 1) появление новых, не характерных для тюркских языков явлений, 2) исчезновение специфически тюркских явлений. Категории, коренным образом отличающиеся от категорий окружающих языков, снижают частотность своего употребления в речи, и с течением времени, помимо сказанного во введении, сводятся к следующему: оформление глагольных сказуемых придаточного предложения в личной форме; неразвитость сложных глагольно-именных, причастных, деепричастных конструкций; соединение компонентов сложного предложения в основном посредством союзов и относительных (союзных) местоимений.

В структуре словосочетания особенно заметны специфические черты в способности слов сочетаться между собой, в порядке расположения главного и подчиненного элементов.

Наиболее устойчивыми и не подвергающимися изменению оказываются те элементы, которые имеются в окружающих языках, хотя и несколько отличные; так, например, в караимском языке сохранилось согласование в числе и лице между подлежащим и сказуемым и т.д.

Влияние синтаксиса славянских языков в строе простого предложения караимского языка проявляется прежде всего в

³ Там же, с. 227.

⁴ Л.А. Покровская. Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении. М., 1978.

свободном порядке расположения членов предложения в отношении друг к другу. Как известно, в тюркских языках существует в основном строгий порядок расположения главного и подчиненного элемента (членов предложения), например, подлежащее – сказуемое, определение – определяемое, дополнение – глагольное сказуемое, обстоятельство – глагольное сказуемое, нарушение допускается в поэтической речи и в разных случаях. Опыт обучения тюркским языкам лиц, для которых родным языком является один из индоевропейских языков, показывает, что для них в грамматике основную трудность представляет порядок слов в синтаксисе тюркских языков. В отличие от многих «типичных» тюркских языков в караимском предложении отойдет более свободно, допускается свободное размещение в отношении друг к другу почти всех членов предложения, поэтому порядок слов не всегда выступает как средство связи слов и средство разграничения членов предложения. Иногда по порядку слов трудно установить, который из компонентов словосочетания выступает подчиненным, который – главным, господствующим. Например, т. *Бурунгу йылында тарлыхнын үвюндя карандашларынын ол тунгучнун* (0, 10). 'В первый год беды в доме их старшего брата ...'. Данный отрезок предложения в основной массе тюркских языков имел бы другое построение: *тарлыхнын бурунгу йылында тунгуч карандашларынын үвюндя*. Другой пример: *Айтат ол майа бюгюн* 'говорит он мне сегодня' – обратите внимание на точное совпадение порядка слов данного предложения в караимском и русском языках. В других тюркских языках аналогичное построение порядка слов, как правило, исключается. Подобное явление имеется и в следующем примере: *Анчах сагышында анын эди энгя* (М.И. Т., 16) 'Однако в мыслях его было другое'. При строгом соблюдении тюркского порядка слов приведенные предложения имели бы следующее построение: *Ол майа бюгюн айтат; анчах анын сагышында энгя эди*. Подобные и другие синтаксические особенности караимского языка ярче выступают при сопоставлении его с другими тюркскими языками, не подвергавшимися синтаксическому влиянию со стороны неродственных языков. В этом отношении эталоном может служить казахский и каракалпакский языки, которые благодаря своему

географическому положению – они находятся в самом центре тюркских языков, т.е. со всех сторон окружены тюркскими языками и меньше подверглись иноязычному (нетюркскому) влиянию. Таким образом, в отношении изменений под иноязычным влиянием в синтаксисе караимский и казахский языки образуют два противоположных полюса. Развитие свободного порядка слов в караимском языке можно объяснить еще и тем обстоятельством, что благодаря широко разветвленной словоизменительной системе языка, как и в других языках агглютинирующего типа, в нем порядок слов не имеет того значения, который мы наблюдаем в языках аналитического типа.

В караимском языке под влиянием славянских языков возник новый тип согласования для тюркских языков – согласование определения и определяемого во множественном числе и в грамматических падежах (винительном и родительном):

а) согласование во множественном числе определяемого и определения: *Кацар йыллар ол йаманлар, йахсыны керебиз* (МК, I, 18). ‘Пройдут годы тяжелые, и мы увидим хорошее’; *Андан сортун табад савутлар, керяклиляр ишлямякя мацаны* (RO. V, 203) ‘Затем находят принадлежности, необходимые для приготовления мацы’. В этих примерах согласование во множественном числе определяемого с определением происходит в словосочетаниях *йыллар йаманлар, савутлар керяклиляр*. В этих же словосочетаниях порядок расположения определения и определяемого отражает славянский строй, по нормам тюркских языков «правильный» порядок – *йаман йыллар, керякли савутлар*;

б) согласование в падеже между определением и определяемым – невозможное явление в других тюркских языках, в караимском получило распространение: *Бу тынч сувлары гёлнюн Галвенин да йешиңлиги отрачларнын* (ДК, 2,5). ‘Эти тихие воды озера Галве и зелень островов’. В этом примере происходит согласование в родительном падеже между определением и определяемым *гёлнюн Галвенин*. В следующем примере определение и определяемое *йаманлыхны ушпуну* согласуются в винительном падеже: *Да эшиттиляр үч достлары Иовнун бар ол йаманлыхны ушпуну ол келгяни анар*. (Ков, 3) ‘И узнали три друга Иова обо всем этом зле, которое явилось к нему’.

Глагольное управление зачастую зависит (имеется в виду те случаи, когда тюркское управление различается от славянского) от того, каким падежом управляет соответствующий эквивалент караимского глагола в славянских языках. Так, например, в тюркских языках антонимичные глаголы движения *оз-* ‘перегонять’, *кал-* ‘отставать’ требуют от имени, которым они управляют, принятия аффикса исходного падежа. В караимском языке эти глаголы управляют разными падежами, что следует рассматривать как влияние славянских языков: *оз-* управляет винительным падежом, поскольку соответствующий славянский глагол, например, русс. *перегонять*, управляет винительным падежом: *Мен аны оздум* ‘я его перегнал’, тогда как глагол *кал-* по-прежнему управляет исходным падежом, поскольку соответствующий славянский глагол, например, русс. *отставать*, требует от имени сочетания с предлогом *от*, который по своему значению и грамматической функции соответствует тюркскому исходному падежу: *Мен андан калдым* ‘я от него отстал’.

Широкое распространение получили инфинитивные сложные конструкции. Например, в караимском языке является нормой такие конструкции, как т. *майа керяк айтма* ‘мне нужно сказать’, *сайа керяк айтма* ‘тебе нужно сказать’ *Астры колабыз кодууэзну келмя* ‘Мы очень просим Вас прийти’ и т.д. Здесь необходимо подчеркнуть, что в караимском аффикс *-ма* образует именно инфинитивную форму глагола, а не глагольное имя или имя действия как в других тюркских языках, поэтому форма на *-ма* в караимском языке не принимает словоизменительных аффиксов принадлежности, падежа, числа.

Причастные и деепричастные конструкции более сложного типа существуют в той сфере языка, где и в окружающих языках возможно употребление подобных оборотов славянского типа. Например: т. *Йадаган бу кёрюмлярбя, йебирдим башымны йастых үстюня, йабунадогон шыдаба башым ашыра* (RO. X, 165). ‘Уставший от этих видов, я опустил голову на подушку и накрыл голову одеялом’. *Алэй бизнин өбгяляримиз да, тойуп бар наметтян да сыйдан, башладылар терсяймя* (КО, 145). ‘Но и наши предки, насытившись всяких почестей, начали сворачивать с правильного пути’.

В сложном предложении осуществление связи посредством союзов и относительных местоимений в свою очередь приводит к оформлению глагольного сказуемого придаточного предложения в личной форме, т.е. вместо различных оборотов, образуемых личными формами глагола, развитие получают сложные предложения с придаточными, присоединяемыми к главному посредством союзов и относительных местоимений. Например, для связи компонентов сложных предложений широко употребляются вопросительные местоимения *не* 'что', *кай* 'который' и их производные: *недя*, *кайда*, *кайдан* и др. *Чыгып кенесадан иштирылдылар суудага мидраш үвгя, кайсы тартылды кечяга дейин* (ДК. 2, 14). 'Выйдя из кенасы, они собрались в мидраше на веселье, которое длилось до ночи'. Таким образом, в караимском языке в отличие от других тюркских языков появился новый разряд местоимений в морфологии – относительные местоимения. Здесь мы являемся как бы свидетелями возникновения новой морфологической грамматической категории у одного из представителя алтайских языков⁵.

Из других основных синтаксических особенностей караимского языка, возникших под влиянием славянских языков, необходимо еще отметить следующие: сложно-подчиненные предложения строятся часто по типу славянских. Прямая речь связывается с авторской речью глаголом речи в личной форме, который служит сказуемым авторской речи: *Сизни тутмаймен – айтты ол безиргенлерге – болаласыз кайтма, эгер, клэйсиз* (КА I, 5) 'Вас я не задерживаю, сказал он купцам', – можете возвращаться, если хотите.

Сказанное выше свидетельствует о том, что проникновение элементов одного языка в другой в условиях длительного общенародного двуязычия может привести к глубоким типологическим изменениям в структуре языка, в данном случае в синтаксическом строе. Однако здесь необходимо особо подчеркнуть, что для подобных из-

⁵ См. *Т. Милевский. Предпосылки типологического языкознания // Исследования по структурной типологии. М., 1963, с. 23, где в числе языков, не знающих категории относительного местоимения, называются и «алтайские».*

менений требуется весьма длительный путь развития языка небольшого народа, окруженного превосходящим по численности и по уровню развития экономических, социальных условий, общественного развития. Также необходимо отметить, что подобные и другого характера изменения можно наблюдать именно в языках малых народностей. Изменения в языках малых народностей, которые трудно, даже невозможно, обнаружить в языках крупных народов, представляют огромный теоретический интерес.

Материалы караимского языка показывают, что распространенный тезис о легкости проникновения особенностей родственных языков на родственный язык и трудности влияния друг на друга неродственных языков является в некоторой степени отвлеченным и требует уточнения. При этом нужен не абстрактно теоретический, а конкретный историко-социологический подход, языковое развитие и влияние необходимо исследовать в тесной связи с историей каждого конкретного народа.

Караимский язык находится в иноязычной среде – в окружении главным образом восточнославянских языков. В близких условиях оказались и некоторые другие тюркские языки, в частности, такие, как более многочисленный по сравнению с караимским народом – гагаузский, однако благодаря компактности и многочисленности гагаузов его грамматика, в том числе и синтаксис не подверглись таким сильным изменениям, как строй караимского языка⁶.

Основным объектом грамматики синтаксиса, как известно, является всестороннее исследование строя предложения. Необходимо отметить, что предложение, даже самое сложное, не представляет собой высшего «уровня» языка или речи. Высшим уровнем языка или речи является текст, подразделяющийся на более мелкие единицы: часть → глава → абзац → предложение (здесь знак → употребляется в математическом его значении, т.е. острие стрелки указывает на меньший объект). Таким образом человеческая речь состоит из множества отрезко-текстов, которые в свою очередь делятся на части, они в свою очередь на главы, главы – на абзацы,

⁶ Л.А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964; *Она же*: Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении. М., 1978.

абзацы на предложения сложные и простые. Предложение таким образом является конечной неделимой значимой единицей речи. Однако само по себе предложение не атомистично, оно состоит из связанных между собой словосочетаний, слов, из отдельного слова, состоящего в свою очередь из морфемы, фонем, которые не являются объектом синтаксиса. Объектом синтаксического изучения выступает языковая область, ограниченная определенными рамками.

Фонема, морфема, слово, предложение – наиболее простые, поддающиеся систематическому изучению при современном уровне развития человеческих способностей, элементы языка. Абзац, глава, текст – наиболее сложные единицы языка, пока трудно поддающиеся систематическому изучению человеком. Поэтому современные лингвисты пытаются найти пути научного исследования этих «уровней» языка.

Любое предложение, как результат предикации в речи, произносится с определенной интонацией. Однако следует подчеркнуть, что речь, например, письменная, может быть понята и без наличия интонации. Человек может произносить, читать письменную речь (литературу) с соответствующей интонацией лишь потому, что у него есть опыт подобного чтения, говорения, накопленный годами. Это можно установить посредством простого опыта – дать человеку прочесть текст на незнакомом языке, написанный знакомыми знаками. Он будет читать этот текст с той интонацией, которая существует в его родном языке. Так, например, молодые караимы, не знающие караимского языка, не смогли читать тексты на караимском языке с присущей ему интонационной и другими речевыми особенностями.

Итак, объектом данного исследования синтаксиса караимского языка является строй предложения – способы его образования, типы предложения, элементы, образующие предложения.

Предложение является, помимо сказанного как бы промежуточным звеном, соединяющим слово и словосочетание со сложным предложением. Словосочетание, способы и типы сочетания между собой частей речи – представляет собой часть предложения поэтому и низший уровень по отношению к простому предложению, а сложное предложение – сочетание предложений в сложное

синтаксическое единство – более высокий уровень по отношению к простому предложению. Классификация типов простого предложения, словосочетания и сложного предложения зависит от цели исследования и подхода, как и в других областях человеческих знаний. Аналогично тому, как людей земного шара можно делить на определенные группы по признакам: 1) этническому происхождению, 2) антропометрии, 3) цвету кожи, 4) составу крови, 5) психическому складу, 6) строению волос и т.д., также возможна классификация предложений и их элементов по их структуре, форме, взаимоотношению с другими элементами, функции, семантике, характеру строевых компонентов и т.д.

Не все типы предложений и словосочетаний употребительны в одинаковой мере, что связано с языковыми или речевыми потребностями человека в процессе общения и требованиями к языку как к орудию коммуникации между людьми. Иногда это связано с тем обстоятельством, что функциональную нагрузку одних типов предложений могут нести другие типы (ср. уменьшение роли причастных и деепричастных оборотов в связи с передачей их функций предложениям с личной глагольной формой).

Составные части человеческой речи строятся по диалектической закономерности взаимозависимости и подчинения, т.е. имеют главный и второстепенный элементы. В каждом большом тексте например в романе есть, как правило, главный раздел, которому подчиняются другие разделы, уточняющие, развивающие содержание этого главного раздела. В этом главном разделе есть основная глава, которой подчиняются другие – второстепенные главы. В этой основной главе есть главная часть (абзац, строки и т.д.), которой подчиняются другие части. В этой главной части есть предложение, представляющее собой главное в отношении других. В этом предложении есть главное слово – главный член (подлежащее или сказуемое), которому непосредственно или через посредство других членов подчинены остальные слова в предложении. На этом основана возможность реферирования больших сочинений, возможность вкратце передавать основное содержание большого текста. Часто лишь по одному названию произведения можно догадаться, о чем идет речь в этом большом тексте. Языкознание на сегодняшний день занимается

исследованием главным образом доступных ему минимальных элементов речи: предложения, слова, морфемы и фонемы. Однако и эти «минимальные» единицы речи, например, предложения и словосочетания настолько многообразны и сложны, что дать точное и подробное описание всех их типов – задача весьма сложная и трудная.

Необходимо иметь в виду, что имеются три стиля и/или три разновидности караимского языка со своими особенностями, проявляющимися и в их синтаксисе. 1. Разговорно-бытовой язык со своими синтаксическими особенностями, заключающимися главным образом, в том, что предложения строятся короткими, часто опускаются какие-либо члены, подразумеваемые из контекста, из предыдущего вопроса, ответа, предложения или известные собеседникам и, члены предложения имеют более свободное месторасположение, чем в других стилях караимского языка. 2. Книжный язык – язык религиозной литературы, представляющей собой переводы Библии и молитвенников, В синтаксисе этого языка можно считать главной особенностью калькирование строя предложения языка-оригинала – древнееврейского (иврит). 3. И, наконец, язык письменной литературы светского содержания: рассказов, повествований, сообщений, стихотворений и т.д. Здесь также необходимо различать язык оригинальных произведений и язык переводных произведений (в основном – с русского, польского и литовского). В последнем также заметно калькирование синтаксического строя языка-оригинала. Как увидит читатель в дальнейшем, в языке оригинальных произведений можно наблюдать также множество калек словосочетаний, фразеологизмов, характерных для окружающих караимский славянских языков.

Слово в синтаксисе рассматривается как минимальный синтаксический элемент – кратчайшая единица речи, представляющая определенную грамматическую часть речи, выполняющая определенную функцию в синтаксисе языков, а не как лексическая единица. Поэтому когда применительно к синтаксическому строю караимского языка мы употребляем термин «слово», имеется в виду часть речи, представленная данной грамматической единицей. Термин «слово» в его синтаксическом понимании по современным

представлениям допускает подразумевать в его составе как одного, так и более физических единиц, т.е. оно может состоять как из отдельной (одной) единицы – части речи, так и из сочетания представителей одной или разных частей речи.

Синтаксис изучает слово в его функциональном использовании в языке и речи. Лексическое значение слова «в известной степени обуславливает его синтаксическую роль в предложении. Выступая в предложении, слово используется в нем, отвечая его лексическому содержанию. Оно выступает в позиции соответствующего предложения, включаясь в общее смысловое содержание высказывания и принимая на себя соответствующую долю смыслового значения формирующегося предложения. Поэтому расчленение предложения на его составные части и использование тех или иных слов в позициях выделившихся членов предложений также должно было оказать решающее влияние на образование лексических групп»⁷.

Наряду с этим «Строй предложения и его характер зависят не от слов и словосочетаний как таковых, а от их отношений к предложению и друг к другу, от того, какой вес и какое значение имеют они в формировании предложения. И только находясь во взаимосвязи, слова становятся членами предложения, т.е. теми синтаксическими категориями, какими мы должны оперировать, говоря о типе, структуре, взаимном расположении составных элементов предложения и о других его особенностях»⁸. Функция слова в предложении как представителя определенной грамматической части речи – лексико-грамматической группы слов – член предложения.

В данном труде нами рассматриваются такие категории, как словосочетание и предложение (простое и сложное). Большинство типов словосочетания (все кроме предикативного) не представляет собой акта речи, не обладает предикативностью, а является частью акта речи, его структурным элементом, так как оно не имеет

⁷ *И.И. Мещанинов*. Члены предложения и части речи. М.-Л., 1948, с. 4-5.

⁸ *Т.А. Бертагаев*. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. М., 1964, с. 28.

смысловой завершенности и целевой направленности. «Предложение выделяется в качестве единицы речи, и при этом в качестве основной единицы речи. Что касается словосочетаний, то они представляют собой единицы особого порядка – единицы в строении речи, известные куски речи, но не речь как таковую»⁹. Можно установить лишь внешнее сходство между предложением и словосочетанием, например, в тех случаях, когда предложение как и словосочетание состоит минимально из двух слов. В отличие от предложения, допускающего возможность состоять из одного слова, словосочетание не может быть образовано из одного слова.

Каждое предложение в зависимости от характера его сказуемого может быть либо глагольным – при наличии глагольного сказуемого, либо именным – при наличии именного сказуемого или отсутствии сказуемого. Это два основных типа простого предложения, различающиеся по характеру сказуемого, имеющие немало отличительных друг от друга черт, зависящих, главным образом, от особенностей, вытекающих из характерных черт глагола и имени как грамматических категорий, противопоставленных друг другу.

Предложение в караимском языке в основном составляется путем последовательного соединения друг с другом более мелких группировок: сначала два слова соединяются между собой, образуя некоторую группировку, затем к ней или ее члену присоединяется другая группировка или другое отдельное слово, образуя в целом новую более сложную группировку и т.д. Таким образом, все эти слова или группы слов в построении предложения являются его элементами, минимальным из которых является олово. Служебные слова среди этих элементов являются как бы связующими звеньями там, где невозможно осуществление связи посредством знаменательных слов. В особенности данное положение справедливо в отношении сочинительных союзов, которые в совокупности с паузой и интонацией в живой речи как бы заполняют грамматическую «пустоту», образующуюся между равноправными компонентами в предложении (как простом, так и сложном). Элементы, заполняющие «пустоту», можно обнаружить на всех уровнях языка, например, на фонетическом уровне к таким

⁹ *А.И. Смирницкий*. Синтаксис английского языка. М., 1957, с.50.

относятся так называемые вставные гласные и согласные, встречающиеся в некоторых морфемах при сочетании слов и морфем и т.д.

Подлежащее в современном караимском языке в отличие от многих других тюркских языков, располагается в отношении к сказуемому свободно, т.е. как в постпозиции, так и в препозиции. Как известно, в современных тюркских языках общепризнанным считается порядок: подлежащее – сказуемое. Однако можно предположить, что подлежащее в историческом прошлом, по-видимому, находилось в постпозиции в отношении к сказуемому. Такая гипотеза напрашивается из-за того, что, во-первых, в тюркских языках, как правило, подчиненный элемент в речевом потоке предшествует главному: определение – определяемое, дополнение – управляющий глагол и т.д. Поскольку сказуемое является подчиненным элементом при подлежащем – главном, «по всем правилам», сказуемое как подчиненный элемент должно было находиться в препозиции к сказуемому. По-видимому, и исторически в предложении грамматически подчиненный элемент предшествовал главному. Весьма вероятно, что именно этим можно объяснить приклеивание аффиксов лица и аффиксов принадлежности – бывших личных местоимений, выполнявших функции субъекта – подлежащего, к концу слова, а не к его началу (*бар-а-мын* ‘я иду’ и т.д.). Этим также можно, пожалуй, объяснить и приклеивание аффиксов – бывших послелогов, восходящих к самостоятельным словам, выступающих в роли грамматически главного слова, к концу слова.

В караимском языке, в результате того, что глагольное сказуемое как правило выражается в личной глагольной форме, не возникает особых проблем разграничения сложноподчиненного предложения от простого предложения с оборотами, образуемыми неличными формами глагола.

Проблемой является другое – разграничение простого предложения с однородными сказуемыми от сложного предложения, что в тюркологии пока, можно сказать, не получила достаточной разработки. Например: т. *Сон кёзюм тюштю тирки үстюня да анда тохтады ухахрах* (ДК. 10). ‘Затем я взглянул на стол и подольше смотрел на него’ (досл. ‘Затем мои глаза упали на стол и там оста-

новились подольше'). В этом примере имеется одно подлежащее *кёзюм* и два подчиненных ему сказуемых: *тюштю*, *тохтады*, со своими подчиненными элементами: *сон... тюштю тирки үстюня; анда тохтады ухахрах*. Эти две группировки сказуемых соединены между собой сочинительным союзом *да* и соответствующей перечислительной интонацией. Данное предложение вполне может быть отнесено в разряд простых распространенных. Оба сказуемых выражены в одной плоскости, обозначают последовательность действия, имеют одинаковую форму. Следующий пример уже труднее отнести в разряд простых: г. *Цийбал кибик тарлык тартылад да татлы тивилди* (посл.) 'Муки тянутся как мед, но они не сладки' (досл. 'Мед подобно муки тянется и не сладок'). В этом предложении также имеется одно подлежащее – *тарлык* и два сказуемых: *тартылад*, *татлы тивилди*. Однако эти сказуемые выражены в разных плоскостях, разными частями речи в различных формах, и, хотя связаны между собой посредством соединительного союза *да*, имеют отношение противопоставления и соответственно этому имеется контрастная интонация. Подобные предложения представляют собой промежуточный тип, определенное звено между простым и сложным предложением.

В караимском языке выделяются такие традиционно устанавливаемые синтаксические формальные структуры, как словосочетание (сочетание слов), предложение (простое, осложненное) и сочетание предложений (простых) и сложных, которые могут иметь различные типы конструкций.

В данной работе сложное предложение рассматривается как «высший» уровень с точки зрения структуры предложения при синтаксическом анализе, оно может состоять из множества простых предложений, обычно – из двух и трех, в редких случаях более четырех. Количество словосочетаний, отдельных членов предложения и отдельных слов бывает разным в составе разных предложений.

Количество слов с самостоятельным значением не всегда совпадает с количеством членов предложения. Одно и то же слово может вступать в словосочетание с несколькими словами.

Например: г. *1 Да 2 муна, 3 ицинде 4 успу 5 тохтамаксыз 6 кайна-макнын, 7 не 8 тирликбе 9 инделед, 10 ортасында 11 тавуслу*

12 *ценгесмекнин* 13 *барларынын* 14 *утуру* 15 *барларынар* 16 *да* 17 *алдзавлу* 18 *кувмакнын* 19 *йердеги* 20 *асайыслыктар* 21 *артын*, 22 *кайсы* 23 *бузлатад* 24 *гар* 25 *бийик* 26 *ниетни*, 27 *курсагында* 28 *карт* 29 *Луцка-* 30 *дзыматнын* 31 *йетилди* 32 *сагыс:* 33 *берме* 34 *баслык* 35 *карай-* 36 *вахтлыкка* (КА.І, І) «И вот, внутри этого беспрестанного кипения, которое называется жизнью, среди губительной борьбы всех против всех и бешеной гонки за земной роскошью, которое охлаждает высокое стремление, в чреве старой общины Луцка созрела мысль: дать начало караимскому журналу». Этот текст, похожий на дословный перевод из славянского языка, представляет собой сложное предложение, состоящее из тридцати шести слов, относящихся к различным частям речи. В его составе три простых предложения: главное предложение охватывает двадцать восемь слов, среди них главными членами являются 31-и 32-: *йетилди сагыс* ‘созрела мысль’. На два придаточных предложения: 1-7-9. 2 – 22-26 остаются всего восемь слов, в первом – три. во втором – пять слов. В нем имеются двадцать шесть словосочетаний (3-6, 4-6, 5-6; 7-9, 8-9; 10-12, 11-12, 12-13, 14-15, 17-18; 19-20, 20-21, 20-22, 22-23, 18-20-21; 23-26, 24-26, 25-26; 27-30, 27-31, 28-30, 29-30, 31-32, 33-34, 35-36, 33-36), в которых принимают участие тридцать три слова, три слова (1,2,16) не участвуют в составе словосочетания. Как правило одно слово вступает в словосочетание с одним или двумя словами, редко – с тремя (например, 6-) и в исключительных случаях – с четырьмя (20) словами, что зависит прежде всего от главного слова, который может иметь при себе несколько подчиненных слов. Например, имя существительное, образованное от глагола *кайнамакнын* (6) при себе имеет два определения и одно обстоятельство. Можно в этом тексте видеть различные типы словосочетаний и различные способы соединения слов.

СЛОВСОЧЕТАНИЕ

(Сочетание частей речи в предложении)

Словосочетание (сочетание частей речи) – синтаксическое единство, представляющее собой сцепление двух слов, принадлежащих к одной или различным частям речи, как самостоятельным, так и несамостоятельным, связанных между собой посредством одного из средств связи и объединенных семантической общностью. Всякое словосочетание выделяется своим речевым единством – отсутствием паузы. Это – одно из возможных определений словосочетания. Можно дать словосочетанию и другое определение, например, формально-грамматическое :сочетание двух слов, связанных между собой одним из способов связи: примыкания (соположения), управления и согласования и т.д. Под словосочетанием мы понимаем всякое связанное сочетание минимум двух представителей частей речи. При этом не обязательно, чтобы его компоненты относились только к полнозначным словам. В словосочетании обязательно присутствие двух лексических (или физических) единиц, поскольку одна единица не может образовать словосочетание. Словосочетание рассматривается как грамматическая категория, и оно возникает или создается из морфологических единиц как единиц низшего порядка, поэтому его точнее было бы называть сочетанием частей речи (сокращенно СЧР). Термин же словосочетание многозначен и кроме грамматики связан с лексикой, теорией слова – слово или словосочетание как лексическая единица.

Словосочетание – структура, стоящая «ниже» предложения (простого), главное отличие предложения от него – наличие предикативности – логической категории, а не формальной. Формально и словосочетание и предложение являются сочетаниями слов: словосочетание – как правило состоит из двух слов, а предложение может иметь исключение и состоять из одного слова.

Определение словосочетания как сочетание только полнозначных слов сужает рамки этого понятия, также как и грамматической категории. Кроме того, в тюркских языках есть немало слов, которые трудно отнести как к разряду полнозначных слов, так и к разряду служебных слов, или можно одновременно

отнести и к тем и к другим, это - служебные имена и послелогои. Определение словосочетания как сочетание только полнозначных (знаменательных, самостоятельных) слов устанавливает зависимость этой категории от теории слова и мало содействует изучению в деталях характера структуры словосочетания во всем его многообразии.

Компонентами словосочетания в караимском языке выступают следующие части речи: имя существительное, имя прилагательное, наречие, имя числительное, местоимение, глагол, предикативы, подражательные слова, служебные имена и послелогои. Не могут выступать в роли компонента следующие части речи, если они не субстантивированы: междометия, союзы, модальные слова, частицы.

Всякое сочетание слов – синтаксическое явление. Поэтому деление словосочетаний на «лексическое», «грамматическое», «свободное» во многом условно и зависят от подхода.

В разделе словосочетания целесообразно уделить особое внимание характеру элементов словосочетания, в первую очередь – особенностям главного слова, поскольку о подчиненном элементе обычно дается немало сведений в разделе морфологии.

Словосочетание в предложении может выполнять функцию одного члена предложения – это обычно словосочетания, где грамматически главным элементом выступают служебные имена и послелогои, вспомогательные глаголы или словосочетания, представляющие собой лексические единства (сложные слова). Например: т. *Кышын Отчох Орман катыы йанды, да кёрюмлю, ки йолчуларба анда ол ташиланды* (М., 22). 'Зимой Огонек горел около Леса, видно, что он был брошен там путниками'. В этом предложении словосочетание *Орман катны* 'около Леса', в котором происходит сочетание самостоятельного с несамостоятельным словом, выступает в функции обстоятельства места.

При объединении в словосочетание самостоятельных частей речи, как правило, каждый из его компонентов выполняет функцию отдельного члена предложения: г. *Да сагынылды Шемоелге анын уланлары: алар осолайзе билмейдлер эз тувган сезин* (КА. II, 24) 'И вспомнились Шемоелю его дети: они также не знают своего родного языка. В этом предложении элементы словосочетания

сағынылды Шемоелге выполняют соответственно функции сказуемого, косвенного дополнения: элементы словосочетания *тувган сезин* – соответственно определения и дополнения и т.д.

В караимском языке имеется немало словосочетаний – штампов, калькированных с славянских языков. Эти словосочетания можно расчленить на составные части аналогично их славянским соответствиям, например, словосочетания с указательными местоимениями: *айырыч бундан* (0,37) ‘кроме этого’, *да булэй ирахрах* ‘и так далее’ (и т.д.), *бар бунлух была* ‘со всеми этими’, *бар бунлухта* ‘во всем этом’, *бунлух сартын* ‘по этой причине’. Словосочетания с вопросительными местоимениями: г. *не артын* ‘зачем’: *не артын бардын?* ‘ты зачем ходил?’, *неце эди халы* ‘сколько было сил’: *цоцка неце эди халы, цапты ивге* (КА. 3, 4) ‘девочка что было мочи, побежала домой’, т. *нечик билювлю* (0, 4) ‘как известно’, словосочетания с другими полными словами: т. *керяк эди кюнючю орозга* (0.22) ‘надо же было завистливой судьбе’, *барыба өзгя* (0, 2) ‘совсем другой’.

Классификация словосочетаний

Классификация словосочетаний во многом зависит от подхода. В зависимости от этого и цели исследования синтаксического строя возможны, например, следующие классификации словосочетаний: 1) структурные типы словосочетаний, 2) способы связи слов в словосочетании, 3) характер компонентов словосочетания, 4) взаимоотношения (грамматические, синтаксические) между компонентами словосочетания, 5) структура (синтаксическая, морфологическая, семантическая) словосочетания и т.д. Язык относится к числу весьма сложных объектов, поэтому подходов к нему может быть очень много, и соответственно классификаций его категорий также будет немало. Например, при функциональном подходе к словосочетанию возможна следующая классификация: 1) подлежащее – сказуемое, 2) дополнение – сказуемое; 3) обстоятельство – глагол (глагольное сказуемое), 4) определение – определяемое¹⁰. При признании главным критерием словосочетания

¹⁰ См. *Н.К. Дмитриев*. Грамматика башкирского языка. М.-Л.,

атрибуции или предикации применима классификация, предложенная Н.А. Баскаковым¹¹. При признании главным критерием способа связи возможна иная классификация: 1) словосочетания, построенные на примыкании; 2) изафет; 3) словосочетания, построенные на управлении; 4) словосочетания, построенные на согласовании; 5) сочетание однородных членов предложения¹². Существуют и другие классификации, например классификация словосочетаний, где основным критерием выдвигается характер главного слова словосочетания – какой частью речи оно выражено¹³. В зависимости от подходов, указанных выше, и возможных в будущем, возможна различная интерпретация языкового материала. При выделении групп словосочетаний автором данных строк принята за основу принадлежность главного слова к определенной части речи. В связи с этим выделяются: 1) именные и 2) глагольные словосочетания. Деление словосочетаний на две большие группы: именные и глагольные продиктовано тем, что в предложении эти части речи имеют большую функциональную частотность и являются основными, среди других частей речи и в составе словосочетания, как правило, подчиняют себе другие части речи. Подобное деление исходит из признания сочетания частей речи, а не слова вообще, слово рассматривается здесь как морфологическая единица, принадлежащая к определенной части речи. Дальнейшая семантическая классификация именных или глагольных словосочетаний по значению подчиненного или главного компонента не имеет особой ценности для морфологии и синтаксиса, но для семантических исследований она играет существенную роль. Если придерживаться

1948, с. 209-217.

¹¹ *Н.А. Баскаков*. Предложение и словосочетание в тюркских языках // Вопросы составления описательных грамматик М., 1961, с.55

¹² *Е.И. Убрятова*. Исследования по синтаксису якутского языка. М.-Л., 1950, с. 31-73.

¹³ См. *М.Б. Балакаев*. Основные типы словосочетаний в казахском языке. Алма-Ата 1957. *М.З. Закиев*. Синтаксический строй татарского языка. Казань. 1963. с. 99-243.

последовательно семантической классификации групп словосочетаний, пришлось бы дать классификацию всего словаря языка по способности слов сочетаться между собой, что в современных условиях практически трудно осуществимо.

Описание характера словосочетания синтаксиса языка можно провести по любому из приведенных выше классификаций или другим классификациям, которые существуют или будут разработаны. Выбор способа описания – условный, произвольный, следовательно, любой из видов классификации словосочетания не является единственным, однако способы классификации словосочетаний не бесконечны. Все это говорит о том, что исследователям синтаксической структуры еще предстоит большая работа для того, чтобы познать сущность и объем словосочетания, его формы и значения, отношение к другим грамматическим и лексическим категориям.

В караимском языке вследствие его функциональной ограниченности и процесса сужения этой функции типы словосочетаний и способы сочетания слов не получили широкого развития. Однако в словосочетании караимского языка произошли заметные изменения, прошедшие на пути спонтанного его развития и под влиянием окружающих языков.

Типы сочетания частей речи по функции и отношению подчиненного элемента к главному

Возможно выделение типов словосочетания по признаку логического и функционального отношения грамматически подчиненного элемента к главному в подчинительном словосочетании, с учетом способов и средств связи слов в словосочетании. В каждом из типов словосочетаний господствующим является один какой-либо способ, а другие могут играть второстепенную роль или вовсе отсутствовать в оформлении данного типа словосочетания. Несмотря на многообразие и многочисленность смысловых и функционально

грамматических отношений между компонентами словосочетания, их можно свести к четырем основным типам: 1) определительные (атрибутивные) словосочетания, 2) объектные (дополнительные) словосочетания, 3) обстоятельственные словосочетания и 4) предикативные словосочетания. Из них именные словосочетания имеют два типа: определительное и предикативное, а глагольные – три типа: объектное, обстоятельственное и предикативное. Один способ связи компонентов словосочетания может обслуживать несколько типов словосочетаний, например, способ примыкания может обслуживать все типы словосочетания: определительный, объектный, обстоятельственный и предикативный.

Любой из перечисленных типов словосочетания может быть осложнен, вплоть до образования сложных предложений, синтаксических оборотов.

Определительное словосочетание

Определительное словосочетание – такое именное словосочетание, в котором один из компонентов, точнее – зависимый компонент, выражает постоянный или временный признак в широком смысле главного компонента. При этом главным словом определительного словосочетания выступает имя. Поэтому более подробно определительные словосочетания рассматриваются в разделе об именных словосочетаниях. Основным способом связи компонентов в определительном словосочетании является примыкание. Основными же средствами связи выступают смысл (значение) компонентов и порядок слов. Основной формой связи компонентов определительного словосочетания является аналитическая. Синтетическая форма связи компонентов не чужда определительным словосочетаниям. Она употребляется, однако, в ограниченных масштабах, в тех случаях, когда главное слово выражено именем с аффиксом принадлежности, а также тогда, когда происходит согласование определения и определяемого в числе и в падеже.

т. *Чув была элттиляр өз сувлары шатыр Салгыр, тунуган Алма, чувлу Кача, йумулу Кара су* (0, 12) ‘Шумно несли свои воды веселый Салгыр, притихшая Алма, шумная Кача, дремавшая Карасу’. В этом примере, взятом из светской прозы, определение предшествует определяемому, иначе – зависимый компонент словосочетания предшествует господствующему, это – закономерный порядок – правильный порядок, *шатыр Салгыр* ‘веселый Салгыр’ и т.д. В следующем примере, взятом также из светского, но поэтического произведения, определяемое предшествует определению, т.е. господствующий член словосочетания предшествует подчиненному: *ордячек йешил башлы* ‘утка с зеленой головой’ – это «нарушенный», неправильный порядок, т. *Ордячек йешил башлы, астры кёркю канатлы, йунчохлары йенгинляр, айахлары оленляр* (Ков. 73). ‘Утка с зеленой головой, с очень красивыми крыльями, ее перья легки, а ноги словно олени’ (т.е. быстроходные).

Обстоятельственные словосочетания

Обстоятельственное словосочетание – такое, в котором подчиненный компонент выражает различные обстоятельства совершения действия: время, место, способ, интенсивность и т.д. Главным словом в данном типе словосочетаний выступает глагол, а поэтому он подробно рассматривается в разделе о глагольных словосочетаниях. Основной способ связи в обстоятельственных словосочетаниях – примыкание. Форма связи компонентов – аналитическая. Подчиненный компонент предшествует главному. В роли подчиненного компонента выступает, как правило, неизменяемое слово, поэтому синтетический способ связи компонентов обстоятельственного словосочетания исключаются (застывшие формы древних падежей или лексикализовавшиеся формы современных падежей в составе подчиненного слова не рассматриваются нами как словоизменительные формы).

В роли подчиненного компонента выступает наречие, оно может иметь сравнительную форму на *-рах*, компоненты расположены контактно: т. *Шемуел йувухрах таньшад тирлигибля бундагы карайларнын* (0, 19). ‘Шемуел ближе знакомится с жизнью караимов, живущих здесь’. Подчиненный элемент – наречие времени – лексикализованная форма имени в дательном-направительном падеже, компоненты словосочетания расположены дистантно: г. *Ол вахтына сана, достум сивер, айтам* (МК 2, 26) ‘Тогда тебе, мой любимый друг, я скажу’. Подчиненный компонент выражен выступающим в функции обстоятельства образа действия, компоненты расположены контактно: *Да бунун учюн Шемуелга алэй йенгил бериниред бар туюлю билмяк да ўврятюв, кайсын ол йенярэди сюварликбля* (0, 18) ‘И поэтому Шемуелю так легко давались разные науки и знания, которые он усваивал с любовью’.

Объектные словосочетания

Объектное словосочетание – такое, в котором подчиненный его компонент выражает объект в широком смысле слова, как прямой, так и косвенный. Главным словом в объектных словосочетаниях выступает глагол. Основной способ связи компонентов объектного словосочетания – управление, следовательно, главным средством связи служат падежные аффиксы, а основная форма связи – синтетическая. Аналитическая форма связи слов в объектных словосочетаниях употребляется как второстепенная форма – это способ примыкания. При этом связь между подчиненным и главным словом словосочетания более отдаленная, чем при связи способом управления и синтетической формой, когда связь между компонентами словосочетания более тесная.

Прямой объект выражается именем в форме винительного падежа, которое обычно расположена контактно с главным элементом словосочетаний: *Бийик кёктя сансыз алар, саклэйсын барларын* (ДК. 2, 3). ‘В высоком небе их бесчисленно, ты оберегаешь их’. Косвенный объект выражается формами инструментального, про-

странственных падежей: т. *Кюн ишчиляр... кылындылар йалан айахсызларба...* (0. 10). ‘Слуги стали обутыми’ (досл. ‘не босыми’), *нечик Йосеф раст чыхты, кёрклячядян ол качты* (0.6) ‘Подобно тому, как Иосиф остался честным, убежал он от красавицы’. Прямой объект выражается также формой имени в основном падеже, расположенный контактно с главным словом: *Бар булар табарлар орун бизнин кичи йазышымызда* (ДК, 2, 1) ‘Все это найдет место в нашем небольшом выпуске’.

Предикативные словосочетания

Предикативное словосочетание – такое, в котором подчиненный компонент обобщает или сообщает, что-либо о главном слове.

Главным словом в предикативном словосочетании выступает в основном имя, а подчиненным словом – глагол и имя. Однако следует отметить, что главным словом в предикативном словосочетании имеет возможность выступать любая часть речи. Данный тип словосочетания специально рассматривается в разделе о предложении. В предикативных словосочетаниях используются как аналитические (*ол келди* ‘он пришел’), так и синтетические (*мен келдим* ‘я пришел’) формы связей. Основными способами связи компонентов являются примыкание и согласование. Основные средства связи между компонентами – аффиксы лица и падежей, а также порядок слов – в спокойном повествовательном предложении главный компонент (подлежащее) предшествует зависимому (сказуемому), хотя нередко в различных ситуациях возможны отклонения.

Предикативность между компонентами предикативного словосочетания грамматически выражается в основном способом примыкания, т.е. предикативное словосочетание возможно и без синтетических форм. Аффиксы лица при подчиненном компоненте служат главным образом для согласования компонентов словосочетания – главного и подчиненного. В тех случаях, когда главный компонент не выражен отдельным словом, т.е. когда по существу и нет предикативного словосочетания, аффикс лица при подчиненном слове показывает грамматическое лицо главного компонента (субъекта): *Мен келдим* ‘Я пришел’ – предикативное словосочетание; *Келдим*

‘Я пришел’ – отдельное слово вне словосочетания, но с аффиксом первого лица единственного числа, показывающим грамматическое лицо – первое лицо. В предикативном словосочетании широко употребляется способ согласования во множественном и единственном числе между компонентами словосочетания: *Ол барды* – согласование в единственном числе ‘Он пошел’; *Алар бардылар* – согласование во множественном числе ‘Они пошли’.

Предикативное словосочетание формально-грамматически – словосочетание, а логико-семантически – предложение, т.е. предложение в данном случае представляет собой функцию предикативного словосочетания, хотя не всякое предложение – предикативное словосочетание. Предикативное словосочетание является организующим центром других типов словосочетаний, главным в речи и общении. Всякое предикативное словосочетание выполняет функцию предложения, например: *Бу – адам* ‘Это – человек’. *Моше кюлдю* ‘Моше смеялся’ и т.д. Предикативное словосочетание само по себе представляет один из типов словосочетания, служащий основой двухсоставного предложения, его скелетом, стержнем, являющимся цельной единицей языкового общения и сообщения. Однако не всякое предложение образуется из предикативного словосочетания, т.е. предложение может образоваться из других типов словосочетания и даже из отдельных слов, например: *Тюнь. Трох шагары* ‘Ночь. Город Троки’; *Ол өзю ичкири. Шулхан да олтуруш, йандан имшах олтуруш. Шулханнын йанындан киплягян пялцалар. Йандан кюзго да чырах* (Ков. 111) ‘Та самая комната. Стол и стул, в стороне кресло. Около стола укрепленные пальцы. Сбоку зеркало и свеча’. В приведенных примерах нет ни одного предикативного словосочетания, тем не менее в них можно установить шесть отдельных единиц, которые следует расценивать как самостоятельные предложения. Существование множества односоставных предложений в караимском языке, так же как и в других языках мира говорит о том, что предложение не всегда состоит из сочетаний слов. Как видно из вышесказанного, нередко возможно употребление однословных предложений, являющихся вполне законченными высказываниями. «Предикация в тюркских языках не имеет единой формы своего выражения. Принципиально различают два способа.

В первом для передачи предикативной связи требуется два слова – одно для обозначения подлежащего и другое – для передачи сказуемого, например, *мен иичи* ‘я рабочий’ (кр.-тат.) Сказуемое *иичи* не имеет никаких формальных показателей, указывающих на его предикативную функцию или отмечающих подлежащее. Без подлежащего *мен* предикативная связь нарушается и предложение оказывается невозможным. В равной степени оно оказывается невозможным без сказуемого *иичи*. Следовательно, в рассматриваемом типе предложения для его образования одинаково важно как отдельно выраженное сказуемое, так и отдельно выраженное подлежащее.

Во втором типе предикативной связи не требуется двух выделенных членов предложения. В нем сказуемое снабжается специальным показателем, который одновременно выражает две грамматические категории: категорию сказуемости (предикативности) и категорию лица подлежащего»¹⁴. Лишь первый из этих типов предикации представляет собой словосочетание.

В изучении словосочетаний каждого конкретного языка необходимо четко различать: 1) формы компонентов, грамматическое и семантические отношения между компонентами словосочетания, способы и средства связи между ними; 2) значение, выраженное сочетанием слов. Тогда остается мало поводов для бесконечных споров на тему о том, что считать словосочетанием, а что – предложением. По формам, способам, средствам связи отношения между компонентами и словосочетание и предложение (точнее его основа) являются словосочетаниями. Однако лишь по выражаемому значению предикативные словосочетания особо выделяются среди других типов словосочетаний и поэтому рассматриваются как основа предложения. Можно привести такую аналогию – структура (фонетическая) слога и слова часто совпадает, так же как структура словосочетания (предикативного) и предложения; например, слово *айт* ‘говорить’ и слог *эйт* в слове *йарэйт* ‘годится’. Обе структуры состоят из ГСС. Однако это не означает, что данные структуры

¹⁴ Э.В. Севортян. О некоторых вопросах структуры предложения в тюркских языках. ИСГТЯ, ч. III, Синтаксис. М. 1961, с. 6.

нельзя рассматривать как слоги. Предикативное сочетание слов, особенно – глагольное, спаяно в единство категориями лица, времени и наклонения и, будучи единицей сообщения, не является именовани¹⁵, хотя и сложным¹⁵. Это не должно мешать рассмотрению его как словосочетание – глагольное или именное, имеющее ряд особенностей по сравнению с другими типами словосочетания. В зависимости от условий, места и времени словосочетание (предикативное, определительное, объектные, обстоятельственные), и слово при соответствующей интонации может стать предложением, т.е. не только словосочетание, но и отдельное слово может выражать единицу общения, законченную мысль. Поэтому вызывает возражение точка зрения о том, что словосочетание не выражает ни одной законченной мысли, не является единицей сообщения. Был прав Ф.Ф. Фортунатов, считавший предложение формально разновидностью словосочетания: «В законченном словосочетании одно слово сочетается с другим, как одна часть суждения с другою частью суждения, т.е. законченное словосочетание представляет собою полное предложение, и части такого словосочетания образуют собою подлежащее и сказуемое предложения, а именно несамостоятельная по значению часть законченного словосочетания представляет собою сказуемое предложения, а самостоятельная по значению часть того же словосочетания является подлежащим»¹⁶.

Схематически все типы словосочетаний можно изобразить в приводимой таблице.

¹⁵ Грамматика русского языка, т. II, ч. I. М., 1954, с. 13.

¹⁶ Ф.Ф. Фортунатов. Избранные труды, т. I. М., 1956, с. 182-183.

СЛОВСОЧЕТАНИЕ

(сочетание частей речи)*

* Отмеченный пунктиром тип предложения не относится к предикативным словосочетаниям.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КОМПОНЕНТАМИ СОЧЕТАНИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Структурно словосочетание может организоваться по характеру взаимоотношения между компонентами: 1) один из двух элементов словосочетания выступает главным его грамматическим и семантическим стержнем (подчинительное отношение); 2) в составе словосочетания этого стержня нет, а есть два и более грамматически независимых друг от друга слов (сочинительное отношение).

Подчинение и сочинение как две диалектические стороны взаимоотношений между явлениями, свойственны всей иерархии синтаксической структуры языка (словосочетание, простое предложение, сложное предложение, абзац, текст).

В примере г. *Гар кин эртэдэ гэм ингирдэ сагынабыз* (КА, 1). 'Каждый день утром и вечером мы вспоминаем' слова *эртэдэ* и *ингирдэ*, связанные между собой сочинительным союзом *гэм*, следуют одно за другим, не вступая друг с другом в зависимые отношения. Таково же взаимоотношение между словами *акылым*, *кючим* в предложении: т. *Кыларым аны, неги йетир акылым да кючюм* 'Сделаю то, на что способны мой ум и мои силы'. Что касается взаимоотношений между словами *эртэдэ* и *сагынабыз*, здесь отношения между компонентами подчинительные – господствующие: главным словом выступает глагол *сагынабыз*, а подчиненным – имя *эртэдэ*. Такое же взаимоотношение и между словами *ингирдэ* (подчиненное) *сагынабыз* (главное). Во втором примере отношение между *кыларым* и *аны* – также подчинительное: глагол *кыларым* – господствующее, а местоимение *аны* – подчиненное.

Таким образом все словосочетания в зависимости от взаимоотношений между компонентами можно разделить на два типа:

- 1) подчинительные словосочетания, компоненты которых связаны между собой на основе зависимости одного от другого;
- 2) сочинительные словосочетания, в которых компоненты связаны между собой на основе их независимости.

При простом подчинительном словосочетании количество его элементов не превышает двух: один – главный, другой – подчиненный. А если к ним присоединять еще другое слово, то оно может иметь подчинительное отношение только с одним из двух предыдущих слов. При сочинительной же связи количество компонентов может быть значительно больше.

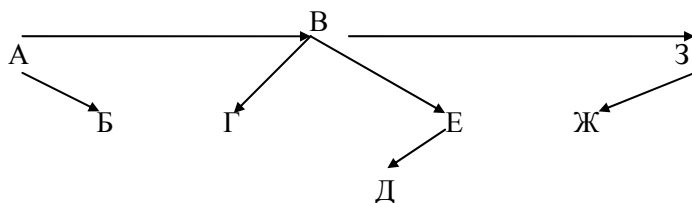
Подчинительный тип в синтаксисе – главный тип словосочетаний. Вообще, когда говорится о словосочетании, в первую очередь имеется в виду именно подчинительные словосочетания. «Подчинительный тип связи устанавливает связь между словами, подчиняя одно другому как грамматически, так и по смыслу. Подчиненное слово может либо иметь грамматические показатели, зависящие от подчиняющего слова, либо не иметь их», т.е. можно установить подчинение по форме и подчинение по семантике. Подчинение по форме выражается в способах связи: управлении и согласовании; подчинение по семантике – в способах связи: примыкании и управлении. Таким образом появление какой-либо формы (аффикса) в подчиненном слове зависит от семантики и от формы главного слова.

Каждое слово оказывается зависимым только от одного слова, поэтому в каждом словосочетании имеется независимый элемент, от которого непосредственно или опосредствованно зависят другие элементы. Однако в предложении или фразе может быть несколько главных слов, когда в предложении имеется ряд однородных подлежащих или в предложении без грамматически выраженного подлежащего имеется несколько однородных сказуемых.

Например, в предложении г. $\begin{matrix} & & \text{А} & & \text{Б} & & \text{В} \\ & & \text{Дзыматы} & \text{Галицинин} & \text{сайлады} & \dots & \end{matrix}$

$\begin{matrix} \text{Г} & & \text{Д} & & \text{Е} & & \text{Ж} & & \text{З} \\ \text{Мардковични} & \text{Сыйлы} & \text{Эренге} & \text{эз} & \text{ортасында} & (\text{КА. II. 25}). & \end{matrix}$

‘Община Галича избрала Мардковича своим Почетным Членом’, обозначая каждое слово соответствующей буквой, можно установить следующее отношение между ними:

(Стрелки всюду направлены от главного к подчиненному). Из этой схемы видно, что в приведенном предложении существуют следующие конкретные семь подчинительных словосочетаний: 1) $A \rightarrow B$ (*Дзыматы Галицинин*); 2) $A \rightarrow V$ (*Дзыматы сайлады*); 3) $V \rightarrow G$ (*сайлады Мардковични*); 4) $V \rightarrow E$ (*сайлады Эренге*); 5) $V \rightarrow Z$ (*сайлады ортасында*); 6) $E \rightarrow D$ (*Сыйлы Эренге*); 7) $Z \rightarrow Zh$ (*Эз ортасында*).

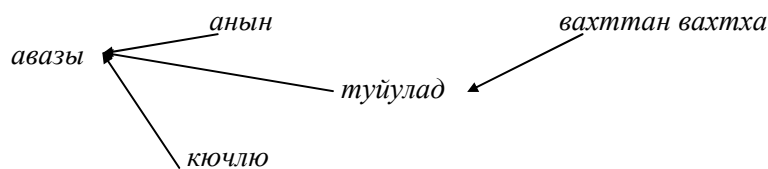
В подчинительном словосочетании, таким образом, имеется два компонента: 1) главное слово, 2) зависимое слово.

Главное слово – стержень словосочетания, при устранении которого зависимое слово не может выполнять своей функции и теряет свои грамматические связи с другими словами. Например, в предложении *Кёп дуни’а бунар инанмыт* (Ков. 117) ‘Много людей этому не верит’ в словосочетании *кёп дуни’а* при устранении главного слова *дуни’а* подчиненное слово *кёп* теряет свою связь со всем предложением, так же как в словосочетании *бунар инанмыт* при устранении главного слова *инанмыт* подчиненное слово *бунар* теряет свою связь с другими словами. Зависимое слово –

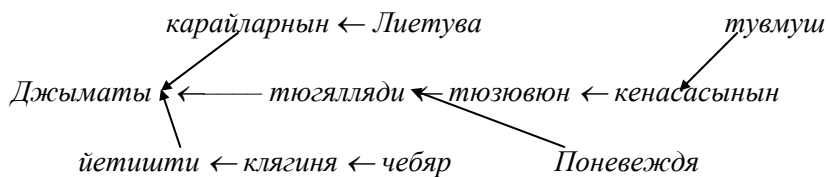
уточнитель (признака, состояния, объекта и т. д.) главного слова, при его устранении из предложения другие слова не теряют грамматических связей и продолжают выполнять свои грамматические и семантические функции. Например, в словосочетании *кеп дунйа* при удалении из текста подчиненного элемента *кеп* главное слово *дунйа* сохраняет свою грамматическую и семантическую функцию и связи с предложением (*дунйа бунар инанмыт* 'Люди этому не верят'), точно так же, как в словосочетании *бунар инанмыт* при устранении подчиненного слова *бунар* главное слово *инанмыт* продолжает сохранять все свои функции и связи с оставшимися словами в предложении (*Кеп дунйа инанмыт* 'Многие люди не верят'). «Если лексема А в сочетании с лексемой Б может использовать все свои флексии, а лексема Б – не все, то А – главный член, а Б – зависимый»¹⁸. Например, в словосочетании *кеп дунйа* главное слово может принимать различные падежные формы, а подчиненное слово *кеп* – нет; в словосочетании *бунар инанмыт* главное слово *инанмыт* может принимать различные формы времен, аспектов и наклонения, а подчиненное слово *бунар* остается при всем этом без изменения: *бунар инанадлар, бунар инанарлар, бунар инанмадылар* и т.д.

Одно слово в составе одного предложения может войти одновременно в состав нескольких словосочетаний и быть главным в составе одного словосочетания, быть подчиненным в составе другого словосочетания. Подобные отношения при схематическом изображении предложения показывает древовидную структуру предложения. Например: т. *Вахттан вахтха туйулад анын кючлю авазы* (0.14) 'Время от времени слышится его сильный голос'.

¹⁸ М.В. Панов. Русский язык. Языки народов СССР. Т. I. Индо-европейские языки. М., 1966, с.103.

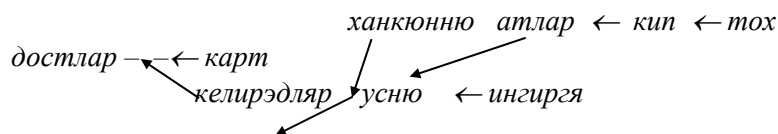

В этом предложении слово *туйулад* в словосочетании *авазы туйулад* выступает подчиненным элементом, а в словосочетании *вахттан вахтха туйулад* – главным элементом (в этой и последующих схемах главный элемент по отношению к подчиненному занимает положение ближе к основе «древа», а подчиненный элемент – ближе к верхушке «древа»): т. *Джыматы Летува карайларнын йетишти чебяр клягиня – тюгяллади тюзювюн тувмуш кенасасынын Поневежда* (0.36).

В этом примере одновременно и главным и подчиненным элементом выступают несколько слов: *Карайларнын*, *тюгяллади*, *тюзювюн*, *кенасасынын*, *йетишти*, *клягиня* (все слова, связывающие две «ветви»).

Один подчиненный элемент может связываться и с несколькими главными элементами, обычно – однородными: т. *Ханкюнню ингиргя кип, тох атлар усню келир эдляр йырахтагы да йуеухтагы озюкюнкюляр, карт достлар да йахшы танышлар* (0.13).

озюнюнкюляр → ↙ ↘ ← *йырахтагы*
танышлар → *йахиши* *йувухтагы* ← *да*

В этом примере, представляющем довольно сложную синтаксическую структуру, каждое из подчиненных слов: *келирэдляр*, *йырахтагы*, *йувухтагы* подчиняется трем главным словам, являющимся однородными членами предложения – подлежащими, связанными между собой сочинительной связью, т.е. связью между однотипными по своим функциям словами. Связь между компонентами сочинительного словосочетания осуществляется посредством сочинительных союзов, представляющих грамматическое средство и перечислительной интонации, представляющей собой речевое средство, обозначаемое в письменной форме языка обычно запятой.

В отличие от многих других тюркских языков в караимском языке каждое из слов, вступающих в сочинительную связь, должно иметь одинаковую с другими форму: т. *Софексиз ушбу сибба астры да эди музгул сюрюнчякбя умма ишимиздя да тирлигимиздя* (0.4). Несомненно, эта причина была огорчительным препятствием в нашей общественной жизни и делах. В этом примере однородные дополнения *ишимиздя тирлигимиздя* оформлены аффиксом местного падежа: ...«*уммалы культура*» *борчлу тиймя озюбя бар улусну гэм бар карайларны, кайда ки алар табуладырлар!* (0.4). В этом примере однородные дополнения *улусну* и *карайларны* имеют одинаковую форму винительного падежа. ‘Национальная культура обязана касаться всего народа и всех караимов, где бы они не были’. Распространенные в тюркских языках случаи, когда компоненты словосочетания имеют общий групповой аффикс, присоединяемый в последнему слову, редки.

Когда мы говорим о сочинительном типе словосочетания, речь идет в основном об однородных членах предложения, т.е. по существу сочинительное словосочетание и однородные члены предложения – одно и то же явление, рассматриваемое с разных позиций. Например, в предложении: т. *Чалгы да орах – йох йахшырах*. ‘Коса да серп – лучше нет’ сочетание однородных членов предложения *чалгы* и *орах* рассматривается как сочинительное словосочетание.

При строгом подходе однородные члены предложения можно было бы и не включать в разряд словосочетаний, поскольку между подобными членами предложения нет тесной грамматической связи, что имеется в подчинительном типе словосочетаний.

Положение о том, что компоненты сочинительного словосочетания в отношении друг к другу самостоятельны и независимы, следует до некоторой степени понимать условно. Иногда в однородных словосочетаниях какой-то его член выступает основным, ведущим. Каждый из компонентов сочинительного словосочетания вступает в подчинительную связь с другим словом или другими словами и при этом он может употребляться и как главное слово и как зависимое слово. Например, в предложении т. *Да кюн, да кеч ол кайгырат*. ‘И день и ночь он горюет’ слова *кюн* и *кеч* между собой находятся в сочинительных взаимоотношениях. Однако каждое из них в свою очередь находится в подчинительном отношении к слову *кайгырат* – они являются зависимыми от него.

СРЕДСТВА СОЧЕТАНИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Все имеющиеся в распоряжении караимского языка средства связи можно разделить на следующие группы: 1) грамматические, которые подразделяются в свою очередь на: а) морфологические (синтетические) и б) синтаксические (аналитические) средства. 2) К неграмматическим средствам относятся: а) семантические и б) интонационные средства.

Начнем с последней группы. «Между лексическими и грамматическими отношениями существует определенное соответствие, в значительном количестве случаев грамматические связи между словами указывают на такие отношения, которые естественно вытекают из лексической семантики сочетающихся слов»¹⁹. Причем отдельные слова связываются друг с другом прежде всего по смыслу, смысловая или лексическая связь между ними может в целом ряде случаев иметь решающее значение не только для понимания смысла даже при отсутствии четкого грамматического оформления этой связи, но и для установления и уточнения самой грамматической конструкции. При сочетании слов только по смыслу грамматические функции (средства) связи слов осуществляются порядком слов, подчиненное по смыслу слово предшествует господствующему: т. *Йахишы адам* 'хороший человек', к. *йырақ орман* 'далекий лес' и т.д., где первый компонент по своему значению выступает уточнителем качества, свойства второго компонента.

Интонация также в определенной степени способствует установлению связи между компонентами словосочетания, являясь речевым средством. Интонация и пауза являются средствами связи и выделения слов, словосочетаний и предложений в устной речи. Интонация и пауза, являясь неграмматическими средствами сочетания слов главным образом в сочинительные (неподчинительные) отношения, по своей функции сближаются с такими грамматическими средствами, как союзы, которые в караимском языке в сло-

¹⁹ А.И. Смирницкий Цит. соч., с. 56.

восочетании служат для связи независимых друг от друга компонентов, тогда как в предложении связывают как независимые так и зависимые (подчиненные) компоненты синтаксических единиц – предложения. Союзы интонационно соответствуют паузам, обычно ставятся между двумя знаменательными словами, следовательно, минимальное количество слов в словосочетании с союзами – три единицы: знаменательное слово, союз и знаменательное слово, например. *Кызлар да бахурлар* ‘девушки и парни’.

Грамматические средства связи: а) Морфологические (синтетические) средства включают: словоизменительные аффиксы, служебные имена, послелого. Все эти средства служат для установления между компонентами подчинительной связи.

Наиболее характерные морфологические средства – это словоизменительные аффиксы. Подчиненный компонент словосочетания имеет определенные формы словоизменения, иначе – подчиненное слово имеет при себе словоизменительные аффиксы, которые имеют свою специфику по особенностям основных частей речи. Имена обладают аффиксом падежа, аффиксом множественного числа; глагол – аффиксом лица, аффиксом множественного числа. Главное слово большей частью употребляется для связи с подчиненным словом без словоизменительных аффиксов, аффикс принадлежности – единственный словоизменительный аффикс, употребляемый при главном слове. Здесь речь не идет о таких ситуациях (довольно распространенных), когда главное слово в отношении к данному слову в сложных словосочетаниях может выступать подчиненным словом в отношении к другому слову. Однако необходимо отметить следующие особенности караимского словосочетания – благодаря наличию согласования в падеже и числе между компонентами определительного словосочетания при главном слове могут быть аффиксы падежей и множественного числа.

Служебные части речи. О союзах уже говорилось выше. Служебные имена и послелого в караимском языке выполняют две функции: 1) сочетаясь со знаменательным словом, выступают как элемент словосочетания и нередко подчиняют себе самостоятельное слово, этим самым они выступают как грамматически

господствующие слова, 2) сочетаясь со знаменательным словом, которое вместе со служебным именем или послелогом выполняет роль подчиненного (зависимого) компонента, и другим знаменательным словом, которое является господствующим, главным. Здесь служебные имена и послелогом функционально сближаются со словоизменительными аффиксами, в частности – падежными. Таким образом, можно заметить двойственную природу служебных имен и послелогов, которые находятся в промежуточной стадии между самостоятельным словом и аффиксом.

Караимские послелогом, так же как и послелогом других тюркских языков, отличаются от предлогов, например, в русском языке, тем, что первые, управляя словом, при котором они употребляются, включают его в грамматическую связь с господствующим над ним словом. Например. т. *Алнында агарахларнын айтты*. ‘Перед начальниками он сказал’. В этом примере послелог *алнында* управляет грамматически словом *агарахларнын* и включает его в грамматическую связь с господствующим над ним словом – глаголом *айтты*. «Характер связи между именем с послелогом, с одной стороны, и господствующим словом (например, глаголом), с другой, диктуется не именем, а только послелогом, формами связи послелога с господствующим словом. Если послелог изменяется по всем падежам, это – управление, если же послелог не изменяется, имеет, например, застывшую форму или форму ограниченного изменения, то такая связь является примыканием»²⁰.

В тюркских языках служебные имена и послелогом употребляются после (в письме, основанном на русской или латинской графической основе – справа, а на арабской или еврейской – слева) знаменательных слов, что в конечном счете определило приклеивание аффиксов – бывших полнозначных слов, перешедших в служебное, затем в аффиксы – к концу слова, а не к его началу или середине. В караимском языке произошли некоторые изменения в его западных диалектах, в которых послелогом, в отличие от других тюркских языков, ставятся перед знаменательным словом, последнее связано с изменением порядка

²⁰ Т.А. Бертагаев. Цит. соч., с. 7.

слов в определительном словосочетании – имя с аффиксом родительного падежа + имя с аффиксом принадлежности. Служебные имена функционируют в основном с аффиксом принадлежности.

Из синтаксических (аналитических) средств связи компонентов словосочетания необходимо отметить порядок слов. Данное средство применяется при способе примыкания и особенно распространение получает в определительных и обстоятельственных словосочетаниях. Сущность порядка слов как средства связи компонентов словосочетания заключается в том, что подчиненный элемент предшествует главному элементу. В некоторых случаях, например, для разграничения подлежащего и прямого дополнения, выраженного в основном падеже, порядок слов выступает как решающее средство. Однако в караимском языке порядок слов не всегда выступает как средство связи слов и средство разграничения членов предложения, поскольку в караимском языке нормой является свободный порядок слов. По порядку слов в отличие от других тюркских языков зачастую затруднительно узнать, который из компонентов словосочетания является подчиненным, который – главным, господствующим. Причем это наблюдается во всех стилях языка: книжно-религиозном, светском – прозаическом и в поэтическом.

ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ВИДЫ (ПОДЧИНИТЕЛЬНЫХ) СОЧЕТАНИЙ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Сочетания частей речи по их логико-семантической и грамматической характеристике делятся на три группы: 1) сочетание частей речи как лексическая единица: а) слово; б) фразеологизмы; 2) сочетание частей речи как морфологическая единица – аналитические формы словообразования и словоизменения; 3) сочетание частей речи как синтаксическая единица – словосочетание или по другой терминологии – синтагма. Первую группу также принято называть устойчивыми словосочетаниями, а третью – свободными, противопоставив их друг другу. Подобное деление сочетаний частей речи имеет значение лишь для различения лексической единицы от синтаксической и представляет две стороны единого

грамматически целого объекта – сочетаний частей речи, формально между ними нет разницы, разница заключена в их функции и семантике.

Мы в данном труде рассматриваем словосочетание не только как сочетание знаменательных частей речи, но и как сочетание знаменательного слова со служебным словом, которое не всегда оказывается подчиненным, а зачастую выступает как главный грамматический элемент, от значения и формы которого зависит форма знаменательного слова.

Словосочетание – синтаксически и семантически связанная группа, состоящая из двух слов, участвующая как элемент высказывания. Здесь возможны лишь два варианта структуры словосочетания: 1) знаменательное слово + знаменательное слово; 2) знаменательное слово + незнаменательное или служебное слово. Компоненты словосочетания могут находиться в предложении как непосредственно рядом, так и разделены другими словами. Во всех случаях в словосочетании необходимо выделять главное слово, или главный элемент.

В тюркских языках трудность деления словосочетаний на свободное и устойчивое объясняются еще тем, что словосочетания не только могут легко лексикализироваться и перейти в разряд сложных слов, но и могут принимать словоизменительные и словообразовательные аффиксы. Новое слово можно образовать не только от отдельного слова, но и от словосочетания, даже целого предложения. Также можно присоединять словоизменительный аффикс не только к отдельному слову, но и к словосочетаниям и предложениям. Это говорит о том, что в тюркских языках не только отдельное слово, но и словосочетание и даже предложение проявляют монолитное единство – цельнооформленный комплекс. Например, в казахском языке: *Ол бармаймын деген* ‘Он сказал, что не пойдет’, *бармаймын деген ...* ‘то, что он сказал, что не пойдет’; *бармайтындыгын айтты* ‘Он сказал, что он не пойдет’; *бармаймыныңды қой* ‘перестань говорить «не пойду»’ или: *Асқар асыға басып үйге кірген* ‘Асқар в спешке вошел в дом’; *Асқар асыға басып үйге кіргенде* ‘Когда Асқар в спешке вошел в дом’. *Асқар Алматыдан келгендігін айтты* ‘Асқар говорил о том, что он приехал из Алма-Аты и т.д.’.

Аналитическая конструкция относится к грамматикализованным группам слов, возникшим на основе свободного словосочетания. Поэтому формально аналитические конструкции не отличаются от свободных словосочетаний. Однако «в тюркских языках конструкция грамматического типа является вполне обособленной категорией со своими формально-семантическими характеристиками, четко отграничивающими ее от свободных словосочетаний аналогичного и тем более иного морфологосинтаксического строения»²¹.

Аналитическая форма обычно состоит из структурного типа словосочетаний: знаменательное слово + служебное слово. В караимском языке нет аналитической формы, состоящей из структурного типа – знаменательное слово + знаменательное слово, в этом главная особенность аналитических форм. Именные словосочетания с послелогом и служебными именами в некоторых случаях можно было бы рассматривать как аналитические словоизменительные (аналогичные падежным) формы, так же как в составе глаголов сочетания: знаменательный глагол + вспомогательный глагол в тюркологии принято считать аналитическими глагольными формами. «Аналитические формы глагола в тюркских языках внешне представляют собой сочетание глагольной основы, осложненной замыкающим ее аффиксом, со служебным словом, которое на правах полноценного замыкающего члена синтагмы неизменно следует непосредственно за этой основой, занимая таким образом сильную позицию в пределах данной синтагмы. Это отличает аналитические морфемы от остальных необратимых с точки зрения современного языка сложных служебных морфем, в том числе от сложных аффиксов, которые сходны с ними по своему назначению и существу»²². Послелог и служебные имена при именах выполняют

²¹ Э.В. Севортян. Грамматические и семантические признаки аналитических конструкций в отличие от свободных словосочетаний в тюркских языках. Сб. Аналитические конструкции в языках различных типов. М.-Л., 1965, с. 239.

²² А.А. Юлдашев. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965, с. 268.

грамматические функции, какие выполняют вспомогательные (служебные) глаголы при глаголах В этом внешнее сходство послелогов и служебных имен с вспомогательными глаголами.

Словосочетания, представляющие собой лексические единства, также образованы строго определенными способами правил сочетания слов. Лексикализованные словосочетания противопоставляются свободным словосочетаниям по логико-семантическим признакам, а не формально-грамматическим, так же как грамматикализованные (аналитические формы) противопоставляются лексикализованным и свободным словосочетаниям. В караимском языке нет сложных слов (сюда же относятся так называемые парные слова), представляющих особый структурный тип сочетания частей речи, грамматически отличающийся от свободных сочетаний частей речи. Сложные слова образуются по моделям свободного сочетания частей речи. т.е. лексикализация происходит на базе сочетания частей речи. Лексикализованные именные и глагольные словосочетания (иначе сложные слова) состоят из структурного типа словосочетания – знаменательное слово + знаменательное слово. Таким образом можно констатировать, что лексикализованные и грамматикализованные единства слов возникли на базе двух ветвей – структурных типов свободного словосочетания: лексикализованное, как сказано, – на базе типа: знаменательное слово + знаменательное слово, а грамматикализованное – на базе типа: знаменательное слово + служебное слово. Глагольные лексикализованные сочетания отличаются от именных тем, что в них участвуют как важный компонент вспомогательные (служебные) глаголы.

Именные лексикализованные единства: *өгют сёз* пословица досл. ‘слово назидание’ или *иштырылмах юв* ‘собор’ (досл. ‘собрание дом’), *белибав* ‘поясной ремень’, ‘кушак’ (досл. ‘поясница повязка’); *тар берювчю* ‘враг (досл. ‘тесноту дающий’); названия месяцев: *кыш ай, кю зай, йаз ай* и т.д. возникли на основе именных определительных словосочетаний – имя существительное + имя существительное. Примеры: т. *Аталарымызнын өгют сёзляри...* (0,3). ‘Пословицы и поговорки наших предков’. *Чэйпады иштырылмах ювюн* (RO. X, 162) ‘Он уничтожил их собор’. г. *Эсавда бе-*

либавында кызыллар, кисидэ – тамэ, раббанда сарымсак, карайда – берахот. ‘У пана (поляка) на поясе – дукат, у мужика – солонина, у еврея – чеснок, а у караима – молитвенник’. *Болдулар тар берювчюляри азарахка* (RO. X, 158). Лексикализованное единство *берня сёзю* ‘благодарность’ (досл. ‘подарок слово его’) возникло на основе именного определительного словосочетания имя существительное + имя существительное с аффиксом принадлежности: т. *Эрянляри ханлыхнын эсик болдулар берня сёзюндян* (0,10). ‘Начальники государства лишились благодарности’. Лексические единства т.к. *он беш* ‘пятнадцать’ (досл. ‘десять пять’); *йўзь игирми эки* ‘сто двадцать два’ и т.д. возникли на базе словосочетания – количественное числительное + количественное числительное. Глагольные лексические единства т. *Кулах сал* ‘послушать’ (досл. ‘ухо клади’); г. *Кез йум* ‘мигать’ (досл. ‘глаз закрывай’); отсюда *кез йумцук* ‘миг’ возникли на базе объектного словосочетания имя + глагол. Формально лексическое единство *кулак сал* ничем не отличается от свободного словосочетания *таш сал* ‘клади камень’, *этмек сал* ‘клади хлеб’ и т.д. Различия между ними лишь в значении, выраженном лексическим единством с одной стороны и свободным синтаксическим единством – с другой.

Как аналитическая конструкция, так и лексикализованные словосочетания в синтаксисе словосочетания приравниваются одному слову – одному из компонентов словосочетания, а в синтаксисе предложения – одному простому члену предложения.

СТРУКТУРА СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕГО МОРФОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА

По морфологическому составу – в зависимости от того, какой частью речи выражены компоненты словосочетания, последние можно делить на две группы:

1) Словосочетание, оба компонента которого выражено самостоятельными (или знаменательными) частями речи. О том, что данная структура относится к словосочетаниям, ни у кого не вызывает сомнений.

2) Словосочетание, один из компонентов которого состоит из самостоятельного (знаменательного) слова, а другой – из служебной

части речи (служебного имени или послелого). Данную группу можно было бы рассматривать как «малое словосочетание». Некоторые специалисты по синтаксису подобный тип словосочетания не включают в категорию словосочетания. Однако «если служебные слова рассматриваются как слова, а не как морфемы, то сочетание служебного слова со знаменательным логично рассматривать как словосочетание... Различать словосочетания и простые сочетания слов – ничем не оправданный терминологический педантизм»²³. Служебные части речи, как уже указывалось, в составе словосочетания одновременно служат компонентами словосочетания и выполняют функции связи с другим – господствующим словом, которому подчиняется данное служебное слово (послелог или служебное имя) с подчиненным ему именем. Например: г. *Ит йатат алнында ивнин*. ‘Собака лежит перед домом’. В этом предложении служебное имя *алнында* с одной стороны служит главным словом в словосочетании *алнында ивнин*, а с другой – связывает данное словосочетание с господствующим в его отношении словом – *йатат*. Таким образом, служебное слово представляет собой как бы мост между двумя самостоятельными словами. Из сказанного вытекает, что деление частей речи на самостоятельное и несамостоятельное в некоторой степени условно. Например, в разряд самостоятельных слов вполне можно отнести союзов, которые входят в состав сочинительных словосочетаний, связывая самостоятельные слова и выполняя в этом отношении роль паузы в устной речи. Союзы самостоятельны в том смысле, что они не вступают в подчинительную связь с другими словами. А послелог и служебные имена не самостоятельны в семантическом плане, тогда как грамматически их вполне можно отнести к разряду самостоятельных слов, если учесть, что они в словосочетании могут выполнять функции главного слова.

Словосочетание так же, как и слово, обладает способностью формоизменения, т.е. оно обладает системой форм, однако эта способность не «чисто» синтаксическая, а морфологическая. «В связи с этим находится многообразие синтаксических функций одного и того же словосочетания, если его господствующее,

²³ В.М. Жирмунский. О границах слова. ВЯ, № 3, 1961.

стержневое слово обладает системой форм. Конструктивные свойства словосочетания чаще всего определяются морфологическим строем его господствующего, стержневого слова»²⁴. Например: *Шагары Трохнун* ‘город Троки’, *Шагарында Трохнун* ‘в городе Троки’, *шагарындан Трохнун* ‘из города Троки’ и т.д.

3) Сочетание знаменательное слово + служебное слово + знаменательное слово структурно представляет собой уже по существу два словосочетания: а) знаменательное слово + служебное имя; б) служебное имя + знаменательное имя, объединенные в новый единый комплекс – единое словосочетание. Таким образом, если применить термин «сложное словосочетание», под ним можно подразумевать именно этот – третий структурный тип словосочетания.

Невозможно сочетание между собой двух служебных частей речи, например: служебное имя + служебное имя, послелог + послелог, служебное имя + послелог.

Деление словосочетаний на простые и сложные или одноступенчатые (одноветвистые) и многоступенчатые (многоветвистые) лишь количественное и ничего не прибавляет для выяснения внутренней сущности и особенности словосочетания.

Словосочетание, в составе которого присутствуют более чем две единицы, рассматриваемые в некоторых работах как сложное словосочетание, состоит обычно из нескольких подчиненных друг другу словосочетаний. Например, казахский фразеологизм *Қырын көз бенен қарау* ‘смотреть искоса (недружелюбно)’, имеющий в своем составе четыре слова, состоит из трех словосочетаний: а) *қырын көз*; б) *көз бенен*; в) *көз бенен қарау*. Во многих тюркских языках широкое распространение получила цепь подчиненных друг другу словосочетаний. Казахский пример: *колхоз малы* ‘колхозный скот’, *колхоз малының өрісі* ‘пастбище для колхозного скота’, *колхоз малының өрісінің кеңдігі* ‘широта пастбища для колхозного стада’ и т.д. В караимском языке подобные цепи однотипных словосочетаний не получили развития.

²⁴ Грамматика русского языка, с. 11.

Из двух связанных между собой подчинительной связью слов (или элементов) словосочетания одно является главным, а другое зависимым. В преобладающем большинстве главным словом выступают две части речи: имя существительное и глагол. На этом главным образом основано деление словосочетаний на именные и глагольные. Разнообразие и многочисленность типов словосочетаний, где грамматически и семантически господствующим, стержневым словом выступают имя существительное и глагол, объясняется количественным преобладанием последних в языке, которые составляют подавляющее большинство в лексике любого языка. Другие знаменательные части речи, такие, как имя прилагательное, наречие, имя числительное и другие выступают в роли главного слова гораздо реже, чем имя существительное и глагол. По своей употребительности в роли главного слова эти знаменательные части речи далеко уступают таким служебным частям речи, как послелог и служебные имена. Таким образом в роли главного слова употребляются не только знаменательные, но и служебные части речи. При этом необходимо четко отличить: 1) грамматически главное слово и 2) семантически (смысловое) главное слово. Часто и грамматически и семантически главным словом выступает одно слово. Это происходит в том случае, когда оба члена словосочетания выражены знаменательными частями речи. Например, в словосочетаниях т.к. *беш киши* (г. *бес киси* 'пять человек'), т. *акыртынлыхба ишляди* 'делал осторожно' и грамматически и семантически главными словами выступают соответственно слова: *киши/киси, ишляди*. А в словосочетаниях т.к. *шагарга дейин* 'до города', г. *алнында ивнин* 'перед домом' главными словами по смыслу выступают соответственно знаменательные части речи: *шагарга, ивнин*, тогда как грамматически главными компонентами являются послелог *дейин*, служебное имя *алнында*, которые требуют от подчиненных компонентов соответствующего грамматического оформления.

Таким образом в объект изучения словосочетания в применении к караимскому языку входит единство, состоящее из двух слов, представляющих части речи, связанные между собой подчинительной связью. В область словосочетания не попадает ряд граммати-

ческих явлений, присутствующих в предложении: связь между однородными членами предложения; члены предложения, грамматически не связанные с другими членами предложения; обращения, вводные слова, междометия; аналитические формы словообразования и словоизменения и некоторые другие.

Формы связей компонентов словосочетания

В караимском языке существуют две формы выражения связи между компонентами словосочетания: 1) аналитическая форма, компоненты словосочетания не имеют каких-либо показателей словоизменения и сочетаются между собой способом примыкания, например: т. *Йахши тюш тюшляндим* 'Я видел хороший сон'. Здесь компоненты словосочетания *йахши тюш* 'хороший сон' связаны между собой посредством способа примыкания без каких-либо аффиксов, т.е. аналитически; 2) синтетическая форма – один из компонентов или оба компонента словосочетания имеют при себе какой-либо словоизменяющий аффикс, связывающий компоненты между собой. При этом компоненты словосочетания связываются посредством способов управления или согласования, например: т. *досту ўвнюн* /г. *досту ивнин* 'друг дома', т. *шагарлар тасполганлар* 'исчезнувшие города и т.д.

СПОСОБЫ СОЧЕТАНИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

В простом предложении караимского языка существуют следующие способы связи слов между компонентами словосочетания: 1) примыкание. 2) управление и 3) согласование, которые нетрудно обнаружить как в устной, так и письменной речи. Из них примыкание участвует во всех типах словосочетаний, управление характерно в основном для дополнительных (объектных) словосочетаний, согласование - в основном - для предикативных.

Примыкание

Примыкание – способ связи компонентов словосочетания, в котором главное слово не требует от подчиненного принятия каких-либо словоизменяющих аффиксов. Отношение между главным и зависимым элементами устанавливается не по их внешним

грамматическим показателям, а главным образом, семантически, хотя основные части речи как бы функционально специализированы, например, имя прилагательное, имя числительное относятся к частям речи, в предложении примыкающим к именам существительным.

Для караимского языка вполне применима следующая характеристика примыкания: «такой вид синтаксической связи, когда зависимость одного слова от другого, господствующего над ним, выражается не флективными изменениями зависимого слова, не его формами, а лишь его местоположением, его зависимой грамматической функцией, его смыслом, несамостоятельным характером выражаемого им грамматического отношения»²⁵. Примыкание осуществляется посредством смысловой и интонационной сочетаемости слов без каких-либо формальных показателей.

Примыкание как способ связи слов в словосочетании в караимском языке занимает важное место. По частоте употребления примыкание значительно опережает другие способы сочетания слов, как согласование, так и управления. Управление в этом отношении стоит на втором месте, а согласование – на третьем.

Главным компонентом в словосочетании со способом примыкания выступают в основном (в порядке употребительности): 1) имя существительное; 2) глагол; 3) служебные имена.

Подчиненным компонентом выступают почти все знаменательные части речи, например, при главном слове – имени существительном имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение (кроме личных), а также причастная форма глагола, которые выражают различные материалы, качество, свойство, признак и количество. При глаголе подчиненными словами выступают: наречие и деепричастная форма глагола, выражающие время, пространство, причину, образ действия и т.д. При служебных именах – имя существительное – носитель главного значения словосочетания. Таким образом в роли подчиненного компонента выступают в основном неизменяемые части речи или неизменяемые формы изменяемой части речи (деепричастия).

²⁵ Там же. с. 22-23.

Исключение составляет имя существительное, хотя следует отметить, что оно выступает в этой роли без словоизменительных форм.

Имя прилагательное как примыкающий элемент: т. *барт кѐп карайский йангы нерсячекляр* ‘есть много новых караимских вещишек’; *Бу орунда олтуруп ол ашадыда ўлюшюн ѳртянбеги ашнын айувчокнун* (0.35). ‘Сидя на этом месте, она поела долю завтрака’ (досл. ‘утренней пищи’) медвежонка’. *Уңлу тювюл ичкири* (Ков. 134) ‘Небольшая комната’.

Имя числительное в роли примыкающего элемента: т. *Греда он беш атлам узуңдугу мовет бермя хыйар йахшы битишкя йетмиш хыйардан йўзгя дейин* (ROY, 219) ‘Грядка длиной в пятнадцать шагов может дать при хорошем урожае от семидесяти до ста огурцов’. *Ортанчы оруч боладыр йединчи кюнюндя улагайнын (ав)* (Ко. 27). ‘Средний пост бывает в седьмой день месяца улагай (ав)’.

Местоимение. В роли примыкающего слова часто выступают определительные местоимения. *Фарбир улус, нечик ол кичи тювюл ѳзюбя* (0,4). ‘Каждый народ, как бы он ни был мал собой...’.

Бийи бютион дунйанын (Ко. 13) ‘Господин (хозяин) всего мира’, употребительны также указательные местоимения: *Табар ушту йарлы захметимни* (М. 27). ‘...Найдет этот мой скромный труд...’.

Причастие в роли примыкающего слова. Наиболее употребительна форма на *-ган*: т. *Тюшярэдляр чамурба ол кынгырайтхан, бузух сѳзляр джанлары ўстюня дуйнйанын* (0.10). ‘Как дождь сыпались ругательства на душу людей’. *Инанас ма достлугуна терк йашарган сюварликнич?* (Ков. 64) ‘Поверишь ли ты дружбе сразу помолодевшей любви?’. Как видно, причастие может употребляться одновременно с именем прилагательным: *кынгырайтхан бузух сѳзляр*.

Имя существительное в роли примыкающего слова: т. *Ратмир хан буйурду сындырма могорларын Шайтан Чоғарахтан* (0.9). ‘Хан Ратмир приказал снять (досл. сломать) печати с Чертова Источника’, г. *Куйас орман артын батад, узун йолдан астры талган. Ки тилиэктэн бэлэк кайтад, алтын будутба каплаган* (КА, II, 1). ‘Солнце садится за лес, очень усталое от длинного пути, стадо возвращается с пастбища, окутанное золотым облаком’.

УПРАВЛЕНИЕ

Управление – такой способ связи компонентов словосочетания, в котором основа грамматически главного слова в зависимости от ее семантики требует от подчиненного слова принятия определенного словоизменительного аффикса. Это главная характерная особенность управления. К этому следует добавить, что подчиненным компонентом может управлять и господствующий именной компонент, имеющий в своем составе аффикс принадлежности.

В остальном при управлении форма подчиненного слова не зависит от формы главного слова, т.е. форма главного слова не влияет на форму подчиненного слова.

В словосочетании т. *чалмандан ары* ‘за забором’ грамматически главное слово – послелог *ары* не имеет каких-либо морфем, которые повлияли бы на принятие словом *чалман* аффикса исходного падежа. В словосочетании же т. *Шагарга бардым* ‘Я ходил в город’ главное слово глагол *бар-* имеет два аффикса: *-ды* – прошедшего времени, *-м* – первого лица единственного числа, которые не играют никакой роли в принятии словом *шагар* аффикса дательного-направительного падежа. Форма дательного-направительного падежа зависит в данном случае от семантики глагола с центробежным значением. Падежные аффиксы в обоих примерах, таким образом, полностью зависят от грамматического и семантического значений основы главного слова.

В подчиненном слове при способе связи управления появляются формы двух грамматических категорий: 1) падежа; 2) лица.

Грамматическим главным словом при управлении выступают: 1. имена (существительные, прилагательные, служебные имена), глаголы и послелог:

1) имя существительное и служебные имена в форме принадлежности: т. *чачы башымнын*; г. *цацы басымын* ‘волосы моей головы’. В этом примере главным компонентом выступает слово с аффиксом принадлежности *чачы/цацы*. Форма

принадлежности в данном случае зависит от отношения говорящего к высказыванию, говорящий относит предмет к определенному лицу (в приведенном примере – к третьему), т.е. происходит примерно то же, что при употреблении форм времен говорящим. Например, в словосочетании *Мен элттим* ‘я послал’ форма прошедшего времени, выраженная аффиксом *-ти* зависит от отношения говорящего к действию, – как совершенному, а не от грамматических или лексических значений сочетающегося слова.

2) имя прилагательное – обычно качественное прилагательное в форме сравнительной степени: т. *Кашларыйдан, чачларыйдан йох багарах, кел йувухрах* (Ков. 115). ‘Нет дорожке твоих бровей и волос, приди поближе’. Такая модель – *кашларыйдан багарах* – своеобразная аналитическая форма сравнения. Сюда же условно можно отнести и личные местоимения первого и второго лиц в предикативных словосочетаниях. Например: т. *Мен келди-м, сен келди-й, биз келди-к, сиз келди-йиз*, подробнее см. раздел «Согласование в лице».

2. Глагол как в личной, так и неличной форме. Глагол управляет дательно-направительным, местным, исходным, винительным и инструментальным падежами: *Анар ким аны женляся, берир бютюн ходжалыгын; сювя, каргышны тюшюрся, кайтарыр бар сювяр-лигин* (Ков. 61) ‘Тому, кто ее пожалеет, она отдаст все свое богатство; если он полюбит ее и снимет с нее проклятие, она отдаст ему всю свою любовь’.

3. Послелог, которые обычно управляют пространственными падежами: т. *йвгя деря* (г. *ивге дерэ* ‘до дома’, т.г. *Тойдан сон* ‘после пира’ и т.д.

Таким образом, в роли подчиненного слова при управлении выступают: 1) в основном – имена, которые принимают соответствующие падежные аффиксы (сюда относятся и служебные имена); 2) глаголы, которые принимают соответствующие аффиксы лица.

Таким образом, в караимском языке можно отметить две группы частей речи, которые выступают главным словом в словосочетании и управляют формой подчиненного слова: 1) самостоятельные части речи, 2) несамостоятельные (служебные) части речи.

СОГЛАСОВАНИЕ

Если при сочетании подчиненного или зависимого элемента + с главным элементом аффикс главного слова требует от подчиненного элемента аналогичного аффикса, здесь имеется согласование. Это означает, что «согласование предполагает, во-первых, зависимость одного слова от другого; во-вторых, форма согласующегося слова, взятого само по себе, являет собой в своем роде пустоту, нуждающуюся в наполнении и требует себе опоры в виде поясняемого слова»²⁶.

В караимском языке согласование охватывает многообразные и различные формы синтаксических связей. Согласование как способ связи слов может сближаться и с управлением. Поэтому порой бывает весьма трудно разграничить, что имеется в данном случае между компонентами словосочетания – согласование или управление. Согласование как способ связи существует лишь в тех словосочетаниях, оба компонента которых выражены самостоятельными словами. Если в русском языке – представителе славянских языков – имеется сильное и широкое согласование, а в тюркских языках – слабое, караимский язык в этом отношении занимает среднее положение между этими группами языков, хотя он относится к тюркским языкам. Особенностью караимского языка по сравнению его с другими тюркскими является то, что в нем согласование широко употребительно в определительных (именных) словосочетаниях, например, *адамлар барганлар* ‘пришедшие люди’ и т.д. (подробнее см. дальше – «Согласование в числе и в падеже»). Как известно, согласование в числе и падеже компонентов определительного словосочетания в других тюркских языках крайне редко.

В караимском синтаксисе имеются следующие виды согласования: 1) согласование в числе, 2) согласование в падеже и 3) согласование в лице.

²⁶ Т.А. Бертагаев Цит. соч., с.4.

Согласование в числе

Согласование в числе происходит в двух, имеющихя в караимском языке, числах: в единственном и множественном и обычно в определительных и предикативных словосочетаниях: между определением и определяемым, между подлежащим и сказуемым. Конкретно согласование в числе компонентов словосочетания проявляется в следующем:

1) Если главное слово стоит в единственном числе, то и подчиненное слово стоит в единственном числе, т.е. оба компонента словосочетания не имеют показателя множественного числа: г. *Авердэ йайшлады назлы ииси цецекнин* (КА. II, 21). 'В воздухе распространяется ароматный запах цветов', т. *Да айдан кююш йол Галведа тартылат, ол бийик багында шагарнын тюгянт* (Ков. 85). 'И от луны серебряная дорога тянется к (озеру) Галве, и. кончается она в высоком саду города'.

2) Если главное слово имеет форму множественного числа, то и подчиненное слово может иметь (не всегда это обязательно) форму множественного числа. В дальнейшем речь пойдет о согласовании во множественном числе.

1) Согласование в определительных словосочетаниях между определением и определяемым. Определяемое слово как главный компонент диктует форму определения – как подчиненного. В роли согласуемого определения, т.е. зависимого слова выступают имена прилагательные и причастия:

а) прилагательные в роли зависимого слова, обычно это – постпозиционное определение или приложение: т. *Ол вахтта излэйт, кайда тапма савутлар керяклиляр ишлямякя маццаны* (RO, У. 203) 'Тогда ищут, где бы найти посуду (принадлежности) для приготовления маццы', г. *Кацар йыллар ол йаманлар, йахсыны керезиз* (МК. I, 18). 'Пройдут эти плохие годы, и мы увидим хорошее': т. *Сукланчылар-бахурлар* (Ков. 75) 'Настоящие парни';

б) причастия в роли подчиненного элемента. Обычно – причастие на *-ган* – наиболее употребительная из всех его форм: т. *Тержяляр бузлаганлар сувук ичкиридя, Орам усну тавулар кючлю бч-*

ляриндя (Ков. 66). ‘Замерзшие окна в холодной комнате. На улице буря в сильном гневе своем’. *Да булэй тирилядляр карындашларымыз, кысылганлар арасында халлы умметлярнин* (0.3). ‘И так живут наши братья в угнетении’ (досл. угнетенные) среди злых людей’. *Тек йүз йыллар ашадлар да дуварлар гар кюн йышыладлар забум болганлар* (0.33). ‘Но проходят столетия и обветшалые стены с каждым днем приходят в негодность’. Как видно, причастия представляют собой постпозиционные определения к именам.

К этому же разряду согласования следует отнести и согласование между определяемым именем и определяющим числительным. В данном случае к числительным относятся и те слова, которые выражают идею множества. В таких словосочетаниях грамматически главным выступает логически подчиненное слово, выступающее в роли определения, последнее не имеет показателя множественного числа, тем не менее выражает идею множественности и требует от определяемого слова – семантически главного компонента принятия им аффикса множественного числа -лар. Т.е. можно видеть некоторое сходство с управлением, в котором форма подчиненного слова так же как и в данном случае, зависит от семантики главного слова. Примеры: т. *Да галегиня алыыыз öзюйүзгя йеди таналар да йеди кочхарлар да барыйыз...* (Ков. 37-38). ‘И теперь возьмите себе семь телок и семь баранов и идите...’. Это специфика караимского языка. В большинстве тюркских языков обычно определяемое имя в подобных сочетаниях не принимает аффикса множественного числа. Ср. казах. *жеті тана, жеті қошкар- но не таналар, қошқарлар. Кёпси эрянляри азиз джыматымызнын болушадлар бизгя акча была...* (0.1, 19). ‘Многие члены (мужчины) нашей дорогой (священной) общины помогают нам деньгами’. *Чох йылларга* ‘на многие годы’.

Особенностью караимского языка является иногда также согласование определения и определяемого в форме не только словоизменения, но и словообразования: т. *Каводу Айув, каводуча Айувка, каводучок Айувчок* ‘господин Медведь, госпожа Медвидица, господинчик Медвежонок’. *Тек каводучок Айувчок эди барыба кичи да авазы да анын эди инкячяк* (0, 34) ‘Но господинчик Медвежонок был совсем маленьким и голос его был тонюсеньким’.

2) Согласование компонентов предикативного словосочетания подлежащего и сказуемого. Подлежащее и сказуемое согласуются в числе как в глагольном, так и именном предложении:

а) Согласование подлежащего с глагольным сказуемым, как правило, строго регламентировано: т. *Тирлигийдя кеп кайгылар сени, увлум, утруларлар* (Ков. 60) 'В твоей жизни много забот тебя, мой сын. встретят'; *Экилэйдлер отрачлар кёрклю авазларба, туйуладлар сезчөкляр: Болгэйм мен аларба* (ДК. 2,8) 'Повторяют острова красивыми голосами, слышны слова: «Был бы я с ними»'; *Бирляр увадлар* (РО, V, 203); 'Одни месяц...'; *Ачылырлар ол тамаша ишляр* (МК. I, 11) 'Откроются замечательные дела'; *Учсюдя айув миндиляр үсткя йуку одага* (0, 35) 'Трое медведей поднялись наверх в спальню'. В последнем примере подлежащее не имеет показателя множественного числа, однако множественность выражена определяющим собирательным числительным *үчсю* 'трое'. Аффикс множественного числа может отсутствовать и при главном компоненте, в роли которого выступает имя, выражающее множественность: однако подчиненный компонент принимает аффикс множественного числа: т. *Ойанды дунйасы Ратмир ханнын да алгасавухта кёрдюляр, не алар кылдылар өз тувмуш йерибля* (0, 12) 'Проснулись люди Ратмир хана и в страхе увидели, что они сделали со своей родной землей'. В этом примере при подлежащем *дунйасы* 'люди' имеются два подчиненных ему сказуемых, одно из них стоит в единственном числе – *ойанды*; второе – во множественном – *кёрдюляр*; последнее обстоятельство вызвано также наличием подлежащего во множественном числе в следующем предложении, поясняющем предыдущее (*алар*): *Бар дунйа теняштиляр* (Ков. 58) 'Все люди стали равными'. В приведенных примерах слово *дунйа* обозначает 'люди', поэтому оно не принимает аффикса множественного числа.

б) Согласование подлежащего с именным сказуемым: т. *Бой кызлары кайгылыдырдар* (РО. X, 158) 'Его девицы грустны, озабочены'; *Ол орунлар керклярибля туюл бетяррякляр кёркляриндян тувмуш орунларынын йырчынын* (0, 21) 'Те места по своей красоте не хуже родных мест поэта' *Бар кабахлары веряндирляр* (РО X, 158) 'Все его берега пустынные'; *Да турдулар барлары теняшлярбля да барлары ачларба* (0, 11) 'И жили все равными и все голодными'. В

этом примере, представляющем собой сложноподчиненное предложение, имеется: главное предложение – *турдулар барлары* ‘все жили’ и два придаточных дополнительных, сказуемые которых выражены именами и согласуются в множественном числе с подлежащими: *барлары теншиляр(бя)* ‘все равны(ми)’, *барлары ачларба* ‘все голодны(ми)’. Наличие аффикса инструментального падежа при сказуемом придаточного предложения напоминает русские конструкции с творительным падежом. Как видно из примеров, придаточные предложения по своей структуре соответствуют славянским.

В редких случаях возможно отсутствие согласования в числе между подлежащим и сказуемым. Причем аффикс множественного числа может отсутствовать только при сказуемом, т. е. подчиненный элемент не согласуется с главным в числе. По-видимому, это следует рассматривать как реликты более древнего состояния синтаксиса караимского языка. Отсутствие аффикса множественного числа возможно как при глагольном, так и при именном сказуемом: т. *Калмады тюгял да тюз джанлылар* (0, 11) ‘Не осталось честных и правдивых людей’; *Инан увлум, келир вахтлар... биянчлярдян джаны толар* (Ков. 60) ‘Верь, мой сын, придет время (досл. времена), и твоя душа наполнится радостью’. В этом примере размер стиха не позволяет присоединять аффикс множественного числа, да и дважды повторение звуко сочетаний *лер – лир* при одном слове стилистически не оправдано. *Фордан анлады: кулдунчохла барыба тузсуз* (0, 7) ‘Сразу он почувствовал: пельмени совсем без соли’.

Согласование в падеже

Согласование в падеже является специфической чертой караимского языка и происходит между определением – подчиненным компонентом, выраженным именем существительным, именем прилагательным; указательным местоимением и главным компонентом, выраженным именем существительным, местоимением. Подобное согласование происходит лишь в грамматических падежах: основном, родительном и винительном.

Согласование определяемого и определения в основном падеже, широко распространенное в тюркских языках и само собой разумеющееся явление, поэтому на это тюркологи и не обращают внимания, что вполне понятно. Например: т. *Бир адамчэх увус чачарэд, буну кёрюпти игит ат, өз башында сагыш этярет...* (Ков, 98) 'Один человек сеял овес, увидев это, молодая лошадь подумала...'. В этом примере происходит согласование между компонентами словосочетания *бир адамчэх* 'один человек', *игит ат* 'молодая лошадь', где соблюдается прямой порядок слов.

При согласовании в косвенных падежах определение и определяемое обычно могут поменяться местами.

Согласование в родительном падеже: т. *Бу тынч сувлары гёлнюн Галвенин да йешиңлиги отрачларнын* (ДК. 2, 5) 'Эти тихие воды озера Галве и зелень островов'; *Йарых сагынчына кендярювчюнюн бавун «Онармахнын» Шелумел Лопатонун* (0, 15) 'Светлой памяти учителя (воспитателя) союза «Онармах» Шелумеля Лопато'; *Орта табаны айагынын онунун-барыр йесирлик была* (МК 6, 26) 'Если (дернет) середина ступни правой ноги – пойдет в неволю'. Во всех примерах подчиненный компонент с аффиксом родительного падежа стоит после главного компонента.

Согласование в винительном падеже более распространено, чем согласование в родительном падеже: т. *Да эшиттиляр үч достлары Иовнун бар ол йаманлыхны ушпуну ол келгянци анар* (Ков. 3) 'И услышали три брата Иова о всем этом зле, которое явилось к нему'. В этом примере с главным компонентом словосочетания *йаманлыхны* согласуются в винительном падеже оба подчиненные определения, выраженные указательным местоимением и причастием: *ушпуну келгянци*. С главным компонентом согласуется также форма союзного слова, связывающего придаточное предложение. *Бюгюн танда анланырбыз да башларбыз излямя аны, нени тас эттик* (0, 2) 'Сегодня (утром) пойдем и начнем искать то, что мы уже потеряли'; *Сен балясин барлары аларны, йохтур нени арттырма* (Ков. 57) 'Ты знаешь все это и нечего больше добавить'; *Палегиня гадирлэйдляр отун, куруну березовуну* (RO, V, 203) 'Затем (теперь) готовят дрова – сухие березовые'; *Буну барын эскя алсам, боладогон йат кырыйда* (МК I, 15) 'Когда я вспоминаю все это, находясь в чужом краю...'. Последнее словосочетание *буну барын* в

казахском языке выглядело бы: *бұның бәрін // мұның бәрін* – т.е. с первым компонентом в родительном, а не винительном падеже.

Согласование в лице

Согласование в лице как способ связи слов характерно лишь для предикативных словосочетаний, в основном – глагольных, реже – именных, которые представляют собой двусоставное предложение.

Когда мы традиционно условно говорим о согласовании в лице, под этим выражением объединяются по крайней мере два разных способа связи. Собственно согласование фактически происходит лишь в одном лице – в третьем лице единственного и множественного числа. Например: т. *Ол келди* ‘он пришел’, *Алар келдилер* ‘Они пришли’ – согласование в нулевой форме. Способ связи подлежащего и сказуемого в других формах лиц условно можно отнести к согласованию. Его в большей степени можно отнести к способу управления, при котором форма подчиненного слова зависит от семантики главного: т. *Мен келдим* ‘Я пришел’; *Сен келдің* ‘Ты пришел’; *Биз келдік* ‘Мы пришли’; *Сіз келдіңіз* ‘Вы пришли’. В этих предикативных словосочетаниях форма лица глагола *кел*, являющегося подчиненным элементом, полностью зависит от значения личного местоимения, представляющего собой главное слово, которое выражает соответствующее (первое или второе) лицо и число (единственное или множественное).

Согласование в первом лице: Единственное число: т. *Қалдым мен* *йалғыз*, *нечик Иона курсағында толғун – балықнын* (0, 10) ‘Я остался одиноким, как Иона в чреве кита’; *Аж билсәйдлер ки мен имшах джанлы да суюям бермя, то эшигим дя йабулмагэйт* (Ков. 122) ‘Если бы они узнали, что я человек добрый и люблю давать, моя дверь никогда бы не закрывалась (т.е. всегда оставалась бы открытой)’. Множественное число: *Да калдых биз хаз эмян, кайсында салтрадлар йапрахлар, да хаз баг, кайсында йохтур сув* (0, 10) ‘И остались мы как дуб, у которого завяли листья; как сад, в котором нет влаги’.

Согласование во втором лице: Единственное число: *Ниндий йемишляр сен суюяс йахшырах?* (ДК, 16) ‘Какие фрукты ты любишь больше?’; *Эх карт сен, али тели мёро этик, ишанас ки бу сёзлярни*

мен анламым? (Ков. 110) ‘Эх, старый ты, а глуп как сапог, ты веришь, что я не понимаю этих слов?’. Множественное число: *Не сиз ишлядийиз* (Ков. 120) ‘Что же вы наделали?’. В предикативном словосочетании, где главным словом выступает личное местоимение второго лица, часто оно может отсутствовать. Обычно это происходит при непосредственном обращении к собеседнику: т. *Болуйуз савлар да шатырлар!* (Ков. 112) ‘Будьте здоровы и веселы!’.

Личным местоимением второго лица вежливой формы выступает слово *кодуй*, *ководунуз*, восходящее к древнееврейскому *кавод* ‘честь’. При употреблении этих местоимений сказуемое обязательно согласуется в лице, а в числе согласование факультативно. *Олтур кодуй!* ‘Садитесь!’; *Бол кодуй сав!* (Ков. 111) ‘Будьте здоровы’; *Болуйуз кодуй савлар* ‘Будьте здоровы’ и т.д.

Согласование в третьем лице: Единственное число: т. *Азариа тартты черайын да салды колуба* (Ков. 111) ‘Азариа отвернулся и махнул рукой’. Множественное число: *Алар ануз билмидляр, ки кимнин кеп йери – анын ити тишляри* (Ков. 111) ‘Они еще не знают, что кто богат (досл. у кого много земли), у того острые зубы’.

В отличие от основной массы тюркских языков в караимском языке в именных предложениях подлежащее и сказуемое редко согласуются в лице. Вполне нормативны такие предикативные словосочетания, как *мен карай* ‘я караим’; *сен карай* ‘ты караим’; *ол карай* ‘он караим’ и т.д. (подробнее см. в разделе «Категория лица»). Примеры: *Нинди мен маззалсыз! Бар досчаларым чыхтылар эргя да боладлар мёро дунья, а меним Иааковчугум урюйт... урюйт...* (Ков. 117) ‘Какая я несчастная! Все мои подруги вышли замуж и живут как люди, а мой Иааковчик все ходит, ходит’; *Ишанмадым, ки бунди теллиляр сиз индянядогон увряткянляр* (Ков. 120) ‘Я не верила, что вы, называемые учеными, так глупы’.

ИМЕННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Именное словосочетание в узком смысле – сочетание двух слов – представителей разных частей речи, в котором главным элементом выступает имя существительное, под которым подразумевается и субстантивированные слова, переходящие в разряд существительных и выполняющие его функции. В широком смысле, когда речь идет об именных словосочетаниях, имеется в виду сочетание слов, в котором главным словом выступает одна из именных частей речи: имя существительное, местоимение, имя прилагательное, числительное, наречие. К этому же ряду примыкают и словосочетания, в которых главным словом выступают служебные имена и послелого, восходящие, как правило, к именным частям речи. Однако доминирующая роль в образовании именных словосочетаний принадлежит все же имени существительному, как главной среди других именных частей речи, имеющему высокую частотность в образовании словосочетаний. Другие именные части речи в караимском языке в роли главного слова в словосочетании выступают значительно реже.

Таким образом, главным элементом в именных словосочетаниях в караимском языке выступают: имя существительное, местоимение и имя прилагательное, а также служебное имя и послелого. В роли подчиненных компонентов в составе именного словосочетания выступают: имя существительное, имя прилагательное, наречие, имя числительное, местоимение и глагол в форме причастий.

В зависимости от принадлежности главного и подчиненного элемента к определенной части речи выделяются следующие группы именных словосочетаний:

1. Именные словосочетания, компоненты которых состоят из самостоятельных (знаменательных) частей речи:

- а) имя существительное + имя существительное;
- б) имя прилагательное + имя существительное;
- в) имя числительное + имя существительное;
- г) местоимение + имя существительное;
- д) причастие + имя существительное;
- е) имя существительное + имя прилагательное;
- ж) наречие + имя прилагательное.

2. Именные словосочетания, один из компонентов которых (подчиненный) состоит из представителя самостоятельных частей речи, а другой (главный) – из представителя служебных частей речи:

- а) имя существительное + служебное имя;
- б) местоимение + служебное имя;
- в) имя существительное + послелог;
- д) местоимение + послелог.

Типы словосочетаний, относящиеся к первой группе, представляют собой определительные словосочетания, где первый компонент (определение) подчинено второму. Исключение составляет тип е) имя существительное + имя прилагательное, представляющее объектное словосочетание. Словосочетания: имя прилагательное + имя существительное, местоимение + имя существительное, причастие + имя существительное, наречие + имя прилагательное по семантическому и грамматическому взаимоотношению компонентов, можно сказать, не отличаются от словосочетания имя существительное + имя существительное. В них подчиненный компонент выражает разные уточнения, признаки главного компонента.

Индикатором главного и зависимого компонента во всех определительных словосочетаниях (безаффиксальных) выступает порядок слов. Подчиненное слово как правило предшествует главному слову. Перемена мест компонентов подобного словосочетания может повлечь за собой изменение отношения и функции между ними: *агач кюряк – кюряк агач*, соответственно ‘деревянная лопата’, ‘дерево, предназначенное для лопаты’. К определительным также следует отнести словосочетание, где главным словом выступает служебное имя. В них компоненты словосочетания взаимно, но по-разному уточняют друг друга. Формально данный тип не отличается от словосочетания типа имя существительное + имя существительное. Словосочетание, где главным словом выступает послелог, по типу представляют собой объектные словосочетания.

Таким образом, главной особенностью именных словосочетаний является то, что подчиненный элемент в них употребляется в функции уточнителя, выражающего признак главного элемента и

выступает с ним в атрибутивную связь. Т.е. именные словосочетания в караимском языке, как отмечалось, представляют собой в основном определительные словосочетания.

Словосочетания: имя + служебное имя, имя + послелог можно отнести к именным словосочетаниям условно, поскольку грамматически главное слово в них не относится к самостоятельным частям речи.

По морфологическому оформлению – характеру словоизменительных аффиксов, именные словосочетания можно разделить на две группы: а) безаффиксные (или аналитические), б) аффиксные (или синтетические). В первом типе, значительно более распространенном в караимском языке, главную роль играют порядок слов и интонации подчинения, а во втором типе главную роль играет словоизменительный аффикс, а порядок слов и интонация служат дополнительными средствами.

Из сказанного вытекает, что основным способом сочетания именных частей речи между собой в предложении является способ примыкания.

Главное слово в именном словосочетании может выступать в двух формах: а) с аффиксом принадлежности (чаще третьего лица): т. *башы атнын* ‘голова лошади’; б) без аффикса принадлежности: т. *кююш кашух* ‘серебряная ложка’. Наличие других словоизменительных форм, например, аффиксов падежей, числа, при главном элементе не имеет значения для оформления конструкции именных словосочетаний: а) *башыны атнын* ‘голову лошади’; *башына атнын* ‘голове лошади’; *башында атнын* ‘на (в) голове лошади’; *башларында атларнын* ‘в (на) головах лошадей’; б) *кююш кашухну* ‘серебряную ложку’; *кююш кашухта* ‘у серебряной ложки’; *кююш кашухларга* ‘серебряным ложкам’ т.д.

Зависимое же слово в именных словосочетаниях может иметь следующие две формы: а) зависимое слово без аффикса родительного падежа: т. *темир(ли) чалман* ‘железная ограда’; б) зависимое слово с аффиксом родительного падежа: *йарыгы айнын* ‘свет луны (месяца)’.

Следовательно, в караимском языке мы можем иметь следующие ограниченные типы именных словосочетаний, обусловленные формой главного и подчиненного компонентов:

1) Имя без аффикса родительного падежа (зависимое слово) + имя без аффикса принадлежности (главное слово): *кюмюш кашух, темир чалман*;

2) имя без аффикса родительного падежа (зависимое слово) + имя с аффиксом принадлежности (главное слово): *ай йарыгы, тюз кийиги* ‘дикий зверь’ (досл. ‘зверь пустыни’).

3) имя с аффиксом родительного падежа (зависимое слово) + имя без аффикса принадлежности (главное слово): *бизнин ат* ‘наша лошадь’.

4) Имя с аффиксом принадлежности (главное слово) + имя с аффиксом родительного падежа (зависимое слово): *башы атнын, толгуну сувнун* ‘волна воды’.

По своей употребительности на первом месте стоит четвертый тип, на втором – первый, на третьем месте стоит второй тип, который в караимском языке уже закрепился как аналитико-синтетическая модель словообразования; и наконец, на последнем месте стоит третий тип, употребляемый редко, в нем в роли постоянного подчиненного слова закрепилось ограниченное количество слов – личные местоимения первого и второго лица множественного числа: *биз, сиз* в форме родительного падежа.

Весьма вероятно, что эти четыре типа именных словосочетаний являются наиболее древними в тюркском синтаксисе, а другие типы именных словосочетаний возникли позже на базе разных глагольных словосочетаний (ср. казах. *малга үйір* ‘привязанный к животным’, *үйге жақын* ‘ближе к дому’ и т.д. или под влиянием других языков).

Как видно из приведенного, в одном из типов именных словосочетаний, а именно – в четвертом типе в караимском языке в отличие от других тюркских языков произошло коренное изменение, заключающееся в том, что зависимый и главный компоненты словосочетания обменялись местами (подробнее см. ниже).

СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ИМЕНЕМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ В РОЛИ ГЛАВНОГО ЭЛЕМЕНТА

СЛОВСОЧЕТАНИЕ С ИМЕНЕМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ В РОЛИ ПОДЧИНЕННОГО ЭЛЕМЕНТА

Наиболее распространенный вид данных именных словосочетаний это – сочетание имени существительного с именем существительным, который отличается богатством и разнообразием. В нем оба компонента выражены существительными, которые вступают между собой в определительную связь.

По форме элементов имеются два вида сочетаний имени существительного с именем существительным: а) компоненты не имеют словоизменительных морфем, б) компоненты или один из компонентов словосочетания имеет словоизменительные морфемы, которые ограничены двумя аффиксами: принадлежности, родительного падежа.

1. Сочетание двух существительных: имя существительное в основном падеже + имя существительное в основном падеже. Как правило, количество существительных – компонентов словосочетания не превышает двух. Между компонентами словосочетания устанавливается тесная семантическая связь. Грамматическая связь между компонентами осуществляется способом примыкания. Компоненты словосочетания располагаются контактно, т.е. непосредственно друг за другом. Главным является второй компонент (последующий), а первый компонент (предшествующий) выступает в роли подчиненного элемента – уточнителя, выполняющего функции грамматического определения. Аффикс множественного числа, о котором говорилось выше, может присутствовать только при основном компоненте (последующем, уточняемом) словосочетании. Первый же компонент в свою очередь может иметь свой уточнитель, выступающий определением ко всему словосочетанию в целом. Определяющий компонент словосочетания обозначает как лицо (человек), так и нелицо (не-человек, предметы, явления):

1) Когда определяющий – подчиненный компонент выражает нелицо. оно может обозначать:

а) Материал, из которого создается определяемый предмет – это наиболее распространенная семантика подчиненного элемента: т. *Куриэйдлар аны бек темир чалманлар, йат кёздян йашынадыр кёркю* (МК 7, 33) ‘Его окружают крепкие железные заборы, его красота скрыта от посторонних глаз’. В этом примере к определяющему компоненту *темир* ‘железо’ примыкает другое определение, выраженное именем прилагательным *кип* ‘крепкий’, которое относится как атрибут ко всему словосочетанию *темир чалмаklar* ‘железные заборы’. Второй определяемый главный компонент данного словосочетания имеет аффикс множественного числа. В разговорной речи караимов можно отметить тенденцию к замене определителя-имени, выражающего материал, именем прилагательным, образованным от того же имени посредством аффикса *-лы*: т. *темирли чалман* вместо *темир чалман*; *алтынлы сагат* вместо *алтын сагат* ‘золотые часы’; *кюмюшлю кашух* вместо *кюмюш кашух* ‘серебряная ложка’ и т.д., что представляет собой результат славянского влияния на караимский язык;

б) Географическое положение, название стран света, к которому относится, или где находится предмет, выраженное вторым компонентом словосочетания; подчиненный компонент может быть и составным именем: т. *Кюн батыш тарафта айттылар: Бир сувдан аз, келтирийиз барын, не сиздя талаган да барын, не ануз калган, тек анда ирахрахка багынырбыз* (0, 11) ‘На Западе (досл. на солнце заход сторона) сказали: «Одной воды мало, принесите все, что у вас ограблено, и все, что еще осталось, тогда мы посмотрим (что делать дальше)»’. *Тюшлюк тарафларында* (0, 3) ‘На южной стороне’.

в) Название народа, национальности, государства, к которому относится определяемое имя: т. *Ачых керябиз, ки карай тили турад эн йувухрах сёзлявюня авалдагы тюрк-кыпчак улусларынын, кайсылары XI-XIII йүзйыллыларда йайылырэдляр да йашарырэдыр йылгалыхларында эски Хазар бийликнин бюгюнгу Русийанын тюшлюк тарафларында* (0, 3) ‘Мы ясно видим, что караимский язык стоит очень близко к языку древних тюрко-кыпчакских

народов, которые в XI-XIII веках распространились и жили в степях древнего Хазарского государства на юге современной России’.

г) отношение: т. *Авалгы Кырым йомахлардан* (0, 8) ‘Из древних крымских легенд’. *Эскя алып, ки тюгял болган кюсянч теняшиядир тирлик агачча, индейбиз да колабыз бар игит карай уланларын кёлягясиня бу агачнын* (ДК, 2, 1) ‘Помня, что исполненная надежда подобна дереву жизни, мы обращаемся с просьбой к караимской молодежи прийти в тень этого дерева’.

Значение отношения присутствует и в караимских названиях месяцев, образованных посредством сочетания двух существительных: *йаз ай* ‘июль’, *кюз ай* ‘ноябрь’, *кыш ай* ‘январь’, *курал ай* ‘май’ (досл. соответственно: ‘лето месяц, осень месяц, зима месяц, орудие месяц’), это значение также активно используется при аналитическом образовании множества других имен существительных, названий дней недели, стран света и др.

2) Когда определяющий подчиненный компонент выражает лицо (человек, субъект) он может обозначать:

а) общество, группу, к которому относится определяемое слово: т. *Буну латин отйотларба 1300 йылда йаздылар католик каратондулар* (0, 3) ‘Это писали в 1300 году католические монахи латинскими буквами’; главный элемент в свою очередь образован сочетанием имени прилагательного с существительным.

б) народность, национальность: т. *Муфт тювюл Кырым ататхан эң багалы инджисибя таджында болган Рус бийлярнин*. ‘Недаром Крым назван самым дорогим жемчугом на короне русских царей’; г. *Бар карай урувлар* ‘весь караимский род’.

в) прозвище, звание, сан, данные человеку по его положению (общественному, по возрасту и т.д.): т. *Бир Гахан Шемуел айалды андан* (0, 9) ‘один (только) гахан Шемуел отказался от него’.

г) имя человека, общественное положение которого выражается определяемым именем: т. *Ратмир хан кип сагышланды* (0, 9) ‘Крепко задумался Ратмир хан’.

В редких случаях между компонентами именного словосочетания возможно появление прилагательного, служащего определением к второму-главному компоненту: *карай услу Магаз* ‘Мудрый (умный) караим Магаз’.

д) Название человека по возрасту, по положению, в сфере которого употребляется предмет, выраженный определяемым: г. *Ойнамайык улан ойунга* (КА, 8, 11) 'Давайте, не будем играть в детскую игру'.

2. Словосочетание: подчиненное имя существительное в основном падеже + главное имя существительное с аффиксом принадлежности 3-го лица.

Главное значение, выражаемое данным типом определительного сочетания, выражение отношения между двумя компонентами. В зависимости от лексической семантики каждого из компонентов в каждом конкретном словосочетании это отношение может выражаться по-разному²⁸. Причем это отношение говорящим осмысливается как обобщенное, отвлеченное, т.е. первый, подчиненный компонент словосочетания не выражает конкретного лица или предмета, к которому имеет отношение содержание второго – основного компонента словосочетания. Данное словосочетание образуется способом примыкания.

Например. г. *Куйаш балкуву* означает 'солнечный луч', а не 'луч солнца', *эшик илгякляри* 'дверные крючки', а не 'крючки какой-либо конкретной двери', *тюшлюк тарафлары* 'южные стороны', а не 'стороны юга', *ачув вахтымда* 'во время гнева', и т.д. Для выражения конкретного отношения компоненты подобных словосочетаний должны несколько перестраиваться, например: *илгякляри эшикнин* 'крючки данной, упомянутой двери'; *балкуну куйашнын* 'лучи (светящегося в момент речи) солнца', *йарыгы айнын* 'свет луны' и т.д. Конкретное отношение выражается также при условии, если главный компонент словосочетания вместо аффикса принадлежности 3-го лица имеет аффикс принадлежности первого (говорящего) или второго лица (собеседника): *ачув вахтымда* 'во время моего гнева, когда я гневаюсь', *ачув вахтында* 'во время твоего гнева, когда ты гневаешься' и т.д.

²⁸ Конкретные формы этого отношения подробно исследованы на материале турецкого языка С.С. Майзелем в его книге: «Изафет в турецком языке». М., 1957.

Характерной особенностью данного типа именных словосочетаний является невозможность присутствия между компонентами какого-либо элемента, будь это полнозначное слово, частица и т.д. Уточняющий член в виде определения, выраженного прилагательным, указательным местоимением, причастием, может примыкать лишь к первому компоненту словосочетания. т. *Да карт бийлик кермяниндя игит-элян шатырланат* (МК I, 14) 'И в старом княжеском замке веселится молодежь'; т. *Азиз йазыш кёчюрмягинин гормятли үврятювюдюр* (0, 2) 'Это – уважаемое учение перевода священного писания'; *Булэй тюгянди бу авур тирлик йолу, толу файдалы бизгя ишлярдян, абайлы риббимизнин* (МК 6, 48) 'Так окончился тяжелый жизненный путь нашего уважаемого раввина, полный полезными для нас делами'. Этот тип словосочетания в караимском языке имеет тенденцию к лексикализации, на его базе образованы сложные слова: г. *Ай йарыгы* 'луна, месяц' (досл. 'свет луны, месяца'); т. *билюв йеси* 'ученый', досл. 'обладатель знания': т. *Билюв йесиляри бютюн дунйанын кючяйдляр тапма тас болган йазышларны, тек бу вахтка дейин болалмыдлар ыштырма аларны бар бютюнлюгюндя* (0, 10) 'Ученые всего мира стараются найти исчезнувшие рукописи (письмена), но до сих пор они не могут собрать их целиком'.

Как показывают примеры, в данном типе словосочетания порядок слов сохраняется и невозможна перестановка его элементов.

3. Словосочетание: подчиненное имя существительное в родительном падеже + главное имя существительное с аффиксом принадлежности третьего лица. Подобное словосочетание в тюркологии принято называть полным изафетом «или изафетом III». В караимском языке «изафет» как правило состоит из двух компонентов, сложных изафетных сочетаний, состоящих из трех и более компонентов, не приходилось встретить, ср. каз. *Колхоз бастыгының үйі, адам баласы ёмірінің кёрінісі* и т.д. Эта модель образуется способом управления, поскольку главное слово, синтаксически независимое – имя существительное с аффиксом принадлежности, выражает: предмет обладания, грамматическое лицо обладателя и требует от зависимого слова оформления в родительном падеже. В караимском языке, в отличие от других тюркских языков, главное слово, как правило, предшествует

подчиненному слову, которое употребляется с аффиксом родительного падежа и выступает в роли уточнителя, конкретизатора грамматического лица, выраженного в главном слове. Конкретное значение зависимого слова заложено в нем самом и не зависит от главного слова. Часть целого: т. *Кызылмуш чечяги шапталанын, ах чечяги чиянин* (0, 8) ‘Розовый цветок персика, белый цветок вишни’; т. *Колтхасы бойдахнын* ‘просьба молодого человека (парня)’, *терклиги йас йасनावухнун* ‘быстрота молнии’; г. *цувламагы толгунларынын* ‘шум его волн’; *авруву ирекнин* ‘боль сердца’; *суву цогарахнын* ‘вода источника’, *ортацыгы кезнин* ‘зрачок глаза’ и т.д.

Как явствует из примеров, в караимском языке в отличие от многих тюркских языков компоненты словосочетания обменялись местами, что произошло в результате длительного и сильного воздействия окружавших караимов славянских языков. Особенностью этого словосочетания является, в отличие от предыдущего, то, что каждый из его компонентов может иметь собственного определителя, который может находиться в препозиции или постпозиции: *Бурунгу йылында тарлыхнын* (0, 10) ‘в первый год беды (несчастья)’; *йвюндя карандашларынын ол тунгучнун* ‘в доме их старшего брата’; *Софунда эгирми бешинчи йылнын гормятли да кутлу бийлик этмягинин* (0, 8) ‘В конце двадцать пятого года своего почетного и счастливого царствования’; *сормахлары бюгюнгю кюннюн* ‘вопросы сегодняшнего дня’ и т.д. Из примеров также видно, что главное слово может принимать помимо аффикса принадлежности аффиксы падежей множественного числа. А зависимое слово помимо аффикса родительного падежа может иметь аффиксы множественного числа, принадлежности. Однако это связано с отношением членов конструкции к другим словосочетаниям и внутри данного словосочетания не имеет значения.

В роли подчиненного компонента описываемого словосочетания выступают также личные и указательные местоимения – при субстантивации. Наиболее употребительны личные местоимения первого и второго лица во множественном числе: т. *Кертидян уллу сан да гормят бизнин атадарымызга* (0, 2) ‘Истинный почет и уважение нашим предкам’; *Сизнин тирлигийиз ануз алнында* ‘Ваша

жизнь еще впереди'. Как явствует из примеров, в словосочетании, где подчиненным компонентом выступает личное местоимение первого или второго лица, как правило сохраняется общетюркский порядок слов. Особенностью сочетаний с личными местоимениями в роли подчиненного элемента является то, что последний не может иметь перед собой другого подчиненного слова, тогда как главное слово может иметь его: т. *Ушэйдогон алышынмахлар болалмадылар энгялтмяскя бизнин де кичи улусумузну да анын тирлигин* (0, 3) 'Подобные перемены не могли не изменить и наш маленький народ и его жизнь'; г. *бизнин дзымат йесилэримиз* 'наши руководители общины' и т.д.

Главное слово данного типа словосочетания в свою очередь может оказаться подчиненным элементом другого словосочетания. В этом случае оно принимает соответствующие падежные формы. При этом происходит перестановка местами компонентов словосочетания. Например, – родительного: т. *Бунунба йенгилятмя аврувун үржяляринин тув ортахлыгынын* (0, 16). 'Этим облегчить боль сердца родной общины'; – винительного: *Бузду ачуву была бек кермялярин джыматынын Иугуданын* (Иерем.) 'Гневом своим он разрушил твердую крепость общины Иегуды'; – местного: *Охуйдырлар кенасаларында бу кырыйнын* (0, 2) 'Они читают в кенаса (храмах) этого края'; – исходного: *Артых бар кызларындан шагарнын сювям, достчам, мен сени* (Ков. 56) 'Больше всех других девушек города я люблю тебя, подруга моя'.

Одно главное слово может иметь при себе несколько подчиненных слов в родительном падеже, при этом также происходит перестановка: *Да сагынчы тюзлярнин, акыллыларнын, арувларнын да азизлярнин болгэй алгышха* (Ко, 17) 'Да будут благословенны мысли праведных, умных, чистых и святых'.

Как уже указывалось выше, в караимском языке порядок слов в описываемом словосочетании нарушен. Однако нельзя утверждать, что это уже окончательно утвердилось в языке и прежний порядок слов не сохранился. Сохранился и «правильный порядок» слов. Например, в пословицах и поговорках он является доминирующим: г. *Эсавнын кылыцы кынында секирэд* 'Меч поляка прыгает в ножнах'. Часто употребляется этот порядок слов в поэзии: т. *Вале эрбинин джаны фордан таныды аны* (0, 6) 'Но душа наставника

сразу узнала его'. «Правильный» порядок слов употребляется и тогда, когда говорящий логическое ударение ставит на имени с аффиксом принадлежности: *Летува да Лехистан карайларынын тили барыба өзгя* (0, 2) 'Язык литовских и польских караимов совсем другой'.

Словосочетание существительное в родительном падеже + существительное с аффиксом принадлежности в западных диалектах караимского языка, особенно – в галицком диалекте, имеет тенденцию перейти в новую разновидность именных словосочетаний, а именно – в сочетание, где первый компонент употребляется с аффиксом принадлежности, а второй компонент – с аффиксом исходного падежа вместо родительного, например: *Пар бири алардан* (вместо *гар бири аларнын*) каждый из них: г. *гар бири алардан тутад колунда китабын карай вахтлыкнын, кайсын ухуйд, нецик кергизэди турсин, уллу эс коймакба* (КА, 5, 17) 'Каждый из них держит в руках книгу (т.е. экземпляр) караимского журнала, которую читает, как показывает рисунок, с большим вниманием'. Данное явление особенно характерно для разговорной речи галицких караимов. Его следует рассматривать по-видимому как влияние окружающих славянских языков, где, например, в русском, в данном конкретном случае эквивалентом словосочетания *гар бири алардан* является словосочетание: предлог *из*, указывающий на исходный пункт, с именем в родительном падеже: *каждый из них*. В караимском языке наиболее близким для передачи семантики указанного русского словосочетания оказалась структура – имя в исходном падеже – *алар+дан*.

В караимском синтаксисе примечательной является и другая трансформация в описываемом (притяжательном) словосочетании. Она заключается в том, что определяемое, оформленное аффиксом принадлежности, становится определяющим, уточняющим, а определяющее, уточняющее, выраженное именем в форме родительного падежа, теряет падежный аффикс и таким образом становится определяемым, т.е. грамматически подчиненный элемент превращается в главный, а главный элемент – в подчиненный: т. *Хыйарнын кёрклюсю* 'лучший из огурцов > *кёрклюсю хыйар* 'самый лучший огурец', *тёшиакнин уңлусу* 'большая из постелей' > *уңлусу тешиак*: 'самая большая постель': т.

Экинчи иштирмахта хыйарны калдырылат кёрклюсю хыйар насенликлярдя (RO, V) 'Во время второго сбора огурцов лучшие из огурцов оставляются на семена'; *Олтурду Алтынка уңлусу олтуруушка, тек колайлы туююл эди анар уллу олтуруш* (0) 'Села Алтынка на самый большой стул, но на нем было неудобно сидеть'. Эта новая конструкция одновременно представляет собой новый способ выражения формы превосходной степени имени прилагательного. В данном случае, как видит читатель, в роли компонента с аффиксом принадлежности выступает не предметное имя или лицо, а качественное имя – субстантивированное прилагательное, которое, по-видимому, и способствует трансформации словосочетания и, таким образом, как всякое другое прилагательное, занимает свое «постоянное» место – позицию впереди (слева от) определяемого.

Сказанным выше не исчерпывается словосочетание имя существительное + имя существительное. Некоторые производные существительные, в основном, образованные от глагола, выступая в роли главного слова, могут иметь в качестве подчиненного слова имя существительное в форме падежа, которым управляет глагол, служащий основой для производного имени существительного: т. *Йохтур йубатувчу аны* (RO, X, 159) 'Нет у него утешителя'; *Йохтур анар йубатувчу бар сювярляриндян* (RO, X, 158) 'Нет среди его любимых утешителя его'. В этих примерах имя существительное *йубатувчу* 'утешитель', образованное от глагола *йубат* 'утешать', управляет винительным (в первом примере) и исходным (во втором предложении) падежами, так же как и исходный глагол *йубат*.

Словосочетание с именем прилагательным в роли подчиненного элемента

Словосочетание прилагательное + имя существительное представляет собой определительное словосочетание, компоненты которого соединяются между собой способом примыкания. Прилагательное всегда предшествует определяемому существительному. Как правило, между прилагательным и именем существительным при условии, что в словосочетании участвуют только два слова, не включается другое слово.

По характеру сочетания в одной группе можно рассмотреть именные словосочетания, в которых в роли подчиненного слова выступают имя прилагательное, имя числительное, местоимения (кроме личных) и причастия. Все они сочетаются с определяемым именем существительным способом примыкания, стоят впереди (слева от) главного слова, не принимают аффикса родительного падежа, выполняют функции определения, выражая общую семантику – признак.

Имя прилагательное, в зависимости от его лексического значения при сочетании с именем существительным выражает различные признаки: объем, цвет, меру, форму, свойство, вкус и т.д. Имя прилагательное употребляется во всех присущих ему грамматических формах.

Подчиненное слово – непроизводное прилагательное: т. *Сакладылар сукланчы да ходжа хазнасын тилимизнин* (0, 2) ‘Они сохранили прекрасное и богатое сокровище нашего языка’; *Тюзюдюм бу кысха колтхаларны* (Ко, 3) ‘Я составил эти короткие молитвы’; *Бизнин кичи улусумуз* ‘Наш маленький народ’; *Да муна не абранды эсиндя карты дунйанын ол сифляриндя Шемуэл Гаханнын* (0, 10) ‘Вот что сохранилось в памяти старых людей от тех записок Шемуэля гахана’; г. *А астры кеп савутлар бунар керекли* ‘Очень много посуды нужно для этого’; т. *Керяксиз эди сёзляр достлугуна анын, йарых, терян кёзчюкляр, бу кючу достчамнын* (Ков. 70) ‘Не нужно было слов, чтобы убедиться в ее дружбе, блестящие, глубокие ее глазки – вот сила моей подруги’.

Подчиненное слово – производные прилагательные. Чаще употребляются имена прилагательные, образованные посредством наиболее продуктивных аффиксов. Например, с аффиксом *-лы* и его антонимом *-сыз*: т. *Бир айлы да кёркю кечядя* (МК 2, 27) ‘... В одну прекрасную лунную ночь’; *Окром булутлары кётюрюлгян тозахнын буруладлар учсуз йолда* (0, 14) ‘На бесконечной дороге кружатся только облака поднятой пыли’; *Йангы йылба, тувмуш тилбя биз кутлэйбыз карайны* (0, 1) ‘С Новым годом, с родным языком мы поздравляем караимов’; ...*Йазад тюзювляр да кёчюряд энгя тиллярдян тюзлю тюзювляр сценасына келяси карай театрнын* (0, 19) ‘Он пишет произведения и переводит из других языков разные пьесы для сцены будущего караимского театра’; *Алэй кайтты*

ӧмюрлюк үвюня бизнин абайлы уврятювчюмюз (МК, 6, 46) ‘Как вернулся в свой вечный дом (т.е. умер) наш уважаемый учитель’.

Имя прилагательное с аффиксом сравнительной степени. Когда прилагательное с аффиксом *-рах* стоит перед определяемым именем существительным и отсутствует название того предмета, с которым сравнивается данный предмет, аффикс *-рах* служит пояснением того, что определяемый предмет превосходит по данному признаку другой предмет данного рода, взятый как обычный нормальный или уступает ему: *Каводуча айувка эди ортанчы бишкликя да имшахрах авазба* (0, 34) ‘Госпожа медведица была среднего роста, с голосом помягче, по-нежнее’. Подчиненное прилагательное в форме превосходной степени: т. *Ашып үрятювюн тюзятти аны энк йахшырах үрянювчюбя* (0, 16) ‘Пройдя обучение, он окончил ее как самый лучший ученик’; г. *Лах улуснун энк уллу шырачи Адам Мицкевич, йуз йыл бундан артхары кезип битин Кырымны, йазды «Кырым Сонетларын»...* (КА, 1, 10) ‘Величайший поэт польского народа Адам Мицкевич свыше ста лет тому назад, объездив весь Крым, написал «Крымские Сонеты»’.

Подчиненное прилагательное в форме интенсификации: т. *Авазчехба ип-инчкя ирчегын чозадыр* (Д, 7) ‘Тонюсенским голосом она тянет свою песню’. В данном примере происходит инверсия: *ип-инчкя авазчех > авазчех ип-инчкя*, что вполне допустимо в поэтической речи не только в караимском, но и в других тюркских языках. В приведенном примере обратный порядок сочетаемых компонентов не превращает определительное словосочетание в предикативное, как в других тюркских языках. Ср. например, казахские: *Жарық ай* ‘Ясная луна’; *ай жарық* ‘луна ясна’; *қараңғы тун* ‘темная ночь’, *тун қараңғы* ‘ночь темна’ и т.д.

Словосочетание с причастием в роли подчиненного элемента

Причастие в караимском языке представляет собой именную форму глагола, выражающую признак по действию. Причастие является многофункциональной грамматической категорией. Оно служит не только подчиненным элементом именного словосочетания, но и как глагол может выступать в качестве

главного слова предыдущего словосочетания и подчинить себе другие слова. В этом главное отличие причастия от местоимений, прилагательных, числительных, выступающих в роли подчиненного компонента именного словосочетания. Причастие вступает с главным словом словосочетания в определительные связи способом примыкания, обычно оно предшествует (стоит слева) главному слову. В этом разделе будут рассматриваться те причастия, которые не образуют сложных причастных конструкций, а выступают лишь в качестве подчиненного элемента в именном словосочетании. Наиболее употребительной из всех форм причастия является форма на *-ган*: т. *Биз туююл бунди катхан джанлылар мёрё убий* (Ков. 131) 'Мы не такие черствые (досл. с черствыми душами), как хозяин дома'; г. *Верен болган дзымат* (КА, 3, 7) 'Исчезнувшая община'; *Сезлерин сенин алгыслы цык кибик тиседлер меним каткан дзаныма* (КА, 1, 7) 'Твои слова западают в мою зачерствевшую душу как благословенная роса'. Причастие без подчиненных ему слов в качестве зависимого элемента именного словосочетания чаще выступает в пословицах и поговорках: г. *Йетилмэген йемисни асама, тигетмеген исни хорлама* 'Не ешь несозревший плод, не хули незаконченное дело'; *Тискен йолдуз кегизини издейд* (МК, 12, 107) 'Упавшая (на землю) звезда ищет небо'. Иногда причастие на *-ган* теряет процессуальное значение и переходит в разряд прилагательных: т. *Секирди тёшиактян ачхан тержягя* (0, 35) 'Она прыгает с постели в открытое окно'. Между причастием и главным словом иногда возможно присутствие усилительной частицы *да*: т. *Аихан да кюнню алдый эгирми фролу* (Ков. 128) 'Вчера же ты взял двадцать фролу'; *Аихан да илны нечик салдым басагадан бир мискинни* (Ков. 124) 'И в прошлом году я выставила за дверь одного бедного'. При субстантивации причастие не выступает в роли подчиненного элемента в именном словосочетании: т. *Сёзляр была азашханны ватадыр* (Ков. 94) 'Он словами бьет заблудших'.

Причастие на *-адогон* менее употребительно по сравнению с предыдущим в роли подчиненного компонента в именном словосочетании: т. *Йашыртын тегярэдляр сувун Шайтан чогахарнын барын йутадогон кумга* (0, 11) 'Они тайком выливали воду Чертова источника в песок, который поглощал все'; *Ирладым*

анар сювярли-гимни йанадогон сезюмбля (Ков. 65) ‘Спел я ей про свою любовь горящими словами’. Во втором примере *йанадогон* скорее имя прилагательное – лексикализованное причастие – ‘горячий’.

Редко употребляется в функции подчиненного слова в именном словосочетании причастие на *-увчу*, которое обычно выступает как субстантив со значением ‘имя деятеля’. Данное причастие редко образует также сложные причастные конструкции: т. *Болур кюзгю орнуна, кёргюзювчю бар йанларын тирлигимизнин* (ДК, 2, 1) ‘Он станет как зеркало, показывающее все стороны нашей жизни’. По своей семантике и функции эта форма близка к русскому причастию на *-ющий*.

Словосочетания с именем числительным в роли подчиненного элемента

Числительные могут сочетаться лишь с теми существительными, которые служат названиями предметов, количественно исчисляемых. Числительное сочетается с именем существительным, как и в других безаффиксных словосочетаниях, способом примыкания. В роли подчиненного элемента именного словосочетания могут выступать количественные, порядковые, дробные, числительные приблизительного счета, а также часть собирательных и разделительных числительных. Наиболее высокой сочетаемостью отличаются количественные и порядковые числительные. Имя числительное всегда предшествует имени существительному.

Словосочетание: количественное числительное + имя существительное по своему типу аналогично словосочетанию: имя существительное в основном падеже + имя существительное: т. *Бу игирми осмакка алырс эки чирик кёз* (ДК, 16) ‘На эти двадцать осмаков купишь две селедки’; *Итиликляри китчаклярнинь йумурулдулар бир тегяряккя* (0, 13-14) ‘Спицы колес слились в единый круг’; *Узунлугу он сегиз атлам* ‘Его длина восемнадцать шагов’. Наиболее часто сочетаются с количественными числительными существительные *керет*, *фор* ‘раз’: т. *Бу öзю насухта утрулашат бир сёз эки керят* (0, 26) ‘В одной и той же фразе одно слово встречается два раза’; г. *Исни сыйлагын алты керет, шаббатны – бир керет* ‘Дело что

шесть раз в неделю, а субботу (свободный день) – один раз’, т.е. прежде всего – дело.’

Из всех количественных числительных наиболее часто употребительным в сочетании с существительным и имеющим высокую частотность является числительное *бир* ‘один’; т. *Шулхан, кётюр бир йанийны* (Ков. 117) ‘Стол, подними одну (свою) сторону’. Помимо числа-единицы оно выражает и неопределенность, что не всегда узнаваемо.

Словосочетание: порядковое числительное + имя существительное по типу аналогично словосочетанию: имя прилагательное + существительное: т. *Артыхсы багалы бизгя дёртюнчю битик, ки олдуз берахот, кайда таптылар орунларын кёп шатыр ирлар, таболодогонлар кол йазышларда* (МК, 6, 46) ‘Особенно ценна для нас четвертая книга – берахот, где помещено много веселых стихотворений, находившихся в рукописи’; *Сондрагы оруч – курбан боладыр, онунчу кюнюндя улагайнын* (Ко. 27) ‘Последний пост – курбан происходит в десятый день месяца улагай (примерно – август)’; *Кичиряк оручлар боладлар: игирми дёртюнчю кюнюндя айрыхсайнын (тишири), да онунчу кюнюндя кышайнын (тевет)*. ‘Малые посты бывают в двадцать четвертый день айрыхсай (октябрь) и в десятый день кышай (январь)’.

Наиболее употребительным среди порядковых числительных является *бурунгу* ‘первый’, которое в отличие от других тюркских языков образовано не от числительного, обозначающего единицу, а от наречия посредством аффикса имени прилагательного. т. *Бурунгу кюню гар айнын индялядир йангы (йангай)* (Ко. 27) ‘Первый день каждого месяца называется новолунием, новым месяцем’.

Словосочетания с личным местоимением в роли подчиненного элемента

Личное местоимение, выступающее подчиненным компонентом именного определительного словосочетания, обязательно принимает аффикс родительного падежа. Порядок слов в этом словосочетании «правильный» (в смысле не нарушенный), т.е. личное местоимение с аффиксом родительного падежа

предшествует (стоит слева) имени существительному – главному слову.

Главное (господствующее) слово – имя существительное может выступать в двух формах:

1) с аффиксом принадлежности того лица, которое выражено личным местоимением (подчиненным словом): т. *Кертидян уллу сан да гормят бизнин аталарымызга, ки абрэйдогон сакчы кибик багын, сакладылар сукланчы да ходжа хазнасын тилимизнин...* (0,2) ‘Истинно честь и слава нашим предкам, которые оберегая свой сад подобно сторожу, сохранили прекрасное и богатое сокровище нашего языка’; *Анчах борчумуз белгилямя, ки бизнин джымат-йесиляримиз да эрянляр, кайсылары өз актив ишин эгер каурсалар да сагынган йанга...* (0, 5) ‘Однако мы должны отметить, что если бы руководители нашей общины и ее члены свою активную деятельность повернули бы в упомянутую сторону...’. Интересным в приведенном примере является также аффиксация в сложном словосочетании *бизнин джымат йесиляримиз*, где по «общетюркским» представлениям слова *джымат йеси* должны были бы аффиксироваться следующим образом: *джыматымызнын йеляри, джыматнын йеляри*, например: *бизнин джыматымызнын йеляри: бизния джыматнын йеляри*, в составе слова *йесиляримиз* присутствует две формы принадлежности, выраженные двумя аффиксами соответствующих лиц: *-си-* аффикс принадлежности третьего лица единственного числа; *-имиз* - аффикс принадлежности первого лица множественного числа. Данное явление следует объяснить, по-видимому тем, что словосочетание *джымат йесиляр* уже лексикализовалось как единое слово, и в составе второго его компонента на современном этапе говорящий не выделяет отдельно аффикс принадлежности. Кстати, здесь и порядок аффиксов нарушен – аффикс множественного числа *-ляр*, обычно ставящийся впереди (слева от) аффикса принадлежности, стоит после (справа). Чаще употребляется в этом словосочетании личное местоимение первого лица множественного числа. Личное местоимение второго лица единственного числа более употребительно в текстах религиозного характера – при обращении к богу: т. *Тек корхунчу сенин кахырый* ‘Но страшен твой гнев’; личные местоимения других форм менее употребительны: *сизнин*

тирлигийиз ануз алында (Ков. 112) 'Ваша жизнь еще впереди'; *Туйду каз, ки анын йунюбя рибби сефер йазды, да сорад: уйду мо сеферимиз?* (погов.) 'Гусь, услышав, что его пером ученый написал книгу, спросил: «Удалась ли наша книга?». Нарушение порядка слов в словосочетании: личное местоимение + имя существительное с аффиксом принадлежности возможно в эмоциональной речи (примеры см. в разделе «Категория принадлежности»).

2) Главное слово без аффикса принадлежности – подчиненным словом выступают личные местоимения первого и второго лиц множественного числа: *бизнин (бизин) ат* 'наша лошадь'; *сизнин (сизин) ат* 'ваша лошадь'. Редко в роли подчиненного слова выступают личные местоимения первого и второго лиц единственного числа: *менин ана* 'моя мать'; *сенин ана* 'твоя мать', что является новым явлением, возникшим под влиянием притяжательных местоимений русского языка.

Словосочетание: личное местоимение в родительном падеже + имя существительное с аффиксом принадлежности в роли главного элемента имеет одну особенность, заключающуюся в том, что подчиненный элемент словосочетания может опускаться. Таким образом словосочетание перестает быть словосочетанием, однако значение словосочетания сохраняется благодаря наличию в главном компоненте показателя грамматического лица, которому принадлежит или относится данный предмет. Например: т. *Туйдум йомах йаашлыгымда* (Ков. 61) 'В молодости моей я слышал рассказ'; *Тамурларымызда агад каны хазарларнын* (0, 5) 'В наших жилах течет кровь хазаров'; г. *Бу кертиди, аскартыныз сагысынызны уцуна дейин* (КА, 8, 12) 'Это верно, выскажите вашу мысль до конца'; т. *Пенинна, мени жеңлядий, таныдым йаашы джаныйны, тирлигимни билмя клядий, тюшюрдюй бар кайгыларны* (Ков. 62) 'Пенинна, ты пожалела меня, узнал я твою добрую душу, ты захотела узнать, как я живу, все горести ты сняла с меня'; *Биям, тирилип дунйада эгер кимгя йаашлыгында, кельмяся сювмя, жеңлямя, то не болат картлыгында* (Ков. 62) 'Я знаю, что будет с человеком в его старости, если в молодости к нему не пришла ни любовь, ни жалость'.

В приведенных выше примерах мы видим употребление отдельных слов: *йаашлыгымда, тамурларымызда, сагысынызны, джаныйны, тирлигимни, йаашлыгында, картлыгында*, заменяющих

словосочетания *меним йашлыгымда. бизнин тамурларымызда, сизнин сагысынызы, сений джаныйны, меним тирлигимни, анын йашлыгында, анын картлыгында*. Подчиненные компоненты приведенных слов легко восстанавливаются благодаря наличию аффикса принадлежности первого и второго лица и соответствующего числа при сохранившемся в предложении главном слове. Однако следует отметить, что при опущении подчиненного компонента в словосочетании имя существительное в родительном падеже + имя существительное с аффиксом принадлежности третьего лица по аффиксу принадлежности при главном слове невозможно догадаться, какое имя существительное выступает в роли подчиненного компонента, хотя известно грамматическое лицо.

Словосочетание с местоимением (кроме личных) в роли подчиненного элемента

Все другие разряды местоимений, выступая в качестве подчиненного слова при имени существительном, употребляются без аффикса родительного падежа. Это обстоятельство можно объяснить тем, что все разряды местоимений, кроме личных, выражают признак и сочетаются с существительным как и имя прилагательное способом примыкания и вступают с главным словом – именем существительным в определительные отношения. Слова, относимые в разряд местоимений по их грамматическим признакам можно распределить по другим частям речи: личные местоимения отнести к существительным, указательные – к прилагательным, определительные к числительным и т.д. Этим продиктовано то обстоятельство, что местоимение вступает в связь с именем существительным как часть речи, функцию которой оно выполняет.

Указательное: т. *Ошол куманларнын тили астры йувух карай тилиня да бек ушэйт анар* (0). Язык этих куманов очень близок к караимскому языку и весьма похож на него.

Вопросительные: г. *Керек ки сиз, уланлар, билгейсиз нендий дунья кананес дзыматымыз арасына эди да нендий кыллар бунда кылынды* (Б. Кек. 11) ‘Необходимо, чтобы вы, молодые, знали, ка-

кие люди жили когда-то в нашей общине, какие дела здесь совершались?.

Определительные: *Озера кырыйында нинди адам турат, да ол адамнын кёзляри да черайы йашиларда* (Ков. 65) 'На берегу озера стоит какой-то человек, а глаза и щеки его в слезах'; т. *Кючлю суюйюз дунйаны, йахшыны гар вахт ишляйиз, хайфсунуйуз туварны, бар тирини кеп жеңляйиз* (Ков. 56) 'Любите сильно людей, всегда делайте добро, будьте милосердны к скоту, жалейте всего живого'; *Билмя барын бютюн йердя не болунат* (Ков. 80) 'Знать все, что делается на всей земле'; *Табулдулар бир неча джымат, очарланганлар бунди орунларда, нечик айтырбыз..* (0, 3) 'Нашлись несколько общин, поселившиеся в таких местах, как, скажем...?.

Отрицательные: *Ғеч иш бу кюндя кылынмасын* (Ко. 27) 'Не делайте в этот день ничего (никакого дела)'. Из всех других разрядов в данном виде словосочетаний наиболее употребительны вопросительные, которые имеют склонность выступать в функции союзов.

СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ИМЕНЕМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМ В РОЛИ ГЛАВНОГО ЭЛЕМЕНТА

Основная функция имени прилагательного в караимском языке – выполнение роли определения к имени существительному, как это было показано выше. Тем не менее имя прилагательное может выступать и в роли главного компонента словосочетания и подчинить себе имя существительное, или местоимение, которые выступают в роли дополнения к нему. Это происходит, в основном, тогда, когда имя прилагательное имеет аффикс *-рак*, т.е. когда один предмет сравнивается с другим. Название предмета, с которым сравнивается другой предмет, который может быть упомянут или просто подразумевается из содержания контекста, ставится в исходном падеже: т. *Аруврах эдиляр назирляри кардан, ахрах эдиляр сюттян, кызылрах эдиляр тюрсюнляри жугарлардан, шафир ташларындан терилляри* (RO, X, 169) 'Его князья были чище снега, белее молока, краснее драгоценных камней был цвет их кожи'; *Мен өзгярк барындан* 'Я не такой, как другие'; *Бу тамашалы кляк эди да калды*

кипряк да кючлюряк мискинликтян, ачлыхтан да йохсузлухтан (0, 18) ‘Это прекрасное желание было и остается сильнее бедности, голода и нищеты’.

Словосочетания с именем прилагательным в роли главного слова, управляющим именем в исходном и дательном-направительном падеже, которые широко представлены и в других тюркских языках, где оформление имени прилагательного аффиксом *-рах* необязательно (ср. напр. казах. *Қойдан жуас* ‘смирнее овцы’; *еліңе жаксы* ‘хорошо твоей стране’ и т.д.), возникли, по-видимому, в результате выпадения глагола, выполняющего функции связки в составном сказуемом именного предложения: *Қойдан жуас болады* > *қойдан жуас, еліңе жаксы болады* > *еліңе жаксы* и т.д.? где составное глагольное сказуемое преобразуется в простое именное. В караимском языке подобная глагольная связка, главную функцию которой несет глагол *бол* ‘быть’, употребляется в подобных словосочетаниях гораздо чаще, чем в других тюркских языках: т. *Йенгилряк болдулар кувувчуларымыз нешерляриндян кёклярнин* (RO, X, 171) ‘Наши гонцы стали легче соколов небес (т.е. мчались очень быстро)’. Кроме того в караимском языке широко распространено употребление при подобных словосочетаниях и других глаголов: т. *Кайда бу казлардан заваллырах тапма* (М. 12) ‘Где найти гусей вреднее этих’; *Бар йырчылардан сени энк йахиширах махтэйдлар* (М., 6) ‘Тебя хвалят больше, чем других певцов’; *Пар сагаттан ол халсызрах йанарэд* (М. 22) ‘С каждым часом он горел все слабее’. В приведенных трех примерах, представляющих собой караимские переводы произведений русских авторов, нельзя не заметить строя словосочетания языка оригинала этих произведений.

Подчиненное имя иногда может оформляться в исходном падеже и при прилагательных, не имеющих аффикса *-рах*. Однако семантика сравнения все-таки присутствует в подобных прилагательных: т. *Керти, ол астры кёркю черайындан* (Ков. 115) ‘Правда, он лицом очень красив’; *Карарды бетяр кёрюктян тюрсюнляр* (0, X, 169) ‘Их лица стали темнее меха’; *Керти, биз азбыз, уллу туююл сандан* (0, 32) ‘Правда, нас мало (числом невелико нас)’.

В редких случаях подчиненное прилагательному слово принимает форму дательного-направительного падежа: *Ни анар деря,*

ни андан сортун йог эди тенши анар йахшылыгында да джомартлыгында (0, 8) ‘Ни до него, ни после него не было равного ему в своей доброте и щедрости’. В семантике подобного словосочетания присутствует идея сравнения.

Имя прилагательное выступает в роли главного слова также при сочетании его с усилительным наречием. При этом подчиненное слово сочетается с главным способом примыкания и предшествует главному (стоит слева), например: т. *Бир олтуруш эди астры уллу да бшик, экинчи эди ортанчи уллулукка, тек үчюнчю эди барыба кичи олтурушчок* (0, 34) ‘Один стул был слишком большой и высокий, второй был средней величины, лишь третий быть совсем маленький стульчик’.

Именные словосочетания с несамостоятельным именем в роли грамматического главного элемента

Главным грамматическим словом в словосочетании г. *алнында ивнин* ‘перед домом’ является служебное имя *алнында* ‘впереди’, которое требует от слова *ивнин* ‘дома’ оформления в родительном падеже. Грамматически слово *ивнин* выступает в функции определения к слову *алнында*, т.е. в роли подчиненного компонента определительного словосочетания. Однако семантически (логически) мы воспринимаем как главное слово *ивнин*, а *алнында* выступает в роли уточняющего компонента. Например, вместо *алнында* могли бы употребляться и другие уточняющие слова: *артында* ‘позади за’, *йанында* ‘около’: *артында ивнин* ‘за домом, позади дома’, *йанында ивнин* ‘около дома’ и т.д.

Из приведенных примеров видно, что в словосочетании имя существительное + служебное слово произошла трансформация, так же как и в словосочетании имя существительное в родительном падеже + имя существительное с аффиксом принадлежности (см. выше) т.е. грамматически главное слово в караимском языке предшествует подчиненному (слева – при русском и латинском письме, а при еврейском – справа). Как известно, в других тюркских языках подчиненный элемент предшествует главному (в письме стоит слева от главного). В караимском языке мы видим эволюцию, одной из причин которой является внутреннее противоречие между грамма-

тически главным словом и семантически (логически) главным словом (другой причиной является влияние окружающих неродственных языков), стремящихся занять позицию после (справа) подчиненного слова.

В словосочетании *тойдан сон* ‘после свадьбы’ грамматически главным словом выступает послелог *сон*, требующий от подчиненного имени существительного оформления в исходном падеже. Однако логически (семантически) главным словом выступает имя существительное *тойдан*, а послелог *сон* выступает уточнителем к нему.

Таким образом, служебные части речи, хотя мы и выделяем их как самостоятельные, не всегда в предложении выполняют роль грамматически подчиненного слова.

Словосочетания со служебным именем в роли главного элемента

Словосочетание имя существительное + служебное имя в караимском языке имеет две разновидности:

1. Главное слово (служебное имя) с аффиксом принадлежности (обычно третьего лица, реже – первого и второго лица) подчиненное слово – имя существительное (реже личные и указательные, местоимения в форме родительного падежа, т.е. данное словосочетание формально не отличается от описанного выше словосочетания: имя существительное с аффиксом родительного падежа + имя существительное с аффиксом принадлежности. Существенное различие заключается в том, что главным словом выступает служебное имя, а не имя существительное. Главное слово, т.е. служебное имя, как правило предшествует подчиненному слову: т. *Багынам: үстюндя терякнин бир кёрклю чыпчычэх олтурат* (Ков. 62) ‘Смотрю: на дереве сидит какая-то красивая птичка’: *Йогэди йол да битикляшмяк арасында эки коншу бийликлярнин* (0, 4) – здесь между компонентами словосочетания включились два определения к подчиненному слову, что невозможно было бы при «правильном» порядке слов: ‘Между двумя государствами не было дороги и переписки’; ...*Кайсы ит кибик артындан агалыкнын йүрюрэд* (ДК, 2, 11) ‘Который ходил следом за господином, как собака’; *алнында*

кувувчунун ‘перед преследователем (впереди преследователя).

2. Наиболее употребительный и основной тип – главное слово с аффиксом принадлежности (обычно в дательном-направительном падеже, реже – в других пространственных падежах), подчиненное слово – в основном падеже. В отличие от предыдущего в этом словосочетании главное слово стоит после подчиненного слова, т.е. соблюдается правильный порядок слов, что объяснимо как компенсация отсутствия формы родительного падежа при подчиненном компоненте: т. *Да бюрктюляр топрах башлары үстюня ол кёклярдя* (Ков. 3) ‘И бросали землю вверх над головами’; *Кёп йыллар уллусу уруш алнына сабан сюрядогон ушпу тюздя эди тапхан ташлар «раббански» йазышба үстляриндя* (0, I, 22) ‘Задолго до мировой войны на этом поле пахарь нашел камни с «еврейскими» надписями на них’; *Куйашичэх астранды орманлар артына* (МК 3, 20) ‘Солнце скрылось за лесами’. По особенностям произношения караимов в форме дательного-направительного падежа служебного слова *артына* вместо конечного *a* можно слышать и редуцированный узкий гласный *ы* (*артыны*), который иногда может и выпадать, например: *Олтургузат барларыш шулхан артын(ы)* ‘(Она) всех сажает на стол’.

Словосочетания второго типа образуются и другими служебными именами: *ара* ‘середина, промежуток, среда’: т. *Нечик алмалых агачлары арасына орманнын, алэй сюварим ол уммалар арасына* ‘Какова яблоня среди деревьев, такова моя любимая среди людей’; *Дунья арасында уллу карангылык* (МК I, 12) ‘среди людей большая темнота’;

т. *тюп* ‘низ, нижняя сторона, часть’: *Учхунлар себиядляр туйахлары тюбюндян кутурлэй элтинядогон атларнын* (0-14) ‘Искры брызжут из под копыт несущейся как бешеная лошадь’; *Тыгад бурну тюбюн сагатларны* ‘Сует часы под нос’;

кат ‘бок, сторона, около лежащее пространство’: *Иры маманын тёшияги катны йаш увлунун* (Ков. 60) ‘Песня матери у колыбели (постели) маленького сына’; *Башурат нечя фор да турат эшик катны* (Ков. 126) ‘Он несколько раз делает поклоны и стоит у дверей’;

ич/иц ‘нутро, внутренняя сторона, часть’: г. *Балыклар киридлер сув ицин* ‘Рыба живет в воде’; *Йаман ицин йаман кайнайд* ‘В злом

человеке зло кипит’.

При некоторых служебных именах подчиненным словом выступает личное местоимение, при этом последнее принимает форму родительного падежа, а служебное имя может употребляться и с аффиксом принадлежности третьего лица, например: г. *Кермейсиз бир де айрыцылык алар арасына да бизин арасына* (КА, 8, 11) ‘Вы не видите никакой разницы между ними и нами’. Тот факт, что в подобных случаях иногда отсутствует согласование в лице, говорит о том, что служебное имя имеет тенденцию перейти в разряд послелогов. В данном примере сочетание *бизин арасына* по законам старых тюркских языков аномально, вместо него следовало бы: *бизин арамызга*.

Другой тенденцией в развитии служебных имен является их переход в разряд наречий. Пожалуй, этим можно объяснить употребление некоторых служебных имен в форме падежей отдельно как наречие, выполняющее функцию обстоятельства: т. *Да чыхты утрумузга бир шейх ол мечеттен* (МК, 8-9, 34) – в дательно-направительном падеже: ‘Навстречу к нам вышел из мечети шейх’; *Да тюбюндя кафур коллар йазды атларыны* – в местном падеже (КА, I, 13) ‘И внизу нечистые руки написали свои имена’.

Словосочетания с послелогом в роли главного элемента

В подобных словосочетаниях грамматически главным словом выступает послелог, который управляет именем, требуя от последнего оформления в соответствующей падежной форме, сама оставаясь без изменения формы. Однако логически главным словом в нем выступает, как уже указывалось, предшествующее послелогу имя, а послелог с одной стороны выступает уточнителем, с другой – связующим звеном между предшествующим именем и последующим словом, которому в свою очередь подчиняется послеложное словосочетание в целом.

В зависимости от того, каким падежом управляет послелог, можно установить следующие группы послеложных словосочетаний:

- а) Словосочетания с именем в основном падеже. К числу

последлогов, требующих от имени оформления в основном падеже, относятся: т. *ўчюн* / г. *ицин* ‘для, ради, из-за, за, о’; т. *ўсню* / г. *исни* ‘на, над’; т. *ашыра* / г. *асыра* ‘через’; *сортун, сартын, сарын* ‘по причине’; *была* ‘с’; *кибик* ‘подобно’; *текли* ‘около’; *сайын* ‘по мере’. Например: т. *Болдулар агалыхлары оленляр кибик* (РО, X, 159) ‘Начальники стали (смирными) как олени’; *Кайсылары ачадлар битикликни да йабадлар, кайгырадлар йарых ўчюн...* (0, 39) ‘Которые открывают и закрывают библиотеку, заботятся о свете’; г. *Крымда да туйдулар Хан Араб ицин* (КА, I, 7) ‘И в Крыму слышали о Хан Арабе’; т. *Элом турду йолу ўсню игит йырчынын* (0, 24) ‘Смерть стояла на пути молодого поэта’; *Багынат сагатлар ўсню* (Ков. 123) ‘Она смотрит на часы’; г. *Тур сезин иснэ хаз йер бунйаты иснэ* (погов. имеет связь со старыми представлениями, по которым Земля стоит на каком-то основании) ‘Стой на своем слове, как земля на основании’; т. *Чирик басага ашары кирдим тыйылтын избага* (Ков. 68) ‘Через прогнивший порог я вошел в тихую избу’; *Фэм агалыхлар была...* (Ков. 3) ‘И с начальниками...’.

б) Послеложные словосочетания с именем в родительном падеже. В роли главного слова в подобных сочетаниях выступают послелог: т. *ўсню* / г. *иснэ* ‘на’, т. *ўчюн* / г. *ицин*, а в роли подчиненного – личные и указательные местоимения. Послелог *ўсню* и *ўчюн*, как отмечалось выше, от существительных требуют оформления в основном падеже. Это говорит, по-видимому, о том, что упомянутые послелог в древности требовали от управляемых ими имен оформления в родительном падеже, если считать, что сочетание с местоимениями древнее, чем сочетание с существительными. По-видимому, это явление также свидетельствует, что в языке наряду с тенденцией от аналитизма к синтетизму существует и другая – от синтетизма к аналитизму:

ўчюн / *ицин*: т. *Кётюрейим сизнин ўчюн бишк сёзляр, авур вахтта сизни шатырлатма* (МК, I, 13) ‘Скажу я ради вас хорошие слова, чтобы развеселить вас в трудное время’; г. *Бунун ицин танык этедлер гер-таслары авалгы зеретлернин Крымнын* (КА, I, 3) ‘Об

этом свидетельствуют намогильные камни древних кладбищ в Крыму’;

ўсню: т. *Бунун ўсню бизнин кысха, вале астры чебяр йолгуш-магымыз туюнди* (0, 40) ‘На этом закончилась наша короткая, но прекрасная встреча’;

в) Послеложные словосочетания с именем в дательном-направительном падеже. Послелогии, требующие от имен оформления в дательном-направительном падеже, обычно выражают предел, меру в движении, действии: *дейин* ‘до’, *деря, дере* ‘до’, т. *кёря* / г. *кере* ‘по мере, согласно’, например: т. *Тек бу вахтха дейин болалмыдлар иштырма аларны бар бютюнлюгюндя* (0, 10) ‘Однако до сих пор они не могут собрать их целиком’; *Алэй калат бахча кышлыхка йазбашына деря* ‘Так огород остается на зиму до весны’; *Кючюмюзгя кёря* ‘в меру наших сил’; *Колтхасына кёря тюзювчюнюн* ‘по просьбе автора’;

г) Послеложные словосочетания с именем в исходном падеже. Послелогии, управляющие именем в исходном падеже, имеют значение конца какого-то действия или движения, исключение, превышение: *сон* ‘после’, *сортун* ‘после’, *атлам* ‘свыше’, т. *баиша* / г. *баска* ‘кроме’. Примеры: т. *Энк биянчлияк кёрюшмякляр узах айырылмахан сон* (0, 13) ‘Самые радостные встречи после долгой разлуки’; *Андан сон келди Шемайя* ‘После него пришел Шемая’; *Бундан сортун Алтынка минди ўстка* (0, 35) ‘После этого Алтынка поднялась наверх’.

Глагольные словосочетания

Глагольное словосочетание – сочетание частей речи, где основным, господствующим элементом выступает глагол. Подчиненным или зависимым элементом при этом могут выступать: имена во всех падежах кроме приименного – родительного, т.е. во всех приглагольных падежах – в основном, винительном, инструментальном, дательном-направительном, местном и исходном. В ряде тюркских языков, как известно, сочетание глагола с именем в родительном падеже возможно при условии, если глагол стоит в форме причастия с аффиксом принадлежности, например, казах.: *Асанның келгені* ‘приезд Асана’. В караимском этого нет.

Форма подчиненного элемента ограничена определенным кругом:

а) имя без падежного аффикса (имя существительное, местоимение, наречие). Подобные подчиненные элементы связываются с глаголом способом примыкания;

б) имя с падежным аффиксом. Подобные подчиненные слова связываются с глаголом – главным словом способом управления;

в) имя в падежной форме + послелог;

г) имя без падежного аффикса + послелог. Такие подчиненные слова связываются с главным словом (глаголом) способом примыкания;

д) имя с аффиксом родительного падежа + служебное имя в падежной форме. Подобные подчиненные слова связываются с главным посредством управления.

Таким образом, в глагольных словосочетаниях употребляются два способа связи слов: примыкание и управление. Способ согласования в глагольных словосочетаниях отсутствует (способ согласования характерен для глагольных словосочетаний, представляющих собой предикативное словосочетание. В данном разделе нами рассматриваются глагольные словосочетания, представляющие собой объектные и обстоятельственные).

ГЛАГОЛЬНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ПОДЧИНЕННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ В ГРАММАТИЧЕСКИХ ПАДЕЖАХ

В функции главного компонента словосочетания выступает глагол, который может быть переходным и непереходным. В качестве подчиненного компонента выступают имена в трех падежах: основном («неоформленном винительном»), выражая прямой объект; винительном («оформленном винительном»), также выражая прямой объект, но более определенный; и в инструментальном падеже, выражая косвенный объект: инструмент, соучастник действия. Таким образом из этого ряда выпадает один из грамматических падежей – родительный, поскольку имена в форме этого падежа выступают в роли подчиненного компонента при сочетании с именами .

Словосочетание с именами в основном падеже в роли подчиненного элемента

Обычно переходные глаголы требуют от управляемого имени оформления в винительном падеже. Однако ряд переходных глаголов в результате большой частоты употребления совместно с именами может сочетаться с управляемым именем и в основном падеже. К подобным глаголам в первую очередь относятся: глаголы со значением ‘давать, находить, готовить’, а также глаголы в понудительном залоге (без аффикса понудительного залога они – непереходные).

С глаголами *бер* ‘давать’, *и-* ‘посылать, давать’: т. *Бурунгу фор үчюн берямин үч сонет* (КА, I, 10) ‘Для первого раза я даю три сонета’; *Ол берювчю бизгя биянч да куванч, алгыш да онармах...* (Ко. 15) ‘Тот, кто дает нам радость, благословение и успех’; *Ол тан йахшы игей бизгя* (Ко. 11) ‘Чтобы он послал нам доброе утро’.

С глаголом *тап-* ‘находить, обнаруживая’: т. *Ол ... тапмады тынчлых* (РО, X, 158) ‘Он не находил покоя’; *Бар булар табарлар орун бизнин кичи йазышымызда* (ДК, 1) ‘Все это найдет место в нашем небольшом сочинении’.

С глаголом *гадирля-* ‘приготовить’: т. *Не келяси кюн гадирлэй-дир?* (М. 26) ‘Что грядущий день готовит?’; *Керяк гадирлямя*

сметанка, сют да йымыртха (RO, V, 202) ‘Нужно приготовить сметану, молоко и яйцо’.

С глаголами в форме понудительного залога: т. *Сиз öзүйюз нинди файда келтирдийиз?* (М. 13) ‘Вы сами какую пользу принесли?’; *Да агыздырырлар ол тавлар кызыл вина* (рук. I, 19) ‘И потечет из этих гор красное вино’ (досл. ‘И эти горы сделают так, чтобы потекло красное вино’); *Кёзюм агызадыр йаиш* (RO, X, 167) ‘И мои глаза будут лить слезы’; *Самовар тургуздулар да гарбата ичтиляр* (Ков. 74) ‘Они поставили самовар и пили чай’.

В караимском языке можно встретить случаи, когда с именем в основном падеже сочетается глагол в форме возвратного залога, т.е. при глаголе возвратного залога имеется прямой объект: т. *Достчам! ... йахшы тюш тюшляндим: ки куйаиш кючлю йарытат...* (Ков. 58) ‘Подруга моя! Я видел хороший сон: ярко сияет солнце...’.

Из сказанного выше вытекает, что в описываемом словосочетании имя существительное в основном падеже выполняет функцию прямого дополнения. Между именем в основном падеже и переходным глаголом существует объектное отношение, т.е. действие переходит на объект. Значение определенности-неопределенности не играет особой роли. Об этом свидетельствует определение, выраженные количественным числительным. Из примеров также явствует, что компоненты словосочетания в отношении друг к другу располагаются свободно, т.е. подчиненный компонент может предшествовать главному, главный – подчиненному.

Словосочетание с именами в винительном падеже в роли подчиненного элемента

С именем в винительном падеже сочетаются глаголы, отражающие деятельность человека, действие, совершаемое как всеми органами человека – реально или мысленно, так и человеком в целом: глаголы выражающие созидание – разрушение, прием (от)дачу, держание, оберегание, защиту, потребление, видение, желание, симпатию, антипатию и т.д. В большинстве своем эти глаголы непроизводные, переходные, а также образованные от непереходных глаголов посредством аффикса понудительного залога, реже

употребляются производные от других частей речи, например, при помощи аффикса *-ла* от имен.

Действию человека могут быть уподоблены и движения в природе, следовательно, глаголы, связанные с деятельностью людей, могут быть употреблены и в отношении природы и других явлений в мире. Подобных переходных глаголов довольно много, что отражает широкое развитие человеческой деятельности в течение тысячелетий и их классификации для выяснения грамматических взаимоотношений между главным и зависимым словом дает весьма немного информации.

Главное слово – глагол, выражает значения:

кормления, приема пищи: т. *Бир кулдууну Йаов ашады* (0, 7) ‘Иаов съел одну из пельменей’; *Өмюздирядиляр балаларын* (RO, X, 169) ‘они кормят грудью своих детенышей’.

Оберегания, охраны, защиты: г. *Нецик кус кици халсыз балаларын утуру кийикке каплайд канатларыба ...* (МК, 2, 26) ‘Подобно птице, которая заслоняет своим крылом маленьких беспомощных детенышей от зверя’; т. *Сакладылар сукланчи да ходжа хазнасын тилимизнин* (0, 2) ‘Они сохранили прекрасное и богатое сокровище нашего языка’; *Йахшылыгыба андийни калканлар* (Ков. 30) ‘Он защитит своим добром подобных’.

Созидания: т. *Барча ишанат, ки увулчогу ишлэйт недя файдалыны* (Ков. 128) ‘Все верят, что его сын делает что-то полезное’; *Кой тойну кылад* (погов.) ‘Овца делает пир’.

Разрушения, разделения: т. *Тили ташны йарат* ‘Острый на язык’ (досл. ‘его язык раскалывает камень’); *Ниндий ишлядий майа тирлик, тасеттий тынчлыгын джанымнын* (0, 7) ‘Какую ты мне создал жизнь, уничтожил ты покой моей души’.

Конкретные повседневные действия человека, они весьма разнообразны: *Ким таберди меним олтурушумну?* (0, 7) ‘Кто сдвинул мой стул?’; *Кыстылар джанымны сёзляри достчамнын* (Ков. 59) ‘Защемили мою душу слова моей подруги’; *Чув была элтиляр өз сувларын шатыр Салгыр* (0. 12) ‘Шумно нес свои воды веселый Салгир’; *Бу сагынч йашлар толтурдулар кёзляримни ...* (ДК, 2, 10) ‘Эти слезы воспоминаний наполнили мои глаза’; *Усу адамнын йарытад йүзлярин* ‘Ум человека освещает его лицо’; *Тишля тилийни!* ‘Замолчи!’ (досл. ‘укуси свой язык’).

Зрительное восприятие, главные из них *бак*- ‘смотреть’, *кёр*- / *кер*- ‘видеть’: г. *Ким керди эчкини мивизсиз адамны кайгысыз?* ‘Кто видел козу без рога, а человека без забот?’; т. *Йукудан ойаным багындым фарстларны* (Ков. 89) ‘Проснувшись, я посмотрел на стены’.

Желания, чувственного восприятия мышления, чувств: т. *Йона бёкню кёп сювят* (Ков. 73) ‘Иона очень любит бёк’ (название кушанья); г. *Нек гар вахт кезтунам, сагынам ол кызны* (Ка 2, 16) ‘Почему всегда вздыхаю и вспоминаю ту девушку?’; т. *Ким бу сени, Азарюлу, ачыргандырды?* (Ков. 109) ‘Кто это тебя, Азарюлу, рассердил?’; *Меним дя джанымны авруйт, да кёп мен дя сагыш этям бунун үсню* (Ков. 113) ‘У меня тоже душа болит, я тоже думаю об этом’.

Проведения времени, житья: т. *Булэй кечинир эди Иов бар вахтларны* (Ков. 1) ‘Так проводил все свое время Иов’; *Савэсянни тургуз мени, Йаратувчум* (Ко 7) ‘Дай мне жить здоровым, создатель’.

Переходный глагол, образованный аффиксом понудительного залога от непереходного глагола: т. *Кюн кечяни алыштырад* (МК, 2, 25) ‘День сменяет ночь’; *Бурунгу форда сындыргаламадым сювяклярини* (Ков. 118) ‘В первый раз я не раздробил ему костей’; *Кайтарды артхары он колун* (РО, X, 162) ‘Он свернул назад его правую руку’.

Глагол, образованный из других частей речи посредством аффиксов *-а*, *-ар* и др. от имен существительных: т. *Сакламасайыз шийни, инябя ашарс отмякни* (посл.) ‘Если не бережете свое дело, будете есть иголкой хлеб’; *Азардычлар анлавчулар азиз тильни* ‘Уменьшилось количество понимающих священный язык’. Аналитическое образование имя существительное + служебный глагол: *Навийлярый навийлик эттиляр сайа йалганлыхны* (РО, X, 163) ‘Твои пророки пророчили тебе ложь’.

Одной из особенностей глагольных словосочетаний караимского языка следует признать сочетание некоторых глаголов движения с именем в винительном падеже: т. *Кувувчулары йеттиляр аны ол кысых орунларда* (йер.) ‘Те, которые гнались за ним, догнали его в ущелье (в узких местностях)’; *Кёп недя озду мени* (О. II. 18) ‘Во многом он обогнал меня’. Это, по-видимому,

результат влияния славянских языков, в которых эти глаголы управляют винительным падежом, а не пространственными падежами, как в других тюркских языках: ср. каз. соответствия *оган жетті* (дат.-напр.) *менен озды* (исх.).

Словосочетание с именем в инструментальном падеже в роли подчиненного элемента

В роли главного слова выступают глаголы со значением бытия, состояния, выражающие постоянный признак: *бол-* ‘быть’, *э-* ‘быть’, *тур-* ‘жить’, ‘пребывать’, *тирил-* ‘жить’, *кал-* ‘оставаться’ и др.: т. *Малахба, тенрибья болгун сен майа, сен астры арув болма йолдашымба, сен астры азиз олтурма менимбья, мен клейм йалбарма, куңдух этмя сайа* (Ков. 57) ‘Ангелом, богом будь ты для меня, я хочу молиться тебе, чтобы ты, самая красивая, самая святая, была моей подругой, сидела со мной’; т. *Бар агалыхлыхлары Ратмир ханнын турдулар кюнлюк ишчилярбья, кюнлюк ишчиляр кылындылар бийлик эрянлярбья ...* (0, 10) ‘Все начальники Ратмир-хана стали слугами, а слуги сделались господами’; *Агартхан тирликбья, акыллатхан тирликбья картхыналар ... калдылар тилсизлярбья ...* (0, 10) ‘Поседевшие от старости, ставшие мудрыми от жизни, старички лишились языка’; *Каводу Айув эди оэю уллу-уллу, базых, калын авазба* (0, 33) ‘Господин Медведь сам был огромным, с густым голосом’; *Йаштагы бавлары улусба калдылар кючлюрякляр* (0, 18) ‘Связи с народом, которые существовали в молодости, стали сильнее’. В последнем примере хотя и существует связь между *улусба* и *калдылар*, имя *улусба* уже управляется именем *бавлары*. Словосочетание *бавлары улусба* можно считать калькой с русского языка: ‘связи с народом’.

Когда главным словом выступает глагол, выражающий действия человека, связанные с его трудовой деятельностью, имя в инструментальном падеже выражает орудие, предмет, посредством которого совершается действие, направленное на прямой объект, название которого употребляется в винительном падеже: г. *Сендир отну сувба, йаманлыкны достлукба* (погов.) ‘Гаси огонь водой, а зло – дружбой’; т. *Тек бу кючню биз кючбья сындырырбыз* (МК I, 12) ‘Но эту силу мы сокрушим силой’; *Барын алма ол клэйт кюлткюбья*

(0, 34) ‘Он хочет все брать смехом’; *Бунун үчюн гарбир сёзюбя клэйд кёргюзмя оэюн услуба* (0, 34) ‘Поэтому каждым своим словом он хочет показать себя умным’.

В словосочетании имя в инструментальном падеже + глагол, обозначающий действие человека, имя может выражать общий предмет, объект действия: т. *Теняштираям нени кёрдюм чебяр Трохнун бар кёрклерибя, Кайда арув джандан сьовдюм Мидрашларын риббилярибя ...* (МК, I, I4) ‘Когда я сравниваю все то, что я видел, с красотой прекрасного города Троки, где чистой душой я полюбил его мидраш (школу) с его наставниками ...’ – общее (совместное) понятие, которое сравнивается – красота’; *Пар нерсядя болма достха болушувчу, Бир тишлямба достба үляшмя* (МК, 3, 21) ‘Во всем помогать другу, поделиться с другом одним (последним) куском’. Общее – кусок хлеба. *Иахшы, ки бирляшти эрибя, вале мен аджыйм бу катынны* (0,7) ‘Хорошо, что она помирилась с мужем, но я на эту женщину сержусь’. Общее – единство жены и мужа. *Не «конкретны» кылынад захметлянювчюлярибя бу уммалы иштя?* (0, 4) ‘Что конкретно проводится с теми, кто трудится в этом общем деле?’. Общее – тружеников совместный труд.

Как явствует из примеров, в подобных случаях подчиненное имя выражает совместность действия, первичная семантика падежной формы, восходящей к послелогу совместности, а не инструмент, результат более позднего развития семантики падежа.

Имя в инструментальном падеже с главным словом – глаголом со значением движения: т. *кач-* / г. *кац-* ‘убегать, удаляться’; т. *чых-* / г. *цых-* ‘выходить, исходить’; т. *йур-* / г. *йир-* ‘ходить, двигаться’; т. *уч-* / г. *уц-* ‘летать, лететь, вылетать’ и др., выражает совместность однородных предметов: т. *Да алар бардылар, да туттулар ол герябни да эрянлярин баиша агарагындан ол герябнин, ки качты бир неча эрянлярба да кутулду* (МК, 8-9, 31) ‘И явились они и поймали тот корабль и его начальников кроме начальника корабля, который вместе с несколькими начальниками убежал и спасся’. Совместность разнородных предметов, например, человека, луны: *Кюмюш айба үвдян (чых) алтын айба тюздян (кайт)* (посл.) ‘Серебряным месяцем (выходи) – из дома. золотым месяцем (вернись) – в дом’. Совместность общих правил: *Пар бириня ресим койган, үрүйдирляр аларба* (ДК, 2, 4) ‘Каждому из них дан

определенный закон, по которому (досл. 'вместе с которым') они живут' (досл. 'ходят'), совместность целого и части: *Бах ирахрах, анла кенряк. Терян сагышыйба уч бийикряк* (ДК, 2, 9) 'Смотри далеко, понимай шире, глубокими своими мыслями лети выше'.

Ряд глагольных словосочетаний с именем в инструментальном падеже, по-видимому, возник в результате калькирования славянских глагольных словосочетаний с именем в творительном падеже: т. *Бурунгу борчумузба санэйбыз туюял этмя ...* (ДК, 2, 1) 'Первым своим долгом считаем закончить ...' – кальки 'считаем долгом'; *Йангы йылба, Йангы йылба биз базлэйбыз карайны!* (0, 1) 'С Новым годом, с Новым годом мы поздравляем караимов!'; *Йайнар тюнлэй нур танбылаба* (М., 26) 'Ночью (его) свет сияет как рассвет (досл. 'с рассветом')'. В этом предложении аффикс инструментального падежа присоединен к имени с послелогом *была*, к которому аффикс восходит: *Бар кодуу савлухба!* (Ков. 113) 'Будьте здоровы (досл. 'идите вы со здоровьем)!'. По своей семантике к данному типу словосочетания примыкает глагольное сочетание с именем + послелог *была* 'с': *Тавушулдулар йаши была кёзлярим* (RO, X, 163) 'От слез глаза мои ослепли' (досл. 'кончились').

Глагольные словосочетания с подчиненным элементом в пространственных падежах

Словосочетание с именем в дательном-направительном падеже в роли подчиненного элемента

Особенностью главного слова в словосочетании имя в дательном-направительном падеже + глагол является то, что оно выражает общую идею направленности действия к объекту, центрированность. Направленность действия в глаголе выражается в разных аспектах: как направление к конечному пункту, к центру, связь с кем или с чем-либо, сравнение и т.д. Главным словом в большинстве выступают непереходные глаголы, которые имеют более тесную связь с именем в дательном-направительном падеже, чем переходные глаголы, которые употребляются реже.

Главное слово – непереходный глагол. Среди непереходных

глаголов, выступающих главным словом в словосочетании имя в дательном-направительном падеже + глагол, особо выделяются глаголы движения, имеющие большую частотность употребления в данном словосочетании. Как известно, всякое движение происходит в пространстве и времени, имеет направление от одной точки к другой (скажем, от точки А к точке В), в соответствии с этим семантика глагола движения требует от подчиненного имени оформления в соответствующем падеже – дательном-направительном (когда движение направлено к точке В) или исходном (когда движение исходит от точки А). Движение может происходить в пространстве, не отмеченном определенными пунктами (например, точками А и В). Тогда семантика глагола движения может требовать от подчиненного имени оформления как в дательном-направительном, так и местном падеже. Направленность действия может быть уточнена в разной форме: направленность к определенному объекту (к поверхности), в сторону, во внутрь объекта и т.д., что зависит как от семантики главного слова, так и подчиненного слова. Наиболее употребительны глаголы движения *кел-* ‘приходить’ и *бар-* ‘идти, пойти’. Примеры: т. *Терк келдик бу ӧзю орунга, кайдан биз башлыктан чыхтык, кайттык абайлы шагарымызга* (Ков. 61) ‘Мы быстро пришли в то самое место, откуда вышли вначале, мы вернулись в наш дорогой город’; *Фале битикни салды да Сарюлюгя барды* (0, 7) ‘Тут же он положил книгу и отправился к Сарочке’. В качестве главного компонента выступают и многочисленные синонимы указанных глаголов, в основном – возвратные: *Чипчиляри анар йамгурба себиядляр* (М, 14) ‘Цыплята тут же побежали к ней’ (досл. ‘посыпались дождем’). *Олтурадлар шулхан артыны – йанчыладлар эшиккя* (Ков. 118) ‘Он садится за стол, тут же стучат в дверь’. В приведенных примерах движение направлено к объекту, к его поверхности. В следующих примерах движение направлено во внутрь объекта, что связано в основном со значением глаголов *кир-* ‘входить’, *эн-* ‘входить’, *салын-* ‘броситься’, *кийин-* ‘одеваться’, выступающих в роли господствующего компонента: т. *Тѣзмядляр буну андан, да кюлядляр Медаддан, ки кирди сагышына Сарюлю картлыгына* (0, 6) ‘Этого не ждали от него, и они смеются над Метадом, что к старости он вспомнил (досл. ‘вошла в его мысль’) о Саречке’; *Кюздяги эртядя мен эндим багыма ӧз сювар,*

багына йырымнын (0, 2) ‘Осенним утром я вошел в мой любимый сад, в сад моих песен’; *Терк кийинди ол йенгил упракка да чыпчыхлэй азбарга салынды* (МК, 3, 20) ‘Быстро оделась она в легкое платье и птицей бросилась во двор’.

Именем в дательном-направительном падеже управляют и некоторые непереходные глаголы, семантика которых не связана с движением: глаголы со значением ‘казаться, быть понятным’: т. *Фар биргя анлавлы болгэйлар ши-йолларымыз да бегянчимиз* (0, I, 5) – дательном-направительным падежом управляет составной глагол, образованный сочетанием прилагательного с служебным глаголом *бол-* ‘Пусть каждому станет понятны наши дела и радости’; *Шемя ушбу сормах кёпсюляриня кёрюнюр кюлткюлюбе?* (0, 4) ‘Может быть этот вопрос многим кажется смешным?’.

Главное слово – глагол со значением касания, присоединения, сравнения, помощи, превращения во что-либо: т. *Биз, игитэляни карай джыматнын Трохта, байландых «Бир бавга»* (ДК, 2, 1) ‘Мы. молодежь караимской общины в Троках, объединились в союз «Бир бав»’; *Олтургузулат маццалар печкя* (РО, V, 203) ‘Мащцы сажаются в печь’; *Скюрдю укшэй арысланга* (МК, 2, 27) ‘Он заревел как лев’ (досл. ‘походя на льва’); г. *Уллу клэк кици халга кайнар ат эски арабага* (посл.). В данном примере в обеих частях пословицы пропущено глагольное сказуемое *уксайт* ‘подходит, становится похожим’. Перевод: ‘Великое желание малой силе все равно, что горячий конь к старой телеге’; т. *Бой кызнын йулдузу карага айланды бир кёню джанба азрах дунйада* (МК, 3, 30) ‘Звезда девушки закатилась (досл. ‘почернела’) со смиренной душой в маленьком мире’.

Основной глагол со значением исчезновения, разрушения: г. *Ке-ляси йазбашына алар да курудлар* (0, 8) ‘К следующей весне и они высохли’. В этом примере подчиненное слово выражает время совершения действия, что свойственно исходной именной основе.

В роли главного слова выступают глаголы бытия: *бол-* ‘быть, стать, превращаться’, *э-* ‘быть, предназначаться’; т. *Бу хыдж авалдан эди кюнубя биянчин йер ишлявчюлярдя* (Ко. 25) ‘Этот праздник издавна был днем радости для земледельцев’ – праздник был предназначен земледельцам. *Агалычха валайтларда болду йасах берювчюдя* (РО, X, 158) ‘Госпожа (царица) стала

налогоплательщицей в провинциях’ – т.е. хозяйка превратилась в подчиненную’. *Болду Иерушалайим бюрлямяккя араларында* (RO, X, 160) ‘И Иерусалим был у них в угнетении, т.е. потерял независимость, превратился в угнетаемый’.

Главное слово – переходный глагол. Связь между переходным глаголом и именем в дательном-направительном падеже выражена слабее, чем связь между непереходным глаголом и именем в дательном-направительном падеже, что можно объяснить, по-видимому, тем, что главная грамматическая функция переходного глагола – управление (следовательно, самая тесная связь) с именем в винительном падеже. Это проявляется в частности в том, что прямое дополнение расположено к переходному глаголу контактно, а имя в дательном-направительном падеже – дистактно или после управляющего глагола. Непроизводных переходных глаголов, выступающих в роли главного слова в словосочетании с именем в дательном-направительном падеже, количественно немного. Их основное значение связано с семантикой передачи: ‘брать’, ‘давать’: г. *Куцмагына аны алат* ‘Он обнимает его’ (досл. ‘берет в объятия’); т. *Кол-колга аны алдылар, бюрлямягимни чештиляр* (RO, III, 242) ‘Они в руки его взяли, распустили мои косы’; *Бермягин тохтанмах озойя* (RO, X, 164) ‘Не останавливайся’ (досл. ‘не давай себе остановки’); *Карув бердиляр элчилярга сыртлылар* (0, 11) ‘И ответили (досл. ‘дали ответ’) посланникам северяне’. В последнем примере глагол *бер* ‘давать’ выступает в роли части аналитической модели глагольного словообразования, слился со словом *карув* ‘ответ’ и вместе с ним образует непереходный глагол ‘отвечать’, это тоже свидетельствует о тесных связях компонентов данной модели.

Интересные особенности имеет глагол *кол-* ‘просить’, который часто сочетается с отрицательной формой деепричастия на *-р* в дательном-направительном падеже: *-ма + с + ха*, полученная форма по значению соответствует русскому инфинитиву с отрицательной частицей *не*: т. *Унутмасха ол колду* (0, 7) ‘Он просил не забывать’; *Колам кодуynu йабушмасха анар* (Ков. 118) ‘Прошу вас не приставать к нему’. Глагол *кол-* сочетается также с глаголом в форме инфинитива: *колам айтма* ‘прошу говорить’, *коламыз олтурма* ‘просим садиться’ и т.д. В приведенных примерах

прослеживается славянский строй словосочетания.

В роли главного слова в глагольном словосочетании с дательноподлежащим падежом выступают также непроизводные переходные глаголы: *кес-* ‘резать’; *табул-* ‘быть найденным’, *тёз-* ‘ждать’, *өн-* ‘целовать’, *ий-* ‘посылать’, *ўляш-* ‘делиться’ и некоторые другие: т. *Кестим гилаф достчама* (Кол. 56) ‘Я срезал розу для моей подруги’. В данном предложении имя в дательноподлежащем падеже имеет значение цели, назначения. *Алтынчы йылына тарлыхнын табулду сифчеги джыргыяхнын* (0, 11) ‘На шестом году мучений нашелся листок пергамента’; *Тёзят сюварин белгили сагатха* (МК, 3, 20) ‘Ждет своего любимого к назначенному часу’. В этих двух примерах имя в дательноподлежащем падеже имеет значение границы, предела времени. *Обят эрин маңлайына* (Ков. 121) ‘Она целует своего мужа в лоб’. *Ийгин бизгя тюгял савлух* (Ко. II) ‘Дай нам всем здоровья’ (досл. ‘пришли нам’). *Ўляш казларыйны бизгя алтовланга (Магаз)* ‘Раздели своих гусей нам на шестерых’. В последних словосочетаниях имя в дательноподлежащем падеже выражает объект, которому предназначен предмет.

С названиями денег или предметов, служащих вместо денег, имя в дательноподлежащем падеже обозначает средство оплаты, посредством которого совершается действие переходного глагола: г. *Да ахцага гар карайга ислер барын, не керекли* ‘За деньги он сделает каждому караиму то, что ему нужно’; т. *Сувларымызны кюмюшкя ичтик, отунларымыз багалых была келдиляр* (RO, X, 172) ‘Воду мы пили на серебро (т.е. ‘платили за воду серебром’), дрова доставались нам дорогой ценой’.

Большинство переходных глаголов, выступающих главным словом в глагольном словосочетании с именем в дательноподлежащем падеже, имеет форму пассивного залога, посредством которой одновременно образуется переходный глагол от непереходного. В основном это глаголы движения, состояния и др., но в форме пассивного залога; *кайт + ар* ‘возвращать’, *кел + тир-* ‘приводить’, *кет + яр-* ‘увести’ и т.д. Имя в дательноподлежащем падеже выражает объект, к которому приводят г. *Куйас тавга, рибби гевирге бурунгу шалом алехемни кайтарад* (посл.) ‘Солнце с горой, а учитель с богачом (хозяином) здоровается

первым (поклоняется первым)»; т. *Куманларны келтирир эдляр өз динлярина* (0, 3) 'Они обращали (досл. привели) половцев в свою веру'; *Курду йайын да тургузду мени цельни кибик охка* (RO, X, 165) 'Он приготовил свой лук и поставил меня подобно цели для своей стрелы'. Отрезок времени, когда совершается действие: *Кышхы вахтларда үбийлик иши да увурчох кетярир эдляр азат вахтын урувнун терян кечялярдя* (0, 13) 'Зимой домашние дела и веретено занимали свободное время семьи до глубокой ночи'.

Словосочетание с именем в местном падеже в роли подчиненного элемента

Именами в местном падеже управляют в основном глаголы, показывающие статическое состояние предметов, лиц и явлений в пространстве и времени. Этим можно объяснить то, что с именем в местном падеже не сочетаются, вернее, не управляют им глаголы со значением центробежного и центростремительного движения, показывающие приближение или удаление предмета. Однако в редких случаях возможно сочетание имени в местном падеже с некоторыми глаголами движения. Глаголы движения могут сочетаться с именем в местном падеже чаще всего в тех случаях, когда это имя выражает определенное замкнутое время или пространство, среду, процесс: т. *Да келди дагы ол азгыртувчу орталарында* (Ков. 2) 'И пришел соблазнитель между ними' (досл. 'среди них'); г. *Да алай сатыр сезлемекте асты тивил бир сагат* (КА, I, 4-6) 'И в таком веселом разговоре прошел не один час'; т. *Энкаядиляр оркешляри тевялярдя* (0, 8) 'Согнулись горбы у верблюдов'. В данном примере местный падеж употреблен вместо родительного – славянское влияние. *Форель изляр эди кутулмах өзюня терян чограхларында крымлы калаларнын* (0, 8) 'Форель искала себе спасения в глубоких источниках крымских крепостей'. *Изля-* 'идти по следу' приобрело новое значение 'искать'. *Да бу өзю «кюлткюсю горалнын», кайсы тебрытти Шелумелни йашлыгында* (0, 17) 'И это та самая «шутка (смех) судьбы», которая волновала Шелумеля в молодости'.

Словосочетание с главным словом – глаголом со значением 'жить, находиться, пребывать, сидеть, иметь место, носить' –

наиболее распространенное среди рассматриваемого глагольного словосочетания: т. *Йашарыр эдляр йылгалыхларында эски Хазар бийликнин* (0, 3) ‘Они жили в степях древнего хазарского государства’. *Сон уже табулду кайсында сметанка* (RO, V, 203) ‘После уже у кого-то нашлась сметана’. *Булэй тирлигиндя да адамнын: Эгер карангыда болма, то табулат тынчлыгы юрякнин* (Ков. 61) ‘Так и в жизни людей: когда побудешь в темноте, то сердце (т.е. душа) успокоится’. *А ким менин олтурушумда олтурду?* (0, 35) ‘А кто сидел на моем стуле?’; *Козу үрютяд үстюндя йүнню* ‘Ягненок на себе носит шерсть’.

Широко употребительно главное слово со значением зрительного восприятия *кёр-* / *кер-* ‘видеть’ в разных залоговых формах. т. *Бу өзю йырларда арув кюзюдя кибик кёрюндя тирлиги йырчынын да анын урувунун бар увахлыгында* (0, 17) ‘В этих стихах, как в ясном зеркале, видна жизнь поэта и его семьи во всех деталях’. Словосочетание показывает различные ситуации, условия, пространство, время, в которых происходит процесс видения, показывания. *Кёрярм сени йарыгында куйашнын* (Ков. 57) ‘Увижу тебя в лучах солнца’; *Биз кёргюзябиз өзюмюзню алайых тирликтя* (0, 5) ‘Мы показываем себя в повседневной жизни’; *Кёзляриндя эди йарыгы кёклярнин, черайында кёрдюм отлу сюварликни* (Ков. 58) ‘В ее глазах были небесные лучи, на лице ее я видел горячую любовь’. Как видно из примеров, компоненты словосочетания могут находиться в контактном, дистантном расположении, а также в постпозиции или препозиции друг к другу.

Главное слово – со значением ‘достигать, появляться, быть достаточным’: г. *Сагыс йахсы ивленди меним басымда* (A₁) 12) ‘Хорошая мысль появилась у меня в голове’; т. *Кувувчулары йеттиляр аны ол кысык орунларда* (RO, VIII, 185) – употреблен глагол движения *йет-* ‘Гонцы настигли его в ущелье’. *Барындан йетти эди конах абайлавчу үбийлярдя* (0, 13) – употреблено производное от предыдущего глагола. ‘Всего было достаточно у гостеприимных хозяев’.

Главное слово со значением ‘сохраняться – изменяться’, т.е. с антонимичной семантикой: т. *Да муна не абранды эсиндя карты дунйанын ол сифляриндя, Шемуэл гаханнын* (0, 10) ‘И вот что сохранилось в памяти старых людей из тех листков гахана

Шемуэля’; г. *Уллу черивдян сон кеп не алышынды дунйада* (0, 3) ‘После мировой войны многое изменилось в мире’ – показано пространство, где происходит изменение или сохраняется прежнее достояние.

Словосочетание с именем в исходном падеже в роли подчиненного элемента

Исходный падеж является грамматически антонимичным дательного-направительному и имеет обобщенное значение удаления от исходного пункта. В роли главного слова в основном выступают глаголы движения, среди которых доминирующее положение занимают глаголы со значением центробежности – удаления, это глаголы *чык-* / *-чых-* ‘выходить’, *уц-* / *уч-* ‘вылетать, слетать’, *кел-* ‘приходить’, который может указать как исходный пункт, так и конечный пункт движения: т. *Ичкиридян чыхты, басагадан тышалмит* ‘Вышел из комнаты, но не может перешагнуть (досл. ‘слезть’) порог’. *Ювчөгюндян терк чыхты, да Сарулюгя качты* (0, 6) ‘Он быстро вышел из своего домика и побежал к Сарочке’; *Учармын терк тири-өлюлярдян* (МК, I, 11) ‘Я скоро улечу от живых и мертвых’; *Кётюр карайлардан учту, кылыч итисиндян козакларнын* (0, II, 13) ‘Многие из караимов пали (досл. ‘слетели’) от саблей казаков’. В последнем примере имеется два имени в исходном падеже. Вторым из них управляет глагол *уч-* ‘слететь’: *учту кылыч итисиндянь*, а первым управляет имя: *Кётюр карайлардан*, что представляет собой калькирование русского словосочетания: многие + имя в родительном падеже с предлогом *из*, ср. ‘Многие из караимов’; *Да келдиляр киши орнундан* (Ков. 3) ‘И пришел каждый из места своего’.

Главное слово – глагол со значением созидания. При этом зависимое слово обычно выражает исходный материал для изготовления другого предмета, для перехода в другое состояние: т. *Бу «кум» гадирлянят чирегян агачтан да агач йапрагындан* (RO, V, 212) ‘Этот «песок» готовится (делается) из гнилого дерева и листьев дерева’; *Ол сени йаратты топрахтан, балчыхтан* (МК, 7, 34) ‘Он создал тебя из земли, из глины’; г. *Карт дусмандан йангы дост болмаст* (посл.) ‘От старого врага не сделаешь нового друга’; *Эки,*

ўч, дёрт сёздяи тюзюр эдляр йангы сёзляр (0, 10) ‘Из двух, трех и четырех слов составлялись новые слова’. При глаголе со значением приобретения подчиненное имя выражает долю, удел: т. *Олджаланды Йугуда кыйындан да кён кунлухтан* (Иер. 158) ‘И досталось (досл. ‘приобрел’) Иуде мучение и рабство’.

Главное слово – глагол с антонимичным предшествующему значению лишения, разрушения: подчиненный компонент выражает источник, откуда идет предмет лишения, а также предмет, которого лишаются его обладатели: т. *Кыйаса тасполду ишанчым да умсунчум адонайдан* (РО, X, 165-166) ‘И вот исчезла вся моя вера в бога, вся моя надежда на бога’; *Агарах эрянляри ханлыхнын эксик болдулар берня сёзюндян* (0, 10) ‘Начальники государства лишились благодарности’.

Главное слово – глагол со значением ‘брать – давать’, ‘представлять’. Подчиненное имя выражает источник: т. *Бирнечя берганляр карай сёз битиктян* (0, 25) ‘Некоторые данные из караимского словаря’; *Айрыхсы алгэмийни алмагын мендян* (Ко. 5) ‘Не отвращай (досл. ‘не отнимай’) от меня святого духа своего’; *Да кайттырырмын аларны шагарындан Мичринин* ‘И возвращу их из города Египта’; *Тёктю куйаш балкувларын биик кёрклю кёкляриндян* (МК, 2, 25) ‘Солнце лило свои лучи со своих высоких, прекрасных небес’.

Главное слово – глагол со значением ‘наполняться’; подчиненное имя выражает предмет, откуда берутся его определенные доли, часть, т. *Бар чечякляр толу эдляр чыхтан* (Ков. 56) ‘Все цветы были наполнены росой’; *Бяничлярдян джаный толар* (Ков. 60) ‘Радостью наполнится твоя душа’; *Ол башлады коңларын сындыргалама, да кёзляри толдулар ачы йашлардан* (Ков. 59) ‘Она начала ломать руки, и ее глаза наполнились слезами’.

Главное слово – глагол со значением утомления, мучения, подчиненный элемент выражает причину или время: т. *Таныгысыз кырыйларда бюрлямяктян мен йададым* (МК, 1, 14) ‘От странствований в незнакомых краях я устал’. В роли подчиненного компонента могут выступать и местоимения: *Недян сыныхтылар да нек бу кыстунадлар?* (МК, 6, 1) ‘Отчего они грустны и почему вздыхают?’; при выражении значения времени подчиненный элемент обозначает начало отрезка времени, конец отрезка

обозначается именем в дательно-направительном падеже: *Оруч была кыйнайыз джанларыйызны тогузунчу кюннундян айнын ингирдян ингирия дейин онунчу кюннун анда* (Ко. 25) 'Постом мучайте свою душу с вечера девятого дня месяца до вечера десятого дня месяца'.

Главное слово – глагол со значением зрительного восприятия, это – сохранение более древней формы связи имени с глаголом *кёр-/кер-* 'видеть'. Новая форма – наиболее распространенная – имя в местном падеже, по-видимому, славянское влияние (см. выше). Подчиненное имя выражает пространства, предмет, откуда видится предмет: т. *Ки достлухну астры излэйс, бу кёрюнят кёзлярийдян* (Ков. 64) 'То, что ты очень ищешь дружбу, видно из твоих глаз'; *Кёрядир бутекли йандан ...* (МК, I, 11) '(Он) Видит с такой стороны'; *Ирахтан кёрюннюддю йанындан отрачных* (ДК, 2, 7) 'Издали виднелась она возле острова'.

В роли главного слова выступают и другие глаголы, которые употребляются реже, чем вышеприведенные группы глаголов. Таковы, например, глаголы: *тат-* 'пробовать', *сора-* 'спрашивать', *кал-* 'остаться, отстать', *кап-* 'хватать', *тап-* 'находить', *кюл-* 'смеяться над кем-л.' и др.: т. *Келяси йылдан абранды үлюшю сифнин ...* (0, 11) 'Сохранилась часть страницы со следующего года ...?'; *Ким татса эди ол сувсундан ...* (0, 8) 'Если бы кто попробовал тот напиток...'; *Уланчэх беш йашар сорад агарах тувдугундан ...* (ДК, 16) 'Пятилетний мальчик спросил старшего брата своего...'; г. *Он бармактан калды йиц: Луцка, Троклар да Галиц* (погов.) 'Из десяти пальцев осталось три: Луцк, Троки и Галич'; т. *Бир фор колдан Йозеф капты* (Ков. 97) 'Один раз Йозеф схватил за руку'; *Да навийляри дя табалмадылар навийлик Адонайдан* (RO, X, 163) 'И пророки не могли найти пророчества от бога'; *Керяксиз кишидян да кюлмя* (Ков. 113) 'Не надо смеяться над человеком'.

Из анализа глагольных словосочетаний с именами в формах падежей можно заметить, что в зависимости от способности управлять падежами имен глаголы (по их грамматическим особенностям) можно делить на группы, каждая из которых отличается от других количественным охватом падежных форм: 1) глаголы, управляющие двумя падежами; 2) глаголы, управляющие тремя падежами; 3) глаголы, управляющие четырьмя падежами (в

это количество не включается форма основного падежа, так как при сочетании глагола с основным падежом происходит не управление, а примыкание.

1. Двумя пространственными падежами: дательным-направительным и исходным управляют непереходные глаголы движения, видения: *кел-* 'приходить', *кет-* 'уходить', *бар-* 'идти', *кара-* 'смотреть', т. *кёрюн-* / г. *керин-* / к. *көрүн-* 'виднеться' т.д.

2. Тремя падежами: дательным-направительным, исходным и винительным управляют переходные глаголы (чаще – образованные от непереходных) со значением возвращения, переливания, выливания и др.: т., г. *кайыр-*, к. *қайыр-* 'возвращать, вернуть, свернуть', *тек-* 'выливать, лить' и т.д. *Ол кайырды атламларыны бий шагардан йувухтагы тавына Агоршишинин* (0, 9) 'Он направился из столицы к близкой горе Агоршиш (досл. 'он повернул свои стопы от столицы к близкой горе Агоршиш').

Тремя падежами: местным, исходным и винительным управляют глаголы со значением охранения, оберегания: т., г. *сакла-*, к. *сақла-* 'хранить, оберегать, защищать', *абра-* 'оберегать, охранять'.

3) Четырьмя падежами: дательным-направительным, исходным, винительным и инструментальным управляют глаголы со значением доставки, например *келтир-*, 'доставлять, привезти-' со значением 'что доставлять, откуда доставлять, куда доставлять и чем доставлять'.

Глагольные словосочетания с именами в роли подчиненного элемента, при которых имеются служебные имена и послелог

Служебные имена и послелог выполняют аналогичные с падежными аффиксами грамматические функции – функции связи имени с глаголом, однако помимо этого они придают словосочетанию различные дополнительные значения или оттенки значений.

Имя со служебным именем + глагол: т. *Ушпу тюзювню йазды Прелат Ионас Майронис (1862-1932) билювлю да сювар йырчысы*

Летуванын, кетядогон Трох ашары, гануз Уллу черив алнына (0, 33) ‘Это сочинение написал П.И. Майронис (1862-1932), известный и любимый поэт Литвы, проезжая через Троки еще перед мировой войной’; *Кёрдю кёзюм, нечик андан ай йарытат сув үстюня* (Ков. 86) ‘Мои глаза видели, как оттуда месяц светит на воду’; *Кондарды үстюмя да округтэтти ув была да загурмар была* (RO, X, 163) ‘Он навалил на меня яд и окружил меня ядом’.

Имя с послелогом + глагол: т. *Бундан игит бойдах... кертигя дейин өзюня билсин, ки ачувлу кыз аны сювяд* (0, 7) ‘Из этого пусть парень узнает, что на самом деле (досл. ‘до самой правды’) сердитая девушка любит его’; *Тутарбыз тирлигимизни чыгы была кёкнюн* (0, 9) ‘Поживем росой небес (вместо воды)’. В этом примере грамматическая функция послелога *была* ничем не отличается от инструментального падежа. *Авалгы анламахка кёря аныхламагы кашухларнын саналыр эди ашхаталыхба* (0, 13) ‘Согласно древним представлениям обеспечение всех ложками считалось роскошью’. Как видно из примеров, компоненты словосочетания расположены дистактно. Между ними «вклиниваются» одно-два слова – дополнение, подлежащее.

Словосочетание с наречием в роли подчиненного элемента

Выступая в роли подчиненного слова при глаголе, наречие связывается с ним способом примыкания и выражает различные обстоятельственные признаки глагола: время, место, образ действия и т.д.

Наречие выражает временной признак в разных аспектах: продолжительность: т. *Дуварлар энядляр, музгул кюн-кюндян. Муыйайта туйунчлу ўрякни кёпсюндя* (0, 33) ‘Стены погружаются (в воду) изо дня в день, несчастные, наводя грусть на сердце многих’; предел: *Карай уланларын абрэйдлар бюгюнлэй* (0, 32) ‘Они охраняют караимов (досл. ‘детей караимов’) до сегодняшнего дня’; день: *Мёро ол учралды тюнягюн* (0, 16) ‘Как будто это случилось вчера’ и т.д.

Наречие выражает пространственный признак (место): г. *Ол кайтарды арткары...* ‘Он вернул его назад...’; т. *Бахкын ашагар-*

тын! Учсуз карангыда бары тохтэйт... (МК, I, 11) 'Посмотри вниз! В бесконечной темноте все останавливается'.

Наречие выражает образ действия: т. *Эмин анда олтурад, Сарулюбя сёзляшат* (0, 6) 'Вольно посидел он там и разговаривал с Сарой'. Широко употребительны в роли подчиненного слова при глаголах наречия, образованные посредством аффиксов *-лэй, -ча*: т. *Ушбу ол кюндя... барысы барды биздя клягичя шайтаннын* (0, 10) 'В тот день все у нас пошло по воле (желанию) дьявола'; *Илдырым-лэй учад* (МК, 2, 24) 'Он молнией летит'; *Йамгурлэй агыздырсын анламах усха* (Ков. 114) 'Пусть дождем (словно дождь) польет он разум (понимание) на ум'.

Словосочетание с именем прилагательным в роли подчиненного элемента

Имя прилагательное в роли подчиненного слова при глаголе употребляется редко и выполняет функции обстоятельства образа действия: т. *Анчах йырахлыгы олтуруш орунларынын да кайгылары кемли отмяк учюн колайламасэдляр аларга сыхрах кёрюшмя* (0, 13) 'Но отдаленность мест их жительства и заботы о хлебе насущном не позволяли им встречаться чаще'; *Окром ай эликчи, багынып ол йергя, Шатырмуш ушанды да энди тенгизгя. Ол айтмаст кишигя, ки бизнин кызгына Татувлу обюштю тенгиз сув катына* (0, II, 30) 'Только озорной месяц посмотрел на это место, весело улыбнулся и вошел в море. Но он никому не скажет, что девчонка наша сладко целовалась около воды моря'.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Определение предложения или ответ на вопрос: *Что представляет собой предложение?* во многом зависит от подхода. Сколько подходов, столько и будет определений предложения. Этому не приходится удивляться, поскольку единица речи, называемая в лингвистике «предложением», является довольно сложным объектом.

Существует множество определений предложения, данных разными лингвистами в разное время. Большинство их характеризует предложение со следующих позиций: 1. Предложение – единица речи. 2. Предложение состоит из слов. 3. Предложение сообщает мысль. 4. Предложение – результат предикации.

В академической «Грамматике русского языка» В.В. Виноградовым дано следующее определение предложению: «Предложение – это грамматически оформленная по законам данного языка целостная единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли. В предложении выражается не только сообщение о действительности, но и отношение к ней говорящего»²⁹.

Данное определение основывается, главным образом, на функции предложения в человеческой речи – «главное средство формирования и сообщения мысли». Следует отметить, что предложение не только формирует и сообщает мысль, выражает отношение говорящего к действительности, но и выражает отношение говорящего к высказыванию, его чувства и волю. Любому из предложений присуща модальность – отношение предиката к субъекту. Предложение показывает также, как мыслится содержание высказывания – как действительно существующее или как вероятное, возможное, невозможное или как необходимое и т.д.

«Предложение – это такая группа слов, которая выражает определенную законченную мысль и позволяет сделать из этой мысли какой либо реальный вывод. Предложение может включать в себя только такие слова, которые по их логической взаимосвязи выражают какое-либо суждение, т.е. содержат какую-то новую законченную мысль или какое-то умозаключение»³⁰. В этом определении основное внимание обращено на два момента: во-первых на физический состав предложения – оно состоит по Н.К. Дмитриеву из группы слов. Однако как явствует из дальнейшего, предложение может состоять не только из группы слов, но и из

²⁹ Грамматика русского языка, с. 65.

³⁰ Н.К. Дмитриев. Цит. соч., с. 202.

отдельно взятого слова. Во-вторых, на функцию предложения – выражение суждения, умозаключения, в этом данное определение предложения перекликается с предыдущим.

«Предложение есть минимальная единица сообщения (или речи), интонационно-грамматически завершенная как одно целое и выражающая ту или иную мысль»³¹. В этом определении автор, солидаризуясь со своими предшественниками в том, что предложение выражает определенную мысль, подчеркивает, что предложение представляет минимальную единицу, выражающую мысль. В определении предложения, данном Н.А. Баскаковым, главное внимание уделяется на то, чем отличается предложение (предикативное словосочетание) от атрибутивного словосочетания³².

Более пространное и наиболее полное определение предложения можно найти в трудах И.И. Мещанинова: «Строящееся из слов предложение представляет собой цельную смысловую единицу. Внутри эта смысловая единица спаяна различными грамматическими средствами и представляет собой единое грамматическое целое. Оно, в свою очередь, состоит из отдельных смысловых единиц, получающих свое грамматическое соединение. Такая смысловая и грамматическая единица передается как одним словом, так и словосочетаниями»³³. Важным моментом в данном определении следует считать то, что в нем указывается на возможность оформления предложения посредством одного слова, т.е. в данном случае решающую роль играет не количество слов. «Каждое законченное высказывание строится на предикативных отношениях. Они передаются сочетанием субъекта и предиката даже тогда, когда один из них не получает требуемой грамматической формы. Пропуск соответствующего члена предложения не нарушает передаваемых отношений»³⁴. Например, если мы возьмем такое предложение-призыв, как *Кардашлар!* ‘Братья!’ в зависимости от ситуации, в котором оно произнесено, может быть понято: ‘Братья! Вы слушайте меня’; ‘Братья! Вы

³¹ Т.А. Бертагаев. Цит. соч., с. 28.

³² Н.А. Баскаков. Цит. соч., с. 57.

³³ И.И. Мещанинов. Цит. соч., с. 109.

³⁴ И.И. Мещанинов. Структура предложения. М.-Л., 1963, с. 6.

спасите меня»; 'Братья! Они бьют меня' и т.д. Это говорит о том, что предикативные отношения в данном случае сосредоточены в одном слове, несмотря на то, что другие члены предложения отсутствуют. В этом предложении, как и в других подобных, нет отдельно выраженного предиката, тем не менее он легко восстанавливается из контекста.

Однако, главным в построении предложения является передача предикативных отношений, выражаемых грамматическим предикатом. «Субъект и предикат сопоставляются с членами предложения, но не отождествляются с ними. Субъект может выступать не только подлежащим, но и в личных окончаниях вербального сказуемого. Предикативное содержание может получать не только сказуемое, но и отглагольная часть речи, используемая вне сказуемого. Грамматический субъект может передаваться не одним только подлежащим. Он получает грамматическую форму также в личных окончаниях глагола»³⁵. Например, в караимском односоставном предложении: т. *Бардым йўвгя* 'Я пошел домой' грамматический субъект – 1 лицо личного местоимения в единственном числе выражен формой аффикса первого лица единственного числа -м при глагольном сказуемом: *барды-м*. Грамматический предикат в караимском языке может передаваться сказуемым предложения, «сказуемым» оборотов-причастных, деепричастных и инфинитивных конструкций. Логический же предикат может передаваться и без них, посредством предикативной интонации, например: т. *Кюз. Гёллин кырыйы...* 'Осень (стоит). Берег реки (находится передо мной)...' и т.д.

Сказанное выше говорит о том, что предложение в караимском языке, как и в других языках мира, относится к числу сложных, многогранных явлений как по форме, так и по значению. Поэтому до сих пор ни одна попытка дать краткое общедоступное и универсальное определение предложению, как известно, не имеет успеха, поскольку нет краткого единого образца (эталона) предложения. Во множестве определений предложения фигурирует выражение «предложение выражает суждение». Однако «если мы слышим сделанное в сердцах высказывание»: *Ступай к черту!*, то,

³⁵ Там же, с. 5.

очевидно, что сущность такого предложения в том, что здесь выражено не логическое суждение, а определенный аффект. Если же мы говорим: *Закройте дверь!*, то это опять-таки выражение не суждения, а определенного повеления, просьбы³⁶.

Таким образом, к предложению можно предъявлять следующие требования: 1. Оно должно состоять из одного и более слов. 2) Оно должно содержать определенное сообщение, обобщение. 3) Оно должно содержать модальность. 4) Оно должно представлять собой цельную смысловую единицу речи. 5) Оно должно быть грамматически и интонационно оформленным, следовательно, содержать в себе предикацию. И наконец, 6) оно должно представлять собой не всякую единицу речи, а минимальную. Эти требования следует применять в зависимости от условий, в которых оказывается то или иное предложение. Как уже было отмечено выше, имеются случаи, когда некоторые из этих требований могут быть опущены. Всем этим требованиям в караимском языке может удовлетворять лишь один структурный тип предложения - это тип словосочетания, которое состоит из: 1) имени в основном падеже и глагола в личной форме; 2) имени в' основном падеже и имени в основном падеже, 3) имени в основном падеже и имени в инструментальном падеже и глагол со значением 'быть'. Например: т. *Уланчэх ойнэйд* 'Мальчик играет'; *Мен карай* 'Я караим'; *Бурунгуба ол болду* 'Он был первым' и т.д.

Приведенным выше требованиям (кроме первого) не удовлетворяют все типы словосочетаний кроме предикативных, а также отдельные слова, изолированные от текста.

Из сказанного выше вытекает, что в принципе нет формальных различий между словосочетанием и предложением состоящим из двух и более слов. Разница между ними, главным образом, заключена в логическом их содержании и в модальности. По форме главный структурный тип предложения – один из типов словосочетаний, а по содержанию, которое выражает предложение, последнее относится к совершенно другой категории синтаксиса. «Предложение многочленно, двучленно или одночленно, а словосочетание

³⁶ Р.О. Шор и Н.С. Чемоданов. Введение в языкознание. М., 1945, с. 136.

только двучленно. Предложение является единицей речи, живого акта сообщения, а словосочетание скорее всего относится к языковым категориям, искусственно выделенным по (грамматическим – К.М.) правилам данного языка из контекста речи»³⁷.

В караимском языке, как и в других языках, можно установить большое многообразие типов синтаксических конструкций, объединяемых под термином «предложение» в зависимости от их качественных и количественных характеристик, например, наличие или отсутствие главных членов предложения; наличие и количество второстепенных членов, относящихся к одному из членов предложения или ко всему предложению в целом и т.д.

Разговорный язык накладывает определенный отпечаток и на весь синтаксический строй языка. В караимском языке размер предложения сравнительно небольшой, в среднем около 8-10 слов, отсутствуют, как правило, длинные составные конструкции и периоды.

При описании и классификации предложений и членов предложения мы пользуемся следующими подходами: 1. Структурный подход, т.е. из чего состоит часть классифицируемой единицы и каковы взаимоотношения этих частей. В соответствии с этим можно установить, например, в зависимости от наличия или отсутствия главных членов предложения: односоставной и двусоставной типы предложений. 2) Семантический или семантико-интонационный подход, т.е. что и как сообщает данное предложение. При этом подходе устанавливаются типы предложений по цели высказывания и по интонации.

Когда мы говорим о предложении, в первую очередь, имеется в виду простое предложение, т.е. предложение, состоящее из одного предложения.

Кроме того существует сложное предложение – предложение, состоящее из двух и более предложений.

Промежуточный тип представляет собой простое предложение с деепричастным, причастным и инфинитивным оборотами, функционирующими как развернутые члены предложения.

³⁷ Т.А. Бертагаев. Цит. соч., с.25.

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

«Простое предложение» – это только название, на самом деле оно может оказаться весьма сложной формальной структурой с разветвлениями своей семантической структуры.

Простое предложение караимского языка, также как и любого из других языков мира, может быть исследовано с разных точек зрения. В данной работе оно исследуется в двух планах:

1) структура простого предложения – из чего оно состоит, что является основой простого предложения;

2) значение простого предложения – что оно выражает.

Деепричастные, причастные и инфинитивные конструкции в предложении выполняют функции обычных членов предложения, от которых отличаются тем, что обороты представляют собой развернутые члены предложения. Для более полного и всестороннего анализа обороты рассматриваются в специальном разделе, а не в разделе о членах предложения.

Влияние славянских языков на уровне строя простого предложения караимского языка, как это будет видно в дальнейшем, проявляется прежде всего в свободном порядке расположения членов предложения и других явлениях.

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

При классификации предложения по структурным типам мы исходим из следующего:

1) наличие в предложении главных членов предложения. В зависимости от этого предложения делятся на: а) двусоставное, в котором имеется оба главных члена предложения – подлежащее и сказуемое; б) односоставное, в котором наличествует лишь один главный член: либо подлежащее – тогда мы имеем подлежащее

односоставное предложение; либо – сказуемое, тогда мы имеем сказуемое односоставное предложение.

2) наличие или отсутствие в предложении любого из второстепенных членов предложения. В зависимости от этого мы имеем: а) нераспространенное предложение, в котором нет второстепенных членов предложения, в нем не обязательно одновременное присутствие обоих главных членов предложения; б) распространенное предложение, в котором кроме главных членов или одного главного члена имеется любой или несколько из второстепенных членов предложения: дополнение, определение, обстоятельство. Таким образом мы видим, что как двусоставное предложение, так и односоставное может быть нераспространенным или распространенным, а распространенное предложение может быть как двусоставным, так и односоставным. Однако возможно и предложение, в котором нет ни одного из главных членов предложения, а есть лишь второстепенный член или члены. Это обычно происходит в диалогической речи, содержащей вопрос и ответ, когда подлежащее и сказуемое предложения-ответа являются общими и для предложения-вопроса, или наоборот, например: т. *Нени сен алдый?* – *Битикни* ‘Что ты взял? – Книгу’, или в пословицах и поговорках, где предложения часто имеют общие главные члены: т. *Степте йолдуз йолну кергизэд, киси йериндэ – корцма* (погов.) ‘В степи звезда показывает дорогу, а в земле мужиков – двор’. Во второй части этого сложного предложения также отсутствует как подлежащее (*йолдуз*), так и сказуемое (*кергизэд*).

Почти во всех исследованиях по синтаксису разных языков основным типом простого предложения считается предложение, состоящее из подлежащего и сказуемого, что в общем верно, но это, как видно из сказанного выше, не означает, что нет других структурных типов предложения.

Простейшее предложение в караимском языке состоит из одного слова. В зависимости от того, каким членом полного предложения выступает это слово, можно установить следующие группы простейших предложений:

а) подлежащего: т. *Кыш.* / г. *Кыс.* ‘Зима’.

б) сказуемого: *Бардым*. 'Я ходил (туда)'; г. *Окудум*. 'Я читал'; *Карайс* 'Ты караим' и т.д.

2) Простейшее предложение, состоящее из второстепенных членов предложения. Особенностью данной группы простейших предложений является то, что они обычно употребляются в диалоге в вопросительных и утвердительно-повествовательных предложениях:

а) дополнения: т. *Кодуйну*. 'Вас (я прошу)'; *Сарулюгя?* 'К Сарочке (пойдешь ты)?' и т.д.

б) определения: т. *Ниндий гилаф алдый сен?* – *Кызылмуш*. 'Какую розу ты взял? – Розовую'.

в) обстоятельства: г. *Кацан сэн барас сагарга?* *Танбылада*. 'Когда ты поедешь в город? – (Завтра) утром'.

3) Простейшее предложение, состоящее из несвязанных членов предложения:

а) из обращения: *Достум!* 'Эй, друг (ты послушай меня)'; т. *Бийчям!* 'Царица ты моя (сделай ты милость)!' и т.д.;

б) из междометия: *Ой!* 'Ой (я чувствую страх)!'; *Эх!* 'Эх (как же я упустил этот случай)!' и т.д.

Каждая из этих групп простейших предложений имеет свою специфику и определенную сферу употребления. Например, предложение, состоящее из одного подлежащего, обычно употребляется в начале художественных произведений: рассказов, пьес, в начале строфы стихотворения и т.д. Предложения, состоящие из одного сказуемого или второстепенных членов, большей частью употребляются в диалогической речи и т.д.

Неодинакова и частотность употребления простейших предложений. Наивысшую частотность имеет предложение, состоящее из одного глагольного сказуемого, это можно объяснить тем, что в глагольном сказуемом получает грамматическое выражение не только предикат, но и субъект. Другие виды простейших предложений употребляются намного реже.

Среди простейших видов предложения, главными следует считать первую группу, т.е. предложения, состоящие из отдельного подлежащего и отдельного сказуемого.

Основными структурными типами предложения в караимском языке, таким образом, следует считать: 1) двусоставное предложение, которое является главным типом предложения; 2) односоставное предложение, которое может быть: а) либо с одним подлежащим, б) либо с одним сказуемым. Эти два структурных типа предложения образуют многочисленные виды простых распространенных предложений как односоставных, так и двусоставных, а также сложных предложений, как с сочиненной, так и с подчиненной связью.

Осложнение предложения и количественный рост его состава происходит путем добавления к его главным членам второстепенных членов, которые могут иметь несколько ярусов, могущих произвести следующий ярус ветвей и т.д.

Механизм развертывания распространенного предложения заключается в следующем: 1. Подлежащее предложения приобретает (обрастает): а) сказуемое, б) определение. 2. Сказуемое приобретает: а) дополнение: – прямое или косвенное, б) обстоятельства. 3. Дополнение (как прямое, так и косвенное) приобретает определение. 4. Обстоятельство приобретает: а) определение, б) дополнение, обстоятельство, определение (причастный оборот). 5. Определение (причастное) приобретает: а) «подлежащее», б) дополнение, в) обстоятельство, г) определение и т.д. В свою очередь каждое из дополнений, обстоятельств «подлежащих» последующего яруса приобретает свое определение, выраженное как именами существительными, числительными, так и причастием и причастным оборотом. Последний в свою очередь может иметь свои внутренние второстепенные члены и т.д. (см. схему).

1. Двусоставные предложения:

1) П + Д + С³⁸, 2) П + Об. + С; 3) П + оп. + С; 4) П + два и более разных второстепенных членов предложения + С.

2. Односоставные предложения:

1) Оп. + П; 2) П + Д; 3) П + Об. ; 4) П + несколько второстепенных членов; 5) Д + С; 6) Об. + С; 7) Несколько второстепенных членов предложения + С. В последнем типе односоставных предложений как дополнение, так и обстоятельства могут иметь свое отдельное определение.

Односоставное предложение

Односоставным предложением называем предложение, в составе которого имеется лишь один из главных членов предложения: либо подлежащее, либо сказуемое. В зависимости от этого различаются два структурных типа односоставных предложений:

1) Односоставное предложение, в котором присутствует подлежащее, иначе – односоставное предложение без сказуемого. Односоставное предложение с подлежащим (без сказуемого) может состоять из: а) одного подлежащего; б) подлежащего и определения; в) подлежащего и дополнения, г) подлежащего и обстоятельства; д) подлежащего и нескольких второстепенных членов предложения. Например:

а) т. *Тюн*, г. *Тин*. ‘Ночь’, г. *Киз*. ‘Осень’. В караимском языке более употребительны односоставные распространенные предложения;

б) т. *Исси тюн*. г. *Исси тин*. ‘Теплая ночь’.; т. *Не ишляр?* ‘Какие дела?’;

в) т. *Бизнинбья... немяд...* (М., 13). ‘С нами ничего (не случилось)’;

г) г. *Поляларда адамлар*. ‘На полях люди.’; *Анда йамгур*. ‘Там дождь.’;

³⁸ Сокращения обозначают: П – подлежащее, С – сказуемое, Д – дополнение, Оп. – определение, Об. – обстоятельство.

д) Наиболее употребительны односоставные предложения с подлежащим, имеющие несколько второстепенных членов предложения: т. *Йазын - захмет семиз тарлавларда* (0, 13). 'Летом – труд на тучных полях.'; *Озера тюгял кёркюндя* (Ков. 58). 'Озеро в полной красоте'; *Кертидян уллу сан да гормят бизнин аталарымызга* (0, 2) 'Поистине честь и слава нашим предкам'. В приведенных примерах подразумеваются глагольные сказуемые: 'происходит, находится, выражаем'. В следующих примерах в роли отсутствующих, но подразумеваемых сказуемых выступает предикатив *бар (т)* 'есть, имеется': т. *Бахчада сукланчы хыйарлар, а печтя не семиз ганнавлар* (МК, 2, 27) 'В огороде – прекрасные огурцы, а в печи – жирные пироги'. Как видно из примеров, в односоставном предложении, как и в любом распространенном предложении, могут присутствовать по два и более второстепенных членов предложения, относящиеся к одной категории (дополнение, обстоятельства и др.).

2) Односоставное предложение со сказуемым (без подлежащего) имеет следующие структурные типы: а) состоит из одного сказуемого, б) состоит из сказуемого и дополнения, в) состоит из сказуемого и обстоятельства, г) состоит из сказуемого и нескольких второстепенных членов предложения.

Односоставные предложения употребляются главным образом в двух случаях: 1) в диалогической речи. 2) В других формах речи для того, чтобы не повторять слово (или слова), выступавшее в предыдущем предложении подлежащим и другими членами предложения, говорящий считает избыточным употребление подлежащего и других второстепенных членов, особенно при наличии у сказуемого аффиксов первого или второго лица.

По частоте употребления односоставное предложение без подлежащего стоит на первом месте среди типов односоставного предложения. Сказуемое подобного предложения чаще выражено глаголом, реже – именем, оно имеет при себе аффикс, показывающий грамматическое лицо (первое и второе, иногда – третье). Третье грамматическое лицо может быть выражено формой наклонения и времени глагола, не осложненной аффиксами первого и второго лица, т.е. «нулевой» формой. В тюркских языках, как известно, аффикс лица при сказуемом одновременно служит показателем грамматического лица подлежащего, с которым

согласуется в лице сказуемое. По-видимому, этим и можно объяснить широкую употребительность в тюркских языках односоставного предложения без подлежащего.

Сказуемое оформлено аффиксом-показателем первого лица: Глагольные: г. *Мэним сагысым, клэрм - айтым, клэрм - айтмам!* (КА, 1, 25) ‘Моя мысль, хочу – выскажу, хочу – нет!’; т. *Кёрярм сени йарыгында куйашины, танырм сени йулдузунда кёклярнин* (Ков. 57) ‘Увижу я тебя в лучах солнца, узнаю я тебя в звездах неба’. Именные: *гадирмэн, гадирмэн* (КА, III, 4) ‘Я готов, я готов’.

Вообще необходимо отметить, что при глагольном сказуемом, имеющем аффиксы соответствующего лица (первого, второго и третьего), указывающие на личные местоимения, редко употребляется отдельно выраженное подлежащее. Для примера возьмем следующее полное стихотворение С.А. Кобецкого «Гертмя»:

1. *Билясиз-ма, не үчюн мен сөвдюм аны?...*
2. *Билмийсиз!... керякли сизгя йомахлама;*
3. *Бир фор поляда, кёрюп гертмяликни,*
4. *Олтурдух Ханнаба куйаштан астранма.*
5. *Оком-не олтурдух, нечик гертмяликтян*
6. *Тюштю бир гертмячик алнында Ханнанын;*
7. *Ол алат гертмяни, сибирят топрахтан,*
8. *Джахтламайын тишлэйт йарымын гертмянин.*
 9. *Ашэйт өзюня, меним үсню багынат,*
 10. *Барыба туймыт ачылыгын йемишинин,*
 11. *Андан сон тыйылтын майа колун чозат,*
 12. *Да экинчи йарымын берят гертмянин.*
13. *Кёрям, гертмядя йолчухлар тишляриндя,*
14. *Да алэй бу йолчухларны кип сукландым,*
15. *Ки кёзюмню кайыралмадым гертмядя*
16. *Да йарымын ачы йемишинин ашадым.*
 17. *Нечик оком йуттум ачылыхны,*
 18. *Фордан анладым сагышларын Ханнанын;*
 19. *Ол вахттан мен астры сөвдюм аны,*
 20. *Сагынадогон ачылыгын гертмянин.*

Подстрочный перевод. ‘Груша. 1. Вы знаете, почему я ее полюбил? 2. Не знаете!... Нужно вам рассказать; 3. Однажды в поле,

увидев грушевое дерево, 4. Мы с Ханной сели (под него), прячась от солнца. 5. Как только мы сели, с грушевого дерева. 6. Упала одна груша перед Ханной; 7. Она берет грушу, очищает от земли, 8. Не спеша откусывает половину груши. 9. Ест себе, смотрит на меня, 10. Совсем не чувствует горечи плода. 11. Затем тихо протягивает ко мне руку, 12. И дает вторую половину груши. 13. Я смотрю, на груше следы ее зубов, 14. И так мне очень понравились эти следы, 15. Что я не мог оторвать глаз от груши, 16. И я съел половину горького плода. 17. Как только я проглотил горечь, 18. Сразу я понял мысли Ханной, 19. С тех пор я очень полюбил ее, 20. Вспоминая горечь груши’.

В этом произведении, насчитывающем, как видно, двадцать строк и состоящем из 13 предложений, личное местоимение *мен* употребляется только дважды, в первой и девятнадцатой строках, хотя сказуемых с аффиксом первого лица единственного числа – восемь (1, 13-19 строки). Личное местоимение *ол* ‘она’ употреблено лишь один раз (7 строка), а глагольное сказуемое в третьем лице употреблено восемь раз (7-12 строки). Личные местоимения второго лица единственного и множественного числа вовсе отсутствуют в стихотворении, а глагольное сказуемое с формой второго лица множественного числа (вежливая форма) употреблено два раза (1 и 2 строки) при обращении к читателям (собеседникам). Также отсутствует в стихотворении личное местоимение первого лица множественного числа, а сказуемое в форме первого лица множественного числа употреблено два раза (4 и 5 строки). Таким образом, в караимском языке, и это свойство тюркского строя предложения, отдельное самостоятельное выражение подлежащего – субъекта в большинстве предложений является факультативным, иногда – даже избыточным, поскольку субъект грамматически обязательно выступает в составе глагольного или именного сказуемого в синтетической форме аффикса лица. Любое грамматическое лицо обобщенно выражается аффиксом лица, что не характерно для индоевропейских языков с их аналитическим выражением лица. Из этого положения следует, что в тюркских языках для организации двусоставного предложения вовсе не обязательно присутствие отдельно выраженного подлежащего. Поэтому и необоснованны и требования об обязательности

присутствия подлежащего при подчиненном компоненте сложноподчиненного предложения. Исходя из сказанного, лишь условно – при чисто аналитико-грамматическом подходе можно рассматривать как односоставное такое предложение, в составе сказуемого которого выражено лицо – субъект действия.

Односоставное простое предложение без подлежащего, сказуемое которого оформлено показателями второго и третьего лица, чаще встречается в пословицах и поговорках.

Сказуемое оформлено аффиксом-показателем второго лица единственного числа при непосредственном обращении к собеседнику: т. *Сювсей ахчаны – унутурс уйатны* (посл.) ‘Если полюбишь деньги, то забудешь стыд’; г. *Балыкны айкалы табарс, атны канатлы табарс, эки карай бир сагыслы тапмас* (МК 12, 108) ‘Рыбу с ногами можешь найти, коня с крыльями можешь найти, но двух одинаково мыслящих караимов тебе не найти’ (посл.). *Кетес салага-кой уллу карын арабага*. ‘Когда едешь в село, положи на телегу большой желудок’ (погов.); т. – *Но, то не болас? – Биряр – битрах, табу кодуяа!* (Ков. 110) – ‘Ну, как ты поживаешь? – По-немножечку, спасибо вам!’; г. *Беклэ эсигинни кынгыр багувцудан, авзунну кеп сорувцудан* (посл.) ‘Запирай свою дверь от тех, кто смотрит косо, рот – от тех, кто много спрашивает’.

Односоставное предложение во втором лице с аффиксом множественного числа или вежливой формы употребляется гораздо реже: т. *Кетярсиз йат кырыйларга, да чыныгырсыз аларга, кёп кёркню анда кёрярсиз, тек Трохка тенишитирмясиз* (ДК. 2, 6) ‘Уедете вы в чужие края, и привыкнете к ним, много красоты там вы увидите, но их вам не сравнить о Троками’.

Сказуемое имеет показатель третьего лица, в роли которого выступают как показатели временных форм, так и специальные аффиксы лица: а) формы времен: г. *Сагынды куру этни таммузда* (погов.) г. ‘(он) Захотел сушеного мяса в месяц таммуз (июль)’; т. *Сизгя берир!... Сизгя келир* (Ков. 56) ‘Вам он даст. К вам он придет’; *Да келяси вахтха ресимбя болурлар* (МК. 1, 12) ‘И будут (они) назиданием на будущее’; *Да болур артых* ‘И будет достаточно’; б) аффиксы лица: *Себяд тузба бар кулдунларны* (0,7) ‘Она солит все пельмени’; *Бир убийдя табат талкы, ... экинчидя* –

савут... (RO, V, 203) ‘В одном доме находит он талкы (мялку), в другом... – посуду...’; *Кёрядирляр барында...* ‘Они видят у всех’.

В составе одного предложения возможно употребление двух глагольных сказуемых, подчиняющихся одному подразумеваемому подлежащему, со своими другими подчиненными членами, т.е. одно сложное односоставное предложение состоит как бы из двух отдельных односоставных предложений, связанных между собой сочинительной связью: т. *Багынам: үстюндя терякнин бир кёрклю чыпчычэх олтурат. Чебяр ирлэйт ирын ўрякнин да меним тержямя багынат* (Ков. 62) ‘Смотрю: на дереве сидит какая-то красивая птичка. Она прекрасно поет песни сердца и смотрит на мое окно’; г. *Илга киндэ йирлар йирлайд, кецедэ сырлар сыбырдайд* (посл.) ‘Степь (пустыня) днем поет песни, а ночью – шепчет тайны’. Формальная разница между этими двумя примерами лишь в знаке препинания: в первом между частями поставлена точка, а во втором – запятая. В устной же речи пауза между ними не отличается длительностью.

Для караимского языка деление односоставных предложений на безличные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, назывные неправомерно, так же как и для многих тюркских языков, поскольку любое предложение, будь оно односоставным или двусоставным, формально всегда соотносено с определенным лицом – одним из трех грамматических лиц. Правда, в караимском языке имеются предложения, состоящие из инфинитива + предикатив *керяк*: *Керяк айтма* ‘нужно сказать’, которые по своему содержанию соответствуют русским безличным предложениям и образованы по их типу. Однако в караимском языке, во-первых, *керяк айтма* генетически состоит из двух главных членов именного предложения: *керяк* –сказуемое, *айтма* – подлежащее. Во-вторых, соотносённость подобного предложения с одним из грамматических лиц выражается присутствием личного местоимения соответствующего лица в дательном-направительном падеже: т. *Майа керяк айтма*, г. *Мана керек айтма* ‘Мне нужно говорить, я должен говорить’, т. *Сайа керяк айтма*, г. *сана керек айтма* ‘тебе нужно говорить, ты должен говорить’; т. *анар керяк айтма*, г. *анар керек айтма* ‘ему нужно говорить, он должен говорить’ и т.д.

О неопределенно-личных предложениях в тюркских языках написано много работ в подражание исследованиям конструкций русского языка. Однако в тюркских языках подобные типы предложений всегда являются личными, в них всегда присутствует как семантический, так и грамматический показатель лица, например, в кирг. *Атамды жоош, жоош деп коюшат...* 'моего отца считают самым послушным...' грамматически и семантически выражено 3-е лицо множественного числа. Речь детей, которая начинается с однословных предложений, с примитивного синтаксиса, также имеет личную выраженность.

Двусоставное предложение

Основой предложения в караимском языке в современном представлении является формально предикативное словосочетание – двусоставное предложение, компоненты которого связаны между собой предикативной связью, – наиболее распространенный из всех структурных типов предложений. «Основу и ядро тюркского предложения составляет предикативная связь. Предикативная связь, или предикация представляет собой акт, в котором соединяются две основные синтаксические категории: одна, называемая подлежащим, является носителем признака, другая, называемая сказуемым, передает самый признак»³⁹.

В зависимости от того, какой частью речи выражено сказуемое простого предложения, выделяются: 1) глагольное предложение, в котором сказуемое выражено глаголом; 2) именное (номинативное) предложение, в котором сказуемое выражено одной из именных частей речи: существительным, прилагательным, числительным, местоимением, наречием. Из этого различия указанных двух типов предложений вытекают и другие структурные их различия. Например, именное предложение по структуре проще глагольных, в его составе имеется меньше второстепенных членов предложения. Глагольные же предложения могут осложняться или расширяться до больших размеров, что связано с особенностями глагольного сказу-

³⁹ Э.В. Севортян. Цит. соч., с. 5.

емого, который выступает как организующий центр других членов предложения.

«Исторически предикативные отношения развивались и даже еще сейчас развиваются также из атрибутивных отношений на почве грамматического их переосмысления, в результате чего атрибутивное сочетание распадается на подлежащее и сказуемое. С другой стороны, в современных тюркских языках и особенно в их диалектах можно найти остаточные конструкции, где атрибутивные отношения тесно сплетаются с предикативными, иногда так тесно, что, в сущности, первые нельзя отделить от вторых»⁴⁰.

Предикативное отношение формально выражается показателем лица при сказуемом (предикате), который в первом и втором лицах имеет специальные аффиксы, что касается обозначения предикативных отношений в 3-м лице, в караимском, как и в других тюркских языках оно принципиально не нуждается в формальном показателе сказуемости и может выражаться как аффиксами лица, так и формами времен.

Предикативное словосочетание формально-грамматически представляет собой один из видов именного словосочетания, т.е. в предикативном словосочетании, следовательно в предложении главным элементом выступает имя, которому подчиняется другой компонент. В роли подчиненного компонента в предикативном словосочетании выступают глагол и имя. Таким образом, предикативное словосочетание имеет два подвида: 1) словосочетание, состоящее из: имя + имя; 2) словосочетание, состоящее из: имя + глагол. Эти два подвида предикативных словосочетаний образуют два главных типа предложения: 1) именное предложение, 2) глагольное предложение.

Именное предложение

⁴⁰ Там же, с. 7.

Именное двусоставное предложение имеет подлежащее, выраженное именем существительным и субстантивированными другими частями речи, и сказуемое, выраженное именными частями речи, таким образом оно по характеру сказуемого многообразно, хотя количественно уступает глагольному предложению.

В роли сказуемого в именном предложении выступают: имя существительное, имя прилагательное, местоимение, имя числительное, предикативы, инфинитивная форма глагола.

Сказуемое – имя существительное, обозначающее: деятеля: т. *Кёп сёзчю-аз ишчи* (посл.) ‘Кто говорит много, тот делает мало’; признака: г. *Бурунгу кыз – биени, экинчи кыз – кайгы, ицинци – караниа*. ‘Первая дочь – радость, вторая – забота, третья – наказание’; пол: т. *Мен туюл кыз* (Ков. 127) ‘Я не девочка’ и т.д.

Широко распространены предложения, в которых сказуемое выражено именем прилагательным, выражающим различные признаки: качество: т. *Йахши туюл хаста болма, гэм акылдан экик тувма* (Л.) ‘Нехорошо быть больным и родиться лишенным разума’; состояние: *Аз ашым – тынч башым* (погов.) ‘У меня мало еды, зато спокойно голове моей’; *Бу анлавлу* (0, 36) ‘Это понятно’; *Кёптюрляр кустунмахларым да ўрягим сызлавлу* (RO. X, 161) ‘Много у меня вздохов, и сердце у меня щемит’; объем: *Гар бир улус, нечик ол кичи туюл оўюбя...* (0, 4) ‘Каждая национальность, какой бы она ни была маленькой...’; лишение признака: г. *Кипчек бассызды: элцейд йолну, элцейд, да элцевни билмейд* (посл.) ‘Колесо – глупо’ (досл. ‘без головы’): ‘Измеряет дорогу, измеряет, но не знает длины’ (досл. ‘меры’).

Сказуемое – местоимение: притяжательное: т. – *Ол меним. – Йо, йо, меним!* ‘– Он мой. – Нет, нет, мой!’. Вопросительно-относительное: *Ненди сабагы, андий саламы* (погов.) ‘Каков стебель, такова и солома’.

Сказуемое – инфинитив, при этом он обычно сочетается с управляемым именем: г. *Гуфну кыстама – бэрини тузаклама; дзаны кыстама – кигирцинни баскалама* (посл.) ‘Тискать тело – значит ловить волка, тискать душу – значит мять голубя’.

Сказуемое – предикатив: т. *Чалгы да орах – йох йахшырах* (посл.) ‘Коса да серп – лучше нет’.

В караимском языке в именных предложениях широкое распространение получил предикатив *бар* ‘есть’, служащий связкой между подлежащим и именным сказуемым. При этом предикатив-связка принимает аффиксы соответствующего грамматического лица: *барм* ‘я есмь’; *барс* ‘ты еси’; *бар(т)* ‘он есть’ и т.д. Примеры: т. *Мен барм карай* (0, 32), ‘Я (есмь) караим’; *Карай эдим, карай бармын...* ‘Я был караимом, есть караим...’; *Мен бармын увлу карай улуснун* (0) ‘ – Я – сын караимского народа’; г. *Бард бир куйас – ата, бир ай – ана. Кин кецэ сени саклайдлар* (погов.) ‘Есть одно солнце – отец, одна луна – мать. Днем и ночью они оберегают тебя’. Иногда связка *бар* в именном предложении может выпадать: т. *Биздя нечя сёз (барт)ёз арада сёзлямя* (Ков. 116) ‘У нас (есть) несколько слов, о которых нужно поговорить между собой’. Связка *бар* употребляется не только для соединения подлежащего и сказуемого, выраженного именем существительным, но и для соединения подлежащего и сказуемого, выраженного именем прилагательным: *Кёркю бард бойкызлар, катынлар* (МК. 2, 27) ‘Красивы девушки и женщины’.

Глагольное предложение

Подлежащее двусоставного глагольного предложения выражается именем существительным, субстантивированными другими частями речи, сказуемое – глаголом в различных формах времен и наклонения. Сказуемое глагольного предложения выражается глаголом в любой форме залога. В настоящем времени изъявительного наклонения: в страдательном залоге: т. *Ўрягим йанчылат* ‘Сердце мое бьется’; возвратном: *Алар тынланадлар* (ДК, 2, 8) ‘Они слушают’; в основном в отрицательной форме: *Киши-дя клямит сёзлямя-дя* (Ков. 125) ‘Никто не хочет даже говорить, говорить никто не желает’; в основном в положительной форме: *Тювюл булай, чувлайт Эшяк* (М., 8) ‘Не так, кричит Осел’.

Двусоставное предложение может иметь два или более сказуемых. При этом сказуемое может состоять из (рассмотрим случай с двумя сказуемыми):

1) Двух однородных сказуемых: а) двух однородных именных сказуемых, б) двух однородных глагольных сказуемых.

2) Двух неоднородных сказуемых: а) двух неоднородных именных сказуемых: т. *Керти, джыматымыз уллу тювюлдюр, барындан йувух йуз элли джанга* (0, 4) 'Правда, наша община количеством невелика, всего около ста пятидесяти душ'; б) одно из сказуемых – именное, а другое – глагольное: г. *Салацьлар – буду безиргенлэр: карт цыгытны йангы хабарларга алысадлар* (посл.) 'Сельские жители – те же купцы, старый сыр обменивают на новые известия'; в) двух неоднородных глагольных сказуемых: г. *Ким санады гинэхлэрни эки ингирдэ, билэд кумнун санын тенгиздэ* (посл.) 'Кто посчитал грехи за два вечера, (тот) знает количество песчинок в море'.

Простое распространённое предложение

Простое распространённое предложение по своей структуре состоит из главных членов, либо из одного из главных членов (чаще сказуемого) и второстепенных членов или одного из второстепенных членов, т. е. распространённым считается любое предложение, в составе которого кроме главного члена предложения имеется и второстепенный член. Из сказанного видно, что простое распространённое предложение может быть как двусоставным, так и односоставным.

Простое предложение можно было бы классифицировать структурно по степени сложности, например: предложения, состоящие из: а) подлежащего; б) сказуемого; в) подлежащего и сказуемого; г) сказуемого и дополнения; д) подлежащего, сказуемого и дополнения; е) подлежащего, сказуемого и определения; ж) подлежащего, сказуемого, дополнения и определения; з) сказуемого и обстоятельства; и) подлежащего, сказуемого и обстоятельства и т.д., что является задачей специального исследования.

Например, возьмем именное двусоставное предложение и посмотрим, как оно постепенно усложняется: т. *Кёчюрмяк йувух*.

(подлежащее и сказуемое) ‘Перевод близок’; *Ушбу кёчюрмяк йувух* (подлежащее, сказуемое и определение) ‘Этот перевод близок’; *Ушбу кёчюрмяк сыйындырмагыба лексикасынын йувух* (подлежащее, сказуемое, два определения и косвенное дополнение) ‘Этот перевод близок по составу лексики и грамматическим формам’. *Ушбу кёчюрмяк сыйындырмагыба лексикасынын да формаларыба дикдукнын йувух* (подлежащее, сказуемое, три определения и два косвенных дополнения). ‘Этот перевод близок по составу лексики и грамматическим формам’; *Ушбу кёчюрмяк сыйындырмагыба лексикасынын да формаларыба дикдукнын астры йувух* (подлежащее, сказуемое, три определения, два косвенных дополнения и обстоятельство). ‘Этот перевод по составу лексики и грамматическим формам очень близок’. Далее осложнение идет за счет количества второстепенных членов: *Ушбу кёчюрмяк сыйындырмагыба лексикасынын да формаларыба дикдукнын астры йувух ушамагыба сагынчыба*. ‘Этот-перевод по составу лексики и грамматическим формам очень близок к образцам памятника’; *Ушбу кёчюрмяк сыйындырмагыба лексикасынын да формаларыба дикдукнын астры йувух ушамагыба сагынчыба половец тилнин*. ‘Этот перевод по составу своей лексики и грамматическим формам очень близок к образцам памятника половецкого языка’; *Ушбу кёчюрмяк сыйындырмагыба лексикасынын да формаларыба дикдукнын астры йувух ушамагыба сагынчыба половец тилнин «Кодекс Куманикус»* ‘Этот перевод по своему составу лексики и грамматическим формам очень близок к образцам памятника половецкого языка «Кодекс Куманикус»’. И, наконец, в составе простого распространенного предложения может употребляться причастный, деепричастный или инфинитивный обороты: *Ушбу кёчюрмяк... сыйындырмагыба лексикасынын да формаларыба дикдукнын астры йувух ушамагыба бирдян бир калган бютюнлюгюндя сагынчыба половец тилнин «Кодекс Куманикус»* (0, 25) ‘Этот перевод по своему составу лексики и грамматическим формам очень близок к образцам сохранившегося в целостности памятника половецкого языка «Кодекс Куманикус»’.

Примерно такую же картину степени усложненности можно раскрыть при анализе структуры глагольного простого распространенного предложения: *Айрыч бар айтхандан инчкялямяги кё-*

чюрмякляринин карай Тенахнын ачхайт дунйасына билюв йесилярнин анлатувун бир неча анлавсуз гэм барыба да таныш туююл сёзлярни (0, 25) ‘Кроме сказанного исследование переводов караимской Библии раскрыло бы ученым многие непонятные и совсем неизвестные слова’, где ядром предложения являются подлежащее и сказуемое *инчклямяги ачхайт* ‘исследование раскрыло бы’, осложненное другими членами предложения.

Простое распространенное предложение с определением

Определение выступает в основном при подлежащем и при прямом и косвенном дополнении, выраженных именами существительными:

а) с определением выраженным именем в родительном падеже при подлежащем: г. *Сези ананын – ресими торанын* (поел.) ‘Слова матери – что назидания пятикнижья’; *Кляги йырчымызнын эди алай öзю акыл* (0, 21) ‘Желанием нашего поэта была та же самая мысль’. С определением, выраженным прилагательным: т. *Кондарылдылар öзгя бийликляр* (0, 3) ‘Установились другие власти’;

б) с определением, выраженным при дополнении: прилагательным т. *Тувмуш йергя тардад мени* (0, 21) ‘Меня тянет к родным местам’. Существительным: *Галвенин кырыйында бой кыз олтурадыр* (ДК, 2, 7) ‘На берегу Галвы сидит целомудренная девушка’. Указательным местоимением: *Бу кюн индялядир гануз кюнюбя Тора бермякнин* (Ко. 23) ‘Этот день еще называется днем дачи Пятикнижья’.

Простое распространённое предложение с дополнением

Дополнение подчиняется сказуемому:

а) прямое дополнение в винительном падеже: т. *Мени да сюварэдилляр игитляр* (Ков. 109) 'И меня любили парни';

б) косвенное дополнение в дательном-направительном падеже: т. *Ўлюшюмюз чювюрюлдю йатларга, ўвляримиз – таньгысларга* (RO. X, 171) 'Наши доли достались чужим, наши дома – незнакомым'. В местном падеже: *Не мендя тюз* (Ков. 107) 'Что во мне ровно?'. С послелогом: *Ол өзюда ачыйдыр өзю үчюн* (RO. X, 158) 'Он сам горюет о себе'.

Простое распространённое предложение с обстоятельством

Обстоятельство, так же как и дополнение, подчиняется сказуемому: Оно может иметь разные значения: места, времени, образа действия и т. д. Обстоятельство меры: г. *Санар эдим, ки нецик аз биз барбиз – дерт карай дзыматы арасына* (КА. 3, 24) 'Я считал – как мало нас во всех четырех караимских общинах'.

Простое распространённое предложение со смешанными второстепенными членами предложения

В распространённых предложениях смешанного характера обычно имеется два или более разных второстепенных членов предложения: дополнение и определение; определение и обстоятельство; обстоятельство, дополнение и определение и т.д. Обстоятельство времени и косвенное дополнение.

ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Каждый член предложения по своей семантике связан с определенной или несколькими частями речи и выступает как ее функция в процессе коммуникации. Поэтому тесно взаимосвязаны проблемы синтаксической классификации членов предложения и морфологической классификации частей речи. Из этого исходят лингвисты при определении члена предложения как функции частей речи в предложении. Существуют множество дефиниций членов предложения как грамматической синтаксической категории.

Вот одно из возможных определений члена предложения: «Членами предложения называются слова или сочетания слов, представляющие собой минимальные составные элементы предложения, на которые оно распадается и в функции которых входит формирование предложений различных структурных типов, их детализации и усложнение»⁴¹. Части речи могут выполнять функции членов предложения в составе предложения, вступая в грамматические и интонационные взаимоотношения с другими словами.

Как уже указывалось, предложение состоит из отдельного слова или сочетания двух или более слов, которые представляют собой определенное грамматическое и интонационное единство. Однако есть в предложении детали, которые интонационно связаны со всем предложением, но не вступают с членами предложения в грамматические связи.

Классификация членов предложения зависит от определения члена предложения, которое в свою очередь зависит от подхода. Все слова, присутствующие в составе конкретного предложения, представляют собой в разной степени члены данного высказывания. Однако они имеют неодинаковую значимость, неодинаковые грамматические функции, разные значения и т.д., что требует от лингвиста многообразия подходов в определении и классификации членов предложения. Обычно в работах, посвященных описанию членов предложения, под последними подразумевают слова,

⁴¹ Т.А. Бертагаев. Цит. соч., с. 31.

вступающие в предложении между собой в грамматические связи. Однако, это лишь один из возможных подходов к определению членов предложения и никак не претендующий на универсальность или всеобщность.

При определении и классификации членов предложения необходимо учитывать также классификацию и определение частей речи в зависимости от теоретического подхода к ним. Например, если за основу классификации частей речи возьмем их сочетаемость между собой, можно установить следующие группы: 1) части речи, которые вступают в подчинительные связи между собой; 2) части речи, которые не вступают между собой в подчинительные сочетания.

Если за основу классификации будет взята функционально-грамматическая особенность частей речи в предложении, можно установить следующие группы: 1) части речи, которые могут функционировать как в роли главного, так и подчиненного слова в словосочетании (или в сочетании с другими членами предложения); 2) части речи, которые могут выступать в роли только грамматически главного члена словосочетания (послелоги, служебные имена); 3) части речи, которые выступают в роли только подчиненного члена словосочетания; 4) части речи, которые не могут быть ни подчиненным членом, ни главным членом словосочетания, следовательно и, предложения.

Правомерно также признавать членами предложения все слова, которые присутствуют в составе данного предложения и представляют в нем различные части речи.

По значимости в акте коммуникации члены предложения можно разделить на следующие группы: 1) главные, 2) второстепенные, 3) служебные.

По функции члены предложения можно разделить на: а) основные (кирпичи или блоки) и б) связочные (цемент, клей и т.д.).

По лексико-грамматическому значению члены предложения можно разделить на: а) лексико-грамматически однозначные (или знаменательные); б) лексико-грамматически неоднозначные (иначе – незнаменательные), что почти совпадает с предыдущей классификацией. При подобной классификации к первой группе относились бы: а) грамматически связанные члены (подлежащее, ска-

зубое, дополнение, обстоятельство, определение, приложение); б) грамматически несвязанные члены (вводный член, обращение); ко второй группе: а) связывающие сочиненные члены (союзы, союзные слова); б) связывающие подчиненные члены (послелого, служебные имена).

По способностям сочетаться с другими словами члены предложения можно делить на: а) грамматически связанные и б) грамматически несвязанные. Возможна и следующая группировка членов предложения: 1) основные грамматические члены, 2) второстепенные грамматические члены, 3) модальные члены, 4) связочные члены.

Суммируя приведенные выше, далеко не все возможные, подходы к классификации членов предложения, мы пользуемся следующей классификацией членов предложения: 1) главные члены предложения; 2) второстепенные члены предложения; 3) модальные (свободные) члены предложения; 4) связочные члены предложения.

Структура главного, второстепенного, редко-модального члена предложения бывает:

1) простой – простой член предложения состоит из одного слова;

2) составной – составной член предложения состоит из двух и более слов, которые представляют: а) лексикализованные словосочетания; б) аналитическую форму; в) развернутый оборот. Связочные члены предложения обычно бывают простыми.

Каждый из главных и второстепенных членов предложения может быть: а) единичным, т.е. в роли данного члена предложения выступает одно слово; б) групповым или однородным, т.е. в одном ряду употребляется несколько одинаковых членов предложения, соединенные между собой интонацией перечисления и союзом. При групповом употреблении членов предложений словоизменительный аффикс принимает последний из них.

Тот или иной член предложения может относиться: а) ко всему предложению; б) к отдельному его члену. Ко всему предложению относятся обычно: подлежащее, сказуемое и вводный член (вводные слова). Другие члены предложения относятся, как правило, к одному члену предложения, лишь изредка -ко всему предложению, например, дополнение, или обстоятельство, подчиненное главному

сказуемому всего предложения, может относиться ко всему предложению.

В разделе о словосочетании хотя и говорится о сочетании слов, подразумевается сочетание между собой различных членов предложения. Поэтому интересующихся вопросами сочетаемости членов предложения между собой мы отсылаем в упомянутый раздел данной работы.

В предложении, представляющем собой наименьший отрезок речи, сообщающий что-либо, наиболее употребительными и значительными являются его главные и второстепенные члены.

К главным членам предложения относятся подлежащее и сказуемое, составляющие основу двусоставного предложения, связанные между собой предикативным отношением.

В лингвистике широко распространено мнение о том, что каждое предложение состоит как бы из двух зон: зоны подлежащего и зоны сказуемого – главных членов предложения. Однако такое деление предложения на зоны следует понимать условно. Сказуемое, которое образует отдельную от подлежащего зону вместе с обстоятельством и дополнением, в свою очередь входит в зону подлежащего на правах подчиненного члена предикативного словосочетания – предложения.

К второстепенным членам предложения относятся: дополнение (прямое и косвенное), обстоятельство (с семантическими разветвлениями: времени, места, образа действия, меры и степени и т.д.), определение и приложение. Из них первые два члена всегда подчиняются глагольному сказуемому и по-разному конкретизируют действие, состояние, выраженное им.

Определение выступает конкретизирующим членом только именного члена предложения (т.е. подлежащего, дополнения, именного обстоятельства и именного сказуемого) и не относится ко всему предложению в целом. Приложение может выступать конкретизатором как именных, так и глагольных членов предложения.

К модальным членам предложения относятся: вводный член (вводное слово) предложения и обращение, которые не связаны грамматически с другими членами предложения.

В роли связочных членов предложения выступают: предикативы, союзы, служебные имена и послелогии.

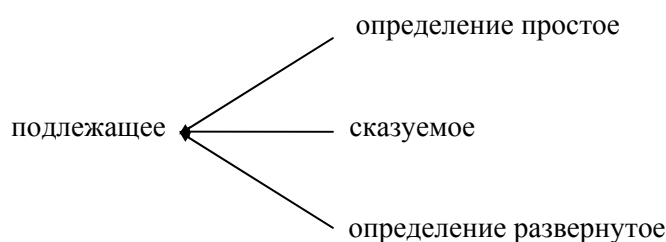
ГЛАВНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Подлежащее

Подлежащее является главным членом, который не подчиняется ни одному из других членов предложения. Оно – единственный независимый член среди всех связанных членов предложения. Подлежащее в предложении выражает субъект действия. В караимском языке во многих случаях в предложении подлежащее не выражено отдельным словом, что связано с формальным функционированием субъекта при сказуемом в виде аффикса лица, т.е. формально присутствие подлежащего в предложении передается формой лица сказуемого. Подлежащее в предложении всегда оформлено в одной из форм трех лиц и двух чисел: первое, второе и третье лица единственного числа; первое, второе и третье лицо множественного числа, т.е. подлежащее может быть выражено в одной из шести форм лица. Различие в формальном выражении подлежащего в караимском с одной стороны и в индоевропейских языках, например в русском языке – с другой, ярко проявляется при переводе текста с караимского на русский язык, когда в русском языке всегда приходится добавлять подлежащее – личное местоимение: г. *Келдим* ‘Я пришел’; *келдин* ‘ты пришел’; *келди* ‘он пришел’ и т.д. Русское *пришел* может выражать любое лицо единственного числа, тогда как караимское *келди* – только третье лицо единственного числа.

Непосредственно подчиняются подлежащему сказуемое и определение. Через посредство сказуемого оказываются подчиненным подлежащему и другие члены предложения: дополнение и обстоятельство.

Непосредственные отношения подлежащего с другими членами предложения можно наглядно видеть в следующей схеме:

В роли подлежащего помимо существительного могут выступать все части речи, если они субстантивированы, т.е. выражают названия предмета, явления, понятия и т.д. Однако наиболее употребительными в роли подлежащего являются имена, в особенности – имя существительное и местоимение.

Выражение подлежащего именем существительным самое распространённое: Название природного явления: г. *Тивил булут – йел йамгурну айайд* (посл.) ‘Не туча, а ветер жалеет дождь’. Названия состояния, положения: т. *Корхув курады мени да калтравух* (Ков. 4) ‘Страх охватил меня да дрожь’; *Эсилир мискинлик да тюшлю сызлавлар, йолгушмасын артых урушну* (Ков. 82) ‘Кончится бедность и разные боли, больше не встретишь ссоры’. Производные человеческой деятельности: *Анда сагышым элтинди тувмуш шагарчыкка* (ДК, 2, 10) ‘Там мои мысли направились в родной городок’; *Кёркю да акыңлы сёзляр карайларга йарытырлар* ‘Красивые и умные слова будут освещать караимов’.

Выражение подлежащего субстантивированным именем прилагательным: т. *Аталарымыздан калдырган мерясликнин энк уллусу тилимиздир* (0, 2) ‘Самое большое из наследств, оставленных нам нашими предками – наш язык’.

Выражение подлежащего субстантивированным именем числительным: часто субстантивируются количественное числительное *бир*, которое приобретает значение ‘кто-то, некто’ и порядковые числительные со значением субъекта: г. *Бир элмэгей экинци йахсыны кермэгей* ‘Если один не умрет, другой не видит добра’; т. *Бир кюбясин чешти да калканын аладыр: Экинчиси тишлэйт, үзят упрахларын; корхувба үчюнчю байлэйдэр колларын* (МК 6, 1) ‘Один снял

с него кольчугу и забрал щит, второй его кусает и рвет ему одежду; в страхе третий завязывает ему руки’.

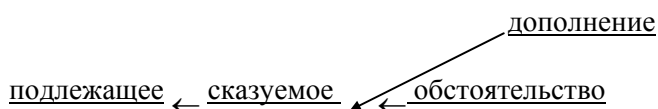
Выражение подлежащего местоимением, в основном, личными и определительными: г. *Биз арларга кергизибиз* ‘Мы им покажем’; т. *Сең сагынырс йаш кюнлярни* (МК. 1, 12); *Барча тартынад ортагына* (0, 4) ‘Все стремятся к своей родине’; *Тювюл гар бириси аны абайлатад* (М, 19) ‘Не каждый его почитает’; *Бизнин кызлар да бахурлар, барымыз бардых Йеранцовага* (Ков. 61) ‘Наши девушки и парни, все мы пошли к Йеранцове’; т. *Барлары: игити да карты салындылар бегвяртмя сувсапын сувсунуба сувух чогаархнын* (0, 9) ‘Все: и стар и млад начали утолять свою жажду водой холодного источника’; *Немит йохтур* ‘Ничего нет’.

Выражение подлежащего инфинитивом: т. *Алэй меним йчрягимни авурдур толтурма* (Ков. 135) ‘Однако трудно заполнить мое сердце’.

Сказуемое

Сказуемое – один из двух главных членов предложения, обозначающий предикат. При наличии в предложении подлежащего подчиняется последнему, что формально выражается в согласовании с подлежащим в лице и числе. Сказуемое, таким образом, является подчиненным элементом в предикативном словосочетании. Однако сказуемое является главным элементом в отношении к таким членам предложения, как дополнения и обстоятельства, которые связываются с ним способами управления и примыкания.

Непосредственные отношения сказуемого к другим членам предложения можно проиллюстрировать следующей схемой:

Как видно из схемы, сказуемое является как бы связующим звеном между подлежащим, которому оно подчиняется, и дополнением и обстоятельством, которых оно подчиняет себе; это

относится главным образом к глагольному сказуемому. Сказуемое в отношении к подлежащему в предложении располагается свободно, т.е. может предшествовать ему и последовать за ним. Это – специфика караимского языка, отличающегося от других тюркских языков.

В роли сказуемого выступают: глагол во всех формах наклонений и времен и имена.

Формы времен изъявительного наклонения и формы других наклонений глагола служат сказуемым как законченных, так и придаточных предложений, этим караимский язык отличается от ряда других тюркских языков.

«В предложении может быть выделена такая часть его, которая играет решающую роль в процессе его формирования и организации и которая является как бы основой, фундаментом его конструирования. Если пользуясь методом сегментации или негативным методом, последовательно устранить из предложения отдельные его составные элементы, то в нем в конечном счете останется одна минимальная, наиболее устойчивая и сохраняющая его основные признаки (интонацию, модальность и т.д.). Вот такое ядро, или сердцевина предложения и является его сказуемым... Это, так сказать, ядро в клетке или молекула вещества, со всеми присущими данному веществу качествами. Сказуемое как бы впитывает в себя основные отличительные признаки предложения и сохраняет в себе, как и молекула, основные свойства “вещества” – предложения, чего, например, нельзя сказать о подлежащем. Таким образом, сказуемое является главным конститутивным членом предложения»⁴². Следует оговорить, что это высказывание справедливо в отношении к глагольному сказуемому и не всегда приложимо к именному сказуемому.

Глагольное сказуемое

Глагольное сказуемое, как было отмечено выше, употребляется во всех формах наклонений и времен.

Глагольное сказуемое в изъявительном наклонении употреби-

⁴² Г.А. Бертагаев. Цит. соч., с. 29.

тельно во всех трех временах:

а) в прошедшем времени: наиболее употребительна форма на -ды: т. *Келяси йазбашына алар да курудлар* (0, 8) ‘К следующей весне и они высохли’; *Чыгарды баланы да барды* (Ков. 120) ‘Вывел ребенка и ушел’; *Лида кызырайды да сёскянди* (Ков. 125) ‘Лида покраснела и испугалась’; *Анда гуйаландылар да гуйаланырлар кара кушлар* (0, 12) ‘Там гнездились и гнездятся орлы’;

б) в настоящем времени: т. *Ашырат багымды ол авур тирликни онгярк экинчи джынслардан* (МК, 7, 33) ‘В моем саду он проводит тяжелую жизнь, отличающуюся от жизни других’; *Да бийик кёкляр йавдурадырлар чых* (рук. № 1, 9) ‘И высокие небеса сыплот росу’; *Турду, терк урюйт да йарым авазба ирлэйт...* (Ков. 115) ‘Она встала, ходит быстро и вполголоса поет’; *Ўбийчя кесят йандан кырыйын да багынат* (RO, V, 203) ‘Хозяйка сбоку отрезает край и смотрит’; *Бавурсахлары балкыйдырлар фил тиши кибик* (Шир. 5, 14) ‘Ее живот блестит как слоновая кость’;

в) в будущем времени: самая употребительная форма – *ар* в положительном и отрицательном аспектах: т. *А алтын болушмаст, йарлыгаиш келтирмаст, кутхармаст йаргуда келяси дунйада* (Ков. 69) ‘И золото не поможет, оно не принесет милости, не спасет на суде на том свете’; г. *Йетэрбиз Сирербиз тезрек атларымызны, тохтарбиз азрах йол тохтавларда да булай утарбиз тасэткен заманны* (КА. 1, 4) ‘Догоним! Погоним коней быстрее, будем мало останавливаться на дорогах и так наверстаем потерянное время’.

Глагольное сказуемое в желательном-сослагательном наклонении: т. *Нечик билмядим кайдан ол майа келди, алэй билмягеймин кейра ол барыр* (МК. 12, 56) ‘Как я не знал, откуда он пришел ко мне, так и не хочу знать, куда он пойдет’; *Келтиргяй эдим үвюня анамнын* ‘Я привела бы его в дом моей матери’; *Увряткяй эди мени* ‘Учил бы он меня’; *Ичиргяй эдим сайа* ‘Напоила бы я тебя’. Во всех примерах подлежащее отсутствует, поскольку при сказуемом имеется показатель лица.

Глагольное сказуемое в повелительном наклонении: употребительны как нулевая, так и форма на -гын: т. *Бу дунйанын уллулугун учтан учха тергя барын!* (МК. 1, 11) ‘Все величие этого мира ты исследуй с одного конца до другого!’; *Алты кюнляр ишлягин да*

кылгын бар ишийни (КО. 19) ‘Шесть дней работай и сделай все свои дела’.

Сложные глаголы, образованные различными способами, также участвуют в образовании глагольного сказуемого. Подобное сказуемое можно рассматривать как сложное или составное сказуемое лишь условно, поскольку сказуемое образуется от готовой формы сложного глагола, а не составляется заново по новым моделям, свойственным только сказуемому. Самый активный компонент сложного глагола – вспомогательный глагол *эт-*, который употребляется в различных формах: т. *Бунар таных этядляр дагы зерятляр* (0, 4) ‘Об этом свидетельствуют также кладбища’; *Арысланны бек тептяр этярсен* (Ко, 31) ‘Ты наголову разобьешь льва’; *Инамлы элчи сеп этядир джаньын* (ДК. 2, 1) ‘Верный посланник помогает его душе’; *Анын үчюн алгышлады тенри ол шаббат кюнню да айрыхсы этти аны* (Ко. 21) ‘Потому что бог благословил субботу и освятил ее’. Другие вспомогательные глаголы употребляются значительно реже: *Мен раша эсям – негя гэчликя захмет чегямин* (Ков. 9) ‘Если я грешник, то почему я напрасно мучаюсь’.

В пословицах и поговорках распространено выпадение глагольного сказуемого: г. *Луцкага ус артын, Деражняга йаймац артын* ‘В Луцк (иди) за умом, а в Деражня – за продуктами’.

Широко употребительно причастие в роли глагольного сказуемого; в основном, это форма на *-ган*: т. *Йапрачех ол куруган да барыба карарган* (0, 6) ‘Тот листочек совсем высохший и почерневший’; *Тынч алмах үчюн бу кюн берилган* (Ко. 27) ‘Этот день дан для отдыха’; *Сукланчы нерсяляр гам йеңгил этилган* (Ков. 82) ‘Он пренебрег и красивыми вещами’. По конструкции предложения с подобными сказуемыми напоминают славянские или русские.

Именное сказуемое

Именное сказуемое выражается именем существительным, именем прилагательным, местоимением и редко именем числительным. Простое именное сказуемое обычно выражается одним именем, а сложное – сочетанием имени с вспомогательным глаголом, который обычно показывает временной признак.

Имя существительное в роли сказуемого выступает в двух падежах – основном и местном:

а) в основном: т. *Йарых, терян кёзчюкляр – бу кючю достчамнын* (Ков. 70) ‘Светлые, глубокие глаза – вот сила моей подруги’; *Бары алар бек чебярляр, абайлы эл эликчиляр!* (Л) ‘Все они очень красивы – уважаемые люди – соблазнитель!’;

б) в местном падеже: т. *Орам үсню тавуңлар кючлю өчляриндя* (Ков. 66) ‘На улице – буря в сильном гневе своем’; *Пар фор сендя ахча эсийдя* (Ков. 122) ‘Всегда у тебя в мыслях деньги’. Эта форма возникла в результате выпадения вспомогательного глагола.

Имя прилагательное в роли сказуемого: т. *Йо, йо, биз барымыз услулар* – в данном примере происходит субстантивация прилагательного (Ков. 118) ‘Нет, нет, мы все умные’; *Йахшырах өз азрах, нечик кёп да йатнын* (Ков. 96) ‘Лучше немного своего, чем много чужого’; *Кергюзяйик, ки биз растрах андан* (Ков. 131) ‘Давайте мы покажем, что мы честнее его’; *Керяксиз тасэтмя ишанчны* (0, 9) ‘Не нужно терять надежду’; *Бизгя бунда ол таныгысыз да билювсюз* (0, 4) ‘Здесь нам он незнаком и мы его не знаем’. Здесь имя прилагательное выступает в форме сравнения. Широко употребительны в роли сказуемого имена прилагательные с лишительным аффиксом *-сыз*: г. *Биенц бу дунйада сув кибик куйувда: савутсуз ицмэс, да савут болунду* (посл.) ‘Радость в этом мире – что вода в колодце: не выпьешь без посуды, а посуда отделилась’.

Местоимение в роли сказуемого: т. *Мен сюваримнин да сюварим меним* (Шир. 6, 4) ‘Это – специфика караимского языка – притяжательное местоимение выражает сказуемое. ‘Я любимому моему принадлежу, а любимый мой – мне’. *А тюрсюню немит өзюня!* (Ков. 115) ‘А вид его ничего себе!’ – представляет собой калькирование из русского.

В приведенных примерах именные сказуемые выступают в чистом виде – в форме основного падежа или в форме местного падежа. Именное сказуемое может иметь при себе и дополнительные средства для выражения времени и лица.

Для выражения настоящего времени третьего лица более употребителен аффикс *-дур/-ду/-т* (*тур*), присоединяемый к именному сказуемому:

а) Сказуемое – существительное в форме на -дур: г. *Валэ бизни келэсимиз эз колумуздады* (МК. I) ‘Однако наше будущее в наших руках’; *Кеңэнин кенэсинэ битнин цаңцамағы – бир хорлукту* (посл.) ‘Совет ночи – что укус вши, одно мучение’;

б) Сказуемое – прилагательное в форме на -дур – более употребительно: т. *Кёрклюдур сарайы ходжа агалахнын, эшик текли уллу тержяляри анын (Магаз)* ‘Красив дворец богатого господина, его окна большие, как дверь’; *Боштур, бош йўрагим, инан тюгялчям!* (Ков. 63) ‘Пусто, пусто мое сердце, поверь, красавица моя!’, г. *Алар ацыктлар* ‘Они открыты’. Данная форма сказуемого-прилагательного чаще встречается в пословицах и поговорках: г. *Татувлуду йат этмэк да ийге бармайд* (посл.) ‘Вкусен чужой хлеб, но на здоровье не идет’. Обычно это – имена прилагательные с аффиксами -лы, -сыз со значением обладания или лишения указанного в производящей основе предмета: *Керексизди сокурға йолдузлар* ‘Слепому звезды не нужны’; *Татувлуду куру этмэк йас йылларда, йимсак – картлыкта* ‘Вкусен сухой хлеб в молодости, а мягкий – в старости’

Для оформления именного сказуемого в настоящем времени служит и связка *бар* ‘есть, имеется, существует’, которая большей частью употребляется с аффиксами первого и второго лиц: т. *Кёрям услу улан сен барсын да анлама барын сен клярсин, услу болурс бала!* (0, 34) ‘Я вижу, что ты умный мальчик и хочешь знать все, значит станешь еще умнее, ты, мальчик’.

Для выражения отрицательного именного сказуемого в настоящем времени употребляется приименная частица *тювюл не*, которая предшествует имени. При этом имя может быть существительным в основном падеже, иногда – с аффиксом принадлежности, именем прилагательным, как производным, так и непроизводным: т. *Тювюл сенин керягий майа* (Ков. 127) ‘Ты не нужна мне’; *Мен тювюл йаман* (Ков. 109) ‘Я не зла’; *Бу тювюл сизгя тийишли!* (Ков. 110) ‘Это не касается вас!’; *Бары, окром тювюл кодуи!* (Ков. 129) ‘Все, только не вы!’.

Для оформления именного сказуемого, выражающего прошедшее время, наиболее употребительна связка *эди* ‘был’, представляющая собой исторически форму прошедшего времени недостаточного глагола э- ‘быть’:

а) сказуемое – имя существительное: г. *Йел болуслу эди аларга* (КА. 1, 4) ‘Ветер был помощником им’; *Валэ бу йогэди ол каракцы Хан-араб – коркуву битин кырыйнын* (КА. 1, 8) ‘Однако это не был Хан-араб – страх всего края’; т. *Кляги йырчымызнын эди алэй өзю акыл* (0, 21) ‘Мысль нашего поэта была та же’; *Барындан йетти эди конах абайлавчу үбийлярдя* (0, 13) ‘Всего было достаточно у гостеприимных хозяев’; *Ханна... эди бу ишимдя тири кенячибья аз тювюл учурларда* (М., 3) ‘Ханна была в этом труде живым советчиком во многих случаях’.

б) Сказуемое – имя прилагательное: т. *Керти, жыла эди аврувба* (0, 34) ‘Правда, жила была больной’. В этом примере прилагательное *аврув* стоит в инструментальном падеже, что напоминает употребление его русского эквивалента в творительном падеже. *Керти, ки "официалны" бав эди биздян тювюл тийишли, эксиклиги сартын базыхнын* (0, 4) ‘Правда, "официально" союз не был подчинен нам из-за отсутствия мира’. Прилагательное с аффиксом *-рах*: *Эди ол киши ол сыйлырах бар элиндян Кедемнин* (Ков. 1) ‘И был тот человек самым уважаемым среди всех людей Кедема’; *Ководу айув эди өзю уңду-уңду, базых, калын авазба* (0, 33) ‘Господин медведь сам был большой-большой, с грубым густым голосом’. Во всех предыдущих примерах *эди* предшествует прилагательному, иногда отдаляясь от него включенными в словосочетание словом или несколькими словами. В следующих примерах соблюдается правильный порядок: г. *Улду эди Луцка, гали келэд уцка* (погов.) ‘Большой был город Луцк, теперь идет он к концу’; *Йахшырах эдиляр кыранлары кылычнын кыранларындан ачлыхнын* ‘Уничтожение мечом было лучше, чем уничтожение голодом’.

в) Сказуемое – причастие: т. *1916 кюзюн эди кабулэткиян Мидраш газзанимга Гёзлевдя* (0, 16) ‘В 1916 году он был принят в духовное училище в Гезлеве (Евпатории)’.

Недостаточный глагол *э-* в форме *эди* может в определенных случаях выступать самостоятельным сказуемым, сохраняя первоначальную глагольную семантику: г. *Эдин анда?* (КА. 3, 3) ‘Ты был там?’; *Араларында аларнын эди бир карай* (ДК. 2, 11) ‘Среди них был один караим’; *Бу эди сыйлы Трох шагарда* (МК. 2, 27) ‘Это было в уважаемом городе Троки’.

Для оформления именного сказуемого употребляется также вспомогательный глагол *бол-* 'быть'. Практически он при именном сказуемом употребляется почти во всех наклонениях и временах, придавая соответствующее значение именному сказуемому:

В прошедшем времени изъявительного наклонения: т. *Мен болдум акылсыз уңлу джан аврувларда* (МК, 3, 22) 'Я был глупым во время сильных душевных переживаний'; *Джыматы улусумнун шевагатсызрах болду* (РО. X, 169) 'Община моего народа стала немилостивой'; *Бунун үчюн болду сызлавду йүрягимиз* (РО X, 172) 'Из-за этого у нас щемило сердце'

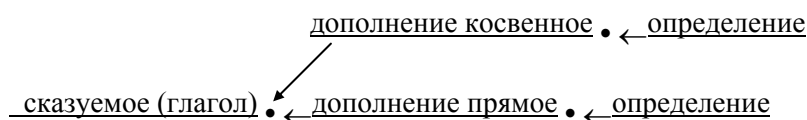
В форме желательно-сослагательного наклонения: т. *Махтавлу болгэй беслявчюмюз махтавлу болгэй тойдурувчумуз, махтавлу болгэй ичирювчюмюз* (Ко, 15) 'Пусть прославится наш кормилец, пусть прославится тот, кто нас насыщает, пусть прославится тот, кто нас поит'.

Дополнение

Дополнение – второстепенный самостоятельный член предложения, указывающий объект, на который непосредственно (прямо) или через посредство (косвенно) падает действие, выраженное глагольным сказуемым. Из сказанного вытекает, что дополнение является элементом предложения, подчиненным сказуемому. При этом необходимо отметить, что дополнение подчиняется не всякому сказуемому, а подчиняется глагольному сказуемому или именному сказуемому, образованному от глагола. Дополнение связывается со сказуемым способом управления и примыкания, оно выступает в роли управляемого члена предложения, а сказуемое – в роли управляющего члена, от значения и формы которого в основном зависит форма падежа дополнения. В функции дополнения в предложении выступают имена в форме всех падежей кроме родительного. В зависимости от взаимоотношения управляющего глагола-сказуемого или другого члена предложения с дополнением и семантики имени-дополнения можно выделить два типа дополнений: 1) прямое дополнение; 2) косвенное дополнение. Дополнение при себе может иметь примыкающее или управляемое определение.

Непосредственное взаимоотношение дополнения с другими

членами предложения можно видеть из следующей схемы:

Таким образом, дополнение, будучи подчиненным сказуемому, в свою очередь подчиняет себе определение и служит как бы связующим звеном между глагольным, сказуемым и определением, т.е. оно имеет непосредственную связь с этими двумя членами предложения.

Прямое дополнение

«Прямое дополнение обозначает такой объект, на который распространяется действие, выраженное глаголом. В зависимости от конкретного значения того члена предложения, который поясняется дополнением, и самого дополнения, последнее может иметь различные оттенки значения: объект может являться результатом действия, или подвергаться действию, вызывающему в нем какие-либо изменения, или подвергаться действию, вызывающему в нем какие-либо изменения, или подвергаться действию, не претерпевая при этом никаких изменений»⁴³. Прямое дополнение в караимском языке выражается именами в двух падежных формах: винительного, являющегося главной формой выражения прямого дополнения, и основного.

Прямое дополнение, выраженное именем в винительном падеже, обозначает определенный, конкретный предмет, при этом категория определенности часто передается указательным местоимением. Оно может употребляться в предложении контактно или дистантно в отношении к управляющему глаголу: т. *Йангы Йылба, раст сагышба чыгардых бу битикни, ки бернялямя йазышба уңлуну да кичини* (0, 1) 'С новым Годом, правдивой мыслью мы выпустили эту книгу, чтобы и старшим и младшим подарить новые произведения'. Широко распространен «обратный» порядок расположения

⁴³ Грамматика русского языка, с. 661.

прямого дополнения в отношении к управляющему глаголу: *Бияндирди үстюйя душманны* (RO. X, 164) ‘Он дал возможность твоим врагам радоваться’; г. *Арыт гуфну сувба, дзанны – мицваба* (посл.) ‘Очищай тело свое водой, а душу – добрыми делами’. Более архаичный «прямой» порядок расположения компонентов менее употребительно. *Нецик кус эз кици халсыз балаларын утуру кийикке каплайд канатларыба...* (МК. 2, 26) ‘Подобно тому, как птица своими крыльями защищает своих маленьких и слабых детенышей от зверей’...; *А йана мен кодуйну сагындым!* (Ков. 112) ‘А, только что я вспомнил вас!’.

Прямое дополнение, выраженное именем в основном падеже, имеет неопределенное, обобщенное значение. Как правило, прямое дополнение непосредственно (контактно) примыкает к глаголу: т. *Керяк гадирлямя сметанка, сют да йымыртха* (RO, V, 202) ‘Нужно приготовить сметану, молоко и яйцо’; *Самовар тургуздулар да гарбата ичтиляр* (Ков. 74) ‘Они поставили самовар и пили чай’. В редких случаях прямое дополнение, выраженное именем в основном падеже, непосредственно не примыкает к глагольному сказуемому или другому члену. Тогда обычно имеется «обратный» порядок расположения компонентов, глагольное сказуемое стоит рядом с подлежащим, которое имеет при себе определение, напоминающее определенный артикль – указательное местоимение *ол*: т. *Да агыздырырлар ол тавлар кызыл вина* ‘И те горы льют красное вино’. В этом примере, представляющем собой перевод текста из Библии с древнееврейского языка, заметно влияние языка оригинала.

Сочетание прямого дополнения в основном падеже с глаголом в ряде случаев напоминает аналитическое словообразование; в таких случаях прямое дополнение семантически теснее связано с глаголом: т. *Сиз өзююз ниндий файда келтирдийиз?* (М., 13) ‘Вы сами какую пользу принесли?’; *Достчам! Йахиши тюш тюшляндим: ки куйаши кючлю йарытат, ки сырын кёкнюн таныдым, ки малах үсттян багынат* (Ков. 58) ‘Подруга моя! Я видел хороший сон: солнце ярко сияет, я узнал тайны неба, ангел с неба смотрит на меня’. В этих примерах словосочетания *файда келтир-* ‘приносить пользу’, *тюш тюшлян-* ‘видеть сон’ напоминают лексикализованный

ные аналитические формы глаголов, образованных от сочетания имени и глагола – составные глаголы.

Косвенное дополнение

Косвенное дополнение выражает название предмета, на которое действие управляющего глагола не распространяется непосредственно. Косвенное дополнение в караимском языке выражается формами имен в инструментальном, дательном-направительном, местном и исходном падежах.

Косвенное дополнение в инструментальном падеже выражает орудие или предмет, совместно с которым совершает действие другой предмет и т.д. Выражение состояния предмета, лица: т. *Софексиз ушбу сибба астрыда эди музгул сюрюнчякба умма ишимиздя да тирлигимиздя* (0, 4) ‘Несомненно, эта причина была весьма горестным препятствием в наших общественных делах и общественной жизни’ *Бар агалыкыклары Ратмир ханнын турдулар кюнлюк ишчилярба* (0, 10) ‘Все начальники Ратмир хана стали слугами’. Отношение: *Малахба, тенриба болгун сен майа, сен астры арув болма йолдашымба...* (Ков. 57) ‘Ангелом, богом будь ты для меня, чтобы ты стала моей искренней подругой...’. Инструмент действия: *Фалеги вахт алад бир сёзба: Ёрятювчю салмаст хор кёзба...* (0, 34) ‘Теперь берут только словами: Учитель не смотрит злыми глазами’; г. *Сэндир отну сувба, йаманлыкны – достлукба* (посл.) ‘Гаси огонь водой, а зло – дружбой’. Совместность бытия, действия: *Арсланба арслан бол, козуба – козу, эсекбэ эсек болмагын* (посл.) ‘Со львом будь как лев, с ягненком – как ягненок, но с ослом не будь ослом’. В ряде семантики и форм данного вида дополнения чувствуется славянское языковое влияние.

Косвенное дополнение в дательном-направительном падеже выражает направление, обращение слов и действий: т. *Барларына: картха, йаиша ашкарт клякни чебяр* (0, 5) ‘До всех: и старых и молодых доведи прекрасное желание’; *Фар биргя анлавлу болгэйлар иш йолларымыз да беянчимиз* (0 1, 5) ‘Чтобы каждому были понятны наши дела и мысли’; *Шемя ушбу сормах кёпсюляриня кёрюнюр кюлткюлюбя?* (0, 4) ‘Может быть этот вопрос многим кажется смешным?’; *Биз бек сювябиз өз тувмуш йеримизни, ки*

тасэтмя аны алэй, нечик сиз буну кылдыйыз – карув бердиляр элчилярэ сыртлылар (0, 11) ‘Мы очень любим свою родину, чтобы уничтожить ее так, как вы это сделали, – ответили послам северяне’. Иногда этот вид дополнения выражает и место действия, что является функцией местного падежа: *Обят эрин манлайына да олтурат* (Ков. 121), ‘Она целует мужа в лоб и садится’.

Косвенное дополнение в местном падеже выражает различные пространственные значения в (у, на, над, под) предмете, явлении, в понятиях: *Да муна не абранды эсиндя карты дунйанын ол сифляриндян Шемул Фаханнын* (0, 10) ‘И вот что сохранилось в памяти старых людей о тех листках Гахана Шемуэля’; *Бу өзю йырларда, арув кюзюдя киби, кёрюнд тирлиги йырчынын да анын урувунун бар увахлыгында* (0, 17) ‘В этих стихах словно в чистом зеркале видна жизнь поэта и его семьи во всех деталях’; *Бийик йесиляри йуклатхан гёрлярдя, а ол турад гануз тири* (0, 33) ‘Высокие властелины уже спят в могилах, а он стоит еще живой’. У человека: т. *Йалгызда да бард йувуклары – вереттэ* (посл.) ‘И у одинокого есть близкие – в могиле’. В процессе: г. *Да алай сатыр сезлемектэ асты тивил бир сагат* (КА I, 4-5) ‘И так в веселом разговоре прошел не один час’. Имя со служебным именем в местном падеже, выражая более абстрагированное пространство, сближается с обстоятельством места: т. *Башы урувунун ортядян йатат тюбюндя арабанын* (0, 14) ‘Глава семьи с раннего утра лежит под телегой’.

Косвенное дополнение в исходном падеже выражает исходный пункт в широком контексте. Общее, которому принадлежит часть: т. *Кёптюр карайлардан учту кылыч итисиндян козакларнын* (0, 11, 13) ‘Многие из караимов погибли от лезвия меча казаков’. Исходный материал предмета: *Бу «кум» гадирлянят чиригян агачтан да агач йапрагындан* (RO, V, 212) ‘Этот «песок» готовится из гнилого дерева и листьев дерева’. Исходную причину действия: *Биянчтян бары толду* (Ков. 97) ‘Все наполнилось радостью’. Исходный пункт действия, процесса: *Уланчэх беш йашар сорад агарах тувдугундан...* (ДК. 2, 16) ‘Пятилетний мальчик спросил своего старшего брата’; г. *Карт дусмандан йангы дост болмаст* (посл.) ‘Из старого врага не выйдет новый друг’.

Определение

Определение – второстепенный член предложения, выражающий различные признаки именных членов предложения, в основном: подлежащего, дополнения и именного сказуемого. Из этого вытекает, что определение является подчиненным в отношении указанных членов предложения. Определение в предложении выражается именными частями речи: именем существительным, прилагательным, числительным, местоимением, а также причастием – неличной формой глагола. Основным способом связи определения с другими – господствующими в отношении к нему членами предложения – примыкание. Лишь один тип определения связывается с господствующим членом предложения посредством управления – определение, выраженное субстантивным именем в родительном падеже. В связи с тем, что в караимском языке некоторые виды определений могут находиться в отношении к определяемому как в препозиции, так и в постпозиции, иногда трудно установить, к какому слову относится данное определение – к имени или к глаголу. Это явление ведет к усилению процесса адвербиализации прилагательных. В предложении определяемое имя может подчинить себе как одно определение, так и несколько определений, по разному характеризующих признаки определяемого.

Категория определения в предложении по своей функции, отношению к другим членам предложения и значению в отличие от других членов предложения, имеет свои специфические черты. В составе простого предложения теоретически групп определений может быть столько, сколько именных членов предложения, а самих определений больше, так как каждый из именных членов предложения может иметь по несколько определений.

Непосредственное отношение определения к другим членам предложения можно проиллюстрировать следующей схемой:

<u>подлежащее</u>	• ← <u>определение</u>
<u>сказуемое (именное)</u>	• ← <u>определение</u>
<u>дополнение</u>	• ← <u>определение</u>
<u>обстоятельство (именное)</u>	• ← <u>определение</u>

Из схемы видно, что определение связывается с другими членами – только односторонне – в роли подчиненного элемента и не может быть главным элементом в сочетании членов предложения. Это одно из характерных отличий определения от других членов предложения. Вместе с тем само определение в некоторых случаях может иметь свое ему подчиненное определение и таким образом выступать в роли определяемого. Таким образом, если подлежащее является единственным независимым членом предложения, то определение – единственным членом, который не может выступать независимым членом.

Определение, выраженное именем в родительном падеже – при этом, как правило, определяемое имеет при себе аффикс принадлежности. В роли такого определения могут выступать и личные местоимения: т. *Менмин чейнавлары аларнын* (RO, X, 168) ‘Я являюсь объектом их насмешек’; – *Ким йатты меним тёшигимдя?* – *Ким йатты менимки тёшияктя?* (0, 35) ‘Кто лежал на моей постели? – Кто лежал на моей постели?’. В последнем примере происходит трансформация имени в родительном падеже в имя прилагательное, и соответственно определяемое лишается аффикса принадлежности.

Определение – имя прилагательное, как непроизводное, так и производное – наиболее распространенный тип: т. *Өзгя де йоралар да машаллар...* (0, 3) ‘Другие же повести и рассказы...’; определение имеет два определяемых имени: *Тирлик болмыд кайгысыз* (ДК. 2, 6) ‘Жизнь не бывает без забот’.

Определение – имя с сравнительными послелогом *кибик* и «предлогами» *хаз*, *мёрё* ‘подобно’. Которые функционируют в качестве аналитических деривационных элементов, присоединясь к именам: т. *Кёрюмю Леваноннун кибик* (Шир. 5, 15) ‘Его вид подобен Ливану’. Самый употребительный элемент *хаз*: *Хаз бёрк башы үсню*

инанмавчуларнын (0, 8) ‘Словно шапка на голове неверующих’. Между компонентами может включиться другие слова, словосочетания: г. *Дзаны анн, кара да куру, хаз илдырымба кивдирген агацы орманнын, басларэд йасарма* (КА. I, 8) ‘Его душа, черная и высохшая, как сожженное молнией дерево леса, начинала зеленеть’. Компонентом может выступать и словосочетание: *Бол ак хаз кар, битисли хаз йамгур, сатыр хаз кини шавотнун* (посл.) ‘Будь белой как снег, щедрой как дождь, веселой как день праздника Шавот’; *Бол хаз талкы: бир фор аса, битин, йил синирт* (погов.). ‘Будь как талкы: один раз откуси, целый год переваривай’. Реже употребляется *мёрё*: т. *Бахурлар мёрё тал чыбыхлар* (МК. 2, 27) ‘Парни стройны и гибки как ивовые прутья’.

Определение – причастие, из причастных форм наиболее употребительным в функции определения является форма на *-ган*. Причастие непосредственно примыкает к определяемому: т. *Биз туююл бунди катхан джанлылар мёрё үбий* (Ков. 131) ‘Мы не такие черствые (досл. ‘с зачерствевшей душой’), как хозяин’; *Секирди тёияктян ачхан тержягя* (0, 35) ‘Она прыгнула с постели в открытое окно’; г. *Тискен йолдуз кегизини издэйд* (МК. 12, 107) ‘Упавшая звезда ищет небо’. Причастие может, выступать в отрицательном и других аспектах: *Йетилмэген йемисни асама, тигетмэген исни хорлама* (посл.) ‘Не ешь незрелый плод, не осуждай незаконченное дело’.

Между определением, выраженным причастием на *-ган*, и именным определяемым возможно присутствие усилительной частицы *да* ‘же, ведь’: т. *Аихан да илны нечик салдым басагадан бир мискинни* (Ков. 124) ‘В прошлом же году я выгнала за порог одного несчастного’; *Аихан да кюнню алдый эгирми фролу* (Ков. 128) ‘Вчера же (досл. ‘в прошлый же день’) ты получил двадцать фролей’. Реже употребляются в роли определения другие причастные формы: *-догон*: т. *Йашыртын тёгярэдляр сувун шайтан чогагахнын барын йутадогон кумга* (0, 11) ‘Они тайком выливали воду Чертова источника на всепоглощающий песок’; *Ирладым анар сюварлигимни йанадогон сёзюмбя* (Ков. 65) ‘Я спел ей свою любовь пламенными (досл. ‘горящими’) словами’; *-увчу*: *Болур кюзгю орнуна кёргюзювчю бар йанларын тирлигимизнин* (ДК. 2, 1) ‘Он будет зеркалом, показывающим все стороны нашей жизни’.

Употребление нескольких определений при одном определяемом: часто каждое из подобных определений выражается отдельным типом определений, например, одно из определений – имя в родительном падеже, другое – имя прилагательное; одно определение – имя прилагательное, другое – имя существительное; одно определение – указательное местоимение, а другое – имя прилагательное и т.д.: т. *Бизнин де кичи улусумузну...* (0, 3) ‘И нашу маленькую национальность...’; *Карт пешатлары Кырым карайларнын* (0, 2) ‘Старые переводы крымских караимов...’ *Алэй кайтты өмюрлюк үвюня бизнин абайлы үврятювчюмюз ол тир киши* (МК 6, 46) ‘Так вернулся в свой вечный дом уважаемый наш учитель, святой человек’. Как видно из примеров, определение, выраженное прилагательным, часто включается между компонентами изафетного сочетания. Определение, выраженное указательным местоимением, предшествует определению-прилагательному: *Тюзюдюм бу кысха колтхамны* (Ков. 3) ‘Я составил эту свою краткую молитву’; *Да бунда нахышлы упрахларда кёргюзюндю Паваларда* (М 5) ‘И в такой красивой одежде показала она павлином’.

Однородные определения выражаются, как правило, именами прилагательными, а чаще – синонимичными в каком-то значении. Другие части речи не выступают в роли однородных прилагательных: т. *Бир айлы да кёрклю кечядя* (МК. 2, 27) ‘В один из лунных и прекрасных ночей’; *Сювюмлю да кёрклю бахчаларында...* (0, 2) ‘В любимых и прекрасных своих садах’.

Развернутое определение состоит из нескольких слов, образующих особую конструкцию, подобную конструкции причастных оборотов или придаточного предложения: *Ол багда, кайсында өстюрдюм чечягин да илкин джанымнын* (0, 2) ‘В том саду, где я растил цветы моей души’.

Обстоятельство

Обстоятельство – один из второстепенных членов предложения, выражающий различные признаки действия: образ действия, время действия, место действия, степень действия и т.д. Из этой семантической особенности обстоятельства вытекают и грамматические особенности обстоятельств: они выступают в предложении подчиненным элементом к глаголу, с которым связываются способами примыкания и управления, что зависит от того, какой частью речи выражено обстоятельство. В роли обстоятельства может выступать любая часть речи, способная выражать признак действия или признак признака. Некоторые виды обстоятельства, например, обстоятельства места, слабо дифференцированы грамматически и семантически от косвенных дополнений и представляют собой промежуточную категорию между обстоятельством и дополнением.

Непосредственное отношение обстоятельства к другим членам предложения можно видеть из следующей схемы:

сказуемое • ← обстоятельство • ← определение

Из этой схемы явствует, что обстоятельство непосредственно связано только со сказуемым, которому оно подчиняется. Лишь некоторые виды обстоятельств, выраженных именами, могут подчинить себе определение.

Обстоятельство времени

Обстоятельство времени представляет собой обширную группу и выражается в предложении:

1) Именам существительным со значением времени в различных падежных формах.

В винительном – это специфика караимского языка: т. *Ушту кечяни алэй кабуллух бергин майа* (рук. I) ‘Этим вечером исполни мою просьбу’.

В инструментальном: значение соответствует русскому творительному падежу: т. *Бу вахтба айувлар кайттылар ўвгя да кирдиляр аишанага* (0, 34) ‘Тем временем медведи вернулись домой’.

и вошли в столовую’.

В дательно-направительном обстоятельстве выражает конечный пункт действия: т. *Кечяликкя йарыгында йарчыхнын туйулурэди окром эринчяк урмагы кашухларнын кырыларына тепсилярнин* (0, 13) ‘Ночью при свете лучины только слышны были ленивые постукивания ложками о край мисок. В данном случае, значение имени в этом падеже сближается со значением имени в местном падеже. Более употребительны в роли обстоятельства имена существительные со значением времени и его отрезка в местном и исходном падежах.

В местном обстоятельстве выражает момент, отрезок времени, когда происходит действие и состояние: т. *Ата аш вахтында сорад уланчэгындан* (ДК. 2. 15) ‘Отец во время обеда спросил своего сына’; *Биз тирилябиз эгирминчи йүз йыллыхта* (0, 5) ‘Мы живем в двадцатом веке’; *Сагынмады орнун буйрухларынын ачув вахтында* (РО. X, 161) ‘Во время гнева он не помнил о месте своего приказа’; г. *Кулнун тирлиги кыскады – йиц кин афтасында* (погов.) ‘Жизнь раба коротка – на три дня в неделю’.

В исходном падеже обстоятельство выражает начало, исходный момент действия: т. *Мен эртядян, Полкан, толу бу кайгыдан* (М, 10) ‘Полкан, я издавна полон этого горя’; *Авалдагы заманлардан кетмит* ‘С давних времен он не отходит’; *Чыныхтым йаш кюнлярдян* (ДК. 2, 10) ‘С детства я привык’; г. *Бу кинни эртенбыладан Карай орамында басланды уллу цув да козгалмк* (КА, 3, 4) ‘В этот день с утра на Караимской улице начался большой шум и движение’.

2) Именем существительным со значением времени в сочетании с послелогом, при этом форму падежа определяет соответствующий послелог: *Артхары* ‘назад’ управляет исходным падежом: *Йүз йыл бундан артхары* (КА, 1, 10) ‘Сто лет тому назад’; *Нечик йазды энли йыл бундан артхары бийимиз П. Малецкий...* (0, 2) ‘Как писал пятьдесят лет назад П. Малецкий...’; *Дейин* ‘до’ управляет дательно-направительным падежом: *Анлэйбыз, ки бу сормахлар астры тювюл йувашлар туйунчха, тек бу вахтка дейин биз туймадых өзюмюз үсню, ки бардыр Карай Ортагы* (0,4) ‘Мы понимаем, что эти вопросы не очень приятны для восприятия, но до сих пор мы на себе не почувствовали, что существует «Караимский Союз»’. *Ашыра* ‘через’ сочетается с именем в основном падеже: *Беш йүз йыл ашыра...*

Кырым йери болмады бундагы карайлар учюн гариб гэм йат (КА 1, 10) 'Через пятьсот лет Крымская земля не стала чужой для здешних караимов'.

3) Именем существительным без значения времени: с после-
легом *сон* 'после', управляющем исходным падежом: т. *Пар ишни
йүбийдян сон экиляр эди* (ДК, 2, 11) 'Она повторяла после хозяина
каждое его дело'; *Нектуры үбийчяляр беслэйдляр мёрё уңлу иштян
сон* (RO, V, 203) 'Некоторые хозяйки кормят как после большой ра-
боты'.

4) Наречием времени, как непроизводным, так и производным:
т. *Богюн йатырэд окром бир кагытчек* (ДК, 2, 10) 'Сегодня лежала
лишь одна бумажка'; *Анчэх гале... чечяклянят анда ашлых...* (0. 1,
22) 'Однако теперь там цветет розь'; *Софрах бу эки сёзлю индяв
«бене Микра» эди кысхартхан да кылынды «кара» гэм «караим»* (0.
1, 7) 'Позже это название, состоящее из двух слов, было сокращено
и сделалось «кара» и «караим»; *Биз бу вахтлэй бияняйик* (С. 77, 10)
'Мы в это время будем же радоваться'; *Тюнягюн-йарыхлых, да
бюгюн – карангы* 'Вчера – свет, а сегодня – темнота'.

5) Местоимением-наречием, образованным присоединением к
вопросительному местоимению *качан?* 'когда', имеющему также
значение относительного, частиц или других служебных элементов
т. *Сых орманда, агач үвдя, качан-эс болдулар үч айув* (0, 33) 'В дре-
мучем лесу, в деревянном доме когда-то жили три медведя'; *Кю-
сянчлярия урякнин качанда-колек кайтырсыз, достлар* (Ков. 61)
'Друзья, когда-нибудь ваше сердце затоскует'; *Качанда-колек
кёрюшюбиз достчам* (Ков. 59) 'Когда-нибудь мы увидимся, подруга
моя'.

6) Глаголом в форме условного наклонения, которая также
выражает значение времени: т. *Вале сагынсам асхан кюнлярни...*
(RO, III, 231) 'Но когда я вспоминаю прошедшие дни...'; *Багынса
үстюмя кайырадыр бойнун* (RO. III, 235) 'Когда он смотрит на
меня, поворачивает шею'.

Обстоятельство места

Обстоятельство места представляет собой пространственный
конкретизатор действия и выражается, в основном, наречием и

местоименным наречием:

1) Обстоятельство – наречие: указательное наречие: т. *Олтур кодуй булэй* (Ков. 119) ‘Вы садитесь сюда и сделайте руку так’. Наречия места: *Бары бу калад йырах, йырах артта* (0, 14) ‘Все это остается далеко-далеко позади’. Эти наречия иногда принимают сравнительный аффикс *-рах*: *Ол аны сюрядир ирахрах* (М., 19) ‘Он ведет его дальше...’; *Куйаи та йувухрах да кышлыхка турдух биз йувухрах* (М, 13) ‘И солнце стало ближе, и мы стали ближе к зиме’. Наречия направления: *Кайтарды артхары он колун* (RO, X, 162) ‘Он повернул назад правую руку’; *Да кайтты кеярги* (RO, X, 159) ‘И он вернулся назад’.

2) Обстоятельство – местоимение: обычно это формы пространственных падежей указательных местоимений: т. *Да бунда Алтынка ойанды* (0, 35) ‘И тут Алтынка проснулась’; *Да башландымо бундан кечя, учсуз кечяси этол дунйанын* (0, 24) ‘И началась ли отсюда ночь, бесконечная ночь того мира’. В этих примерах – значение пространства как бы сливается со значением времени. В редких случаях в роли обстоятельства места употребляется имя существительное, служебное имя с пространственным значением в пространственных падежах: т. *Йохт он йанымдан киплявчюм, сон йанымдан йубатувчум* (RO. III, 240) ‘И нет у меня слева опоры, а справа – утешителя’.

Обстоятельство образа действия

Обстоятельство образа действия обозначает способ, манеру, вид действия, и выражается почти всеми именными частями речи:

1) Наречием, как неизменяемым, так и производным – это наиболее распространенный способ выражения обстоятельства образа действия. Внезапность действия: т. *Бу кылынад кеп-кенетя эгирминчи кюнюндя тогузунчу айнын 1923-йылда* (0, 19) ‘Это происходит внезапно, двадцатого числа девятого месяца 1923 года’; *Фордан Медад алджады, битиклярни ташлады* (0, 6) ‘Сразу Медад с ума сошел, бросил книги’; *Алыштылар йана орунларын* (М. 8) ‘Они снова поменялись местами’; *Утуру кёрюндир сёзюм* ‘Мои слова кажутся противными’; *Да муфтха клярэдим тынч этмя нафстымны* (0, 33) ‘И зря я старался успокоить свою страсть’.

Сравнение: *Иалынлэй да отлэй айланды* (МК. 2, 27) ‘Он крутился как пламя, как огонь’; *Булэй академик Самойлович йазад* (0, 25) ‘Так пишет академик Самойлович’; *Кырымда карындашларымыз сёзляйдлар татарча* (0, 2) ‘В Крыму наши братья говорят по-татарски’.

2) Адвербиализованным именем прилагательным, как непроизводным, так и производным, а также в форме сравнительной степени. Обычно это обстоятельства усиления, интенсивности действия: т. *Терк балкырлар йулдузчохлар* (МК. 1, 12) ‘Сразу засверкают звездочки’; *Карайнын адын бек абайлэйм бар урягимбя* (0, 32) ‘Я всем сердцем очень уважаю имя караима’; *Кашухларны йырах салгалэйд кодуча кючлю ачувундан* (0, 7) ‘Госпожа, рассердившись, далеко выкидывает ложки’. Производное прилагательное: *Эгер блинляр ишлямя, сансыз моет ашама* ‘Если сделать блины, он может есть несчетное количество’; *Ол муна йохт. Игит йырчи вахтсыз тапты учун ачы* (0, 15) ‘Его вот нет. Молодой поэт безвременно нашел горький конец свой’. С формой на *-рах*: *Йахишрах сен ирлагын инчя авазыйба* (Д, 8) ‘Ты спой лучше своими тонким голосом’.

3) Именем существительным в инструментальном падеже, которое соответствует русским наречиям образа действия: т. *Кысат инлярибья да ачувба багынат “ри усню* (Ков. 110) ‘Она пожимает плечами и сердито смотрит на мужа’; *Акылсыз ийын алэй озю чагырды авазба* (0, 11) ‘Безумная толпа также громко закричала’; *Олтурад-лар столга бютюн урувларыба* (RO, V, 204) ‘Всеи семьей садятся за стол’; *Акыртынлыхба сайла достларыйны* (М, 22) ‘Осторожно выбирай своих друзей’; г. *Басласан исни хавербэ, тигетэрс хавербэ* (посл.) ‘Если дело начнешь с компаньоном, закончишь его с неприятностями’.

4) Деепричастием: т. *Фордан ходжаланып кайтты Магаз ўвга (Магаз)* ‘Сразу, разбогатевши, вернулся Магаз домой’; *Нетекли болуш шырагы рашаларнын сёнар* ‘Как-нибудь погаснет светило грешников’.

5) Именем числительным: т. *Да батадлар биряри толгунунда гёлнюн* (Д, 7) ‘И тонут по одному в волнах озера’; *А мен... мёрё оксюз бирдян бир олтурам* (М, 14) ‘А я как сирота сажу один-одинешенек’.

б) Именем существительным в сочетании с универсальным послелогом *кибик* ‘подобно, словно’. При этом имя существительное может принимать ряд падежных форм: а) имя существительное в основном падеже: т. *Курду йайын душман кибик* (ф, X, 162) ‘Он направил свой лук подобно врагу’; *Болду адонай душман кибик, чейпады Израелни* (RO, X, 162) ‘Стал господь словно врагом, уничтожил он Израиль’; *Геряб кибик кесядир сувларны* (МК 1, 11) ‘Подобно кораблю он режет воду’; б) наиболее употребительно имя существительное в винительном падеже: т. *Тёктю отну кибик ачувун* (RO, X, 162) ‘Он разбрасывал свой гнев как огонь’; *Сакла мени кёзню кибик да йашыр кёлягяйдя гормятийбя, капдавчум* (Ко, 7) ‘Береги меня как глаз и осени меня своей милостью, спаситель мой!’; *Тёккюн сувну кибик ўрягийни* (RO, X, 164) ‘Раздавай свою сердечную щедроту как воду’; *Карангылыхларда олтургузду мени ёлюлярин кибик дунйанын* (RO, X, 165) ‘Он посадил меня в темноту, словно мертвецов мира’; в) имя существительное в местном падеже: т. *Бу ёзю йырларда арув кюзгюдя кибик кёрюнд тирлиги йырчынын да анын урувунун бар увахлыгында* (0, 17) ‘В этих стихах как в ясном зеркале видна жизнь поэта и его семьи во всех деталях’.

7) Именем существительным в сочетании с синонимичным (предыдущим) послелогом *кыйаса* ‘словно, подобно’: т. *Ки гар сёзюм кыйаса уланлар тувду авур ишанчларда* (МК, 1, 13) ‘Что каждое мое слово подобно детям родилось в тяжелых муках надежды’.

Обстоятельство причины

Обстоятельство причины выражает причину совершения действия, обозначенного в сказуемом. В роли обстоятельства времени выступают: а) имя существительное в основном падеже в сочетании с послелогом т. *ўчюн* / г. *ицин* ‘за, из-за’: т. *Кючюмюз уллу тювиюл азлыгымыз ўчюн* (0, 1, 4) ‘У нас немного сил из-за того, что нас мало’. Указательные местоимения – в форме родительного падежа: *Бунун ўчюн бийим бийчябя экевян, йеткилянип бир казба, болурсуз ўчевлян (Магъаз)* ‘Поэтому господин с госпожой вдвоем, получив одного гуся станете трое’; г. *Иврэнмэк кулаklar сарын*

кирэд, анын ицин кызылдар (посл.) ‘Наука входит в голову через уши, поэтому они красны’; б) имя существительное, обычно производное на *-лык*, в исходном падеже: т. *Сыных да йуваш ол кичилигиндян* (МК, 7, 33) ‘Он грустен и смирен из-за того, что маленький’; *Кара тенгизбя мен кетям, Темир йолнун йохлуғундан* (Ков. 86) ‘Я поеду через Черное море, поскольку нет железной дороги’. обстоятельство причины выражается также указательным местоимением в исходном падеже. г. *Тирликтэ тирли ууралад, бундан тирликбэ аталад* (посл.) ‘В жизни разное встречается, поэтому она и жизнью называется’.

Обстоятельство меры и степени

Обстоятельство меры и степени выражается: а) полнотой меры, максимальной степенью: местоимением *бютюн* ‘целиком, полностью, все’ + имя существительное в исходном падеже: т. *Кучту эрин бютюн джанындан, фордан эксиде обюштюляр* (0, 7) ‘Она от всей души обняла своего мужа, и сразу оба поцеловались’; *Кычырад бютюн тамагындан* (0, 7) ‘Он кричит во все горло’; б) местоимением *бютюн* + имя существительное в инструментальном падеже: т. *Тан вахтында балкувлу игитлигимнин бютюн джанба сювар эдим тюгялчягни* (Ков. 58) ‘В утреннем сиянии моей молодости я всей душой любил мою красавицу’; *Динийизни киплятийиз бютюн астырылгызба* (Ков. 56) ‘Укрепляйте свою веру всеми своими возможностями’. Таким образом в этом словосочетании исходный и инструментальный падежи выступают как синонимы. Употребление инструментального падежа отражает более позднее явление, связанное с влиянием славянских языков; в) местоимением *бар* ‘все’ + имя существительное в исходном падеже: *Ўврян сювмя йўрагийдян, сюв дунйаны бар клягийдян* (Ков. 60) ‘Учись любить сердцем, люби людей всем желанием своим’; г) усилительным наречием + прилагательное, наречие аналитической формы превосходной степени этих частей речи: это – наиболее распространенный способ: т. *Сон заманларда ўвратювчюляр да бидюв йесилари астры терян сынадылар бу сорувну да бердиляр бунди карув* (0, 2) ‘В последнее время ученые и знатоки очень глубоко исследовали этот вопрос и дали такой ответ’. Сочетание

двух усилительных наречий: *Кертидян кѐп астры болуштулар бу уллу иштя сыйлы бизнин урувлар, нечик Лопатолар, Зайончковскийляр* (МК, 3, 47) ‘Правда, очень много помогли в этом большом деле наши уважаемые семьи Лопато, Зайончковских’; *Аны ол сювят кѐп артых ѳзюндян* (МК, 3, 20) ‘Его она любит намного больше себя’. В этих примерах *кѐп* приобретает функцию усилительного наречия, дальнейший этап его развития; д) усилительным наречием: т. *Сайа учма астры корхам* (Ков. 83) ‘Я очень боюсь лететь к тебе’; *Сыйындырад аны бютюнлейин* (0, 5) ‘Он помещает его целиком’; *Тирилдик да бурулдух биз сенинбя аз тюгюл* (Ков. 109) ‘Пожили мы 'вместе с тобой немало’; е) наречиями с количественной семантикой: *барыба* (кальки с русского) ‘совсем’, *битрах* ‘немного’: т. *Ашэйт ѳзюня, меним ѳсню багынат, барыба туймыт ачылыгын йемишинин* (Ков. 67) ‘Ест себе, смотрит на меня, совсем не чувствует она, что плод горький’; *Ўрягим тохтанды барыба йанчылма* (Ков. 59) ‘Мое сердце совсем перестало биться’; *Кулдунчохлар барыба тузсуз* (0, 7) ‘Пельмени совсем несоленые’; *Кирдим мен сайа кеняшлянмя битрах (у)* ‘Зашел я к тебе, чтобы немного посоветоваться’; *Алар битрачичзх* (уменьш. от *битрах*) *тартадлар* (М., 17) ‘Они тянут понемножку’; з) наречием или именем прилагательным в сравнительной степени с аффиксом *-рах / -рак*: т. *Тамашалыклар азрах тювюл кыламын куйаиштан* (М. 23) ‘Я делаю чудеса не меньше солнца’; *Ўбий колад багарах хыйар ѳчюн* (RO, V, 213) ‘Хозяин просит заплатить дороже за огурцы’; г. *Нэ эдирек кына ухулад, артык йаслар цыгарад* (погов.) ‘Чем больше читается кына⁴⁴, тем больше льются слезы’; е) повторением наречий: т. *Игит катын астры йилады кола махлайма эриндян да узах-узах ѳпкяляди, кѳрюняд, арув йўрягиндян* (0, 7) ‘Молодая жена сильно плакала, прося прощения у мужа и долго-долго целовала его, видно, от чистого сердца’; *Анчах азгына аз андан сѳзляр калды* (М., 28) ‘Но от него осталось немного слов’; ж) разделительными числительными *экишер* ‘по два’, *алтышар* ‘по шесть’ и т.д.: т. *Ичмя ол сувну йарымшар скленца фордан* (МК 12, 54) ‘Пить этот напиток по полстакана за один раз’.

⁴⁴ Песня, стихи, которые читаются во время похорон умершего, в них перечисляются его заслуги.

Приложение

Приложение представляет собой член предложения, который служит для уточнения и конкретизации другого члена и употребляется в постпозиции по отношению к нему. Приложение может употребляться при любом главном и второстепенном члене предложения, следовательно, выполнять их функции. Однако наиболее употребительны приложения, уточняющие подлежащее, дополнение и обстоятельство. В караимском языке распространенным является обособленное приложение, состоящее из нескольких слов:

Приложение-подлежащее: т. *Биз, игит-эяни карай джиматынын Трохта, байландык «Бир Бавга»* (ДК, 2, 1) 'Мы, молодежь караимской общины в Троках, организовались в «Бир Бав»'; *Бу эдиляр каводу Айув, каводуча Айувка да каводучок Айувчок* (О, 33) 'Это были господин Медведь, госпожа Медведица и маленький господинчик Медвежонок'.

Приложение -дополнение: большей частью это – косвенные дополнения: т. *Да тирилди ол вахтта Солхатта, бий шагарында ханнын...* (О, 9) 'И жил в то время в Солхате, столице хана'; *Да алыр өзюня кёклярэ* (О, 14) 'И он возьмет к себе в небо'; *Кайда табарлар йахишрах ун, бурунгу гатунэк* (RO, V, 203) 'Где-нибудь найдут лучшую муку, первого сорта'.

Приложение-обстоятельство в основном – времени и места: т. *Элчилари талмуднун кельдиляр Крымга битрах кечряк: Экинчиси йарымында X-чу йўз йылынын* (О 1, 7) 'Представители талмуда (т.е. еврей-талмудисты в отличие от староверцев-караимов) пришли в Крым немного позже: во второй половине X столетия'; *Ода йукуга табулур эд ўстряк, экинчи катта, да бунда эди ўч тёшиак* (О, 34) 'Наверху, на втором этаже, была спальня, в ней находились три кровати'.

МОДАЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

К грамматически несвязанным (свободным) членам предложения относятся:

1) вводный член и 2) обращения, которые не вступают в подчиненные грамматические связи с другими членами предложения и употребляются независимо от них, но в составе предложения.

Вводный член (вводные слова, вводные конструкции)

Вводные члены представляют собой в своем роде ремарки говорящего или пишущего лица к тому, что сказано в предложении. В них таким образом выражается отношение говорящего или пишущего лица к содержанию членов предложения и самого предложения. Следовательно, вводные слова и предложения – это выразители субъективной реакции говорящего или пишущего лица на высказанное в предложении⁴⁵.

«...Обособленные вводные члены предложения не изменяют основных отношений между другими членами предложения. Они не входят в число тех его частей, из которых слагается основной его состав. Ими передается оттенок общего колорита всего высказывания в целом, его экспрессивность и т. д. Такими вводными (обособленными) частями передается субъективное отношение говорящего ко всему содержанию его высказывания или его эмоционально-волевое выражение. Они стоят по своему смысловому значению в непосредственных отношениях к основной мысли общего контекста приводимого отрезка речи»⁴⁶. Короче говоря, вводный член – это член предложения, который выражает отношение говорящего к высказываемой им мысли.

⁴⁵ Т.А. Бертагаев. Цит. соч., с. 62.

⁴⁶ И.И. Мещанинов. Члены предложения и части речи, с. 186.

Из сказанного следует, что вводные члены по существу представляют собой синтаксическую функциональную форму морфологических категорий модальных слов и частиц. Однако это не означает, что в роли вводных членов не могут употребляться другие части речи. В функции вводных членов выступают также некоторые знаменательные (самостоятельные части речи) имена: существительные, прилагательные, наречия, выражающие оценку действия автором текста.

Выражение вводного члена модальными словами и частицами: сомнение, неуверенность – наиболее распространенное значение: т. *Шагат, бардыр умсунч?* (RO, X, 177) ‘Может быть, есть надежда?’; *Шемя, кертилянди бу сёз анлатад «индямя негя-ди»* (0, 1, 7) ‘Вероятно, это слово обозначает «призывать к чему-нибудь»»; *Анчах казлар, мун, энгярк анладылар буну* (М, 12) ‘Но, видать, гуси по другому поняли это’.

Подчеркивание, акцентирование: *Муна, нинди туйунчлар толгунлар эдляр ўрягин йырчынын!* (0, 23) ‘Вот, какие мысли волновали сердце поэта!’.

Выражение вводного члена знаменательными частями речи:

– именем существительным: в основном – словом *керти* ‘правда, истина’, придающим всему высказыванию достоверность, уверенность говорящего в нем: т. *Бирдян, бирдян, сюварлярим! Керти, авур йолга барырбыз* (МК, 1, 12) ‘Вместе объединяйтесь, любимые мои! Верно, мы пойдём по трудному пути’; *Тилим, керти, кёп кысхарах нечик сендя, бош катынчэх* (Ков. 106) ‘Мой язык, правда, намного короче, чем у тебя, пустая баба’;

– именем прилагательным. В основном – одобрение, подтверждение, согласие – выражается как непроизводными, так и производными прилагательными: т. *Йахшы, ки сен унутмыс мени* (Ков. 124) ‘Хорошо, что ты не забудешь меня’. Прилагательным в словосочетании: т. *Нечик билювлю, Росияда карайлар йазар эдляр орус тилнин отйотларыба* (0, 1, 4) ‘Как известно, в России караимы писали буквами русского языка’;

– глагольным словосочетанием: т. *Бу йылга деря биз эдик айырылганлар Карай Ортагындан, нечик айтылад, Китай дуварба. Тек «Китай дувар» айланды* (0, 4) ‘До нынешнего года мы были разделены от Караимского товарищества, как говорится, Китайской стеной. Но теперь нет «Китайской стены»’.

Обращение

Обращение – один из грамматически несвязанных (свободных) членов предложения, служащий для называния лица или предмета, к которому специально обращена речь. «Основным средством связи обращения с остальной частью предложения является особая звательная интонация. Это так называемое внешнее проявление связи. Внутреннее, т.е. по смыслу, обращение связано с составом предложения органически, ибо без модального отношения нет предложения, а обращение есть одна из форм выражения этих отношений. Таким образом, обращение, как средство выражения модальных отношений, является полноценным членом предложения и органически входит в его ткань»⁴⁷.

Можно выделить два типа обращения в караимском языке:

1) обращение, в котором не называется лицо, к которому обращается автор текста, а лишь употребляется слово, побуждающее собеседника слушать слова говорящего. Обычно этот тип обращения выражается междометиями и глаголами чувствования в повелительной форме: *Так туй, айтым сайа йомахба, нечик ашты бизга корхмахба* (0, 34) ‘Так, ты послушай, я расскажу тебе, как нам жилось в страхе’.

Подобное обращение часто может сопровождаться и обращением второго типа. Примеры: т. *эй, эй, кызгына, нечик кёрклю йазгына, тынла мени азгына!* (МК. 8-9, 31) ‘Эй, эй, дивчина, какое красивое лето, послушай меня немного!'; *Фэй, ээй, уланлар, ээй, ээй ташчалар, кетюрыйик аламлар, болайых багатырлар-* (Ков. 71) ‘Эй, эй ребята, эй, эй, девочки, поднимем-ка знамена, давайте станем героями!’.

⁴⁷ М.З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963, с. 71.

2) В функции обращения употребляется имя существительное – название лица или лиц, к которому обращается говорящий. При этом можно установить две разновидности:

а) с аффиксом принадлежности первого лица как в единственном, так и во множественном числе. Обычно это – лица весьма близкие к говорящему по родственным, национальным, духовным и другим отношениям, симпатиям и т.д. В единственном числе: т. *Тирлигийдя кёп кайгылар сени, увлум, утруларлар* (Ков. 60) ‘В твоей жизни много забот тебя, сын мой, встретит’; *Шалом алехем, кёрключам меним!* (Ков. 112) ‘Здравствуй, красавица моя!’; *А Манечка, меним сен чыпчычэгым...* (Ков. 139) ‘А Манечка, птенчик ты мой’; *Сагышэткин, балкувлу кёндярювчюм, айтты Гахан* (0, 9) ‘Подумай, мой дорогой учитель, оказал Гахан’.

Во множественном числе: т. *Абайлы карайкаларым, биям, негя сиз чыхтыйыз!* ‘Дорогие мои караимки, я знаю, зачем вы вышли!’;

б) без аффикса принадлежности: *Сртядян. Мошулу, джаным меним сызлэйд* (МК, 3, 21) ‘Издавна, Мошулу, у меня душа болит’; *Тилим, керти, кёп кысхарах нечик сендя, бош катынчэх* (Ков. 106) ‘Язык у меня, правда, намного короче, чем у тебя, пустая баба’; *Йазахка кирмягэйдий, Симулу, чешмясэйдий-да бёркюйню* (Ков. 110) ‘Ты, Симулу, не попался бы, если бы не снял шапку свою’; *Кейре, кейре сиз кётюз, йазбашымнын алтын кюнляр?* (М., 26) ‘Куда, куда, куда вы удалились, весны моей златые дни?’.

Как видно из примеров, обращение может состоять как из одного слова, например, обычно в тех случаях, когда в его функции выступает собственное имя, так и из нескольких слов, когда оно представляет собой развернутый свободный член предложения или определительное словосочетание. При этом слово-обращение может находиться в любой позиции в предложении: в начале, середине и конце.

Однородные члены предложения

Под однородными членами предложения имеются в виду два или более слов, связанные между собой сочинительной связью и выполняющие функцию одного из главных или второстепенных членов предложения. Однородные члены предложения выступают и в функции обращения. Два или более слов, выступающие в функции однородных членов предложения, обычно имеют одинаковую грамматическую форму. Кроме сочинительной связи, грамматической общности формы однородные члены предложения имеют и сочинительную общность, сближающую их и дающую возможность выступать однородными членами предложения. При однородных членах предложения не обязательно присутствие обобщающего слова. Так, например, в предложении, где имеются однородные дополнения: т. *Кутхар мени чейалардан дагы йаман кониулардан, чейпавчудан да хор кёздян, тюшлю йалтай сёзчюлярдян* (Ко. 9) к концу можно было бы добавить *бар йамандан* – обобщающие слова со значением ‘от всех зол’, но это необязательно. Перевод: ‘Избавь меня от бесстыдников и от злых соседей, от врагов (досл. ‘от тех, кто уничтожает’) и злых глаз, от разных сплетников и обманщиков’. С этой точки зрения не могут являться однородными членами предложения определения в предложении т. *Сукланчы да ходжа хазнасы тилимизнин* ‘Красивое и богатое сокровище нашего языка’; *Озю Алтынка йенгил, йешилмуш упрачёхларда...* (0, 34) ‘Сама Алтынка в легком зеленом платье’ и т.д., где, хотя и имеются определения, связанные между собой сочинительной связью, они не принадлежат к «одному роду» прилагательных, например, цвета, веса и т.д. Необходимо также отметить, что обобщающее слово может присутствовать при всех однородных членах кроме сказуемого. К однородным членам предложения можно отнести и повторяющиеся члены предложения: т. *Йангы Йылба, Йангы йылба биз базлэйбыз карайны* ‘С Новым Годом, с Новым годом мы поздравляем караимов’. Средствами связи однородных членов предложения между собой служат перечислительная интонация и сочинительные союзы. Однородные подлежащие: названия предметов быта: г. *Келмэк*

да целмэк – битин нэдан (погов.) ‘Платье да горшек – целое приданое’. Названия свойств, качеств: т. *Тюзлюк, растлых да кертилик бизгя аламба болгэйлар* (Ко. 11) ‘Прямота, честность и правдивость да будут знаменами нашими’. Названия природных явлений: *Авер да йамгурлар сувалттылар отйотларны* (0. 1, 22) ‘Воздух и дожди стерли буквы’. Названия положения, состояния человека: *Бийи анын да агалыхлары анын улусларда болдулар торасыз* (RO, X, 162) ‘Его царь и его начальники остались без власти в народе’. Однородные сказуемые: Последовательность действия: т. *Йалын тюштю тенгизгя да сёндю сувларда* (Ков. 70) ‘Пламя упало в море и погасло в воде’. Положение, отношение выражается как глаголами, так и именами: *Бу абайлы сёзюмюз нинди тилдян чыгад да нинди тилбя йувухлукта калад?* (0, 2) ‘К какому языку восходит это наше слово и к какому языку остается близким?’; *Поневеж карайларына ол таныгысыз да билловсюз* (0, 4) ‘Паневежским караимам он неизвестен и не знаком’; *Эркийдядир сенин йарлы этмя да ходжа этмя, йувуз этмя да бийик этмя, улгайтма да киплямя барысын* (Ко. 5-7) ‘В твоей воле сделать бедным и богатым, низким и высоким, возвысить и поддерживать’. Противоположные действия: г. *Куйас йасларны курутад да сызлавын адамнын анламайд* (посл.) ‘Солнце сушит слезы, но горя человека не понимает’. Уточнение одного действия другим: *Кёргюз окром йуз рубелчик, барын кылар дагы йазар.* (Л) ‘Покажи ему только сто рублей, он сделает все и напишет’. Однородные дополнения в отличие от других тюркских языков согласуются между собой в соответствующем падеже, они могут находиться как в контактном, так и дистактном положении: в основном: т. *Ол кёрювчю козулар тюш ашыра йемеся эчкиляр – йахшы болур анар* (МК, 12, 44) ‘Тому, кто во сне видит ягнят или коз, будет хорошо’; в винительном: т. *Ки алты кюнлярдя йаратты тенри ол кёклярни да ол йерни, ол тенгизни да барын, неки аларда* (Ко. 21) ‘В шесть дней создал бог небо и землю, море и все, что на них’; в инструментальном: т. *Акылымба барын болдурдум да (з ишимбя* (Ков. 122) ‘Я создал все своим умом и своим трудом’; в дательном-направительном: т. *Барларына: картха, йаиха – ашкарт клякни чебяр* (0, 5) ‘Все: и старым, и молодым объясни прекрасное

желание'; *Ўряги йырчынын эди толу сюварликтян адам уланларына алэй öзю карай карындашларына* 'Сердце поэта было полно любовью к роду человеческому, а также к своим караимским братьям'; в местном: т. *Цион болсун умсунчуйда, да Трох болсун сагышыйда* (Ков. 60) 'Пусть Цион будет в надежде твоей, пусть Трох будет в мыслях твоих'; в исходном: т. *Бардыр-мо чыгышымыз хазарлардан, гэм энгя улуслардан* (0, 5) 'Происходим ли мы от хазар или от других народов'; г. *Хасталык келэд хор кездэн да эвердэн* 'Болезнь приходит от злого глаза и воздуха'. Однородные определения: т. *Кёргюзюндю дунйа кан ичювчюляр, хаз бёрюляр, харифляр, хаз тюлкюляр* (0. 11-12) 'Все люди казались ему кровопийцами, подобными волкам, обманщиками, подобными лисам' «Крым сонетляри» *Мицкевичнин энк кёрклю да энк чебяр тюзювяриндян йырларыдыр* (КА, 1, 10) '«Крымские сонеты» Мицкевича являются одними из прекрасных и красивых стихов поэта'. При выражении определения именем в родительном падеже происходит согласование однородных определений в родительном падеже: *Иши бавнын гэм өзгя организацианын энк артых керяклейт билмя буну* (0, 1, 5) 'Дело союза и других организаций больше всех требует знать это'. Однородные обстоятельства: времени, обычно употребляются для усиления значения времени: т. *Ни анар деря, ни андан сортун йог эди тениши анар йахишылыгында да джомартлыгында* (0, 8) 'Ни до него, ни после него не было ему равного в доброте и щедрости'; *Эртядян, эртядян, гануз келмяги алнына өбгяляринин Чынгыз Ханнын, сыйланды Крымда Ратмир, ханы хазарларнын, өз акылыба, растлыгыба, йахишылыгыба да джомартлыгыба* (0, 8) 'Давно, давно, еще до прихода предков Чингизхана, в Крыму славился Ратмир, хан хазаров, своим умом, справедливостью, добротой и щедростью'; г. *Да гар кин эртедэ гэм ингырда сагынабыз...* (КА. 1, 2) 'И каждый день утром и ночью мы вспоминаем...'. Образа действия: т. *Ачы да узах ол анда илады* (МК. 3, 20) 'Горько и долго она плакала там'; *Йолга тайаксыз, этол дунйага мицвасыз ыстырынмагын* (погов.) 'Не отправляйся в путь без палки, а на тот свет – без добрых дел'.

Однородное обращение: г. *Карай, карай! Бол ак хаз кар, йарык хаз ай* ‘Караим, караим! Будь белым (т.е. честным) как снег, светлым как луна’.

Порядок слов в простом распространенном предложении

Вопрос о функции порядка слов в предложении на материале тюркских языков изучен весьма слабо. Помимо общих замечаний отсутствуют специальные глубоко анализированные исследования большого фактического материала. Порядок расположения главных членов предложения в караимском языке совпадает с актуальным членением предложения – подлежащее (тема) стоит на первом месте, а сказуемое (рема) – на последнем, т.е. передает первичное движение мысли, от известного к неизвестному. Порядок сочетания членов предложения между собой подчиняется определенным закономерностям и выражается в следующем: 1) Подлежащее находится в отношении к сказуемому как в препозиции, так и в постпозиции, т.е. подлежащее и сказуемое имеют в отношении друг к другу свободный порядок слов: прямой порядок, когда подлежащее предшествует сказуемому, обычно употребителен в прозе: т. *Ким бу сени, Азарюлу, ачыргандырды?* (Ков. 109) ‘Кто это тебя, Азарюлу, рассердил?’; *Сон октямликбю айчэх балкыды* (МК. 3, 20) ‘Затем гордо засияла луна’. В этих примерах мы имеем порядок: подлежащее – сказуемое, что в тюркологии принято считать «правильным» порядком слов. В следующих примерах имеется «обратный» порядок слов, т.е. сказуемое – подлежащее. Такой порядок обычно употребляется при логическом акцентировании сказуемого, а также в поэтическом тексте: т. *Байланды бойунсасы танмахларнын* (RO, X, 160) ‘На него был надет хомут заблуждений’; *Айтат ол майа бюгюн* (Ков. 110) ‘Говорит он мне сегодня’. 2) Дополнение находится: а) в позиции перед глаголом или производным от глагола словом, выполняющим в предложении различные функции – это «прямой» порядок слов: т. *Бетяр чечякни*

экинчи орунда табулат вахтында алувчу (МК. 7, 33) 'И для худшего цветка в свое время и в другом месте найдется охотник'. В этом предложении причастная форма глагола *ал – алувчу* выполняет функцию подлежащего: *Негя айланыр сенин дунией* (0, 9) 'Во что превратится твой народ'. Здесь управляющий дополнением глагол выполняет функцию сказуемого; б) управляющий глагол или производное от него слово, выступающее в функции различных членов предложений, предшествует дополнению – это «обратный» порядок слов: т. *Мама, бияс кодуй, Лидка урлады уңлусу алтын сагатларны* (Ков. 130) 'Мама, вы знаете, Лидка украла большие золотые часы'.

3) Определение: а) выраженное всеми другими словами кроме имени в родительном падеже и имени в основном падеже в притяжательном сочетании слов, за редким исключением находится в препозиции к определяемому – «прямой» порядок: т. *Тохтэйдырлар тынч сувлары Галвенин* (МК. 3, 20) 'Останавливаются тихие воды озера Галве'. В этом примере подлежащее *сувлары* имеет два определения, одно выражено именем прилагательным *тынч* и находится впереди определяемого, а другое – *Галвенин* – собственным именем существительным в родительном падеже и находится в постпозиции к определяемому; *Эргя кайтарылыр эд бурунгу кыз* (0, 13) 'Замуж выдавалась первая (т.е. старшая) дочь'; б) выраженное именем в родительном падеже и именем в основном падеже в притяжательном определительном словосочетании, находится, за редким исключением, в постпозиции – «обратный» порядок: т. *Артых бар чечякляриндян багнын джаным сювят гилафны, артых бар кызларындан шагарнын сювям, достчам, мен сени* 'Больше всех цветов моего сада моя душа любит розу, больше всех девушек города люблю тебя, подруга моя'; *Нечик сувлар акты каны цадыклэрнин* (А. 65) 'Как вода текла кровь жертв'; *Алгыш ашамах алнына* (Ко. 13) 'Молитва перед едой'. Л.Ю. Тугушевой^{17 48} выделены шесть основных моделей определительных конструкций, которые были типич-

^{17 48} Л.Ю. Тугушева. Порядок слов в определительных конструкциях (на материале татарского языка). Автореф. дис.... канд. филол. н., М., 1969

ными и для языков древнетюркских памятников.

4) обстоятельство находится в позиции перед глаголом, и производным от него словом, выполняющим в предложении различные функции: т. *Арув чыгар куйашымыз, шатыр болур тирлигимиз* (Ков. 60) 'Ясно взойдет наше солнце, станет веселой наша жизнь'. «Обратный» порядок встречается в поэтическом тексте. Когда мы говорим о порядке слов в простом распространенном предложении, в первую очередь оперируем материалами повествовательного предложения со спокойным равномерным тоном. В предложениях, эмоционально насыщенных, а также при особом подчеркивании или выделении какого-либо слова в предложении порядок слов может измениться. Поэтому невозможно установить одинаковую схему порядка слов для всех интонационно-модальных типов предложений, а также структурных типов распространенного предложения. Речь может, таким образом, идти о порядке слов в определенном типе предложения, например, в повествовательном, вопросительном, побудительном, односоставном распространенном, двусоставном распространенном и т.д.

Как видно из проведенного выше анализа порядка слов в сочетаниях зависимых друг от друга членов предложения, в караимском языке имеется в общем свободный порядок между членами предложения, что можно отчасти объяснить тем, что благодаря наличию широко разветвленной словоизменительной системы караимского языка, так же как и других тюркских языков, а также агглютинирующих языков, порядок слов не имеет того значения, которое он имеет, например, в языках аналитического типа. Кроме того, как отмечает Н.А. Баскаков, «Инверсия... – явление не новое для тюркских языков... Относительно свободное расположение частей в словосочетаниях характерно для большинства языков в разговорной их форме»^{18 49}. В караимском языке такое свойство разговорной речи получило дальнейшее развитие под сильным влиянием окружающих его славянских языков.

^{18 49} Н.А. Баскаков. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. Словосочетание и предложение. М., 1975, с.271.

В составе простого распространенного предложения для караимского языка в повествовательном типе можно установить следующий общий порядок слов с некоторыми отклонениями в разных случаях: сказуемое – подлежащее – дополнение – обстоятельство, каждое с предшествующим определением, (а глагольное сказуемое и с предшествующим, подчиненным ему обстоятельством). Подлежащее и дополнение, как уже указывалось выше, так же как и другие именные члены предложения, имеют и последующее определение. Исходя из оказанного выше, порядок слов в простом распространенном повествовательном предложении караимского языка схематически можно изобразить так: Об_с – О – °П° – °Д° – °Об°, где С – сказуемое; О - определение, П – подлежащее, Д – дополнение, Об – обстоятельство. Например: *Анчах сагышында анын эди энгя* (М. 16) ‘Но в его мыслях было другое’; *Клэйм аларга туюгал маззалны терянлигиндя урягимнин* ‘В глубине своего сердца я желаю им полного счастья’.

**Обороты, возникшие на базе
неличных глагольных форм
(Развернутые члены предложения)**

Обороты, возникшие на основе причастия, деепричастия и инфинитива, представляют собой один из способов выражения сложной коммуникации путем развертывания второстепенных членов предложения в относительно самостоятельные единицы, слабо связанные с остальной частью предложения. Таким образом, подобный оборот функционально является развернутым членом предложения, состоящим из двух и более слов, образующих одно или несколько словосочетаний. Оборот или развернутый член предложения выделяется по смыслу и интонационно от остальной части предложения. Грамматическим показателем оборота выступает форма слова, организующего оборот: деепричастие, причастие, инфинитив. Обороты образуются деепричастием, причастием и инфинитивом потому, что они являются формами глагола, который в предложении выражает действие, процесс и при себе может иметь грамматические субъект, объект, обстоятельства.

В отличие от других тюркских языков в караимском языке деепричастные и причастные обороты менее распространены и представляют реликтовые явления, а инфинитивные обороты весьма распространены и показывают позднейшее состояние развития синтаксического строя караимского языка. Причастные, деепричастные и инфинитивные обороты в своем составе имеют следующие члены предложения: дополнение, обстоятельство, подлежащее. Дополнение и подлежащее в свою очередь могут иметь при себе примыкающие к ним определения, в качестве сказуемого оборота выступают формы причастия, деепричастия и инфинитива.

Причастный оборот.

Для образования причастных оборотов в караимском языке используются две формы причастия: *-ган* и *-адогон*. Форма на *-увчу* образует причастный оборот в редких случаях. Из двух упомянутых форм наиболее употребительным является форма на *-ган*. Причастие при образовании причастного оборота оформляется падежными формами: основного, винительного, местного и исходного. В зависимости от падежной формы причастия причастный оборот выражает: признак по действию, объект, обстоятельство времени, причины, следовательно, он выполняет функции определения, прямого дополнения, обстоятельства, имея в свою очередь в своем составе дополнения, обстоятельства, подлежащее, сказуемое, оформленное в форме причастия.

Причастный оборот, образуемый формой на *-ган*

Форма на *-ган* в караимском языке, как и во многих тюркских языках, относится к числу многофункциональных. Причастие (глагольное прилагательное) – одно из значений формы на *-ган*. В структуру причастий со стороны глагола входят такие грамматические категории, как залог, аспект, время, вид, со стороны прилагательных – неизменяемость и синтаксическая функция-определение.

Синтаксически причастие в чистой форме – несамостоятельная категория, примыкает к определяемому, без определяемого может употребляться при субстантивации. В караимском языке не получила широкого развития категория глагольного имени на *-ган*. Поэтому причастие – главная функция формы на *-ган*. В отличие от глагольного имени на *-ган* других тюркских языков кыпчакской группы при караимском причастии на *-ган* логический субъект не может оформляться в родительном падеже, т.е. причастие на *-ган* не может выступать компонентом притяжательного словосочетания. В роли причастия прошедшего времени форма на *-ган* выражает: а) образованное от непереходного глагола причастие имеет значение имени действующего лица: *барган* ‘ушедший’, т. *Келган*, г. *келген* ‘пришедший’; б) от переходного глагола – причастие со значением либо имени действующего лица, либо предмета действия, либо результата действия: *алган* ‘взявший, взятый’, т. *берган*, г. *берген* ‘давший, данный’, т. *Бирдян уллу карындашлы да (рякли табулхлар элиндян карайларнын Лиетувада бар карай карындашларга да тувдухларга, нечик сагынганларга йогары, алэй сагынмаганларга адларыба бар джомартлары үчюн аларнын йангыртмагына карай кенасанын Поневежда, кылган сыйына да адына карайлыхнын Лиетувада (0, 38) ‘Большое братское и сердечное спасибо от караимов Литвы всем караимским братьям и нашим родственникам, как упомянутым выше, так и тем, имена которых не были упомянуты, за их щедроту в строительстве кенасы в Поневеже, за их дары караимам Литвы’*. В предложении причастие на *-ган* выполняет следующие функции:

1) Функция простого причастного определения: т. *Бу керти, анын үчюн ки ашхан йолу да ишляри улуснун бардыр бунйат, кайсы үстюня кондарылад йангы тирлиги анын (0, 1, 3) ‘Это правда, потому что пройденный путь и дела народа являются основой, на которой устанавливается новая его жизнь’*; г. *Байланырбыз анар йиртылмаган бавларба, ки сивэрбиз аны бар дзанымызба да уланларымызны да иврэтирбиз сыйлама да сивмэ аны (КА 1, 2) ‘Будем иметь с ним неразрывную связь, будем любить его всей душой и будем учить своих детей уважать и любить его’*.

2) Функция организатора причастного оборота-сказуемого, выступающего в роли развернутого определения. При этом причастный оборот может иметь при себе дополнение, обстоятельство, подлежащее.

Причастный оборот с дополнением в инструментальном падеже – наиболее распространенный вид: т. *Йадаган бу кёрюмлярбя йебирдим башымны йастых үстюня йабунадогон шыдаба башым ашыра* (ДК, 2, 10) ‘Уставший от этих видений, я опустил голову на подушку и укрыл голову одеялом...’; *Сундуклар, какхан темир куриовларба, бюгюлурэдляр авурлугундан үкляган ара сохканнын, бунар, качан гануз йогэди азлых ёсядогон кызларда* (0, 13) ‘Сундуки, окованные железными обручами, гнулись от приданого, когда еще не было недостатка в растущих девушках’.

Оборот с дополнением в винительном падеже: т. *Менмин ол киши, кёргян кыйынны* (РО, X, 165) ‘Я – тот человек, который видел трудности’. Оборот с дополнением в исходном падеже: т. *Аталарымыздан калдырган мерясликнин энк уллусу – тилимиздир* (0, 2) ‘Самое большое из наследств, оставленных нам нашими предками – наш язык’; г. *Эди аларба, эки йумусу, келтирген Крымдан* (КА. 1, 4) ‘Вместе с ними были два рабочих, приведенные из Крыма’. Оборот с подлежащим: г. *Бил, ки бюгюн, балкыган вахтта тан, эртя чыхтым багыма* (Ков. 56) ‘Знай, что сегодня рано, когда занимался рассвет, я вышел в мой сад’; *Келтирийиз барын, не сиздя талаган, да барын, не гануз калган, тек анда ирахракка багынырбыз* (0, 11) ‘Приведите все, что у вас ограблено, и все, что еще осталось, только тогда посмотрим, что делать дальше’. В последнем примере причастие имеет при себе также дополнение в местном падеже. Подобные причастные обороты с подлежащим, по-видимому, имеют право быть признанными определительным подчиненным (придаточным) предложением.

Причастие может субстантивироваться, тогда оно принимает аффикс множественного числа, падежные аффиксы. Субстантивированное причастие выражает либо действующее лицо, либо предмет, на который падает действие глагола: т. *Да ишанам, ки кайтханлар качмастлар өз йүвляриндян* (Ков. 86) ‘И я верю, что те, ко-

торые вернулись, не будут избегать своего дома'; *Йох эди ачув вахтында адонайнын кутулган да калдых* (RO, X, 164) 'И не было во время гнева господы никого, кто бы спасся; ничего, что бы уцелело', г. *Кермегенге кемец те уллуду* (посл.) 'Тому, кто не видел ничего, и солдат велик'. Как явствует из примеров, субстантивированные причастия, выражая лицо или предмет, не образуют ни причастных оборотов, ни тем более придаточных предложений, поскольку субстантивированное причастие не имеет при себе подчиненных членов или подлежащего.

Форма на *-ган* в местном падеже – *-ганда* по значению и синтаксическим функциям напоминает деепричастие. Она выражает не признак, что свойственно форме на *-ган* в основном падеже, а время. Форма на *-ган* в местном падеже образует оборот, который в предложении выступает в роли развернутого обстоятельства времени. Лишь в редких случаях форма на *-ган* в местном падеже не образует оборота, а выполняет функцию отдельного обстоятельства времени: т. *Ўвлянгяндя де керякли анлама, ки эгер кычхырад катыны...* (O,7) 'И когда женишься, нужно понять, что если кричит жена...'. Как будет видно из примеров, приводимых ниже, форма на *-ганда* может принимать аффикс принадлежности соответствующего лица, который ставится между аффиксами *-ган* и *-да*: *алганымда* 'когда я брал', т. *алганыйда* / г. *алганында* 'когда ты брал', т. г. *алганында* 'когда он брал' и т.д. и выражают отношение действия к определенному лицу. Обороты с формой на *-ганда* с дополнением в винительном падеже широко распространены. Обычно имя в винительном падеже располагается непосредственно после причастия на *-ганда*, между ними иногда вклинивается определение: т. *Кезгянимдя кёп йерлярни тойдум учсуз кёрюмлярдян* (Ков. 80) 'Когда я объездил много мест, я насытился бесконечными зрелищами'; *Кылынган ортасында Поневеж джыматнын калад алэй ою аврувлу да ити сагынганынды аны, мёро ол учралды тюняюн* (O, 16) 'Среди поневежской общины становится так больно, когда вспоминают об этом, как будто это случилось вчера'; г. *Колабыз тиз этмэ бу неце азмакны, кайсы*

битти бастырганында бу битикни (КА. 3, 2 стр. обл.) ‘Просим исправить эти несколько ошибок, которые были допущены при печатании этой книги’. оборот с формой на *-ганда* может иметь в своем составе и несколько дополнений, оформленных в разных падежах, например, в следующем примере оборот имеет два дополнения, оформленные в винительном и дательном-направительном падежах: т. *Чозганда колун кызга, кыз фордан турадыр* (Д, 7) ‘Когда он протянул руку к девушке, она сразу встала’.

Обороты с дополнением в инструментальном падеже, с дополнением с послелогом была с: т. *Йазган кеткяндя Кара тенгизбя герябда* (Ков. 86). ‘Он написал, когда ехал на корабле по Черному морю’; *Ва не ма сызлавуи артханда, йашым была куйунганда?* (РО. III, 238) ‘Ох, что же со мной, когда мои боли усилились, когда я обливаюсь слезами?’. В первом из приведенных примеров оборот имеет два дополнения: в инструментальном и местном падежах.

Обороты с дополнением в местном падеже: т. *Сызлатадыр сагыш бувунларны, сювар атамиз йат йердя астралганда, каран-дашларымызны заман биздяи айырганда* (РО. III, 231) ‘От мыслей ноет в суставах, когда наш любимый отец спрятан в чужом краю, когда время разлучило нас от наших братьев’. В этом примере оба оборота имеют внутри свои подлежащие и удовлетворяют требованиям, предъявляемым к придаточным предложениям. Кроме того, во втором обороте имеются второстепенные члены предложения, выраженные существительными в винительном и исходном падежах. *Бюкряйганляриндя кыран кибик орамларында шагарнын, тёжюлгандя джанлары аларнын койнуна аналарынын* (РО, X, 163) ‘Когда они корчились на улицах города как резаные, когда они искали спасение для своих душ в объятиях своих матерей’. В этом примере также имеется два оборота, во втором из них присутствует дополнение в дательном-направительном падеже и отдельное подлежащее.

Обороты с дополнением или обстоятельством в исходном падеже: т. *Сендяи ирах болганымда кёп сёзлямя клягим эди* (Ков. 88) ‘Когда я был вдали от тебя, я хотел говорить с тобой о многом’; *А*

павалар кёрюп коначэгын сыйпадылар алай упрачэгын, ки качханда Карга павалардан, кеп тасэтти ол өз йүнляриндян (М. 5) ‘А павлины, увидев свою гостью, так погладили ее одежду, что, когда Ворона бежала от них, потеряла много из своих перьев’; *Тувмуш йердян сюрюлгяндя кеп кёрюмляр утруладым* (МК. I, 14) ‘Когда я выехал из родных мест, я видел много’;

Обороты со своим отдельным подлежащим, как уже указывалось выше, рассматриваются нами как придаточное предложение со значением обстоятельства времени: т. *Анам меним сювгяниндя, сыйындым мен йувундя* (РО, III, 230) ‘Когда меня любила моя мать, я жил в ее доме’; *Вале болганда кляк, сагынган сюрюнчяклярни эди болалмах енмя* (0, 4) ‘Но если бы было желание, была возможность преодолеть упомянутые препятствия’; *Келгяндя артарых ай, Онаргэй тувмуш сёз тилбя да анын была Карай* (0, 1) ‘Когда наступит апрель (т.е. Новый год), пусть расцветет наш родной язык и вместе с ним пусть добьется успеха Караим!’ Форма на *-ган* в исходном падеже употребляется редко. Она в исходном падеже в предложении выступает в функции обстоятельства времени – в отличие от формы на *-ган* в местном падеже, выражающей параллельное или одновременное действие с действием главного сказуемого, форма на *-ган* в исходном падеже (с послелогом *сон, сортун*) выражает действие, которое предшествует действию главного сказуемого: т. *Сёзлягянимдян сортун экилямяс эдиляр да алар үстюня тамар эди сёзюм* (Ков. 25). ‘После того, как я им говорил, они не повторяли, они воспринимали мои слова (досл. ‘на них капали мои слова’; 1923-УП-1 *эди айрыхсы этилгян тюгянкяндя сортун курсларын орманчы техниклярнин болушувчусуба орман агарахнын да бу орунда калды кюнюня өлтюрмягинин, гем 1923-IX-20 элтядогон куллугун орманда* (0, 17) ‘1 июля 1923 года он, после окончания курсов лесного техника, был назначен помощником начальника лесного участка, на посту которого он оставался до дня своего убийства – 20 сентября 1923 года, когда был на службе в лесу’.

Форма на *-ган* в исходном падеже может выражать также субстантивированное причастие со значением лица или предмета и

выступать в функции косвенного дополнения: т. *Барлары кыладлар андувлар, кабадлар, бири бирин авларга, инанмыдлар бири бириня, талавчулар бек корхадлар талаганлардан да, уйатсыз, нечик бу болад гаммеша, хараплы корхув тегяд таихынба керяксиз кеню канны* (0, 11) ‘Все строят друг другу западню, они не верят друг в друга, грабители боятся тех, кого они грабили и нет у них стыда, так как все это происходит постоянно, страх создает ненужное кровопролитие’; *Тек айтхандан да йетяр, ки кёрмя нинди тансых чыгышлар, гипотезалар да болалмахлар беряд бизгя инчкялямяги карай колйазышларнын сёз-тилдя* (0, 31) ‘И сказанного будет достаточно для того, чтобы видеть, какие интересные выводы, гипотезы и возможности дает нам исследование языка караимских рукописей’.

Verbum finitum – одна из функций формы на *-ган*. В этой функции форма на *-ган* образует особое время глагола изъявительного склонения – перфект, а сочетаясь с недостаточным глаголом э- ‘быть – плюсквамперфект. В значении перфекта форма на *-ган* употребляется лишь в третьем лице. В предложении перфект на *-ган* употребляется в функции глагольного сказуемого простого предложения: т. *Дёртсю да фарсты кенесанын тургузган таитан...* (0, 1, 22) ‘Все четыре стены кенасы построены из камня’; г. *Тирлик битигиндэ йиц сиф йазган: бурунгу сиф – исанцлар, экинци – кайгылар да йаслар, йицинци йазыклар. Дертинци сифцек – мицвалар арувду: немэдэ кылмаган, немэдэ йазмаган* (погов.) ‘В книге жизни написаны три страницы: первая страница – надежды, вторая – горе и слезы, третья – грехи. Четвертая страница – добрые дела – чиста: ничего не сделано, ничего не написано’. Как видно из примеров, по значению перфект на *-ган* соответствует русским кратким причастиям прошедшего времени. В этой функции форма на *-ган* в отличие от субстантивированных причастий и глагольных имен на *-ган* не принимает словоизменительных морфем, употребляется в «нулевой» форме или чистой форме.

Причастные обороты, образуемые формой на *-адогон*

По своим морфологическим свойствам форма на *-адогон* также как и форма на *-ган*, многофункциональна. Однако диапазон ее употребления весьма ограничен по сравнению с *-ган*. По своему значению слово в форме на *-адогон* выражает признак действия обращенный на настоящее время или обычно совершающегося действия.

Форма на *-адогон* в основном падеже употребляется в предложении, главным образом, в роли определения: а) одинокое определение, напоминающее имя прилагательное: т. *Анлатадыр анын ашыра кёк кёкрямягин тувар, гэм булут кётюрюлядогон* (рук. 1, 21) 'Через него, через скот и через поднимающееся облако узнают о грозе'; *Бизни кип бавлар байлэйдлар ол кёрюмлю кырыйба, ашхан заманларда агадогон сют да бал* (КА, 1, 10) 'Мы связаны крепкими узами с этим прекрасным краем с прошлых времени, когда «текли молоко и мед»'; г. *Кылдык анар тирсинлэрин асаладогон нерселэрнин* 'Мы придали ему вид съедобных вещей'.

б) образует причастный оборот – развернутое определение, при этом причастие примыкает к именам в разных падежных формах, выполняющих функции главным образом различных дополнений, большей частью дополнению предшествует определение.

Обороты с дополнением в винительном падеже: т. *Бирликбэ, кючлюляр анлэйдогон сырын, барабыз алынга, достлар!* (Ков. 77) 'Единством, смысл которого поймут сильные, пойдем вперед, друзья!'; г. *Битин бахца йавдурган эди сокурайтадогон кезни йарыгыба куйаснын* (КА 3, 3) 'Весь сад излучал ослепляющие глаза лучи солнца! В последнем примере в составе оборота имеется также дополнение в инструментальном падеже. Ср. также: *йуванмэйдогон сүйтбэ*, где дополнение стоит в инструментальном падеже. (RO. III, 240) 'Не успокаивающийся молоком'.

Обороты с дополнением в дательном-направительном падеже: т. *Ортянбегэ йоллар, барадогонлар бар йанларга оркундан болган шатырлыхнын, болурэдляр койу чачтырган кашухларба* (0, 1) (0, 14) 'На следующее утро дороги, идущие во все стороны с места, где происходило веселье, были густо усеяны ложками'.

Обороты с дополнением в местном падеже: г. *Кайнайдогон эз ацувунда карай авулу безгекли баслады йасанма да кайта йол(а ыстырынма* (SRT., 4) ‘Кипящий в своем гневе караимский обоз начал собираться на обратный путь’; т. *Маймун олтурадогон алнында багарэд, не кылад ўвбий* (ДК, 2, 12) ‘Обезьяна, сидящая перед хозяином, наблюдала, что он делает’.

Обороты с дополнением в исходном падеже: г. *Ғар бир йасот йердэн тартыладогон, ғар бир йапрак, ағацтан эседогон йайнарэд да бегевреннирэд бу алғыслы иссиде да балкувда хаз сав да сатыр улан, йатадогон ситли кекреклэри иснэ эз анасынын* (КА, 3, 3) ‘Каждая трава, тянувшаяся с земли, каждый лист, растущий на дереве, расцветал в этом благородном тепле и сиянии словно здоровый и веселый ребенок на обильной молоком груди своей матери’.

Причастие на *-адогон*, субстантивирюясь, имеет значение имени действующего лица или предмета и в предложении выполняет различные функции, свойственные именам существительным:

а) Употребление в роли отдельного члена предложения (без оборота). В этом случае причастие в форме на *-адогон* по своей семантике соответствует русским причастиям на *-ущий*: *прощающиеся, живущие, споткнувшиеся* и т.д.: т. *Учсуз өбюшмяклярдян сон айырыладогонларнын, шатыр ўрякли конахлар сыйындырыладлар арабаларға да агарах увул йенгил тёбряня миняд алынға, орнуна арабачынын* (0, 13) ‘После бесконечных поцелуев прощающихся, веселые гости садятся на повозки и старший сын, легко покачиваясь, садится вперед, на место возчика’; г. *Теренленсем йирак асканлыкка, керем кезибэ дзанымнын орман, уллу орман, асайыслы орманлыгын тиридогонларнын* (МК. II, 3-4, 44) ‘Когда я углубляюсь в прошлое, очами моей души я вижу лес, большой лес, необыкновенный лес живущих’; т. *Сюрюнядогонну тургуздулар сёзлярий да чёгядогон тизлярни кючейттий* (Ков. 4) ‘Твои слова подняли споткнувшихся, и ты укрепил согнувшиеся колена’. Как явствует из примеров, субстантивированные причастия на *-адогон*, так же как и причастие на *-ган* и имена существительные, употребляются в разных падежных формах.

б) Употребление в составе оборота, центром, организатором которого является причастие на *-адогон*: т. *Тартынадогонлар авалгы чекляри катына Летуванын да «Кылыч-Караманларнын» азад эди тирилмя заманында бизнин обгыларимизгя* (О, 13) ‘Тянувшееся к прежним границам Литвы и «Кылыч-Караманов» были вольны жить во времена наших предков’; *Тек аны йылайыз кёчядогонлары үчюн йесирликкя* (О, 11) ‘Но плачьте горько по тем, кто идет в неволю’.

В этой функции наиболее употребительна форма на *-адогон* в основном падеже, в роли подлежащего. Из других падежей можно отметить форму винительного падежа, при которой весь оборот выступает в роли развернутого прямого дополнения: *Ол кёрювчю ёзюн чыгадогонну ол герабдан куруга – олджаланыр бир орундан экинчи орунга* (МК, 12, 44) ‘Если кто во сне увидит себя выходящим из корабля на сушу, тот получит добычу в другом месте’; *Ол кёрювчю тюш ашыра айувну, келядогонну анын үстюня – талаш анлатадыр* (МК, 12, 45) ‘Если тот во сне увидит медведя, идущего на него, это означает, что будет борьба’.

Оборот, образуемый причастием на *-увчу*.

Причастие на *-увчу* выражает субъект действия и по своему значению близко русскому причастию на *-ующий*; обычно употребляется одиночно в функции имен существительных и прилагательных. Оно образуется и от аналитических глагольных форм: т. *Сындырып берювчю йох эди аларга* (RO, X, 169) ‘Не было никого, кто бы им отломил’. Оно по сравнению с другими формами реже образует определительный причастный оборот: *Бар булар табарлар орун бизнин кичи йазышымызда да болур кюзгю орнуна, кёргюзювчю бар йанларын тирлигимизнин* (ДК, 2, 1) ‘Все это найдет место в нашем маленьком издании и будет зеркалом, показывающим все стороны нашей жизни’; *Ол кёрювчю ёзюн тюш ашыра кийингяни ах упракка, йахшы заманны анлатадыр* (МК, 12, 46) ‘Если он увидит во сне себя одетым в белую одежду, это означает, что для

него наступит лучшее время'. В этих примерах причастие имеет при себе прямое дополнение в винительном падеже, поскольку выражено переходным глаголом. Выраженное непереходным глаголом причастие может сочетаться с именами в других падежах, например, глагол движения – с именем в инструментальном падеже: *Кетювчю ол йолларба Лиетувис кёргюзя камчусуба йолчусуна бу кёрюмню, толу ўряктян анчах болальрэд чозма «Караимишкас шаукштас!» да хариф кюмюш йарытырэд анын терляган бу сагыштан черайын* (0, 14) 'Едущий по тем дорогам литовец, указывая своим кнутом на это зрелище, от всего сердца мог сказать: «Караимишкас шаукштас!» ('Караимские ложки!'), и светлая улыбка озаряла его вспотевшее от этих мыслей лицо'.

Деепричастные обороты

В образовании деепричастных оборотов участвуют в разной степени все деепричастия, т.е. формы на *-п*, *-а*, *-адогон*, *-адогоц*.

Деепричастные обороты, так же как и деепричастия, в предложении выполняют функцию обстоятельства, главным образом, обстоятельства образа действия. В отличие от простых деепричастий деепричастный оборот имеет в своем составе дополнения, выраженные именами в различных падежных формах, а также обстоятельства.

Деепричастные обороты, образованные формой на *-п*

Деепричастие на *-п* редко употребляется как отдельный член предложения, например: т. *Иааков (тамашалыхба да сёскянип: а... не бунда?* 'Иааков (удивленно и испуганно): ах!... что тут?'; *Иштырылып бахурлар вечеринка тюзюдюляр: Асаел, Хананел, Азриел да Путиел* (Ков. 72) 'Парни, собравшись, организовали вечеринку: Асаель, Хананель, Азриель и Путиель'. Как видно из примеров, деепричастие на *-п* в предложении выполняет функцию обстоятельства образа действия, и в этой роли напоминает наречие, которое как часть речи слабо развито в караимском языке.

Аналогичную функцию выполняют и деепричастные обороты, возникающие на базе формы на *-п*: т. *Калдырып ишин турад*. ‘Он стоит, оставив свою работу’; *Иштырып да астырап бу малны Симха кёмдю маймунну үв артына* (ДК, 2, 12) ‘Собрав и спрятав этот скот, Симха закопал обезьяну за домом’. В обоих примерах в обороте присутствует прямое дополнение в винительном падеже. Деепричастные обороты в отличие от одиноких деепричастий могут выступать и в роли других обстоятельств: причины, времени: г. *Туйуп буну, йолдаслары гаханнын тыңсыз болдылар* (КА. 1, 4) ‘Услышав это, спутники мудреца забеспокоились’ (обстоятельство причины), подлежащее (субъект) основного предложения и деепричастного оборота. Здесь имеется общее подлежащее: т. *Ачып сифни йырахрах битиктян тюштю йапрах* (0, 6) ‘Когда он открыл следующую страницу книги, из нее выпал лист’; *Буну кёрюп, кючюм толад* (0, 22) ‘Когда я вижу это, у меня набирается сила’. В этих двух примерах потенциальное подлежащее (субъект) деепричастного оборота не совпадает с подлежащим основного предложения, это свойство оборотов, выступающих в роли обстоятельства времени. Причем в первом примере грамматическое лицо субъекта ничем не выражено, во втором примере о нем можно догадываться по форме подлежащего основного предложения (1-е лицо).

Деепричастие на *-п* наиболее употребительное из всех деепричастных форм, в составе оборота имеет различные члены предложения: разные типы дополнений и определений.

Деепричастный оборот на *-п* с прямым дополнением наиболее распространенный тип: т. *Кёрюп йахиши ишлярийни, берирмин сювар берняляримни сайа* (Ков. 44) ‘Когда я увижу твои хорошие дела, я дам тебе любимые подарки’; *гануз артых увалтып карай джыматларны бютюн дунийада* (0, 3)... ‘Еще больше разбросав караимов по всему миру’; *Ким болалгэйт йаши кюнлярдя байлап тутма гар вахт оэюн* (Ков. 105) ‘Кто в молодости всегда может сдерживать себя’; *Багынайых окром не йетмид бизгя, тенияштирип тирлигимияни культурный тирлиги была оэгя джыматларнын* (0. 1, 15) ‘Посмотрим-ка только, чего нам не хватает, сравнив нашу жизнь с культурной жизнью других национальностей’.

Оборот на *-н* с дополнением в инструментальном падеже мало употребляется: т. *Кучусун колба баргэйлар, азиз йергя умурулгэйлар* (рук. 2, 3) 'Обнявшись руками, пошли бы они, чтобы они собрались на священной земле'.

Оборот на *-н* с дополнением в дательном-направительном падеже широко распространен. Обычно деепричастие образуется от глаголов движения: т. *Бир бу, ки Шелумел Лопато, йетип йакла 16 йашына, тюгяйти үврятювюн Мидраш Газзанимда, Гёзлевдя да кабул этти адын Эрбинин...* (0, 18) 'Одно то, что Шемумел Лопато, едва достигнув 16 лет, окончил Мидраш Газзаним (караимское духовное училище) в Гезлеве и принял звание Эрби'; *Керяк ибитип сувга сибирткини, сувутма битрах печни* (RO, V, 203) 'Необходимо, замочив в воде метлу, немного остудить печку'; г. *Терклигибэ окнун уцадлар алынга, ийип кезин йирак тенгизлэр артына* (КА. 3, 2) 'Быстротой стрелы они летят вперед, обратив свои взоры за далекие моря' – прямое дополнение и определение предшествует косвенному дополнению в дательном-направительном падеже.

Оборот на *-н* с дополнением в исходном падеже: т. *Алэй бизнин обьяримиз да, тойуп бар наметтян да сыйдан, башладылар терсяймья* (Ков. 145) 'Но и наши предки, насытившись всяких почестей, начали сворачивать с правильного пути'; *Алып арттагы айахларындан маймунну, ки чыгарма аны үвюндян, багынад, ки авзундан маймуннун тозулад кеп ахча* (ДК, 2, 12) 'Когда он схватил обезьяну за задние ноги, чтобы вынести ее из дома, он увидел, что из рта обезьяны сыплется много денег'; г. *Фахан кайтып Азиз йердэн, кабул этед истэмэк атына: Хаджи Ага* (КА. 1, 4) 'Гахан, вернувшись из Святой земли, принимает добавление к своему имени: Хаджи Ага'.

Оборот на *-н* с обстоятельством образа действия: т. *Болус ключлю ёсюп уңду* (Ков. 60) 'Став большим, станешь сильным'; *Нечик олтурду йалгыз калып ол шагар, кайсы эди кёп улуслу* (RO, VIII, 186) 'Как сидел он одиноко в том городе, в котором было много народу'.

Оборот на *-н* с обстоятельством времени: т. *Эртя туруп танбылада колтха тёгямин алныйда* (Ко. 9) 'Утром встав рано, сыплю молитвы перед тобой'; *Битрах тёзюп чыгат Симха* (Ков. 132)

‘Немного подождав, выходит Симха’. В исходном падеже в деепричастном обороте может выступать и обстоятельство времени: т. *Баслап бу киндэн калдырмабыз аны* (КА. 1, 2) ‘Начиная с этого дня, мы не оставим его’.

Оборот на *-н* с обстоятельством места: г. *Нецэ каракцы, туйуп йувуктан кыз авазларны, цапты бу йанга* (КА. 3, 8) ‘Несколько разбойников, услышав вблизи девичьи голоса, поскакали в эту сторону’.

Оборот на *-н* с отдельным подлежащим: т. *Кабул этип билюв, ки А. Катлама – карай, – тек өзюм болмайын анынба танышлыхта, мен, тюгянгяндя парад, джахтладым билинмя кертидян мо, ки карай калканлэйд Францианын бойавларын* (0, 40) ‘Узнав, что А. Катлама – караим, но я сам не будучи знаком с ним, когда кончился парад, я поспешил узнать, правда ли, что караим защищает цвета Франции’. Деепричастие на *-н* в отрицательном аспекте имеет форму *-майын*. Отрицательная форма деепричастия большей частью употребляется в предложении как отдельный член, вне деепричастного оборота и выполняет функции обстоятельства образа действия: т. *Тохтанмайын авур, ачы йаашларым...* (Ков. 58) ‘Не останавливаясь, мои тяжелые, горькие слезы...’; *Кулдунлардан анди иисляр, ки татмайын джанны тиргизяд* (0, 7) ‘От пельменей идет такой запах, что человек, еще не попробовав их, наслаждается ими’.

В редких случаях форма на *-майын* может образовать деепричастный оборот в основном с дополнениями, иногда – обстоятельством. С дополнением в винительном падеже: т. *Биз тирилябиз эгирминчи йүз йыллыхта – дорда, кайсында керякли өзболмах үчюн ченгяшмя эндирмяйин колларны* (0, 5) ‘Мы живем в двадцатом веке – в период, когда нужно бороться за самоопределение без применения рук’. С дополнением в исходном падеже: т. *Кёп артых отуз йылдан, чыхмайын ичкиридян, капчух кибики олтурду, битиклярни охуду* (0, 6) ‘Свыше тридцати лет, не выходя из комнаты, сидел как мешок, читал книги’. С обстоятельствами: *Узах тёзмяйин, алды бирнечя алтынчэх, сатыналды ун да тюзюдю моедни* (ДК, 2, 12) ‘Долго не ожидая, он взял несколько кусков золота, купил муку и устроил себе праздник’.

Из примеров видно, что деепричастие на *-n*, как правило, предшествует другим членам конструкции оборота, что отличает караимский язык от других тюркских языков.

Деепричастные обороты, образуемые формой на *-a*

Деепричастие на *-a* менее употребительно по сравнению с деепричастием на *-n*. Деепричастие на *-a*, а также деепричастный оборот, образуемый им в предложении, выполняет функции обстоятельства образа действия и выражает способ, манеру, позу и т.д. действия.

Отдельное употребление деепричастия на *-a* в функции обстоятельств образа действия. Обычно в этой роли выступает деепричастия, образованные от непереходных глаголов: т. *Джахтлэй турду тыркы артындан бетярряк йашлар тегюлдюляр* (0, 7) 'Она поспешно встала из-за стола, слезы полились еще сильнее'; *Йазгы кюндя бахчачехта куйаиш үсню эки коншу олтура сёзляштилляр* (МК, 3, 21) 'Летом в садочке на солнце два соседа сидели и разговаривали'. Однородные деепричастные обстоятельства образа действия: *Сёзлей, кюля терк чыхтылар карайкалар бир азбардан* (Ков. 56) 'Разговаривая, смеясь, быстро вышли караимки с одного двора'.

Оборот на *-a* с прямым дополнением в винительном падеже обычно образуется деепричастием, производным от переходного глагола: т. *Муйайта туйунчлу ўрякни кёпсюндя...* (0, 33) 'Делая грустным чувствительное сердце у многих...'; *Сизни сювя бийийиз болушту сизгя барында* (С, 77) 'Вас любя, ваш хозяин помогал во всем'; *Сайа, кёркюм, клэй маззалны, кючлю тёгям йашларымны* (Ков. 60) 'Тебе, моя красавица, желая счастья, обильно лью я слезы свои'; *Душманлар сыныхты, тишини джынгырдата, кючсюз йаманлыхта ач кёзюн йылайя* (МК, 11, 7) 'Враги скрипели зубами от злости, в бессильной злобе щурили глаза'.

Прямое дополнение в деепричастном обороте выражается также именем в основном падеже: т. *Сарай ортасында, баш кётюря, мрамар турадыр* (КА. 1,12) 'Посреди дворца, подняв голову, стоит

мрамор (мраморная фигура)'.

Обороты на -а с косвенным дополнением в дательном-направительном падеже: т. *Чафонга бурула-бурула барадыр ол йел...* (Рук. 1, 8) 'Этот ветер идет, поворачиваясь к Чофону'; *Бу вахтлых сымарлады оэюня кючюня кёря бермя эрянлярина джыматымызын бу бюртюклярни терягиндян кен билмякнин, не борчлудырлар тохтама эсиндя гар карайнын* (0, 1, 2) 'Этот журнал посвятил себя в меру своих сил раздаче членам нашей общины этих зерен с дерева познания, что обязан запоминать каждый караим'.

Оборот с косвенным дополнением в исходном падеже: т. *Не была майа йубанма, сюварлярдян айырыла* (RO, III, 231-232) 'Чем же мне утешиться, когда я разлучился с любимыми'. В этом примере весь деепричастный оборот выполняет функцию обстоятельства времени.

Оборот с косвенным дополнением в местном падеже: т. *Бола ирах йердя, мени тут эсийдя* (Ков. 90) 'Когда ты будешь вдали (досл. будучи в далеком месте), помни обо мне'.

Оборот с косвенным дополнением с послелогом: т. *Мен багына сени (сню, сескяндим кёрмейдогон...* (Д. 396) 'Я, смотря на тебя, испугался, не увидев...'

Оборот с обстоятельством образа действия: т. *Булэй кыла, инаныйыз, барын тирлик сизгя, берир* (Ков. 56) 'Делая так, поверьте, что жизнь даст вам все'.

Деепричастные обороты, образуемые формой на -догон

Отдельное употребление формы на -догон в функции обстоятельств (в основном – образа действия). Деепричастие выражает действие субъекта, сопровождающее главное действие: т. *Иштырынадлар чыхма, кийинядогон, ирлэйдлар* (Ков. 114) 'Она собирается выйти из дома, одеваясь, поет'; *Бешинчи ишчи (чы(адогон): ах олсейт йахшырах бу базык карынлы* (Ков. 132) 'Пятый работник, (выходя): ах, лучше бы умер этот толстопузый'; *Титрейдогон оэят мюслюм сенин табаныйны* (КА. I, 11) 'Дрожа, мусульманин целует твою подошву'; *Балых балкыйдогон чомат* (Ков. 80) 'Рыба, сверкая, купается'.

Наиболее употребительны обороты с дополнением в винительном и дательном-направительном падежах, что связано, по-видимому, с употребительностью глаголов действия и зрения в подобных конструкциях.

Оборот с прямым дополнением в винительном падеже: т. *Хаина (öрядогон ипни): карт уже сен, достчам, карт* (Ков. 109) 'Ханна, (скручивая нитку): стара ты уже, подруга моя, стара'; *Эки фор эди келгян шаммаш, коладогон борчну* (Ков. 122) 'Два раза приходил шаммаш (священник), прося долг'; *Ол вахттан мен астры сювдюм аны сагынадогон ачылыгыын гертмянин* 'С тех пор, почувствовав горький вкус груши, ялюбил ее'.

Обороты на *-адогон* с косвенным дополнением в дательном-направительном падеже: Деепричастие выражено глаголом зрения *багын-* 'смотреть', *кёргюз-* 'показывать': т. *Татлы тилчек (багынадогон йанларга, йаманлыхба): Но, тожже сен... мен сайа кёргюзюм* (Ков. 138) 'Татлы тилчек, (оглядываясь по сторонам, со злостью) но, ты тоже... я тебе покажу...'; *Иосеф (корхадогон да багынадогон йанга): Ол, керти, өзгя диндян, вале йахишы адам* (Ков. 132) 'Иосиф, (испуганно и глядя в сторону), Он, правда, из другой веры, но хороший человек'. Переходный глагол *кёргюз-* в тюркских языках обычно управляет как винительным, так и дательном-направительным падежом: *Ана беряд 40 осмак уланга да айтад, кёргюзюдогон анар: багын!* (ДК, 2, 16) 'Мать дает мальчику 40 осмаков и говорит, показывая ему: смотри!'.

Обороты на *-адогон* с косвенным дополнением в других падежах употребляются редко: С косвенным дополнением в местном падеже: т. *Бу эди йарты кечядя, йарыгында толу айнын, олтурадогон үстюндя Доминикански горанын* (Ков. 62) 'Это было в полночь, в свете полной луны, когда сидели на Доминиканской горе'.

С косвенным дополнением в исходном падеже: *Галя, кайырыл-мэйдогон орнундан...* (Д, 396) 'Галя, не поворачиваясь с места...'. Обороты на *-адогон* с обстоятельствами также малоупотребительны: Времени: т. *Качан кетядогон кёрдюм мен Трохну, йылады сызлаван үрягим* (0, 33) 'Когда, уезжая, я увидел Троки, мое сердце плакало от боли'. Места: *Буну барын эскя алсам,*

боладогон йат кырыйда (Ков. 80) ‘Когда я вспоминаю все это, будучи в чужом краю...’.

Обороты на *-адогон* с инфинитивом являются спецификой караимского языка: т. *Анын үчюн, клямидогон гануз артых калма артта нечик барбыз, алындых кылма арасында Поневеж джыматынын кичидя башлых, ишанадогон, ки ол сёнмяст* (0, I, 1). ‘Поэтому не желая отставать еще больше, чем сейчас, мы решили заложить небольшое начало среди Поневежской общины, веря, что оно не погаснет’.

Деепричастные обороты, образуемые формой на т. *-адогоч*, г. *-адогац*

По своей функции деепричастия на *-адогоч* особо не отличается от предыдущих форм. Деепричастие, также как и образуемый им деепричастный оборот, в предложении выступает в роли, главным образом, обстоятельства образа действия.

Отдельное употребление деепричастия в качестве члена предложения. Чаще всех употребляется глагол речи *айт-*: т. *Иштырылдылар йангы бийлик эрянляр кеняшкя да кадага эттиляр иймя оталы сувундан Шайтан чогахрахнын дёртсю дя тарафына йернин айтадогоч...* (0, 11) ‘Собрались на совет новые руководители государства и решили послать из ядовитой воды Чертова источника во все стороны земли со словами (досл. ‘говоря’)’; *Айтадогоч: ким бу ол багынадогон шагар кибик* (Шир, 6, 10) ‘Говоря: кто это, смотрящий как заря?’. В функции отдельного члена предложения употребляются деепричастные образования и от других глаголов, в основном – глаголов действия, движения: г. *Да басурдулар Хаджи Агага, коладагац, ки буйургай кайтма арткары да сыйың тапма ол салада, кайсын алар узак тивил астлар* (КА, 1, 5) ‘И они поклонились Хаджи Аге, прося его, чтобы он приказал вернуться назад и расположиться в том селе, которое они миновали недавно’; *Кердлэр алар асадогац, ки анда табуладлар аскерлэр, кайсылары абрайдлар бу йол кесекни* (КА, 1, 5) ‘Перейдя, они увидели, что там находятся войска, которые сторожат этот участок дороги’.

Деепричастные обороты на *-адогоч* с прямым дополнением в винительном падеже. Наиболее употребительны обороты с

дополнением в винительном падеже: т. *Коладогоч аны болма маршалакба...* 'Прося его быть предводителем...'; г. *Ухуган Товия Леви-Бабович... тинтэйдогоац йазыс ыстырмагын Авраамнын Фирковичнин... тапты анда бир битик* (КА. 1, 22) 'Ученый Товия Леви Бабович, разбирая рукописи Авраама Фирковича, нашел там одно письмо'.

Оборот на *-адогоч* с косвенным дополнением в дательном-направительном падеже: т. *Сакладылар сукланчы да Ходжа хазнасын тилимизнин, кийирядогоч аны йалбармахка, колтхаларга...* (0, 2) 'Они сохранили прекрасное и богатое сокровище нашего языка, вводя его в молитвенники...'

Оборот на *-адогоч* с косвенным дополнением в исходном падеже: т. *Излядиляр йем öзляриня, кайтарадогоч öлюдян джанларын* (RO. X, 161) 'Они искали себе пищу, ставя свою душу на грань смерти'.

Обороты на *-адогоч* с обстоятельствами. Наиболее употребительны обстоятельства образа действия: г. *Да туйадогац изэ гали ненди-эс сагысламайдогац, алды кагыттан толу кос увуц циэлэр* (КА, 3, 3) 'И чувствуя (это), рывком, еще как-то не подумав, он взял с бумаги полную пригоршню вишни'; т. *Билмибиз, шемя, булэй айтадогоч, йанылабыз, вале бир нечя факт таберядляр бизни ушэйдогон музгул сагышларга* (0, 5) 'Мы не знаем, может быть, говоря так, ошибаемся, однако некоторые факты приводят нас к похожему мыслям'.

Оборот на *-адогоч* с инфинитивом (с инфинитивным оборотом): *Клэйдогоч болма тёрявчюляримизга да агарахларымызга «инамлы элчилярбя»* (ДК 2, 1) 'Желая быть «верными послами» наших родителей и старших'.

Деепричастные обороты в караимском сохраняются главным образом в письменных текстах, а в разговорной речи картина несколько иная, происходит ограничение их употребления. В гагаузском языке процесс сужения синтаксических функций деепричастий не зашел так далеко^{19 50}, как это в караимском языке, где деепричастные обороты заменяются конструкциями с личными формами глагола.

^{19 50}Покровская Л.А. Синтаксис гагаузского языка..., с. 125.

ИНФИНИТИВНЫЕ ОБОРОТЫ

В отличие от многих тюркских языков, в которых так называемая форма инфинитива по существу является именной формой глагола и сохраняет грамматические свойства отглагольного или глагольного имени, в караимском языке в результате его своеобразного исторического развития инфинитив сформировался как неличная форма глагола наряду с деепричастием и причастием.

Караимский инфинитив исторически представляет собой производную именную форму глагола, поэтому в отличие от других неличных форм глагола его семантика не соотносится с определенным временем, он не принимает форму лица, числа, принадлежности, в редких случаях к нему присоединяются некоторые формы залога, но не изменяется по формам наклонения.

Форма инфинитива образуется аффиксом т. *-ма/-мя*, г. *-ма/-ме*, отрицательная форма – т. *-масха* / г. *-маска*⁵¹. Эта форма помимо указанных не принимает также форм падежей, аффиксов аспектов глагола. Ср. форму на *-у* казахского языка, которая в Казахстане принята как форма инфинитива, которой свойственно присоединение многих словоизменительных аффиксов имени и глагола: *бармауларына болады* ‘им можно не пойти’; – *бар-ма-у лар-ы-на* и т.д., что невозможно в караимском языке.

Употребление инфинитивных конструкций в основном характерно для разговорной речи в часто употребительных разговорных формулах: т. *йарэйт кирмя* / г. *йарайт кирме* ‘можно войти’ и т.д.

Функционирование формы инфинитива в предложении тесным образом связано с модальными словами, предикативами и определенными группами семантически объединенных глаголов, с которыми связь инфинитива осуществляется аналитически.

Наиболее употребительными в сочетании с формой инфинитива являются предикативы: т. *керяк* / г. *керек* ‘нужно, надо’, т. *йарэйт*, г. *йарайт* ‘ладно, хорошо’, модальные и другие глаголы, связанные с семантикой желания, просьбы, вспомогательные глаголы дей-

⁵¹ Мусаев К.М. Грамматика караимского языка, с. 294.

ствия, движения, чувства, речи, а также некоторые имена: т. *вахт кетмя* ‘пора идти’ и т.д.

Инфинитивные обороты в караимском языке получили широкое распространение благодаря влиянию славянских языков.

Инфинитив на *-ма* в караимском языке может употребляться как в составе инфинитивного оборота, организующим центром которого он является, так и отдельно, в качестве самостоятельного члена предложения.

Отдельно стоящий инфинитив выступает в функции:

а) подлежащего: т. *Сонрах олтурду ол ортанчи олтурушка, тек бунда да колайлырах туююл эди олтурма* (0, 34) ‘Затем она села на среднюю табуретку, но и на ней было неудобно сидеть’;

б) дополнения: т. *Астры колабыз кодуйузну келмя* (Ков. 113) ‘Очень просим вас прийти’; *Астры клягейдим тирилмя* (0, 23) ‘Мне очень хочется жить’;

в) обстоятельство цели и назначения: т. *Фар кюн үрюдляр бахчага багынма, йохтма уңлу хыйар, нени кётюрмя* (RO V, 213) ‘Каждый день идет в сад чтоб посмотреть, нет ли крупных огурцов, которые нужно снять’; *Бу дунйалых тилдя йохт кюч йомахлама* (МК, 2, 24) ‘В языке этого народа нет сил, чтобы рассказать’;

г) в составе сложного сказуемого инфинитив выступает как один из его компонентов: *Бир нечя гахам, кёрядогон аларнын йыгылмахларын, башладылар айтма, ки ташлагэйлар йаман ишин* (Ков. 145). Здесь инфинитив сочетается с вспомогательным глаголом, придающим видовое значение. ‘Несколько гахамов, увидев их падение, начали уговаривать их, чтобы они бросили свое дурное дело’. *Чювюрюлдю фикирим ичимдя, ки танма тандым* (RO, VIII, 162). Повторение рядом с инфинитивом его основы в личной форме – распространенное явление: ‘Мои мысли о том, что я изменил, отвернулся, кружились в моей душе’. В редких случаях инфинитив может употребляться и отдельно в функции сказуемого: т. *Эгяр билмя, то бу меним хатаным эди келгян* (Д. 396) ‘Если [хотите] знать, тот, кто пришел, был мой жених’.

В приведенных примерах видно преобладание семантики имени, которое как бы замещает инфинитив как отглагольное образование. Это, по-видимому, первичные семантика и функция формы на *-ма*.

В функции организующего центра оборота инфинитив приобретает больше глагольных свойств.

Инфинитивные обороты в предложении выполняют в основном те же функции, что и отдельный инфинитив, но в развернутом виде. В редких случаях инфинитивный оборот может выступать в функции определения: т. *Вахт ойатма йуклэйдоголарны да болушма аларга* (Ков. 114) 'Пора разбудить спящих и помочь им'. Развертывание инфинитивного оборота происходит за счет включения в его состав разнообразных возможных членов предложения, которые могут присутствовать при глагольном сказуемом, функцию которого берет на себя инфинитив: подлежащего, дополнения, дополнения с определениями, обстоятельства. В большинстве своем оборот образуется за счет дополнения.

Инфинитивный оборот с прямым дополнением в винительном падеже – наиболее распространенный тип, инфинитив образуется от переходных глаголов.

С дополнением в винительном падеже без определения – самый распространенный вид оборота. Весь оборот может выступать в функции различных развернутых членов предложения: обстоятельства цели: т. *Да иштирылдылар бирдяи келмя йубатма аны да вуутма аны* (Ков. 3) 'И они собрались прийти вместе и утешать его'. Прямое дополнение: *Бары бир орунга баилэйдлар элемя унну* (RO, V, 203) 'И все в одном месте начинают сеять муку'; *Анда йазад эстя тутма Трохну* (ДК. 2, 6) 'Там пишет помнить о Троках...'. Косвенное дополнение: г. *Сондра керек сагыс этме, нечик арттырма халымызны* (КА, 11, 19) 'Затем нужно подумать о том, как улучшить наше положение'.

Прямое дополнение в винительном падеже может иметь при себе различные определения, расширяя рамки оборота: Подлежащее: т. *Нечик авур туююл ашырма ушбу сынавларны, Иовга эди бетяряк* (0, 9) 'Как ни трудно ему пройти через эти испытания, Иову было труднее'. Обстоятельство цели: *Чешия тирлик туююмчюкню йох ус* (Ков. 108) 'Нет ума, чтобы развязать узел жизни'; *Сагынма игитлигин да кайнар сюварлигин...* (0, 7) 'Чтобы вспомнить свою молодость и горячую свою любовь...?'

Инфинитивный оборот с прямым дополнением в основном (неоформленном винительном) падеже – дополнение выражает неопределенное, обобщенное понятие, предмет: т. *Эгяр блинлар ишлямя, сансыз может ашама* (Ков. 73) ‘Если сделать блины, он может есть их бесконечно’. Дополнения: *Гале керяк гадирлямя йер чачмахка кыйарны* (РО, V, 212) ‘Теперь необходимо подготовить землю для того, чтобы посеять огурцы’.

Инфинитивный оборот с дополнением в инструментальном падеже: определение: т. *Клявчюляргя увахрах билинмя тирлик йазысыба Шелумелнин биз уряктян кеняш этиабис таньшима сагынган артыкулуба А. Марджовичнын* (0, 16) ‘Желающим подробнее узнать биографию Шелумеля, мы от всего сердца советуем познакомиться с упомянутой статьей А. Марджовича’. Обстоятельство цели: *Ки болма карайба йетти тювюл чызма бу адны кагытларымызда* (0, 5) ‘Чтобы стать караимом, недостаточно написать это имя в наших документах’. Дополнение: г. *Мен ...келдим йирак тарафтан да клэймен сезлеме Хан Арабба эзибе бир ис ицин* (КА. 1, 5) ‘Я приехал издалека и хочу поговорить об одном деле с самим Хан Арабом’; *Унутма керисме багатырба Хан Арабба* ‘Не забудь повидаться с богатырем Хан Арабом’.

Инфинитивный оборот с дополнением в дательном-направительном падеже: сказуемое: т. *Ким болалад минмя бу тавуйа?* (0, 14) ‘Кто сможет взойти на эту твою гору?’. Подлежащее: *Йетти сайа сёзлямя* (Ков. 122) ‘Хватит тебе говорить’. Определение: *Бу бутаклары билмякнин, кайсынар борчлубуз бегянмя, аныс берирляр кён увах бутаклар* (0 1, 5) ‘Эти ветви знания, которым мы должны радоваться, еще дадут много мелких ветвей’.

Инфинитивный оборот с дополнением в местном падеже: Обстоятельство цели: т. *Бурунгу борчумузба санэйбиз тюзял этмя терян кюсянчимизни – йазма да бастырма битикляр арув карай сёзюндя* (ДК. 2, 1) ‘Своим долгом считаем осуществить нашу мечту – писать и печатать книги на чистом караимском языке’; *Дунйаны сювмясэди, немед ишлямясэди, анчах усну таньма да битиклярдя тинтмя* (0, 6) ‘Он не любил людей, ничего не делал – только изучал мудрость и копался в книгах’.

Инфинитивный оборот с дополнением в исходном падеже: Дополнение: т. *Карындашым клэйд мендян тюзню кетярмя* (У.)

‘Мой брат хочет, чтобы я лишился справедливости’. Сказуемое: *Да бу ченгяшмяк карай – культура учюн, уммалы «озалламах» учюн борчлу башланма окром Карай Ортагындан* (0, 5) ‘И эта борьба за караимскую культуру и за общественное «самоопределение» должна начинаться с Караимского Союза’.

Обстоятельство цели: *Эгер авруса белни, то иштырма таштан мох, да биширма сувда да ичмя кечяликкя йахшы* (МК. 12, 54) ‘Если болит поясница, то хорошо собрать мох с камней, кипятить его в воде и пить на ночь’.

Инфинитивный оборот с дополнением, имеющим при себе послелог: Дополнение: т. *Фахан кайнар кеняшляди ачмахка ол сакканалы чогаархны да тайанма шевагаты үсни тенринин* (0, 9) ‘Гахам горячо советовал открыть тот проклятый источник и опираться на милость бога’; г. *Да буйур элине барма сенин артын* (КА. I, 7) ‘И прикажи своим людям, чтобы они пошли за тобой’.

Инфинитивный оборот с обстоятельствами: образа действия: – дополнение: т. *Ол клэйт барма энгярк тювюл* (0, 20) ‘Он хочет идти не по-другому’; *Сон керяк сабан сюрмя экинчи фор* (RO, V, 212) ‘Затем нужно пахать второй раз’. Обстоятельство цели: *Мен клэйм сени, достчам, сондрагы фор өпмя* (Ков. 59) ‘Я хочу тебя, подруга моя, поцеловать в последний раз’.

Обстоятельства времени: оборот – как самостоятельное предложение: *Йылама йылэйдыр кечя была да йашы йайагы үстюня* (RO, X, 158) ‘Плачет он вечерами и слезы на его щеках’.

Имя в местном падеже в составе инфинитивного оборота выполняет функции обстоятельства места и времени: т. *Керяк вахтында башлама йүрмя* ‘Нужно вовремя начинать двигаться’; *Недян бунда башлама?* (Ков. 115) ‘С чего тут начинать?’.

Обстоятельство цели: т. *Вахт кетмя отрачха, да балых да тутма, иштырма чечякляр, да сувда чомунма* (Ков. 95) ‘Пора идти на остров и ловить рыбу, собирать цветы и купаться в воде’.

Приведенные выше материалы показывают специфику караимского языка в отношении формы инфинитива, имеющей многочисленные различия как в семантике и сочетании с другими словоизменительными морфемами, а также в образовании синтаксических конструкций, которые не свойственны «инфинитивам» других тюркских языков. В отличие от других

тюркских языков в караимском инфинитивные конструкции распространены весьма широко.

Очевидно, такое широкое распространение инфинитивных конструкций в караимском языке возникло в результате калькирования славянских инфинитивных оборотов в повседневной практике разговорной речи в процессе длительного существования караимско-славянского двуязычия, в последующем перешедшего в славянское одноязычие. Широкое употребление инфинитивных оборотов характерно не только для языка народной массы, но и для языка писателей и поэтов, так глубоко проникли они в языковое сознание караимов.

ТИПЫ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО МОДАЛЬНОСТИ И ИНТОНАЦИИ

Простые предложения по модальности и интонации бывают: 1) повествовательные, 2) вопросительные, 3) побудительные и 4) восклицательные.

Повествовательное предложение

Повествовательное предложение у говорящего имеет целью сообщить собеседнику какой-либо факт, явление и т.д.

Повествовательное предложение, так же как и другие типы предложений бывают глагольными и именными, глагольные по своему значению бывают: положительные, отрицательные, возможности, невозможности, соответственно формам аспектов, имеющих в глагольном сказуемом. Именные повествовательные предложения бывают только положительными и отрицательными.

Положительные: г. *Атындан битин дзыматнын утрулады аны узунрак сез была адвокат Захария Новахович* (КА. 11, 27) 'От имени всей общины его встретил адвокат Захария Новахович своей пространной речью'.

Отрицательные: а) в глагольных отрицание выражается аффиксом *-ма* или частицей *тююл*: т. *Берям да колма* (Ков. 122) 'Не дам и не проси...'; *Йанмыйдыр бир де үвдя отчохлар* (МК, 3, 20). В этом примере отрицание усиливается частицей *де* при определении 'Ни в одном доме не горит огонь': г. *Бери де конагын йенмэйд*

(погов.) ‘Даже волк не побеждает своего гостя’. С частицей *тjовjол*: т. *Ки болма караиба йетти тjовjол чызма бу адны кагытларым-мызда, алэй öзjю нечик кичи анлатув...* (0, 5) ‘Чтобы быть караимом, недостаточно написать это имя в наших документах как маленькое напоминание’; *Кип йаврунуй эмин калмаст* (МК, 1, 23) ‘Твои крепкие плечи (спина) не останутся свободными’. б) именные: выражаются посредством частицы *тjовjол* ‘не’: т. *Бу тjовjол сизгя тишили* (Ков. 110) ‘Это к вам не относится’; *Керти, джыматымыз уллу тjовjолдюр* (0, 4) ‘Правда, наша община невелика’.

Возможности: г. *Булай болалады йазма анцак тикри Карай, сививци кайнар дзаны была да йалынланган йиреги была улусун эзинин* (КА. 11, 24) ‘Так может писать только настоящий караим, который любит свой народ горячей душой и пламенным сердцем’.

Невозможности: т. *Вале кишидэ болалмады тапма аны бу вахта дейин* (0, 12) ‘Но никто до сих пор не мог найти его’; *Йетямис усба анлама Бунйатларын тjюзjвярнин* (ДК, 2, 3) ‘Не достигнешь умом основы мироздания’; *Табалмады орун джаны* (Ков. 115) ‘Его душа не могла найти места’; *Ол сёзjяйалмыт* (Ков. 123) ‘Он не может говорить’.

Вопросительное предложение

Главная цель говорящего в вопросительном предложении – узнать что-либо, получить какие-либо сведения у собеседника. Вопросительное предложение образуется следующими грамматическими средствами: 1) вопросительной частицей, 2) вопросительными местоимениями. При всех этих грамматических средствах в устной речи обязательно наличие интонации вопроса, которая может образовать вопросительное предложение и без помощи указанных выше грамматических средств, в письменной речи это обозначается вопросительным знаком.

1) Вопросительные предложения, образуемые посредством вопросительной частицы, которая может употребляться как с глаголом, так и с именем:

а) именные вопросительные предложения образуются сочетанием частицы с именными частями речи. С именем существительным: т. *Керти-мё тjовjол?* ‘Не правда ли?’; *Керти-мо,*

дядя, *ки качанэс өзгя эди нечик кёрябис?* (0, 33) 'Правда ли, дядя, что когда-то было иначе, чем то, что мы видим?'. С наречием: г. *Кёп-мо алар бардлар?* (КА, 8, 10) 'Много ли их?'; т. *Кёп-мя-ж сайа керяк?* (Ков. 128) 'Много ли тебе нужно?'. С предикативом: *Бардлар-мо эстя окром карайлары Лехистаннын?* 'Помним ли мы только польских караимов?'. С указательным местоимением: *Бу-мо булэй бездим кодууызга?* 'Что я так надоела вам?'; *Бу-мо кишидя йох?* (Ков. 129) 'Что это никого нет?'.
Вопросительная частица *-мо* не всегда выражает вопрос: т. *Бары-ма нени джаным булэй сювдю, бары-ма нени ўрягим өстюрдю?* 'Это ли все, что так любила моя душа, это ли все, что растило мое сердце?'. В этом примере говорящий не стремится получить ответ на вопрос, он убежден в своей правоте;

б) глагольное вопросительное предложение с частицей *-ма*: В настоящем времени: т. *Биясиз-ма, не ўчюн мен сювдюм аны?* (Ков. 67) 'Вы знаете, почему я ее полюбил?'.
В будущем времени: *Болур-мо ол астры кайнар?* (М., 21) 'Будет ли он очень горячим?'.
Наиболее употребительны глаголы в прошедшем времени: *Туйду-ма ўрягий?* (Ков. 58) 'Почувствовало ли твое сердце?'; г. *Келдин-мо анар болуслукба? Кипледик-мо анын сувсаплаган эринлэрин? Кыйналдык-мо анын кыйыныба?* (КА, 1, 2) 'Явились ли мы к нему на помощь? Дали ли мы влагу его жаждущим губам? Мучились ли мы его муками?'; т. *Ашадылар-мо катынлар йемишлярин өстюргян уланларнын?* (РО, X, 164) 'Ели ли женщины плоды своих детей, выращенных ими?'; *Тюшмяди-мо анын ўсню-дэ карангылых, карангылыгы гёрнюн?* (0, 24) 'Не пал ли на него мрак, мрак могилы?'.
2) Вопросительные предложения, образуемые вопросительными местоимениями и их разными формами. При этом вопросительное местоимение может иметь различные падежные формы и сочетаются с глаголом, чаще в функции сказуемого с предикативными словами, рядом падежей.

Вопросительные предложения с местоимением *ким?* 'кто?': г. *Ким онарды таласта? – Моше. Кимнин кабургасы сынды? Мошенин* (погов.) 'Кто преуспел в драке (и ссоре)? – Моше. У кого ребро сломалось? У Моше'; т. *А ким меним олтурушумда олтурду?*

(0, 35) 'А кто сидел на моем стуле'; *А ким-же сёзлейт?* 'А кто же говорит?'; *Ким берет?* (*Бир*) *киши дя* 'Кто (есть) дома? – Никого нет'.

Вопросительные предложения с местоимением *не?* 'что?': г. *Не йетмэйд адамга? Кереге керекнин* 'Чего не хватает человеку? Нужного из нужных'; *Не бу сен, тилсиз?* (КА, 5, 30) 'Что ты, языка нет?'; т. *Не бола Карын, Башчэх да Айкалар? Бары савлар?* (Ков. 99) 'Как поживают Живот, Голова и Ноги? Все здоровы?'; *Не ойатырсыз да не козгарсыз сюварлигин негинчя ки ёзю клягей?* (Шир. 8, 4) 'К чему будите вы и к чему тревожите вы любовь, пока она сама не захочет?'.

Вопросительные предложения с производными формами местоимения *не?*: В винительном падеже: т. *Нени келдий беря?* 'Зачем ты пришел сюда?'. С частицей: *Анын үчюн турад сормах: нек немедя үрянмибиз улусумуз үчюн?* (0. 1, 3) 'Поэтому встает вопрос: «Почему мы ничего не читаем о нашем народе?»'. С формой инструментального падежа и частицей: *Можже керяк болушма сизгя небя-да?* 'Может быть вам помочь чем-нибудь?'. С уменьшительной формой: *Нечик ишлярбиз йерлярбя?* (Ков. III) 'Как нам поступить с землей?'. С послелогом: *Не үчюн сен тюнягюн келмедий майа үрянмя?* (ДК, 2, 15) 'Почему ты вчера не пришел ко мне учиться?'.

Кай? и его производные: с формой местного падежа и частицей: т. *Кайда-ж ходжа безяргляр?* (Ков. 129) 'Где же богатые торговцы?'; с формой исходного падежа: *А сен, шычан, кайдан?* (Ков. 116) 'А ты, крыса, откуда?'.

3) Вопросительные предложения без грамматических показателей (только с вопросительной интонацией): т. *А сен эртядян келдий?* (Ков. 127) 'А ты рано пришел?'; *Йахшы, сиз ачмыйсыз?* 'Хорошо, вы не откроете?'; *Йарэйт кирмя? – йарэйт...* (Ков. 117) 'Можно войти? – Можно...'; *Ага... то кодуй йалгыз? – Да йалгыз* (Ков. 112) 'Ага... вы одни? – Да, одна'; г. «*Терк кетэсиз?*» – *сорду ол Нысандан* (КА, 3, 3) '«Скоро уедете?» – спросил он Нысана'. Без вопросительной интонации эти предложения будут повествовательными. Широкое распространение этого типа вопросительного предложения – специфика караимского языка, она характерна в основном для тюркских языков западного региона.

Побудительное предложение

В побудительном предложении говорящий обращается к собеседнику, к себе или к группе, к которой он причисляет себя (1 л. мн. ч.) с выражением своей воли, побуждающей перечисленных лиц к определенному действию или отказу от действия. Поэтому сказуемым побудительного предложения выступает глагол. С этим связано и то, что грамматическим показателем побудительного предложения выступает форма повелительного наклонения:

1) сказуемое во 2-м л. ед. ч. повелительного наклонения, непродеривный глагол т. *Тап сен. йахшы хатанчэх меним Лидочкама* (Ков. 125) 'Найди ты хорошего жениха моей Лидочке'; *Багын, тюгятмядий, ишийни* (У.) 'Смотри, ты не кончил свое дело'; *Ойан теркряк чиримийдан* (0, 22) 'Проснись скорее ото сна'. Производная форма глагола: *Ачувланма, кодуй, меним үсню* (Ков. 132) 'Вы не сердитесь на меня'. Глагол в отрицательной форме: *Сен майа бурма мийларны да айландырма тишлярни* (Ков. 116) 'Ты мне не морочь голову (досл. 'не крути мозги') и не заговаривай зубы'; *Багынма меним үсню, сен, тюгялчям* (Ков. 63) 'Не смотри на меня, ты, красавица моя'. Сказуемое – производный глагол во втором лице множественного числа: т. *Йомахлайыз теркряк, не анда йангыны* (Ков. 112) 'Рассказывайте скорее, что там нового'. Корневая глагольная форма может осложняться частицей *-да, -та*, которая придает оттенок просьбы: т. *Сен ач-та* 'Ты открой же'.

2) Сказуемое в форме повелительного наклонения 2 л. ед. ч. *-гын*. Более употребительна данная форма в караимских молитвах, где часты обращения к Богу: т. *Кёргин бар ич алмахларын аларнын* (RO, X, 168) 'Посмотри ты на всю их мечь'; *Булутну кибик йазыгынны алыслатхын* 'Разгони мои грехи подобно тучам'; *Колзун, не бермя сайа? Бергин кулуйа акыллы үряк* (0, 21) 'Проси, что тебе дать? Дай своему рабу умное сердце'; *Кюндяги отмягимизни бергин бизгя* (Ко., 7) 'Дай нам хлеб наш каждодневный'; *Авазымны эшиткин, йашырмагын эшитювярийни йалбармагыма да тефинлямя* (RO, X, 168) 'Слушай мой голос, не отвергай своих ушей от моих молитв'; *Тюз йолларыйдан азаштырмагын бизни, анчах кутхаргын бизни азгыртувчудан* (Ко. 7) 'Веди нас по пути праведному, и избавь нас от соблазнительей'.

3) Сказуемое в 1 л. ед. ч.: *Турайым энди да курайым шагарда, изляйим, нени ки сювдю джаным* (Шир. 3) 'Встану-ка теперь и обойду весь город и поищу-ка того, кого любит душа моя'.

Мн. число 1 л. более употребительно: т. *Тойдурайых бар ачларны..., тынлайых агарахларны* (Ков. 71) 'Насытим-ка всех голодных, давайте слушаться старших'; *Тинтяйик йоңларымызны, да тергяйик, да кайтайых раст тешува была адонайга* (РО, X, 167) 'Давайте исследуем наши пути и обратимся к господу с раскаянием'; *Сыйлы сёзлярни абрайых, бар картларны сыйлайых* 'Давайте беречь слова заветные, уважать всех стариков'.

4) Побуждение к действию может быть выражено в виде желания, пожелания, что осуществляется формой глагола на *-гай*, 1 л.: т. *Биз карайлар элткейбиз сёзюмюзню тувмуш тилимиздя, да ки улгайтхэйбыз арамызда уммалы «өзалламыгымызны»...* (0, 5) 'Нам, караимам, следует разговаривать между собой на родном языке и развивать свое общественное самосознание'; 2 л.: т. *Кёрюнгейс, йох немет* (Ков. 133) 'Посмотри-ка, ничего нет'. Наиболее употребителен данный вид побудительного предложения в 3-м л.: т. *Болгэйлар барлары базлыхта да тынчлыхта* (Ко. 5) 'Пусть все будут в спокойствии и мире'; *Кеткей джанларындан тарлых, кёп йарлыгаш артхэй* (0, 5) 'Пусть уйдет гнет с их души, пусть увеличится их благосостояние'; *Ушпу колтхам эшитилгей* (Ко. 11) 'Пусть (он) услышит эту мою молитву'.

Восклицательное предложение

В отличие от других типов предложений по цели высказывания и интонации восклицательное предложено не имеет особых грамматических показателей. Главным средством выделения восклицательных предложений выступает интонация. По своей внешней форме восклицательные предложения – те же повествовательные, вопросительные и побудительные предложения, отличающиеся от последних эмоциональной насыщенностью.

Восклицательные предложения, возникшие на базе повествовательных: т. *Ну, бюгюн-то болур мамадан майа!* (Ков. 127) 'Ну, сегодня-то достанется мне от мамы!'; *Барабыз! Бардых!* (Ков. 114)

‘Пойдем! Пошли!’; *Мен артых болалмым!* (Ков. 132) ‘Я больше не могу!’; *Тева, бойнуй кынгыр!* – *Не мендя тюз?* ‘Верблюду, у тебя шея кривая! – А что во мне прямо?’; *Урулар, урулар, артых немит!* (Ков. 130) ‘Воры, воры, больше ничего!’.

Восклицательные предложения, возникшие на базе вопросительных: т. *Ого-го ... вечерга ки бармасха! Да ануз карайскига!* (Ков. 118) ‘Ого-го, разве можно не идти на вечер! Да еще на караимский!’.

Восклицательные предложения, возникшие на базе побудительных, не отличаются от последних по структуре. т. *Бах ирахрах, алла кенряк! Терян, сагышыйба уч бийикряк!* (Д. 9) ‘Смотри дальше, понимай шире! Своими глубокими мыслями лети выше!’.

Все предложения со значением зложелания представляют собой восклицательные: т. *Бургэйс башыйны да кёрмягейс йахшыны!* (Ков. 133) ‘Чтобы ты свернул себе шею и не видел добра!’; *Йеди кат йер сени йутхай!* ‘Чтобы тебя земля, у которой семь слоев, проглотила!’; *Йер сени йүрютмегей!* ‘Чтобы тебя земля не носила!’; *Карангы булут сени каплагэй!* ‘Чтобы тебя черная туча окутала!’; *Каракум сени каплагэй!* ‘Чтобы тебя черный песок окутал!’.

Предложения-обращения также могут быть восклицательными: т. *Фой игитлик! Бер канатлар майа!* (МК, 1, 11) ‘Эй молодость! Дай мне крылья!’; *Иштян, сювар, достлар!* (ДК, 2, 2) ‘За работу, дорогие друзья!’.

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

«Сложное предложение – выражение единого высказывания, которое распадается на два или более предложений»⁵². Сложным

⁵² Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М., 1956, с.513.

называется предложение, представляющее единое интонационное и смысловое целое, но состоящее из таких частей (двух и больше), которые по своей внешней, формальной грамматической структуре более или менее однотипны с простыми предложениями⁵³. Сложные предложения – такие, «которые представляют смысловые и интонационно-грамматические единства двух или нескольких предложений, структурно соответствующих простым предложениям. Такого рода предложения являются синтаксическими единицами более высокого порядка, чем простые предложения»⁵⁴. Вот некоторые из многочисленных определений сложного предложения. По совокупности приведенных выше определений можно получить общую картину природы сложного предложения. К сказанному следует добавить, что компоненты сложного предложения соединяются посредством различных грамматических средств.

Основным структурно-количественным типом сложного предложения является единица, состоящая из двух компонентов – двух простых предложений. «Внутреннее единство мысли, выражаемой сложным предложением с помощью интонации, а также средств синтаксической связи, спаивает эти части в одно синтаксическое целое, в единство предложения. Сложное предложение в целом имеет значение, которое не выводится из простой суммы значений входящих в него частей, по своему построению близких к простым предложениям»⁵⁵. Несколько отличаются и отношения компонентов сложного предложения с грамматической точки зрения, эти отношения «не тождественны и не параллельны отношениям слов внутри простого предложения»⁵⁶. Несмотря на то, что компоненты сложного предложения представляют собой простые предложения, в составе сложного комплекса они взаимосвязаны и не имеют той самостоятельности, интонационной и смысловой завершенности, что характерно для

⁵³ Грамматика русского языка, с.99.

⁵⁴ *Бертагаев Т.А.* О структуре сложных предложений в монгольских языках // «Проблемы востоковедения», 1960, № 4, с.164.

⁵⁵ Грамматика русского языка, с.99

⁵⁶ Там же, с.105.

отдельно стоящего простого предложения. Не только содержание, но и структурные своеобразия каждого из предложений в составе сложного предложения взаимообусловлены и взаимосвязаны⁵⁷.

Как уже указывалось выше (см. Раздел «Простое предложение»), главным критерием для существования предложения является предикативность, а не наличие в предложении подлежащего, или сказуемого, или обоих вместе. К компоненту сложного предложения следует подходить также с этим требованием.

Как справедливо отмечает Э.В. Севортян, в решении вопроса о том, признавать или не признавать данное словосочетание или слово предложением, необходимо опираться на общую теорию предложения, а не сказуемого⁵⁸. Однако здесь возникает один дополнительный вопрос: считать ли предложениями компоненты сложного предложения, имеющие общее подлежащее, общее сказуемое; чем эти компоненты отличаются от однородных членов предложения. Этот вопрос требует проведения дополнительных специальных исследований по тюркским языкам. Кажется, ни у кого не вызывает сомнения, что компоненты сложного единства, имеющие разные сказуемые и подлежащие, но имеющие общее дополнение, представляют собой предложения.

Как известно, сложное предложение в языках возникает двумя путями: 1) путем сложения двух простых предложений в сложное целое, в результате возникновения между ними различных сочинительных или подчинительных отношений; 2) путем вычленения одного предложения (вначале – зависимого) в недрах другого предложения – на базе усложнения и развития одной его части. В караимском языке сложные предложения возникли, главным образом, первым путем. Второй путь в нем не получил развития. Поэтому компоненты основной массы караимских сложных предложений присоединяются друг к другу посредством союзов и относительных местоимений. Это является одним из главных синтаксических классификационных признаков, выделяющих караимский язык среди языков кыпчакской (северо-

⁵⁷ Там же. с.107.

⁵⁸ *Севортян Э.В.* О некоторых вопросах сложноподчиненного предложения в тюркских языках ИСГТЯ, ч. III, М., 1961. с.123.

западной) группы. Из сказанного выше вытекает, что глагольное сказуемое компонентов сложного предложения караимского языка за редким исключением имеет личную глагольную форму (*verbum finitum*).

Сложное предложение, «строительным материалом и конструкциями» для которого служат простые предложения, а не словосочетания или слова, по отношению к простому предложению представляет более высокий ярус в речевой деятельности человека. Различие между ними на первый взгляд покажется лишь количественным. Однако сложное предложение имеет ряд особенностей, не свойственных простому предложению, что в итоге приводит к их структурному различию. Простое предложение, выступающее отдельно, как указывалось выше, может иметь различную структуру: односоставную, двусоставную. Сложное предложение всегда имеет структуру, состоящую из двух и более предложений. Простое предложение, выступающее компонентом сложного предложения, в основном, имеет двусоставную структуру, и реже – односоставную структуру, состоящую из одного сказуемого. Что касается подлежащего, то, как известно, в тюркских языках в составе сказуемого всегда так или иначе выражена категория лица (отсутствие показателя лица также выражает определенное лицо – третье), поэтому формальное маркирование его в составе предложения не является обязательным как для простого, так и для сложного предложения.

Основными средствами связи частей сложного предложения выступают следующие грамматические категории.

1) Союзы – как главное грамматическое средство связи компонентов сложного предложения, как сложносочиненных, так и сложноподчиненных. Некоторые союзы функционируют для связи компонентов различных структурно-семантических типов сложного предложения, в особенности это относится к подчинительным союзам.

В ряде случаев союзы являются единственным средством различения сложного бессоюзного предложения от союзного сложносочиненного предложения с одной стороны, и сложноподчиненного (союзного) предложения – с другой.

2) Относительные местоимения как грамматические средства связи компонентов сложного предложения имеют ограниченную

сферу употребления – выступают только в сложноподчиненных предложениях.

«Структуре тюркских языков не был чужд и путь соединения простых предложений в сложные путем союзов и союзных слов, что напоминает состояние сочинения и подчинения в индоевропейских языках. В строе тюркских языков были заложены условия для развития союзных предложений, но вместе с тем союзный способ подчинения не стал ведущим во всех тюркских языках»⁵⁹.

Особо стоят сложные предложения, в которых внешне отсутствует грамматическое средство связи компонентов. Компоненты этих предложений связаны между собой посредством простого приыкания. Хотя во множестве случаев они объединяются посредством общего слова или заменяющего его местоимения. «Употребление местоимений как способ указания на взаимосвязь частей сложного предложения, общность его отдельных членов или при известных условиях эллипсис некоторых слов в составе второго предложения – все это служит ярким свидетельством взаимосвязи, взаимообусловленности и даже взаимозависимости основных частей сложносочиненного предложения»⁶⁰.

Кроме грамматических средств связи существуют и другие средства для объединения компонентов сложного предложения в сложное единство – смысловая (временная, контрастная и пояснительная) связь, которая сопровождается соответствующей интонацией (перечислительной, относительной и предупредительной).

Принципов классификации, разграничения типов сложного предложения, так же как и простого предложения, может быть немало в зависимости от цели исследования, подхода. Вопрос можно ставить, например, так: Какие типы синтаксических конструкций, выражающих предикативность, существуют в конкретном тюркском или другом языке, являющемся объектом исследования? И сколько их? В конечном счете – рассматривать ли

⁵⁹ Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, с.335.

⁶⁰ Грамматика русского языка, с.106.

данную конструкцию как сложную единицу, как усложненную, или простую – для теории и практики имеет мало значения. Однако это уже другая, специальная тема для исследования.

Вполне устоялись существующие традиционные критерии классификации сложных предложений, и ими можно пользоваться. При принятии за основу взаимоотношения частей сложного предложения допустимо установить сочинительные и подчинительные сложные предложения, при принятии за основу средств связи можно установить союзное (сюда же относится сложное предложение с относительными местоимениями в роли союзов) и бессоюзное сложное предложение. В свою очередь при дальнейшей классификации как союзные, так и бессоюзные типы можно делить на подтипы: сочинительные и подчинительные, последние в свою очередь можно делить на группы в зависимости от функции, которую выполняет подчиненное предложение при главном и т.д.

Классификация сложных предложений должна опираться на структурно-грамматические, семантические и функциональные признаки, взятые в их единстве. При чисто структурно-грамматическом подходе выделяются лишь два типа сложного предложения:

1) Сложное предложение, состоящее из самостоятельных (независимых) компонентов;

2) сложное предложение, состоящее из самостоятельного и подчиненного компонентов. Однако учитывая грамматические и семантические признаки, нами выделяются в караимском языке три главных типа сложного предложения:

1) Бессоюзное сложное предложение, в котором отношения компонентов и грамматически, и семантически аналогичны сложносочиненному союзному предложению. К этому же типу относится сложное предложение с прямой речью. В отличие от многих тюркских языков в караимском языке прямая речь связывается с авторской речью глаголом речи в личной форме, служащим сказуемым авторской речи;

2) Сложносочиненное союзное предложение, в котором компоненты грамматически самостоятельны (независимы), а семантически – иногда не зависимы, иногда – один компонент зависим от другого;

3) Сложноподчиненное союзное предложение, компоненты которого и грамматически и семантически связаны способом подчинения.

Объектом исследования в данном разделе является сложное предложение, состоящее из двух компонентов – простых предложений. Взаимоотношения и взаимосвязь компонентов сложного предложения, состоящего из трех и более предложений, в каждом конкретном случае сводится к взаимоотношениям и связи этих двух компонентов,

Сложносочиненное предложение, один из компонентов которого имеет при себе подчиненный компонент – это уже трехкомпонентное единство, представляет собой смешанный структурный тип – сложносочиненное предложение с придаточным, например, г. *Эки эсик йолун исне: ацсан бирни, экинци йабулад* (посл.) ‘Две двери (находятся) на твоём пути: когда откроешь одну, другая закрывается’; *Йаманда ити кулагы: индесен йахсыны ол цабад* (посл.) ‘У зла острое ухо: когда назовешь добро, оно забегает’. В этих сложных бессоюзных предложениях придаточное предложение, имеющееся при вторых компонентах, уточняя этот компонент (условие, время), одновременно служит как бы связующим звеном между частями сложного целого.

Бессоюзное сложное предложение

Бессоюзные сложные предложения выделяются в отдельную группу по негативному признаку – по отсутствию союза, грамматически наиболее полно выраженного средства связи компонентов сложного предложения.

В нем связь между компонентами осуществляется структурными, смысловыми и интонационными средствами, проявляющимися в различных формах. В смысловых и интонационных взаимоотношениях компонентов сложного бессоюзного предложения можно видеть многообразие семантической их связи, особенности, характерные как для сложносочиненных, так и сложноподчиненных предложений. По-видимому, это – более древняя форма сложного предложения.

Бессоюзное сложное предложение в караимском языке – наиболее распространенный тип сложного предложения вообще и его следует отнести к сочинительному типу предложений. По структуре и грамматическому взаимоотношению компонентов бессоюзное сложное предложение напоминает союзное сложносочиненное предложение (если не принимать во внимание наличие союза), а по значению компонентов большая часть сложного бессоюзного предложения идентична сложносочиненному союзному предложению, а меньшая часть – сложноподчиненному предложению: т. (1) *Уңду черювдян сон кёп не алышынды дунйада*; (2) *Йох болдулар бий тахтлар*; (3) *Энгляндиляр ханлылар*; (4) *Кондарылдылар өзгя бийликляр* (0, 3) ‘После мировой войны многое изменилось в мире: исчезли царские троны, изменились государства, возникли другие государства’. В этом бессоюзном сложном предложении, насчитывающем в своем составе четыре грамматически независимых предложения, нетрудно видеть отношение семантического подчинения между компонентами. Первое предложение выступает в качестве главного, обобщающего, а следующие три выполняют функции уточнителя значения первого, раскрывают его содержание. Однако отношение второго, третьего и четвертого предложений между собой – с одной стороны, и их отношение к первому предложению – с другой, не одинаково. Второе, третье и четвертое предложения между собой не связаны подчинительным отношением ни семантически, ни грамматически, тогда как в отношении к первому все они являются семантически подчиненными. Следовательно, отношение первого предложения ко всем остальным одинаковое – грамматически независимое, а семантически первое является главенствующим, подчиняющим все другие.

В роли грамматических средств связи компонентов сложного бессоюзного предложения зачастую выступают лексические единицы, выполняющие, таким образом, синтаксические функции. Подобным лексическим элементом является слово, общее для обоих компонентов бессоюзного предложения, или его «заместитель» в виде указательного местоимения. Таким образом, можно констатировать, что грамматическая связь между компонентами сложного бессоюзного предложения выражается:

1) Общим словом, которое в составе компонентов выполняет функции: а) одного члена предложения; б) разных членов предложения.

2) Местоимением, которое во втором компоненте замещает член предложения или слово, упомянутое в первом компоненте,

Нередко, особенно в пословицах и поговорках, общий член или общее слово физически может не присутствовать в составе компонентов, но мысленно подразумевается.

3) Формальным показателем общего члена, физически присутствующего в первом компоненте, может выступать аффикс принадлежности при одном из членов предложения второго компонента.

Необходимо отметить, что общее слово имеется не только в компонентах бессоюзного сложного предложения, оно присутствует часто и в составе компонентов союзного сложносочиненного предложения и выступает лексико-грамматическим параллельным средством связи наряду с союзом.

В зависимости от состава компонентов сложного бессоюзного предложения можно установить следующие три структурных типа:

1) Сложное бессоюзное предложение, компоненты которого состоят из глагольных предложений: глагольное предложение + глагольное предложение; 2) Сложное бессоюзное предложение, один из компонентов которого состоит из глагольного, а другой – из именного предложения; 3) Сложное бессоюзное предложение, компоненты которого состоят из именных предложений.

**Бессоюзное сложное предложение, состоящее из:
глагольное предложение + глагольное предложение**

Данный тип бессоюзного предложения – наиболее распространенный и употребительный. Следует отметить, что во всех или почти во всех исследованиях по разным языкам, посвященным бессоюзному сложному предложению, анализу подвергается именно

этот тип и не принимаются во внимание другие типы сложного бессоюзного предложения.

1) Часто компоненты сложного предложения имеют одинаковую структуру и перечислительную интонацию в функции средства связи: г. *Кин кнни кувад, картлык камцуну тутад* (посл.) 'День гонится за днем, старость хватается за плеть'; *Кедар кивдиред, гайдамак элтиред* (посл.) 'Кедар сжигает, гайдамак убивает'; *Келед раббан, йилайд орман* (посл.) 'Идет еврей, плачет лес'. Здесь первый компонент выражает причину, второй – следствие. *Бир тишлемни эки фор йутмас, бир тирликни эки фор асмас* (посл.) 'Один кусок дважды не проглотить, одну жизнь дважды не проживешь'. Как явствует из примеров, одинаковая структура компонентов особенно характерна для пословиц и поговорок. В данном типе грамматическая связь осуществляется посредством одинаковой грамматической структуры компонентов.

Компоненты бессоюзного сложного предложения связываются посредством и других средств, например:

2) посредством общего члена предложения, т.е. такого слова, которое выполняет функцию одинакового члена предложения в обоих компонентах предложения, семантические отношения между общими словами бывают контрастными, параллельными: т. *Ач джанлы кеп ашэйт, ачы джанлы кеп сёзлейт* (посл. 0, 3) 'Тот, кто голоден, ест много; тот, у кого горе – много говорит (досл. 'с голодной душой много ест, с горькой душой – много говорит)'; г. *Йахсы элим виддуйну сунад, йаман элим тамакны кысад* (посл.) 'Хорошая смерть предлагает виддуй (предсмертная молитва), плохая смерть за горло хватает'. В этих примерах в качестве общего члена компонентов выступает подлежащее. Общий член может иметь разные формы: г. *Аска кец келсен, ац калмас, иске кецленсен, ац болурс* (посл.) 'Если на обед опоздаешь, не останешься голодным, если на работу опоздаешь – станешь голодным!'. В этом примере общим членом выступает обстоятельство. *Эсав текти канын мереслиги ицин, карайнын каны тегилди эсав нцин* (посл.) 'Поляк пролил кровь за наследство, а кровь караима лилась за поляка'.

Общий член наряду с приобретением в разных компонентах разной формы может иметь и антонимичное значение: г. *Карайны сув алмайды, йер алад* (посл.) 'Не вода проглотит караима, а земля про-

глотит»; *Ат билед эз йолун, адам билмейд* (посл.) ‘Лошадь знает свою дорогу, а человек не знает’. В этих двух примерах общим членом выступают глагольные сказуемые *ал* и *бил*, которые в первом компоненте употребляются в положительной форме, а во втором – в отрицательном аспекте. Кроме того в обоих примерах имеется и другой общий член – прямое дополнение, которое во втором компоненте сложного предложения опускается. В следующем примере общим членом выступает прямое дополнение: т. *Кутлуларда душманлар эксилдляр, кутсуларда достлар оядляр* (посл. 0, 15) ‘У счастливых врагов становится меньше, а у несчастливых друзья умирают’.

Пропуск общего члена – широко распространенное явление в караимском языке, особенно – в пословицах: г. *Раббан панайрде хорос издейд, карай – панайрде атнын куйругун издэйд* ‘Еврей на базаре ищет прибыль, а караим – конский хвост’. В этой пословице во втором компоненте сложного предложения пропущены два общих члена: *Панайрде* (косвенное дополнение), *издейд* (сказуемое). *От оттан алынад, ус – устан алынад* ‘Огонь берется от огня, ум – от ума’; *Элим – элеги йаратувцунун: Инцке ун ары барад, базык ун бунда калад* ‘Смерть – сито создателя: мелкая (досл. ‘тонкая’) мука идет туда, а крупная (грубая) остается здесь’. В следующем примере-пословице пропущено общее сказуемое во всех трех компонентах сложного предложения: *Цыпце тавуктан, бузов сыгырдан, улан сыйлы тувдурувцуларындан* ‘Цыпленок (происходит) из куриц, теленок – из коров, мальчик – из уважаемых родителей’.

Общий член (общее слово) во втором компоненте может быть заменен местоимением или именем числительным: Местоимением: т. *Муфт чейпады Медадны, мен йахшы таныйм аны* (0, 6) ‘Зря уничтожили Медада. я его хорошо знаю’. Числительным: г. *Маззал да завал – эки йолцу: бири он ивни асад, он биринциге киред, экинци гар эсикни билед* (посл.) ‘Счастье и несчастье – два спутника: одно проходит десять домов и заходит в одиннадцатый; второй знает каждую дверь’. В этих двух примерах общее слово и заменяющее его слово (местоимение, числительное) выполняют одинаковые функции, т.е. выступают общим членом предложения: *Маззалны излямайиз, ол терк оюю сизгя келир* (Ков. 56) ‘Не ищите счастья, оно

само к вам скоро придет'; *Чагырдым сювярляримя, алар йелдядиляр мени* (RO, X, 161) 'Я взывал к моим любимым, они изменили мне'. В этих предложениях общее слово (местоимение) в разных компонентах выполняют разные функции членов предложения.

Пропуск заменяющего члена (или слова) не нарушает строй сложного предложения, пропущенный заменяющий член (или слово) легко восстанавливается: т. *Ўвчѣк кынгырайды йанга, бар мювюшляри анын чиридиляр* (Ков. 68) 'Домик наклонился в сторону, все его углы сгнили'; *Бой кызларым да игитлярим тюштюляр кылычтан: кырдый ачув вахтыйда, соғум эттий да жеңлямядий аларны* (RO, X, 164) 'Мои девушки и парни пали от меча: ты истребил их во время своего гнева, резал ты их и не пожалел'; г. *Адам бостандан йалангац цыкты, Хава анар он энлик тикти* (посл.) 'Адам вышел из рая нагим, Ева сшила ему десять заслонов (передников)'.

В роли общего члена или слова выступают также обобщающие слова: т. *Куйаш усню Полкан Барбосба йаттылар, эксидя иссинирэдляр* (М. 9) 'На солнце лежали Полкан с Барбосом, оба грелись'; *Фар бириня росим койган, йўрўйдирляр аларба* (Д. 4) 'Каждому предписан закон, по нему они живут'.

3) Посредством противопоставления значений компонентов сложного предложения: г. *Адам талад, сагыс алынга цабад* (посл.) 'Человек устает, а мысль скачет вперед'; *Куйас балкувлу упрагын тисиред, ай кийед* (посл.) 'Солнце опускает сияющую свою одежду, а луна горит'; *Биенц йайав барад, сызлав канат йсне уцад* (посл.) 'Радость пешком ходит, а горе летит на крыльях'. В этих примерах

противопоставление: человека и мысли по силе, солнца и луны по свету, радости и горя по скорости.

4) Посредством перечисления различных действий, относящихся к одному предмету или выражающих последовательность действий: перечисление: г. *Бу болду, ол болду, кырыйдагы батты* (посл.). 'То да сё; то, что находилось на краю, утонуло'; т. *Тынч йукларс кечядя да кёрмяс кайгыны, бар иший йашарыр, онарыр колуйда* (МК. 7, 34) 'Спокойно ты будешь спать ночью, не увидишь горя и забот, все твои дела расцветут и будут преуспевать'. Последовательные действия: *Фной койулат кышлыкка бундан сон сабан сюрюлят да калат кышха* (RO, V, 219) 'Навоз (перегной) кладется на зиму, после этого вспашут и оставляют на зиму'; *Ануз балкыр куйашымыз, йарых болур тирлнгимиз* (Ков. 60) 'Еще засияет наше солнце, станет светлой наша жизнь'. В этих примерах сказуемое выражено глаголом в разных временных формах.

Следующие семантические средства характерны также для сложноподчиненных союзных предложений.

5) Посредством причинно-следственных отношений:

а) второй компонент выражает причину действия, обозначенного в первом компоненте: г. *Биртиклер йувуз басурадлар: орун индырда коладлар* (посл.). 'Зерна низко кланяются: просят места на току'; *Киси йапмайд басын: берк багалы, бас удуз* 'Мужик не покрывает голову: шапка дорога, голова дешева'; *Баска бундан изме агацтан болалмаймен: кулакларым кыцкырадлар* (КА, III, 3) 'Кроме этого, я не могу рвать с дерева: у меня в ушах шумит'.

б) второй компонент выражает следствие, результат действия, обозначенного в первом компоненте: т. *Йамгур йавар, бюртюк артар* (посл.) 'Дождь идет – зерно наливается'; *Таичаларны колдулар, чебяр кызлар келдиляр: Наама, Руума, Йемима да Нехама* (Ков. 72) 'Пригласили молодух, явились красивые девушки: Наама, Руума, Йемима да Нехама'; *Кичи бармагы он йаннын – кёрклю тювюл сёзляр айтырлар анын үсню* (МК, 6, 25) '(Если дернет) мизинец правой стороны – о нем будут говорить некрасивые слова'; г. *Кезиктлер Сонйага уланын: оруцтан сон асама биттиред* (погов.) 'Сглазили ребенка Сони: после поста просит еды'; *Эседлер йол исне хацлар – барадлар кыйынга эсавлар* 'Растут кресты на дорогах - идут поляки на муки'.

б) Второй компонент уточняет действие, выраженное в первом: т. *Мен тюш кёрдюм: да муна кеп-кенятя батат карт багатыр, кучат толгунларын...* (МК. II, ч.1, 1) 'Я видел сон: и вот вдруг тонет старый богатырь, обнимает он волны...'; *Бахкын ашагартын! Учсуз карангыда Бары тохтэйт мийус кавгаларда* (МК, I, 11) 'Посмотри вниз! В бесконечной темноте все останавливается в грязной ссоре'; *Вале утру клякя" келяд эскя сормах: ниндий ннетляр кувад ушбу ши?* (0, 4) 'Однако против (вопреки) желания приходит на ум вопрос: какие цели преследует это дело?'

7) Компоненты связываются между собой посредством объектных, обстоятельственных и определительных отношений. При этом один из компонентов выполняет функцию подчиненного предложения: т. *Булэй кыла инаныйыз, барын тирлик сизгя берир* (Ков. 56) 'Поступая так, верьте, жизнь вам дает все'. Стоит только прибавить союз *ки* между компонентами этого сложного предложения, чтобы оно превратилось в сложноподчиненное с придаточным косвенным дополнением. Например: *Булэй кыла инаныйыз, ки барын тирлик сизгя берир* 'Поступая так, верьте, что жизнь вам дает все'. Определительное отношение: *Кимки анчах таныды учмахлыны тирлигиндя, биз борчлубыз кайтарма Шелумелгя сыйын анын зехутлары учюн тарлавында карай литературанын нечик алгэмли йырчыга* (0, 19) 'Мы – все те, которые знали покойного при его жизни, обязаны почитать Шелумеля за его заслуги на ниве караимской литературы как вдохновенного поэта'. Обстоятельственное отношение: г. *Барды Малуня от алма – тавуклар ойанырэдлер, кайтты – йукуга ыстырынырэдлер* (погов.) 'Пошла Малуня за огнем – куры просыпались; возвратилась – готовились ко сну'.

**Бессоюзное сложное предложение, состоящее из:
глагольное предложение + именное предложение**

Компоненты этого типа предложений могут в отношении друг к другу располагаться свободно – предшествовать или последовать:

1) Глагольное предложение + именное предложение (глагольное предложение предшествует именному):

а) компоненты сложного предложения выражают противопоставление: т. *Тышхартын тув этти кылыч, ичкяридя ёлюм* (RO, III, 161) ‘На улице рубил меч, а в доме – смерть’; *Бу телиликбя саналзэйт, мен энгяряк* (М. 15) ‘Это считалось бы глупостью, я – другой’.

б) компоненты выражают пояснительные отношения, второе предложение поясняет, уточняет первое: т. *Кёрясма сювярим, тув-дучогуи услугах сендян* (Ков. 136) ‘Ты видишь ли, любимая, твой братик умнее тебя’; *Кичи-кичи йўвчёктя йувух орман катына тири-лди эди кичи ташчачэх, Алтынка ады анын* (0, 34) ‘В маленьком домике около леса жила-была маленькая девочка, Алтынка ее имя’. В этом примере компоненты сложного предложения кроме пояснительных, уточнительных отношений связаны и посредством заменяющего общего слова.

в) компоненты выражают причинно-следственные отношения, именное предложение обозначает причину глагольного: г. *Корк ормандан, саклан йамандан – саккана аларда* (посл.) ‘Бойся леса, берегись зла – опасность в них’; *Тигенди йаз, тиз басланды, суву-кракт авер...* (КА, III, 2) ‘Кончилось лето, началась осень, воздух холоднее’ (в этом примере два глагольных предложения предшествуют одному именному).

В качестве именного компонента сложного предложения выступает и инфинитивная конструкция – предложение, обычно служащее уточнителем первого компонента – глагольного предложения: т. *Анда башланды песоклар, авур эди бизгя йолба барма* (Ков. 61) ‘Там начались пески, тяжело было нам идти по дороге’; *Бююн тутунду келмя бир таньшым, керяк барма утрулама* (К.) ‘Сегодня обещал прийти один мой знакомый, нужно пойти встречать’.

2) Именное предложение + глагольное предложение (именное предложение предшествует глагольному), второй компонент выступает семантически подчиненным первому.

а) второй компонент (глагольное предложение) выражает уточнение, пояснение первого (именного): т. *Нечик билювлю, сонетнин тюрсюню каййамдыр: гар сонет болат он дёрт сыралы* (КА, I, 10) ‘Как известно, форма сонета неизменна: каждый сонет состоит из четырнадцати строк’; г. *Билес, басы картнын хаз йыртылган кап:*

не койас ортасына, тесик сарын уцад (КА, I, 26) ‘Знаешь, голова старика словно рваный мешок: что в него не кладешь – вылетает через дырки’; т. *Барында билюв барды: Эрби Медад алджады* (0, 6) ‘Все знают (досл. ‘У всех есть знание’): ученый Медад с ума сошел’; г. *Дерт фарст таныклар – хор сагысны аскартырлар* (посл.) ‘Четыре стены свидетели – напоминают дурные мысли’.

б) второй компонент выражает результат, следующий из констатации первого компонента: т. *Мен кичи уланчо, Билмим мен охума* ‘Я – маленький мальчик, – я не умею читать’; *Авур, ачы ушпу тирлик... О, йахшырах айтым – ёлмя!* (0, 23) ‘Тяжела, горька эта жизнь; о, лучше скажу – умереть!’.

в) Причинно-следственное отношение, где второй компонент выражает причину первого компонента: *Тиерменци уллу бий да тигел: анар кулдук этед сув да йел* (посл.) ‘Мельник на самом деле большой господин: ему служат вода и ветер’; *Дзохт дзомартлы-рак кой сойувиудан: Итлер аны махтайдлар* (посл.) ‘Нет щедрее мясника (досл. ‘режущего барана’): собаки его хвалят’; *Йарыгы биливнин куйастан кицлиректи: кеце аны йапмайд, булут капламайд* (посл.) ‘Свет знания сильнее солнца: ночь его не закроет, облако не скроет’.

Бессоюзное сложное предложение, состоящее из: именное предложение + именное предложение

Данный тип сложного предложения, так же как и предыдущий, менее распространен и не отличается многообразием структурных форм и средств связей компонентов. Он чаще употребителен в пословицах и поговорках. В большинстве сложных предложений подобного типа угадываются бывшие сложные предложения предыдущих двух типов:

1) компоненты имеют общий член. В роли общего члена большей частью употребляется повторяющееся подлежащее с разными определениями: г. *Цыгы йернин – сув тамцылар, цыгы кегизинин йарых йолдузлар* (посл.) ‘Роса земли – водяные капли, роса неба – светлые звезды’; *Бийик турук – кеп салам, толу турук – ток адам* (посл.) ‘Высокий хлеб – много соломы, полный (зернами) хлеб – человек сыт’; *Тирлик эки йанлыды: бир йан – секер, экинчи йан –*

бури. Секиерни улан йалайд, бури картлыкка калад (посл.) ‘Жизнь имеет две стороны: одна сторона – сахар, другая сторона – перец. Сахар лижет мальчик, перец остается на старость’; *Пар йер балчыкты, тувган йер алтынды* ‘Все края – глина, родной край – золото’.

В роли общего члена выступает в редких случаях также сказуемое: т. *Йохтур киплик тырнахларда, йохт итиси тишляринин* (М. 24) ‘Нет сил в его когтях, нет остроты зубов’. В качестве общего члена употребляется не все сказуемое, а его часть. г. *Силинчек бурну тибин, этемлиги булут тибин* (посл.) ‘Сопли под носом, а гордость – под облаками’.

В пословицах и поговорках общий член или общее слово часто опускается. Общее сказуемое: г. *Берне йахсы сезсиз, сорба йахсы – касыксыз* ‘Подарок хорош без слов, а бульон – без ложки’; *Багыр да цагыр экси де авур: бу – колда, этол – баста* ‘Медь и вино – оба тяжелы: эта в руках, то – в голове’. В этом примере пропущенные сказуемые в компонентах предложения выражены в обобщающей части сложного предложения (*авур*). Пропуск общего определения: г. *Хасталыкнын басы кичиди, арты базыкты* ‘Начало болезни маленькое, а конец – большой’.

Замена общего слова местоимением, причем последнее выступает в другой форме и функции: г. *Киси кафурду, сези анын арувду* (посл.) ‘Мужик грязный, а слова его чисты’; *Бир йастык басын тибин, он кайгы анын тибин* (посл.) ‘Одна подушка у тебя под головой, а под ней – десять горя’.

2) Компоненты связаны между собой путем противопоставления значений: т. *Узун тили, кысха мийи* (посл.) ‘У кого длинный язык, у того короткий ум’; г. *Тавлар – гевирлер, тизлер – исцилер* ‘Горы – хозяева, степи – работники; *Илга – ата, орман – дусман* ‘Степь – отец, лес – враг’; *Йер усню тек гюфнюн кюсянчляри, клякляри джаннын кеклярдя барлары* (Ков. 66) ‘На земле – лишь тоска тела, все желания души – в небесах’.

3) Причинно-следственные отношения: второй компонент выражает результат, следствие, вытекающие из содержания первого компонента: т. *Сабанда йумуш колмяк, амбарда толу отмяк* (посл.)

‘Рабочая одежда на плуге – в амбаре полно хлеба’ *Аш тузсуз – ўбийчя уссуз* (посл.) ‘Пища без соли – хозяйка без ума’; *Нендий шачмах, андий ормах* (посл.) ‘Каково сеяние, таково и жнивье’.

ПРЯМАЯ И КОСВЕННАЯ РЕЧЬ

Сложное предложение с прямой или косвенной речью строится по типу других бессоюзных сложных предложений, т.е. оно не имеет особой структуры, отличной от сложного предложения. По своей структуре прямая речь напоминает компонент обычного бессоюзного сложного предложения. Средством связи прямой речи («чужой речи») с авторской речью служат глаголы речи, мышления и слухового восприятия: *айт-* ‘говорить’, *сор-* ‘спрашивать’, *кычхыр-* ‘кричать’, *туй-* ‘слышать’ и т. д.

Айт: г. *Сизни тутмаймен, айтты ол безиргенлерге. болаласыз кайтма, эгер клейсиз* (КА, I, 5) ‘«Вас я не задерживаю, – сказал он купцам, – можете вернуться, если хотите»’.

Сор: *Сор атадан: нецени тувдурду, анадан: неце карет кыйналды* (посл.) ‘Спроси отца, сколько детей он произвел на свет, а мать – сколько раз она мучилась’.

Кычкыр: т. *Кычхырадлар утрусуна: «Теркряк бизгя айт шемийни!»* ‘Они кричат напротив: «Скорее скажи нам свое имя!»’; г. *Кыцкырадлар казлар эзенде: «Шеломит эрге барды». «Алдайсиз – айттылар эрдеклер – йанла гына келесинди»* (посл.) ‘Закричали гуси на реке: «Шеломит замуж вышла». «Обманываете, – сказали утки – только составили брачный договор»’.

Туй: т. *Туйуладлар сёзчекляр: «Болгэйм мен аларба»* (Ж, 2, 8) ‘Слышатся слова: «Был бы и я с ними»’.

Единственным структурным отличием сложного предложения с прямой речью от обычных бессоюзных сложных предложений является, как показывают примеры, то, что предложение, представляющее собой прямую (чужую) речь, иногда может быть разорвано на части авторской речью, вклинивающейся в нее.

СЛОЖНОСОЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Сложносочиненное предложение представляет собой одну из разновидностей союзного сложного предложения. В сложносочиненном предложении происходит сочетание двух и более грамматически относительно самостоятельных предложений. Однако семантически и интонационно эти предложения являются тесно взаимосвязанными и взаимозависимыми, что вместе с сочинительными союзами, служащими грамматически показателем единства компонентов сложного целого, объединяет их в сложносочиненное предложение. Главной чертой, отличающей сложносочиненное предложение от сложноподчиненного, является грамматическая независимость компонентов первого, хотя семантическая зависимость компонентов в какой-то степени существует всегда.

Вообще, необходимо отметить, что самостоятельность компонентов сложносочиненного предложения относительная. Нередко в сложносочиненном предложении при углубленном анализе можно видеть зависимость одного компонента от другого как семантически и интонационно, так и структурно, т. е. структура одного компонента может быть предопределена структурой и семантикой другого. Здесь, таким образом, можно видеть диалектическое единство противоположностей.

Структура компонентов сложносочиненного предложения почти не отличается от структуры сложного бессоюзного предложения, что дает повод (и не без основания) некоторым лингвистам объединять в одну группу сложносочиненные предложения: союзные и бессоюзные.

В роли средств, связывающих компоненты сложносочиненного предложения, выступают следующие группы союзов:

- а) соединительный *да* 'и';
- б) противительные: *тек* 'но'; *вале* 'однако'; *але* 'но'; *а* 'а'; *ган-цак* 'но', 'однако';
- в) разделительный: *т. йеменя* 'или'.

Все эти союзы пространственно находятся в середине между соединяемыми предложениями. Соответственно с этими союзами в сложносочиненном предложении выступает и определенная интонация: интонация перечисления, соединительная пауза – при соединительных союзах; интонация противопоставления, разделительная пауза при противительных и разделительных союзах. Классификация сложных предложений в данном случае проводится по характеру средств связи и семантических отношений компонентов. Выделяются два главных типа:

1) Сложносочиненные союзные предложения соединительного типа;

2) Сложносочиненные предложения противительного типа.

Сложносочиненные предложения соединительного типа

Сложносочиненное предложение с соединительным союзом *да* ‘и’ – наиболее распространенный тип союзных сложносочиненных предложений. Союз *да* соединяет простые предложения, которые по значению и взаимоотношению между собой напоминают компоненты бессоюзного сложного предложения.

Союз *да* по своей функции напоминает паузу, вздох в речи. Таким образом, можно установить лишь одно отличие между бессоюзными сложными предложениями и сложносочиненными предложениями с союзом *да* – лишь наличие союза *да* в последних. Во всем остальном структура и взаимоотношение компонентов бессоюзного сложного предложения и сложносочиненного предложения с союзом *да*, можно оказать, одинаковы, как это будет видно в дальнейшем. Компоненты сложносочиненного предложения с союзом *да* почти всегда имеют какое-либо общее слово или общий член: общее подлежащее, общее сказуемое, общее дополнение или общее обстоятельство. Иногда общее слово может выступать в функции разных членов предложения в составе компонентов сложносочиненного предложения.

Союз *да* структурно соединяет: 1) глагольное предложение с глагольным; 2) глагольное предложение с именным; 3) именное предложение с именным. Семантически компоненты сложносочиненного предложения, образуемого союзом *да* выражают: а) одновременность разных действий; б) последовательность действий; в) причину и следствие.

1) Сложносочиненное предложение: глагольное предложение + *да* + глагольное предложение – наиболее употребительный тип.

а) соединение предложений, выражающих одновременность действий и имеющих общее слово: г. *Эрнек кондарад да эрнек ах-тарад* (посл.) ‘Пример строит и пример разрушает’. В этом предложении общее слово выступает в функции подлежащего. В следующем примере общее слово выполняет роль сказуемого: г. *Йилайд кезсиз да йилайд кезли* (посл.) ‘Плачет и тот, у кого нет глаза, плачет и тот, у кого есть глаза’. В этом сложном предложении кроме общего сказуемого *йнлайд* в компонентах имеется и другое общее слово – подлежащее *коз*, выступающее с словообразовательными аффиксами антонимичного значения.

Общее слово, имея при себе словоизменительные аффиксы, может выступать и в разных функциях: т. ...*Усу адамнын йарытадыр йүзлярин да киллиги йүзлярнин тюшюрюлядир* (0, 2) ‘Ум человека озаряет его лицо, и сходит с него суровость (лица)’. В этом примере общим словом является *йуз*, которое в первом компоненте сложного предложения имеет аффикс винительного падежа и выполняет функции прямого дополнения, а во втором – в форме родительного падежа выступает в роли притяжательного определения, его компоненты выражают последовательность передаваемых действий.

б) Замена общего слова во втором компоненте местоимением, перечисление разных одновременных действий: т. *Кёп тюшлю улуслар келирэдляр Кырымга да ашарэдиляр анын ашыра кёп улуслар да билюв йесиляри бар дуньянын* (0, 12) ‘Много различных народов приходили в Крым, и через него проходили много мудрецов и ученых всего мира’. Последовательность действий: *Йергя тюшяд карангылы Да башланад бундан кечя* (0, 24) ‘На землю падает темнота, и с этого начинается ночь’; г. *Улан эсед да цубугу анын эсед* (посл.) ‘Растет мальчик и растет его палка’. В этом примере кроме

замены общего слова (*улан-нын анын*) имеется также общее сказуемое *эсед*, что устанавливает более тесную связь между компонентами сложного предложения.

в) Замена общего слова обобщающим словом: г. *Кайда этмек битед, кайда туз эсед, да бирин бири табад* (посл.) 'Где-то хлеб растет, где-то соль родится, и (они) друг друга находят'.

Когда компоненты – глагольные предложения сложносочиненного предложения с союзом *да* не имеют общего слова, они имеют причинно-следственные отношения, последовательность действий. Первый компонент выражает причину, а второй – следствие: т. *Уже куйаш та энди да карангы болду* (Ков. 71) 'Уже и солнце село и наступила темнота'; *Тан йарыйдыр да адам ойанадыр татлы йукудан* (ДК, 2, 5) 'Наступает рассвет, и человек просыпается от сладкого сна'; *Ўрдю... ушбу... йел йанындан орус йылгалыхларнын, кайсыларына йогэди чекляр, да турду болмаган кургах* (0, 8) 'Дул этот ветер со стороны русских степей, которым не было края, и стояла небывалая засуха'.

Союз *да* соединяет и предложения, которые не объединены приведенными выше признаками. Эти предложения семантически связаны общим контекстом: т. *Кюздя ташылат гной: силкмя керяк аны, сон сабан сюрмя, да калат бахча кышлыхка йазбашына дера* (RO, V, 212) 'Осенью возится перегной: нужно его разбросать, затем пахать, и участок остается до весны'. Общий объединяющий смысл – подготовка земли для посева: г. *Бу ис келди эз уцуна, керек эди тапма нес йангыны, да барлары басладлар тисме агацлардан* (КА, 3, 6) – здесь объединяющим центром является значение коллектива. 'Это дело пришло к концу, надо было придумать что-то новое, и все начали слезать с деревьев'; т. *Тек уллурах улюшю тасполду, да болалмыдлар тапма сондрагы сифни тамашалы йалбармахба бюгюнлэй* (0, 10) – здесь объединяющее слово не выражено, подразумевается рукопись). 'Но большая часть потерялась, и до сегодняшнего дня не могут найти последнего листка с прекрасной молитвой'.

2) Сложносочиненное предложение, состоящее из глагольного и именного компонентов: а) глагольное предложение + *да* + именное предложение: т. *Йылама йылэйдыр кечя была, да йашы йайагы үстюня* (РО, X, 158) ‘Он плачет ночами, и слезы у него на щеках’; г. *Урус эсавны куцту, да колу анын темирлиди* ‘Русский обнял поляка, рука его железная’.

б) именное предложение + *да* + глагольное: г. *Табу сана селям ицин, да келсен тувган йеринэ, айт барларына* (КА, I, 8) ‘Спасибо тебе за привет, и когда ты приедешь на родину, скажи всем...’; т. *Сювар тенрим болушлук майа да мен ишанамын анар* (Ков. 41) ‘Любимый мой бог помощник мне, и я ему верю’.

3) именное предложение + *да* + именное предложение. Именные сказуемые относятся к разным частям речи: т. *Кёптюрляр кюстунмахларым да йүрягим сызлавлу* (РО, X, 161) ‘Много у меня вздохов и сердце болит (досл. ‘с болью’). С повторяющимся общим словом: *Хор нечик бутек экинчи да энк хоррахтыр эликчи* (Л.) ‘Злой, как этот, есть и другой и (но) самый злой – зубоскал’; *Анар йатлар меним бар ирларым, да йат öзю ирлавчу* (Ков. 65) ‘Ему чужды все мои стихи, и чужд сам поэт’; *Йохтур джан, да йохт йүряк – бунда гуфсуз дунья!* Здесь имеется обобщающая фраза: ‘Нет души и нет сердца – здесь бестелесный мир’. Как явствует из примеров, повторяющееся общее слово может иметь разные, не повторяющиеся формы.

Сложносочиненные предложения противительного типа

С союзом *тек* ‘но’, ‘однако’. Общее слово – определение в родительном падеже в первом комплекте, т. *Кляклярый сенин йахшыдырлар, тек кечинмяклярый хордурлар* (О, П, 11) ‘Желания твои хорошие, но действия твои злые’. Первый компонент заменен во втором указательным местоимением – подлежащим: *Биз клядик кодуйну да Аняны сёскяндирмя, тек бу бары эди кюлткю* ‘Мы хотели напугать вас и Аню, но все это было шуткой’. Общее слово-сказуемое повторяется в двух компонентах в разных формах: *Бизгя йохт керяк билмя нечя аслан тамурларымызда агад каны хазарларнын, тек артых керяклиряк нечик биз кёргюзябиз*

өзюмюзню алайых тирликтя (0, 5) ‘Нам не нужно знать, сколько процентов хазарской крови течет в наших жилах, более важно – как мы показываем себя в повседневной жизни’. Общее слово формально отсутствует, оно выражено в предыдущем предложении: *Тюштю ортанчы тёшиакка, тек бунда да эди туююл имшахрах* (0, 35) ‘Опустилась она на среднюю постель, но и тут было не мягче’.

С союзом *вале* ‘однако’: общее слово заменено во втором компоненте словом, семантически близким к слову в первом компоненте: т. *Муна толду йыл, нечик бар бу сагынган йогары сиббалар да сюрюнчяклар артых сагынымыйдырлар алайых тирлигимиздя, вале бюгюнлей биз, бундагы карайлар, туймыбыз өз уммалы тирлигимиздя бу авлахлыхны* (0, 4) ‘Вот прошел год с тех пор, как об упомянутых причинах и препятствиях больше не говорят в повседневной жизни, однако, до сегодняшнего дня, мы, здешние караимы, не чувствуем в своей общественной жизни эту отдаленность’. Во втором компоненте присутствует указательное местоимение, заменяющее первый компонент, г. *Керек болгыйд йарымлатма тевени эки кесекке, вале атасы буну буйурмады* (КА, I, 29) ‘Можно было бы разделить верблюда на две части, однако отец не велел делать этого’. Общий член компонентов во втором заменен указательным местоимением: т. *Фар кюнлюк сёзюмюздя чыйнэйбыз окром кёпсю туююл сёзлярин ходжа тилимнзнин, вале бу вахтха деря болалмадых таныма аны йахиширах да чыгарма аны йарыхка* (0, I, 1) ‘В своей повседневной речи мы употребляем лишь немного слов нашего богатого языка, однако до сего времени мы его не могли лучше знать и вывести его в свет’.

С союзом *але* ‘но’, ‘однако’. В обоих компонентах общее слово повторяется: т. *Эх, карт сен, але тели сен мёрё этик* (Ков. 110) ‘Эх, старая ты, а глупая ты как сапог’.

С союзом *а*: в разных компонентах выражаются разные противопоставленные действия, выражаемые разными субъектами, поэтому общее слово в компонентах, как правило, отсутствует. т. *Сют чийбалба сувуйдыр, а үч айув негинчя чыхтылар үрюмякка* (0, 34) ‘Молоко с медом остывает, а три медведя тем временем вышли погулять’; г. *Кекрегиндэ сизнин бнийинизнин урунад йиреги багатырнын, а сиз хорраксыз катынлардан* (КА, I, 7) ‘В груди вашего начальника бьется сердце богатыря, а вы хуже баб’. Союз *а* может

употребляться не только в середине между компонентами сложно-сочиненного предложения, но и в его начале: т. *А мен тюнягюн тынч астранып йаладым кумандан чыйбалны, анам берди майа чы-бухларба* (ДК, 15-16) 'Я вчера потихоньку скрыто лизал из кувшина мед, а мама дала мне розгами'.

С союзом т. *анчах* / г. *анцак* 'но', 'однако'. Общее слово формально отсутствует, однако оно выражено в формах сказуемого, принадлежности: т. *Олтурдулар нечик Маймун кеняшляди, анчах кобузлары бурунгулэй барды* (М. 8) 'Они сели так, как посоветовала Обезьяна, но их скрипки пели как прежде'. Общее слово заменено указательным местоимением: *Да эгер эди де нинди-эс култура бавы, анчах ол да эди ишибэ анчах айырыч кишилярнин, артых тювюл* (0, 4) 'И если и была какая-то культурная связь, однако это было делом только отдельных людей, не более'. Общим является семантика антонимов в разных компонентах: г. *Семизди бундагы йер, анцак биз арыкбыз* 'Тучна здешняя земля, однако мы – тощие'.

С союзом т. *а то* 'а то'. Общее местоимение выражено формами сказуемых: *Тыйыл, а то берим башыйа!* (Ков. 128) 'Замолчи, а то дам тебе по голове!'.

Разделительные союзы редко связывают компонентов сложно-сочиненного предложения, т. *Булэй ашадылар-мо катынлар йемишлярин остюргян йаш уланларынын, йемяся олтюрюлдю-мо микдашында адонайнын когэн да нави?* (RO, X, 164) 'Так ели ли женщины плоды своих детей или в святынях господи были убиты священники и пророки?'. В этом предложении отсутствует общее слово в компонентах, которые выражают противопоставленные действия разных субъектов.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Подчинение предложений – это такое сложное структурное единство нескольких (обычно – двух) предложений, при котором один из компонентов сочетания предложений, обычно называемый придаточным, выполняет функцию одного из членов главного предложения или находится по грамматическим отношениям или семантике в зависимости от главного предложения или одного из его грамматических членов. Эта зависимость обычно грамматически выражается союзами, относительными местоимениями, порядком расположения компонентов или семантически.

В отличие от сложносочиненного предложения в сложноподчиненном предложении его компоненты связаны подчинительной грамматической связью – один выступает в роли главного, ведущего, независимого, а другой – в роли подчиненного, ведомого, зависимого. Подчиненное предложение передает дополнительные информации о главном предложении или об одном из его членов. Названия «главное (“независимое”, “самостоятельное”) предложение» и «подчиненное (“придаточное”) предложение» следует понимать не абсолютно, а в некоторой степени условно. В их взаимоотношении нетрудно установить взаимозависимость в составе сложного целого. Например, если обратиться к простому предложению, то, помимо двухсоставного, оно также имеет структуру, состоящую из односоставного подлежащего предложения. В составе же сложного предложения – как единства – ни главное, ни подчиненное предложение не может иметь подобную структуру. Компонент сложного предложения всегда имеет двухсоставную структуру или односоставную сказуемостьную структуру.

Взаимозависимость компонентов сложноподчиненного предложения проявляется и в том, что относительные местоимения, связывающие главный и придаточный компонент, выступая в различных падежных формах, превращают главное предложение

как бы в подчиненный элемент придаточного предложения (примеры см. дальше).

В караимском языке подчиненное предложение в отношении к главному, находится как в постпозиции (основное место), так и в препозиции (реже), что отличает его от ряда тюркских языков кыпчакской группы.

Можно установить два типа структуры компонентов сложно-подчиненного предложения, т.е. как главного, так и подчиненного:

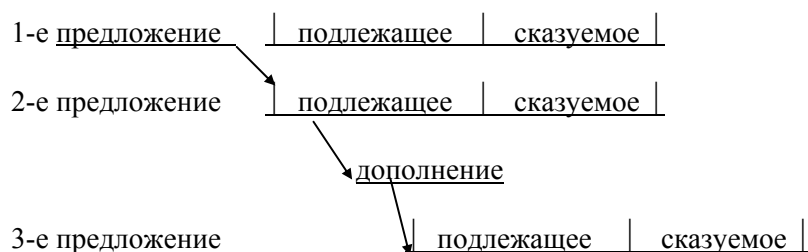
1. Двусоставной компонент представляет собой предложение, имеющее в своем составе подлежащее и сказуемое;

2. Односоставной компонент представляет собой предложение, имеющее в своей структуре из главных членов лишь грамматическое сказуемое. Отсутствующее грамматическое подлежащее нередко проявляется в форме аффикса соответствующего лица, выраженного при глагольном сказуемом. Последнее в караимском языке как в двусоставном, так и односоставном сказуемом предложении всегда стоит в личной глагольной форме, что связано с выражением подчинительных отношений большей частью союзами и относительными местоимениями.

Таким образом, для караимского языка в придаточном предложении не обязательно присутствие отдельно выраженного грамматического подлежащего, так же как и в простом предложении. Следовательно, для караимского языка присутствие отдельно выраженного грамматического подлежащего как в составе главного, так и подчиненного предложения, не имеет принципиального значения и это не определяющий принцип, поскольку лицо подлежащего всегда выражено в форме присутствующего сказуемого.

В сложноподчиненном предложении можно видеть повторяющуюся на более высоком уровне древовидную структуру простого предложения. Например: г. 1. *Кѐп мо эди бизин арасына андийлер*; 2. *кайсылары замандан заманга саларэдлер кезин ол тунук да тозлаткан мивизге*; 3. *кайда оалам ионэ йатырэд ол элимли йукусунда* (КА. I, 2) 1. 'Много ли было среди нас таких, 2. которые время от времени заглядывали в этот тихий и старый угол, 3. где на соломе лежал он в мертвецком сне'. В этом сложноподчиненном предложении имеются три предложения. Одно главное (1) и два подчиненных (2, 3). Второе предложение (или

первое придаточное) подчиняется первому – главному непосредственно и служит уточнителем (придаточным определительным) его подлежащего. Третье (или второе придаточное) подчиняется не главному, а предыдущему придаточному, уточняя (служит определительным придаточным) его дополнение, т.е. первое придаточное предложение в свою очередь выступает в роли главного в отношении второго придаточного. Схематически эти отношения можно изобразить так:

Основными средствами, связывающими придаточное предложение с главным, в караимском языке выступают подчинительные союзы и относительные местоимения в различных падежных формах.

Наиболее употребительным среди подчинительных союзов является союз *ки*, имеющий много значений: ‘что; то, что; который, для того, чтобы; потому что; оттого что; за то, что; когда’ и потому многофункциональный. Он соединяет с главным предложением придаточные определительные, дополнительные и обстоятельственные. Таким образом в отношении караимского языка вполне приемлемо мнение о том, что союз *ки* «лишь указывает на факт подчинения одного предложения другому. Значение союза, как выразителя тех или иных смысловых отношений между предложениями, вытекает из его соотнесенности или с определенной формой глагола в придаточном предложении, или с соотносительным словом в главном предложении, или с определенной семантикой глагола – сказуемого главного предложения»⁶¹. Следует отметить, что данное положение верно не

⁶¹ Грунина Э.А. Некоторые вопросы синтаксиса сложноподчи-

только в отношении союза *ки*, но и некоторых других. Например, о сочинительном союзе *да* 'и' можно сказать, что он выражает лишь факт сочинительной связи между двумя компонентами сложносочиненного предложения. Все другие отношения между компонентами и значения выражаются разными средствами. Сочетанием союза *ки* с местоимениями образованы сложные союзы: *качан ки*; *алэй ки*; *ки нечик*; *не ки*; *анын ўчюн ки*, которые также широко употребляются в караимском языке. Другим употребительным подчинительным союзом является союз *эгер*.

Относительные местоимения, служащие средством связи подчиненного компонента с главным, в составе придаточного предложения выполняют функции его члена предложения: подлежащего, дополнения, обстоятельств.

Широкое употребление местоимений в функции связки придаточного предложения с главным в текстах Махмуда Кашгарского отмечает Е.А. Поцелуевский. В караимском имеются много калькированных со славянских языков структур: среди относительных местоимений наиболее употребительными являются местоимение *не* и его производные, а также местоимение *кай* и его производные, которые соединяют с главным предложением придаточные предложения, выполняющие функции различных членов предложения: определительные, дополнительные и т.д.

Из сказанного выше явствует, что в караимском языке придаточные предложения с главным в основном связываются аналитическим способом. К синтетическим придаточным относятся лишь некоторые обстоятельственные придаточные: условия и времени, присоединяемые к главному посредством аффикса *-са* и некоторые обороты, образуемые формой на *-ган*, удовлетворяющие требованиям, предъявляемым к придаточным предложениям (о них см. в соответствующем разделе простого предложения).

В караимских текстах находим немного сложных предложений, в особенности – сложноподчиненных. Типы их распространены неравномерно. Классификация сложноподчиненных предложений может быть основана на различных принципах, в зависимости от того,

ненного предложения в современном литературном узбекском языке. ИСГТЯ III., с. 156.

что принимается за основу: структура и семантика главного предложения, структура и семантика подчиненного предложения, средства и способы связи подчиненного предложения с главным, функция подчиненного предложения в отношении к главному и т.д. В данной работе принят функциональный принцип – роль подчиненного предложения в отношении к главному, т.е. функцию какого члена главного предложения выполняет подчиненное предложение. Поэтому выделяются сложноподчиненные предложения с придаточными подлежащими, определительными, дополнительными и обстоятельственными.

Сложноподчиненное предложение с придаточным подлежащим

Подлежащее придаточное предложение в караимском языке развилось относительно поздно и не получило широкого распространения. Обычно в сложноподчиненном предложении, имеющем в своем составе подлежащее придаточное предложение, роль средства связи выполняет местоимение *ким* 'кто', выступающее в функции подлежащего придаточного предложения. Подлежащим же главного предложения при этом выступает местоимение *ол* 'он, тот': г. *Ол карай инделед, ким растлыкны сивед* (погов.) 'Тот называется караимом, кто любит правду'. В этом примере придаточное предложение находится в постпозиции в отношении к главному, однако оно может стоять и впереди главного: т. *Ким йашлыхтан сёскьянмийд иландан, ол сон аждахадан корхмаст* (МК, I, 12) 'Кто в молодости не боится змеи, тот после не будет бояться и драконов'.

В редких случаях подлежащее придаточное предложение может соединяться с главным и без относительного местоимения, которое опускается: т. *Корхувдан ки корхтум да йетти мени, да недян корхтум (ол) келди майа* (Ков. 4) 'То ужасное, чего я боялся, постигло меня и (то), чего я боялся, пришло ко мне'.

Сложноподчиненное предложение с придаточным определительным

Это весьма распространенный тип сложноподчиненного предложения. Придаточное определительное соединяется с главным предложением посредством союза *ки*, разными формами относительного местоимения *кай(сы)*, зависящими от управляющего им глагола, а также относительным местоимением *не*.

Сложноподчиненное предложение с определительным придаточным, подчиненным посредством союза *ки* 'что, который'. *Ки* выступает заместителем разных членов главного предложения. Подлежащего, при этом оно имеет глагольное сказуемое: г. *Йохт буз, ки куйастан иримэгей; йохт ацылык ки замандан кемисмэгей* (посл.) 'Нет льда, который бы не растаял от солнца; нет горя, которое не уменьшалось бы от времени'; т. *Коладлар бирни, ки башлазэй кескялямя* (RO, V, 203) 'Просят кого-нибудь, который бы начал резать'. *Ки* чаще употребляется как замена дополнения в придаточном предложении, в главном предложении его «прототипом» могут оказаться не только дополнение, но и подлежащее: *Да негя эди тöшляр, ки өмдюм* (Ков. 3) 'И зачем мне были те груди, которые я сосал?'; *Кёргюн, э адонай, кыйынымны, ки уңлу этти душман* (RO, X, 159) 'Посмотри, о господь, мои муки, которые прибавил мне мой враг'.

Основным средством, соединяющим придаточное определительное с главным предложением, выступает относительное местоимение *кайсы* 'который' и его падежные формы.

Определительное придаточное со словом *кайсы* в основном падеже в единственном числе. Относительное местоимение *кайсы* может присоединять придаточное определительное к именному члену главного предложения, оформленному как в основном, так и в других падежах, как в единственном, так и множественном числе: *Кайсы*, как правило, стоит непосредственно после слова, к

которому служит определением все придаточное предложение: т. *Санында француз экипанын табулур эди бизнин карындашымыз, кайсы эди нечик туюл бир карай үлүш алуучу турнирда, тек нечик бирдян бир спортсмен бютюн дунйада...* (0, 40) ‘Во французской команде находился наш брат, который был не только единственным караимом – участником турнира, но и единственным спортсменом (караимом) во всем мире’; *Табулат игит увах хыйарчехлар, кайсы бияндирыт бахча ишлявчюлярни* (RO, V, 213) ‘Находятся свежие мелкие огурцы, которые радуют огородника’. В редких случаях это правило нарушается и перед *кайсы* могут вклиниваться другие слова: *Чыгып кенесадан иштырылдылар суудага мидраш үвгя, кайсы тартылды кечягя дейин* (ДК, 2, 14) ‘После того, как вышли они из кенасы, собрались в здании школы на веселье, которое длилось до ночи’. Как видно из примеров, слово *кайсы* в этой форме выступает в функции подлежащего придаточного предложения, это показывает, что главное предложение в отношении придаточного выступает в функции подлежащего.

Придаточное определительное со словом *кайсы* во множественном числе с аффиксом принадлежности третьего лица – *кайсылары* ‘которые’. При этом *кайсылары* выполняет функции подлежащего придаточного предложения и выступает обычно в составе придаточного определительного, примыкающего к имени, оформленному аффиксом множественного числа: т. *Табулду дунйа, кайсылары айалмадылар татма ув сувсунну* (0, 11) ‘Нашлись люди, которые не отказывались пить этот ядовитый напиток’. В этом примере происходит семантическое «согласование» между словом *дунйа*, обозначающим ‘люди’ без формы мн. ч. и относительным местоимением *кайсылары*, принимающим в соответствии со значением слова *дунйа* аффикс мн. ч.: *Сагатлар, кайсылары йахшы дост кибик өз камахларыба оятырэдляр мени керякли вахтта, бюгюн кёрюнгейс барыр эдиляр тынчрах* (ДК, 2, 10) ‘Часы, которые, как хороший друг, будили меня своим тиканием (досл. ‘своими стучаниями’), сегодня, казалось, идут тише’.

Кайсы в падежных формах: *Кайсын(ы)* – в винительном падеже выполняет функцию прямого дополнения: т. *Да бу тамашалы ишанч, кайсын йырчы утрулэйд, келядир анар...* (0, 24) ‘И эта пре-

красная вера, которую встречает поэт, приходит к нему...'; *Анда, кайда йазышлар да кагытлар йатыр эдляр баганаларба да тюшмидляр кюн кеч, бюгюн йатырэд бир кагытчэх, кайсын тэздюм бютюн йыл...* (ДК, 2, 10) 'Там, где бумаги и записки лежали столбами, занимая (стол) днем и ночью, сегодня лежит одна бумажка, которую я ждал целый год'.

Кайсында 'в котором' – в местном падеже выполняет функцию косвенного дополнения или обстоятельства места: т. *Да калдых биз хаз эмян, кайсында салпрадлар йапрахлар да хаз баг, кайсында йохтур сув* (0, 10) 'И остались мы как дуб, у которого завяли листья, и как сад, в котором нет воды'; *Кюздяги эртядя мен эндим Багыма өз сювар, багына йырымнын. Ол багда, кайсында остюрдюм Чечягин да илкин джанымнын* (0, 2) 'Осенним утром я вошел в мой сад, свой любимый сад, в сад моих стихов. В том саду, в котором я растил цветы моей души'. В этом примере происходит согласование в местном падеже между определяемым и определительным придаточным, что выражается в форме слов *барда* и *кайсында*, это характерное явление для караимского языка. Подобное же согласование можно наблюдать и в других примерах: *Сиз ол тувганлар да оскянляр бу өзю кырыйда, кайсында тувдум да остюм мен дя...* (Ков. 143) 'Вы, те, которые родились и росли в этой же стране, в которой родился и вырос я...'

Кайсындан 'от которого' – в исходном падеже, в функции места, исходный пункт: т. *29 клм Биржистян айырад шагарчэгын Посволнюн, кайсындан бу өзю йол барад Поневежгя* (0, 1, 23). '29 километров отделяют от Биржиса городок Посволис, откуда эта самая дорога идет в Паневежис'.

Кайсыба 'с которым' в инструментальном падеже, в функции косвенного дополнения: т. *Уйбу йазышымызда биз окром йарыхлатырбыз бунйатларын ол уңду сюварликнин, кайсыба блягян ады учмахлынын* (0, 16) 'В этом сочинении мы только освещаем основы той большой любви, которой было окружено имя покойного'. Придаточное с *кайсыба* выступает в функции определения к одному из членов главного предложения, в основном – к прямому именному дополнению в винительном падеже, г. *Таслайх тар йолцакларны, кайсыба йирийбиз* (МК. 1, 18) 'Бросим же те узкие тропинки, по которым мы ходим'. По значению и

функции к *кайсыба* близко сочетание *кайсы* с послелогом *была*, к которому восходит *кайсыба* (*кайсы* + *была* > *кайсыба*): т. *Сизгя, сыйлы эрянляр, тюзюймин бу сёзляримни, анлатмах үчюн ол каввананы, кайсы была баиладым бу ишни, кичи кёрюмюбя анчах уңлу анланмагыба* (Ков. 143) ‘Для вас, уважаемые, я составляю эти строки, чтобы объяснить свое намерение, с которым я начал это дело, маленькое по виду, но с большим значением’.

Относительное местоимение *кайсы* соединяет определительное придаточное предложение, также сочетаясь с союзом *ки* и послелогом: *үсню, сон: кайсы үсню, кайсындан сон: т. Йогаргы сёзлярим-дя анлаттым туйунч-сиббасын, кайсы ки алындырды бу ишкя* (КА, I, 10) ‘Сказанными выше словами я выразил свои чувства и причины, которые заставили меня взяться за это дело’; *Алтынчы йылына тарлыхнын табуду сифчеги джыргыйахнын, кайоы үсню колуба Шемуел Фаханнын шызган...* (0, 11) ‘К шестому году бедствия нашелся листок пергамента, на котором рукой Шемуэля Гахана начертано...’; *Барындан сон болат йана алгыш этмяк, кайсындан сон барадлар йуклама* (RO, V, 204) ‘После всего происходит еще раз благословение, после которого идут спать’.

В роли средств, соединяющих определительное придаточное с главным предложением, выступают формы пространственных падежей: местного (местно-направительного) и исходного падежей также от корня *кай*, которые являются первичными по отношению к формам с аффиксом принадлежности третьего лица, они малоупотребительны. *Кайда* (ср. *кайсында*): т. *Мен таныдым бу үвчөкню, кайда өстюм, кайда йаишлыхны ашырдым* (Ков. 68) ‘Я узнал этот домик, где я вырос, где я провел молодость’. *Кайс дан* (ср. *кайсындан*): *Йетти хабарлары ол йырах каганларга, кайдан өзлярн чыхтылар* (Ков. 144) ‘Весть о них дошла до далеких царств, откуда вышли они сами’. *Караимцизнаны аштых, да терк келдик бу öзю орунга, кайдан биз баишыхтан чыхтых* (Ков. 61) ‘Мы миновали Караимскую улицу и быстро дошли до того места, откуда мы вышли вначале’. При употреблении *кайдан* происходит противопоставление действий главного и придаточного предложений по характеру их направления движения. Придаточное предложение выражает исходный пункт, а главное – конечный пункт движения.

Наблюдается функциональная синонимия некоторых местоимений. В роли средства, соединяющего придаточное определительное с главным предложением, употребляется также относительное местоимение *не* ‘что’: т. *Кичи үвчэктя, не анда кондарган, кён фор-лар бюрjлттим йукумну* (МК, II, 33) ‘В маленьком домике, который был построен там, я много раз провел бессонные ночи’. Здесь *не* вполне заменимо словом *кайсы*. В следующих примерах замена невозможна: *Да багыныр эди өз йогаргысындан Гахан Шемуел бары үсню, не кылынырэди шагарда* (0, 9) ‘И смотрел Гахан Шемуель со своей высоты на все, что делалось в городе’; г. *Катынкисилэр гадирлэрэдлэр барын, не керекли эди йолга* (КА, 3, 4) ‘Женщины готовили все, что нужно было на дорогу’. Во всех этих примерах относительное местоимение *не* выступает в функции подлежащего предложения. Однако *не* может выступать и в роли прямого дополнения, не принимая падежных аффиксов: т. *Иона кызба сёзляди, не эртя утрулады* (Ков. 34) ‘Иона разговаривал с девушкой, которую он встретил утром’; *Да кёрмясинляр артых кёзлярим аны, не мен кёрямин, да эшитмясинляр кудлахларым меним барын аны, не мен туйамын* (0, .10) ‘И пусть не увидят мои очи всего, что я вижу; и пусть не услышат мои уши всего, что я слышу’. В первом предложении определяемое слово (*кызба*) не является прямым дополнением, тогда как во втором примере определяемые (*аны*) выполняют функцию прямого дополнения.

В роли средства, соединяющего придаточное определительное с главным предложением, выступает сложный союз *не ки*, в котором *не* выступает определяемым, а *ки* – определяющим. Употребление слова *не* в форме основного падежа особенно характерно для переводов Библии: т. *Тёшыгим үстюня кечяляр была излядим, не ки сюдю джаным, излядим аны да тапмадым аны* (Ков. 41) ‘Ночью на моей постели я искала того, кого полюбила моя душа, искала его и не нашла его’; *Таптылар мени ол саклавчулар, Моше да Агарон, ол куришавчулар шагарда, сордум: нени ки сюдю джаным, кёрмядийизмо?* (Ков. 41) ‘Нашли меня стражники Моше и Аарон, сте-

регущие город, я спросила их, не видели ли того, кого полюбила моя душа?'. *He* может принимать форму падежа, например, винительного, чтобы было согласование в падеже с определяемым членом: т. *Нени ки өстюрдюм да улгайттым, душманым тавусту аларны* (RO, X, 164) 'Мои враги уничтожили то, что я растил и увеличил'. В этом примере союз *нени ки* стоит в начале сложного предложения, так как придаточное предложение находится впереди главного, таким образом происходит метатеза компонентов.

Сложноподчиненное предложение с придаточным дополнительным

Наиболее распространенным типом дополнительного придаточного является предложение, присоединяемое к главному посредством союза *ки*, соответствующего русскому относительному местоимению 'что', т.е. в караимском языке, принадлежащем по классификации тюркологов к кыпчакской группе, употребляются преимущественно тип дополнительного придаточного предложения, характерный для огузской и карлукской групп тюркских языков. В караимском не получили развития типы дополнительных придаточных предложений, характерные для других тюркских языков кыпчакской группы, например, тип придаточного предложения, присоединяемого к главному посредством форм дицендиального глагола *де-* (*деп*, *деген* и т. д.) и другие.

Главный компонент (главное предложение) в данном типе сложноподчиненного предложения всегда является глагольным. При этом сказуемое, как правило, выражается переходным глаголом. Лишь в редких случаях можно отметить выражение сказуемого главного предложения непереходным глаголом, например: т. *Инанайшк бунар, ки бююнню чыгарсах йарыхка биртюклярин ишимизнин, йетиширбиз келяси кюнлярдя орда битишлярин* (ДК, 2, 2) 'Мы поверим тому, что если сегодня мы выведем на свет зерна наших дел, в будущем сможем собрать урожай'. Сказуемое придаточного дополнительного предложения выражается как глаголом, так и именем, т. е. придаточное дополнительное предложение является как глагольным, так и именным.

Самым распространенным является придаточное дополнительное предложение, сказуемое которого выражено глаголом.

Сказуемым главного предложения обычно выступают глаголы, обозначающие деятельность, чувства человека: *айт-* ‘говорить’, *бер-* ‘давать’, *кёр-* ‘видеть’, *туй-* ‘слушать’, *эшит-* ‘слышать’ и т.д. Примеры:

а) Сказуемое главного предложения – переходный глагол *айт-* ‘говорить’, придаточное предложение выражает то, о чем говорит субъект главного предложения: т. *Да айтадлар кёп тилляр, Ки тойчох бизгя ишляр* (0, 6) ‘Многие (досл. ‘много языков’) говорят, что (они) устроит нам пир’; *Кертидян айтты каводу Т. Бабович, ки бизгя йохт керяк билмя нечя аслан тамурларымызда агад каны хазарларнын...* (0, 5) ‘Правильно говорит Т. Бабович, что нам не нужно знать, сколько процентов хазарской крови течет в наших жилах...’.

б) Сказуемое главного предложения – переходный глагол *кёр-* / *кер-* ‘видеть’. Придаточное предложение выражает то, что видит субъект главного предложения: т. *Кёрям, ки увулчогу тувдугуйнун тентяк* (Ков. 109-110) ‘Я вижу, что сын твоей сестры шалун’; *Ачых кёрябиз, ки карай тили турад энк йувухрах сёзлявюня авалдагы тюрк-кипчак улусларынын* (0, 3) ‘Мы ясно видим, что караимский язык стоит очень близко к языку древних тюркско-кыпчакских племен’; г. *Керип ол бой кызны, алай байланды анар келним, ки калдым бунда да бакмайдогац, ки ол йат динли, алдым аны эзиме катынлыкка* (КА, 7, 11) ‘Когда я увидел девушку, так привязалась к ней моя душа, что я остался здесь и несмотря на то, что она относится к другой вере, я взял ее в жены’. В этом примере придаточное дополнительное подчинено глаголу в форме деепричастия, что является редким случаем. В следующем предложении дополнительное придаточное предложение подчинено глаголу в причастной форме: т. *Ол кёрювчю тюш ашыра, ки итляр йуврадырлар анын үстюня – йаман сёзляр йомахларлар анын үстюня* (МК. 12, 44) ‘Если он увидит во сне, что на него лают собаки, это означает, что о нем говорят дурные слова’.

в) Сказуемое главного предложения – другие переходные глаголы, не имеющие высокой частотности употребления в отличие от приведенных выше двух. Глагол *туй-* ‘слышать’ показывает, что слышится, чувствуется в придаточном: т. *Туйат ұрягим, ки артых кёрюшмябиз, йохт ноликкя майа дунйада тирилмя* (Ков. 59) ‘Чует мое сердце, что больше мы не увидимся, незачем мне жить на свете’. Глагол *бил-* ‘знать’ употребляется, когда в придаточном сообщается объект знания: *А биям, ки майа фор туююл сен обярс* (Ков. 96) ‘И знаю я, что ты не раз поцелуешь меня’. Глагол *тутма эстя* ‘помнить’: *Джымат Иесияри Карай Ортагындан борчлу болгэйдлар тутма эстя, ки биз тирилябиз эгирминчи йўз йыллхта* (0, 5) ‘Руководители Караимской общины должны были помнить, что мы живем в двадцатом веке’. Глагол *анлат-* ‘сообщать, дать понять’: г. *Бу анлатад, ки эледоган тирликке кайтты...* (КА, I, 2) ‘Это означает, что умирающий вернулся к жизни’.

Иногда союз *ки* присоединяет к главному предложению придаточное предложение со значением недостоверности указанного действия. Обычно в главном подобного сложноподчиненного предложения сказуемым выступает глагол *тюшлян-* ‘сниться’: т. *Чебяр тюшляр ол тюшлянт, ки шычанларны тутхалэйт* (Ков. 68) ‘Удивительный сон видит он, как будто бы он ловит мышей’; *Достчам! Йахиш тюш тюшляндим: Ки куйаш кючлю йарытат, Ки сырын кёкнюн таныдым, Кн малах ўсттян багынат* ‘Подруга моя! Я видел хороший сон, как будто солнце ярко сияет; я узнал тайны неба, как будто ангел сверху смотрит’.

В редких случаях союз *ки* может стоять в абсолютном начале предложения (придаточное предшествует главному), тогда он имеет значение ‘о том, что ...’: *Ки дунйада тюшлю болат, Буну биябиз барымыз* (Л.) ‘О том, что в жизни всякое (досл. ‘разное’) бывает, мы все знаем’.

Именное дополнительное придаточное предложение, присоединяемое к главному посредством союза *ки*, в караимском языке мало распространено. Обычно сказуемым главного предложения выступает глагол *бил-* ‘знать’ в положительном и отрицательном аспектах в разных формах: т. *Барымыз йахиш биябиз, ки немет*

учсуз йохтур дунйада (Ков. 61) ‘Все мы хорошо знаем, что ничего вечного в мире нет’; *Билмядим, ки сен бунди шерец* (Ков. 116) ‘Я не знал, что ты такой жулик’; *Нехай билмясин, ки мен аны болалмым барыба унутма* (Ков. 62) ‘Пусть он не знает, что я совсем не могу забыть его’.

С другими глаголами в роли сказуемого главного предложения именно дополнительное придаточное предложение употребляется редко: *Бийляр, мен ишандым, ки сиз раст да услу тёрячиляр, тек туварга ушадыйыз, алар кибик сиз телляр* (Ков. 105) ‘Господа, я верил, что вы правдивые и умные судьи; но вы похожи на скот: глупы как скоты’; *Шалом бер бар сювярляримя, айт, ки аларга сагышларым* (Ков. 62) ‘Передавай привет всем моим любимым, скажи, что все мои мысли о них’.

Есть особый тип сложных предложений, компоненты которых присоединяются посредством союза *ки*. Главный компонент подобного сложного предложения представляет собой именное предложение. Подчиненный компонент уточняет значение имени в главном предложении, т. е. подчиненный компонент по своим функциям и значению напоминает приложение. Сказуемое главного предложения – имя прилагательное *узун* ‘длинный’: т. *Чачлары анын эдляр алэй узунлар, ки Алтынка болалыр эди алар ўсню олтурма* (0, 34) ‘Волосы Алтынки были так длинны, что она могла сесть на них’. В составе сказуемого главного предложения участвует слово *керти* ‘правда’: *Будур керти белги, ки Кырым джыматында карай улусунун авалдагылэй сёзлядиляр бу өзю тилбя (тювюл татарча)* (0, 2-3) ‘Это явный признак (того), что в крымской общине караимской национальности говорили, как прежде, на этом языке (не по-татарски)’; *Да керти, ки бу капчух терк ишляр бизгя тойчух* (0, 6) ‘И верно, что этот мешок сделает нам пир’.

Другим средством, соединяющим придаточное дополнительное с главным, является относительное местоимение *не* ‘что’ в разных падежных формах.

Не в основном падеже: т. *Анламым, не бу болунат* (Ков. 125) ‘Я не понимаю, что тут делается’; *Аз форлар эняр эди верянлянгян бий – шагарга да йазар эди кюн-кюндян, не кылыныр эди кёзляричя, айырыч сифляри ўсню джырғыяхнын* (0, 9) ‘Мало заходил он в

разрушенный город-столицу и изо дня в день писал на страницах особого пергамента о том, что происходило на его глазах'. В этих предложениях относительное местоимение выступает в роли подлежащего придаточного предложения. Характерной особенностью подобных предложений является то, что их сказуемое выражено глаголом в форме страдательного залога. Когда сказуемое выражено глаголом не в страдательном залоге, относительное местоимение не выступает в функции прямого дополнения: г. *Билэсизмо, не гали ислэрбиз?* (КА, I, 25) 'Вы знаете, что теперь мы будем делать?'; *Булутнун курсагында буз да йамгур: не клэр, аны цивэр* (посл.) 'В животе тучи лед и дождь: что хочет, то и пришлет'.

Не в инструментальном падеже (*небя/нэбэ*): т. *Ирахрах билинбиз, небя тынч этяд оэюн йырчы* (0, 23) 'Далее мы узнаем, чем успокаивает себя поэт?'

Не в дательном-направительном падеже (*негя/нэге*): т. *Эгяр тенри белгиляся, кыларм, негя йетяр акылым да кючюм* 'Если господь поможет, сделаю то, на что хватит моего ума и моих сил'.

Не в исходном падеже (*недян/нэдэн*): т. *Да недян корхтум, келди майа* (Ков.) 'И то, чего я боялся, пришло ко мне'; *Да барын биям, недян ол качты* 'И я знаю все, отчего он убежал'.

Придаточное дополнительное соединяется с главным также формой винительного падежа местоимения *ол* – *аны*, заменяющего слова: г. *Ким сабан сиред, аны тенри сивэд* (посл.) 'Кто пашет, того и бог любит'.

Сложный союз *не ки* (ом. раздел «Определительное придаточное») может в редких случаях соединять дополнительное придаточное предложение с главным: т. *Кылды адонай, не ки сагыш этти* (RO, X, 164) 'Сделал господь то, что он задумал'. В другом списке данного текста вместо *не ки* употреблено относительное местоимение *не* в винительном падеже – *нени*, что свидетельствует об их функциональном тождестве'.

Сложноподчиненное предложение с придаточным условным

Придаточное условное выражает условие, при котором может или не может происходить действие, которое выражено в главном предложении. Это – общая семантическая характеристика сложного предложения с придаточным условным. Формальное выражение указанного значения происходит следующими разными способами или средствами.

1) Посредством аффикса, образующего условно-временное наклонение *-са*. При этом придаточное условное выражает реальное условие, в котором совершается или не совершается действие, выраженное в главном предложении. Можно установить два структурных типа сложного предложения с придаточным условным, соединяемым с главным предложением посредством аффикса *-са*:

а) Сложное предложение, в котором каждый из компонентов имеет самостоятельное, отдельное от другого подлежащее. Подлежащие выражены отдельными словами: т. *Калган эки казны, бийим берся майа, йырларбыз үчөвлян – йүз йыл кнплигийя!* (Мағаз) ‘Остальных двух гусей, если хозяин даст мне, мы втроем сто лет будем петь о твоём благополучии!’. Подлежащее придаточного предложения не выражено самостоятельным словом, но оно видно по форме лица сказуемого, например, второго лица. Таким образом аффиксы лица выступают заместителем подлежащего, выражаемого личными местоимениями: г. *Тынласан катынны, йарык болур цатырда, тынламасан – тунар куйас азбарда* (посл.) ‘Если послушаешься жену, будет светло в шалаше, а если не послушаешься, затмится солнце на дворе’; *Ватсан катынны, кол аврыйд, ватмасан – касыйд* (посл.) ‘Если побьешь жену, рука болит, а если не бьешь – чешется’. Первого лица: *Да кайтсам Крымга, анда килэрлэр мэнден* (КА, I, 5) ‘Если я вернусь в Крым, там будут смеяться надо мной’. В этом примере в придаточном, наряду с условием, существует и значение времени.

б) Сложное предложение, в котором компоненты имеют общее подлежащее. Обычно общее подлежащее находится в составе при-

даточного предложения, которое предшествует главному. Например, подлежащее – личное местоимение 1-го л. мн. ч. *биз*: т. *Анчэх сорсах нени биз кылдых бу йыллар ашыра, не йанга алышынды тирлигимиз да нени йеттик, болабызмы кайтарма биянчли карув да кёргюзмя йемишин ишимизнин?* (0, 1, 2) ‘Но если мы спросим, что мы сделали за эти годы, в какую сторону изменилась наша жизнь и чего мы достигли, можем ли мы дать на них радостный ответ и показать плоды нашего труда?’. Общее подлежащее – имя существительное *оручлар*: *Тюшсяляр ушту оручлар шаббат кюнга, илыштырыладлар тандасына, башха курбандан, кайсы эгер тюшя шаббатха, боладыр бараски кюндя, кюнбя бурун* (Ко. 27) ‘Если эти праздники попадут на субботу, переносятся на следующий день, кроме курбана, который, если попадет на субботу, празднуется в пятницу – днем раньше’. Общее подлежащее – личное местоимение 2-го л. ед. ч. *сен* отдельно не выражено, но оно проявляется в форме сказуемых обоих компонентов сложного предложения: г. *Барсан алтын элтивци артын – алтын табарс, барсан балзык элтивци артын балзыкка кирэрс* (МК, 12, 107) ‘Если пойдешь за несущим золото, найдешь золото; если пойдешь за несущим грязь – войдешь в грязь’.

2) Посредством аффикса условного наклонения *сэйд* (< *са* + *эди*). При этом сказуемое главного предложения принимает форму сослагательного наклонения. Как правило, каждое предложение имеет свое отдельное подлежащее – субъект, отличающееся от подлежащего – субъекта другого предложения: т. *Бюгюн клясейдим салма нечя йуз фролу, кёргейдий тамаша ишляр* (Ков. 121) ‘Если бы я сегодня вложил сто фролей, ты увидел бы удивительные дела’.

В этом предложении подлежащие обоих компонентов сложного предложения *мен, сен* отдельно не выражены, они видны из форм сказуемых. г. *Кылсыйд араба кысны, барца кар йаткыйд* (посл.) ‘Если бы телега делала зиму, весь снег лежал бы’ (т.е. ‘никогда бы не наступило лето’). Здесь каждый компонент имеет самостоятельное подлежащее.

3) Посредством служебного слова *эсе* (*э* + *са*) – распространено в пословицах и поговорках). Служебное слово *эсе* соединяет с главным предложением как глагольное, так и именное условное

придаточное предложение.

а) Глагольное условное придаточное: сказуемое принимает форму настоящего времени: г. *Айтад эсе консуха: «Кивди кыбынын», цыгарма танурдан – цийди* (посл.) ‘Если соседка тебе скажет: «Сгорели твои пироги», не вынимай их из печи – они еще сырые’; *«Клэйсэн эсе циелэр, из эзинэ агацтан – айтты ол достуна – йохту-мо колларын?»* (КА, 3, 3) ‘«Если хочешь вишни, нарви себе с дерева – сказал он другу – что, у тебя нет рук?»»; *Ицэс эсе кац кици пиаладан, кетэс эсе кац битли бидадан* (МК, 12, 108) ‘Если пить – избегай маленького сосуда, если ехать – маленькой двуколки (запряженной одной лошастью)’.

б) Именное условное придаточное. Обычно придаточное предложение имеет собственное подлежащее: г. *Тунук эсе кезин, сувга кирмэ – батыс; кысык эсе басын, пилпулланма - уйатта калырс* (посл.) ‘Если твои глаза не видят (досл. ‘мутные’), не входи в воду – утонешь; если твоя голова узка (т.е. ‘не умная’), не участвуй в споре – осрамишься’; *Керекти эсе сана ол дзынстан, келтирирмэн нэцэвни орамдан* (КА, I, 25) ‘Если тебе нужны (представители) этого народа, приведу нескольких из них с улицы’.

4) Посредством союза *эгер* – это одна из особенностей караимского языка, в котором связь может осуществляться и без сочетания с формой условно-временного наклонения на *-са*:

а) Глагольное условное придаточное: т. *Эгер баш-йазышый сени кёп кыйнады, эгер ачы кайгы тохтады үвюйдя, эгер ув хасталых иланлэй байланды... бар теркряк...* (МК, II, 34) ‘Если судьба тебя долго мучила, если горе горькое поселилось в твоём доме, если ядовитая болезнь обвила тебя, как змея, иди скорее...’; *Эгер башында адамнын кагат – адамба талашыр* (МК, 6, 24) ‘Если на голове человека дергает – он будет ссориться с человеком’;

б) именное условное придаточное возникает в результате выпадения глагольного сказуемого: т. *Ол кёрювчю тюш ашыра ки ол чешиадир упрахларын, эгер ол хаста – йахшы болур анар. а эгер ол сав – авурдур анар* (МК, 12, 45) ‘Видящему во сне себя раздевающимся, если он болен, будет ему хорошо, а если он здоров – тяжело будет ему’; *Эгер бишк йузляринин он йандан – биянч болур анар, эгер сон йанындан – абайлыхны табар* (МК, 6, 24) ‘Если скула лица правой стороны (дернет), придет радость к нему; если левой сторо-

ны – найдет уважение’. Эти примеры представляют собой образцы особого жанра фольклора «секирмек йоралар» – разгадывания дёр-ганий частей тела.

5) Посредством союза *эгер* + глагол с аффиксом *-са*. Как правило, *эгер* стоит в начале сложного предложения, в начале придаточного предложения, которое предшествует главному: т. *Эгер ушту ишим калса файдалыба карайлыхка, бунунба мен борчлу болурм энк бурун үврятүвчюляримя да достларыма* (М, 3) ‘Если этот мой труд станет полезным караимам, этим я прежде всего обязан моим учителям и друзьям’; *Эгер клейс ичмя, сувдан бөгөврярсин, эгер ачыхсэй, отмяктян тойарсын* (Ков. 66) ‘Если захочешь пить, утолишь жажду водой; если проголодаешься, насытишься хлебом’. В редких случаях *эгер* стоит на стыке компонентов: *Бунун үчюн охувчулардан колабыз борчайтмасха бизни, эгер табулсады бу иштя тюзсюзлюкляр, иш да вахт тюзлятир аларны* (0, 1, 2) ‘Поэтому мы просим читателей не осуждать нас, если в этом труде найдутся ошибки, дела и время исправят их’.

6) Посредством союза *эгер* + глагол о аффиксом *-сэйд*. Сказуемое главного предложения при этом выражает сослагательность: т. *Да эгер кертидян де тартынмагымыз умма култарага болсэйд анди кючлю да уллу, то бу эгирми йыл ашары кёнка негя болалгэйдых йетмя* (0, 4) ‘И если бы наше стремление к общей национальной культуре было бы настолько сильным, то в течение этих двадцати лет мы достигли бы много чего’; *Да билювсюз, небя бу тюзгянгейт, эгер чувларына сандугач болмасайт* (М, 8) ‘И неизвестно, чем бы это кончилось, если бы на их шум не явился соловей’.

7) Посредством союза *эгер* + союз *то* (заимствованное из русского языка, можно оказать, все сочетание *эгер* + *то* калькировано с русского ‘если... то’), при этом союз *эгер* ставится в начале, а *то* в конце придаточного условия, заключая его в рамки, как в русском языке: с отдельными подлежащими: т. *эгер йохтур тешичякляр, то табадлар, ки уже гадир* (RO, V, 203) ‘Если нет дырочек, то считают (досл. ‘находят’), что они готовы’; *Эгер карангыда болма, то табулат тынчлыгы йрякнин* (Ков. 61) ‘Если побыть в темноте, то сердце успокоится’. С общим подлежащим:

Эгер йаашым тюшсэйт йер үсню, то кювдюргейт йерни (Ков. 65) 'Если бы мои слезы упали на землю, они обожгли бы ее'.

8) Сочетанием союза *эгер* и служебного слова *эся*, которые также заключают в рамку придаточное предложение: т. *Эгер кючюн кёргюзмяк эся, муна кючлюдюр* (Ков. 9) 'Если (хотите) видеть его силу, вот он – силен'. Данный тип условного предложения относится к малоупотребительным.

Сложноподчиненное предложение с придаточным времени

Связь придаточного времени с главным предложением осуществляется как аналитическим, так и синтетическим способом. Когда речь идет о синтетическом способе, имеется в виду лишь один тип сложного предложения с придаточным времени – тип, между компонентами которого связь осуществляется посредством аффикса *-са*, восходящего к форме условного наклонения. Главенствующим в караимском языке является аналитический способ связи компонентов: посредством союзов и относительных местоимений.

1) Придаточное связывается с главным посредством аффикса *-са*. Между главным и придаточным предложениями устанавливаются следующие временные отношения: придаточное времени выражает действие или состояние, которое предшествует действию или состоянию главного предложения, следовательно, главное предложение выражает действие или состояние, которое последует вслед за действием или состоянием, выраженным в придаточном предложении. Такое отношение компонентов можно объяснить исторически – придаточное обозначало условие, причину, за которыми следовало действие главного предложения – следствие. В современном языке в ряде случаев можно отметить нерасчлененность значений условия и времени, выражаемых придаточным предложением, сказуемое которого оформляется аффиксом *-са*. В следующих примерах придаточное имеет четко выраженное временное значение: т. *Куйаш чыхса, мен ойатым, йукла, увлум, йукла; Мен «тан йахшы» сайа айтым, йукла, увлум, йукла!* (Ков. 60) 'Когда взойдет солнце, я разбужу тебя, усни, сынок, усни; Я скажу тебе «доброе утро», усни, сынок, усни!'; *Табулса*

дёртюнчю йапрах, башланат отав бахчада (RO, V, 213) ‘Когда появится четвертый листок, в огороде начинается прополка’;
Олтурса-мо бийлик тахтында, барлары, башуруп, чёгярляр алнында (O, 14) ‘Когда он сидит на царском троне, (сядет ли он на царский трон) все, кланаясь, встают на колени перед ним’.

Значение времени и условия не дифференцировано в пословицах: г. *Ыстырылса раст киси, ацымак бунда да биенц кеклэрдэ; капаралса раша, бунда биенц да анда ацымак* (посл.) ‘Когда (если) умирает честный человек, горе здесь (т.е. на земле) и радость в небесах; когда (если) умирает грешник, здесь радость, а там – горе’;
Басмаса ат айакны, тартарс арабаны ‘Когда (если) лошадь не тянет повозку, ты сам потянешь ее’.

2) Придаточное связывается посредством союзов:

а) посредством союза т. *негинчя* / г. *нэгинцэ*. При этом придаточное выражает предел, ограниченный действием или состоянием, обозначенным в его сказуемом – время, в течение которого происходит действие или состояние, передаваемое в главном предложении: *Биз игит-элян, негинчя йанад ўрагимиздя оту өмюрлюк тирликнин, негинчя кип колларымыз да кёзляримиз телмярдляр гануз танымаган ирахлыхка, турарбыз ўврятов ишкя тувмуш тюзлярдя* (O, I, 6) ‘Мы, молодежь, будем учиться на родных полях до тех пор, пока в нашем сердце горит огонь жизни, пока наши сильные руки и глаза устремлены в неизвестную даль’;
Йеди йыл тартылды тарлых Кырымда, негинчя Фахан Шемуел тюзюмягей йангы йалбармахны... (O, 12) ‘Семь лет тянулись беды к Крыму, пока Мудрый Шемуел не составил новую молитву’.

б) посредством союза *пуки* ‘пока’. По значению данный тип сложного предложения близок к предыдущему: т. *Фар куру кюндя керяк тёкмя хыйарны, пуки болгэй дёртюнчю йапрах* (RO, V, 213) ‘В каждый сухой день нужно поливать огурцы, пока у них не появится четвертый листок’.

3) Посредством относительных местоимений.

а) при помощи относительного местоимения т. *качан* / г. *кацан* ‘когда’. Компоненты подобного типа сложного предложения обычно выражают действия, происходящие одновременно: т. *Чыгад булэй, ки ол вахтларда, качан арамызда йог эди нормалны битикляшмяк да йол, джыматымызны артых клярэдляр билмя да таныма* (O,

5) 'Выходит так, что в те времена, когда между нами не было нормальной переписки и дороги, они больше хотели знать нашу общину'; г. *Кацан ходза йарлыны кыстайд, булут куйасны каплайд* (посл.) 'Когда богатый мучает бедного, тучи закрывают солнце'; *Кацан увус иснэ цац цыгар, карай кынгырлык кылар* (погов.) 'Когда на ладони вырастут волосы, (лишь тогда) караим совершит преступление'. В этих примерах действие или состояние придаточного предложения является как бы временным фоном, на котором совершается (или не совершается, или возможно совершение, или невозможно совершение) действие, состояние, выраженное в главном предложении. В следующем предложении можно отметить разновременный характер действий, выраженных в компонентах сложного предложения – действие придаточного предложения предшествует действию главного и является как бы его причиной: т. *Уибу ол кюндя, качан дунйасы Ратмир ханнын таттылар ув сувсунун Шайтан Чогарахнын, барысы барды биздя клягичя шайтаннын* (0, 10) 'В тот день, когда люди Ратмир-хана пили ядовитый напиток Чёр-това источника, все у нас пошло по желанию дьявола';

б) посредством сочетания *качан + ки*. Этот тип предложения также выражает одновременность действия: т. *Карайлар билдиляр бу тилни ол вахтны, качан ки татарлар ануз келмядляр Кырымга* (0, 3) 'Караимы знали этот язык тогда, когда еще татары не явились в Крым'. В редких случаях союз *ки* и без *качан* может соединять придаточное времени с главным: *Тек будур ол кюн, ки ишаныр эдик таттых да кёрдюк* (RO, X, 163-164) 'Но это был тот день, когда мы радовались, что нашли (его) и увидели';

в) посредством относительного местоимения *нечик*. Компоненты подобного предложения имеют разнообразные временные отношения. Например, компоненты выражают одновременность действия: т. *Бар вахт ашыра, нечик болабыз битишли йерляри устюня Литва бийликнин, форды йогэдик сунганлар колларымызны бас-тырмакка тувмуш тилимиздя* (0, I, 1) 'За все время, пока мы живем на тучных землях Литовского государства, мы ни разу не пытались напечатать что-либо на родном языке'. В следующем примере придаточное выражает предел во времени, в границах которого совершается действие

главного предложения: *Муна он үч йыл толду, нечик биз уллусу черювдян сон кайттых куллухтан* (0, 1, 2) 'Вот исполнилось тринадцать лет, как мы после мировой войны вернулись со службы'. В следующем примере действие придаточного времени выступает как фон, на котором происходит действие главного предложения: г. *Нэцик бу сезлэнирэд, эситилди йивдэн ити авазы Рахель тэтэнин: Мосю, ким анда бард бахцада?* (КА 3, 3) 'Когда говорили об этом, из дома послышался резкий голос тети Рахель: Мосю, кто там в саду?'

г) посредством сочетания *нечик... то*: т. *Нечик бу бары барт уже иштырган, то коладлар нечя тащчалар ишлямяккя* (RO, V, 203) 'Когда все это будет уже собрано, то просят нескольких девушек, чтобы приготовить (его)'; *Нечик куруйт, то керяк ибитмя* (RO, V, 212) 'Когда они высохнут, то следует их замочить'. Как видно из примеров, придаточное выражает действие предшествующее, в зависимости от результата которого совершается действие главного предложения;

д) посредством сочетания *нечик + оком*: т. *Нечик оком йуттум уңду ачылыхны, фордан аңладым сагышларын Ханнанын* (Ков. 68) 'Как только я проглотил большую горечь, тут же понял мысли Ханны'. Как видно из примера, придаточное выражает действие, за которым моментально следует действие главного предложения;

е) посредством сочетания т. *ки + нечик* / г. *кн + нэцик*. Придаточное времени, связываемое данным союзом, выражает действие, в результате которого моментально совершается действие главного предложения: *Да биз ки нечик эшиттик, ки тутунду гераби карахчыларнын, ол вахтта кёчтю герабымыз Истанбулдан* (МК, 8-9, 31) 'Как только мы услышали, что корабль разбойников пойман, тут же наш корабль вышел из Стамбула'; г. *Ки нэцик кицкирди куйаснын иссиси, тилсиз да музгул болду гар бириси* (КА., 3, 2) 'Как только уменьшилось солнечное тепло, каждый из них лишился языка и сделался грустным';

ж) посредством сочетания г. *каа... анда*. При этом *каа* 'когда' употребляется в составе придаточного, а *анда* – в составе главного: *Каа клэйс касны касыма, анда кезинни цыгарас* (посл.) 'Когда хочешь почесать бровь, выколешь глаз'.

Сложноподчиненное предложение с придаточным причины

1) Самым употребительным средством связи придаточного причины с главным предложением является союз *ки*, который в этой функции имеет значение ‘потому что, оттого что, за то, что’:

а) *ки* со значением ‘потому что’: т. *Кайыргын кёзлярийни, ки алар кючяйттиляр мени* (Шир. 6, 5) ‘Отверни от меня свои очи, потому что они взволновали меня’; *Кипляйиз мени флашкалар была, тёшяйиз мени алмалар была, ки сюварликтян хастамен* (Шир. 2, 5) ‘Укрепите меня вином (досл. ‘фляжками’), постелите мне постель из яблок, ибо я любовью больна’;

б) *ки* со значением ‘оттого что’: *Чачы башымнын үрпяйди ки колларга ол берилди* (РО, III, 231) ‘Волосы мои (досл. ‘моей головы’) встали дыбом, оттого что она была отдана в (их) руки’; *Астры бияням, ки келдийиз кодуйуз* (Ков. 136) ‘Я очень радуюсь, что вы пришли’;

в) *ки* со значением ‘за то, что’: г. *Экелэди ципцэ тавук иснэ, ки казба аны кылмады* (посл.) ‘Обиделся цыпленок на курицу за то, что она не сделала его гусем’; т. *Бирдян борчум табэ этмя абайлы каводуна И. Беймга, йахшы йүряги үчюн, ки йенгиллятти битикляшмягимни сагынган эрянлярбя анын ашыра* (М. 3) ‘Первым своим долгом я считаю поблагодарить уважаемого И. Бейма за его доброе сердце, за то, что он облегчил мою переписку с упомянутыми людьми через него’.

2) Соединение придаточного причины посредством союза т. *алэй нечик* / г. *алай нэцик* ‘так как’: т. *Алэй нечик азардылар анлавчулар азиз тилни, то билювчуляр аны кылдылар пешатлар* (0, 2) ‘Так как уменьшилось количество людей, понимающих священный язык (т.е. язык Библии – древнееврейский), то знающие его сделали переводы’. В этом примере кроме союза *алэй нечик*, присутствующего в составе придаточного предложения, в главном предложении имеется союз *то*. Следует отметить, что союз *алай нэцик* не всегда выражает причину. Например, в следующем сложном предложении он устанавливает между компонентами определительные отношения: г. *Тереци илислэтти тевелэрни карындастар арасына алай нэцик атасы аларнын буйурду* (КА. 1, 29) ‘Судья разделил вер-

блюдов между братьями так, как велел их отец'. Как видно из примера, придаточное в этом предложении выражает образ действия.

3) На втором месте по употребительности стоят придаточные причины, образуемые сложными союзами, в образовании которых участвует послелог *ўчюн / ицин* 'за, ради':

а) придаточные причины, присоединяемые союзом т. *анын ўчюн* / г. *анын ицин*: т. *Уңлу йазых йазыхлы болду Йерушалаим, анын ўчюн баш силмякки болду* (РО, X, 159) 'Большой грех совершил Иерусалим, поэтому он терпел унижение';

б) посредством союза *анын ўчюн ки*: т. *Таныйм, чебяр сювярлярим, Кючюн ишанчларынын, Анын ўчюн ки кляклярим Бунди өзю нечик сизнин* (Ков. 68) 'Я вижу, любимые мои, силу вашей веры, потому что мои желания такие же, как и ваши'. *Алэй мен дя, сювяр достчам, Фалэ кайтам сайа бар клягимдян, Анын ўчюн ки, туюгялчам, Оком сени сювдюм бар джанымдан* (Ков. 61) 'Но я тоже, любимая подруга, вернусь к тебе всем желанием, потому что, красавица моя, только тебя я полюбил всей душой'.

4) Посредством союза *анлых сартын* 'потому что': т. *Анчах уллу завалымызга Шелумелгя йетмяди узах «барма улусба» анлых сартын, ки тохтап арасында кичи карай джыматнын, кайсы болалмады бермя тутувлугун...* (О, 18) 'Однако, к великому сожалению, Шелумелю не суждено было долго «идти с народом», потому что он остановился среди маленькой караимской общины, которая не могла дать ему возможности удержаться'.

Сложноподчиненное предложение с придаточным следствия

1) Придаточное следствия, соединяемое к главному посредством союза *бунун ўчюн* 'потому' (ср. *анын ўчюн* 'потому что' – причина): т. *Анчах бар ол кёркляр йырчыга эдляр туююл тувмушларба, да бунун ўчюн ол джахлэйт ташлама ол орунларны* (О, 21) 'Однако

все эти красоты были чужими (неродными) для поэта, поэтому он решает покинуть эти места'. Обычно придаточное предшествует главному предложению, однако в редких случаях компоненты могут поменяться местами: *О! Мен бунун үчюн сескяндим, ки кёрдюм, ким барт* 'О! Я потому и испугался, что увидел, кто там (есть)'

2) Посредством союза *т. бунун сартын / г. бунун сарын* 'по этой причине': *г. Бунун сарын кацан ыстырыныр эдим бу йирак йолга, эзинкилэрим да достларым тивил бир фор койар эдлэр эсимэ* (КА., I, 6) 'Поэтому, когда я собирался в дальний путь, мои родственники и друзья мне напоминали не раз'; *т. Бунунба клэйбиз айтма, ки йогэди ресимлянган байлавы дипломатларнын, да бунун сартын йогэди йол да битикляимяк арасында эки кониу бийликлярнин – Летуванын да Лехистаннын* (О, 4) 'Этим мы хотели сказать, что не было официальных дипломатических отношений, и поэтому не было дороги и переписки между двумя государствами - Литвой и Польшей'; *Таныдых сювюмлю да сювар карындашларымызны, да бунун сартын санэйм, ки бизгя йарэйт, айтхэйдым – ушар – да гормятлямя бизнин, бирлигимизни* (КА, I, 10) 'Мы узнали любимых и любящих наших братьев, и поэтому я считаю, что нам следует, я хотел сказать – подобает, уважать наше единство'

3) Посредством союза *алэй ки* 'так что, поэтому': *т. А биз болалабыз окром итляимя, Алэй ки ит тя биздян кюлят* (МК, 3, 21) 'А мы только и грыземся как собаки, поэтому даже собаки смеются над нами'

Сложноподчиненное предложение с придаточным цели

Придаточное цели соединяется с главным посредством союза *ки*, который в этой функции имеет значение 'чтобы, для того чтобы': *т. Йангы йылба, раст сагышба Чыгардых бу битикни, Ки бернялямя йазышба Уллуну да кичини* (О, 1) 'С Новым годом с искренней мыслью Мы выпустили эту книгу, чтобы подарить

письменность и старшим, и младшим'; *Керяктир бизгя анчех иштырма кѣп бунди бюртюкляр, ки биткей алардан кѣрклю чечяги билмякнин* (О, I, 2) 'Нам только нужно собрать много таких зерен, чтобы из них выросли красивые цветы знания'; *Буйурдуй ки келмягейляр йыйыныя (кагалыйя) сенин* (РО, X, 159) 'Ты приказал, чтобы они не приходили на твое собрание'.

Сложноподчиненное предложение с придаточным уступительным

Необходимо отметить, что предложение со значением уступительности в основном выражается в бессоюзных сложных предложениях, иногда в союзных сложносочиненных предложениях, связываемых союзом *да* (см. выше). Однако значение уступительности передается и некоторыми другими средствами: т. *Мен йуклэйд эсям дя, фикирим ойанувлудур* (Шир. 5, 2) 'Хотя я и хочу спать, мысли мои бодрые'. В этом предложении уступительное придаточное соединяется с главным посредством *эся* (см. выше – Сложное предложение с придаточным условием): г. *Айтадлар, ки эсирик адам иснэ йарамайд эпкелэнмэ, айтсада ол нендий керексиз сѣз* (КА, 4, 23) 'Хотя говорят, что нельзя обижаться на пьяного человека, однако это ненужные слова'. В этом предложении уступительное придаточное присоединено к главному посредством редко употребительного противительного союза *айтсада* 'однако' (ср. каз. *эйтсе де*).

Сложноподчиненное предложение с придаточным образа действия

Средством соединения придаточного с главным выступает сложный союз *ки нечик*: т. *Кыйнагын аларны, ки нечик кыйнадый мени* (RO, VIII, 161) 'Мучай их так, как ты мучил меня'. Значение образа действия обычно выражается деепричастными конструкциями, которые по своей семантике соответствуют придаточным предложениям индоевропейских языков.

Сложноподчиненное предложение с придаточным места

Основным средством связи придаточного с главным является относительное местоимение *кайда*, *кайсында* 'где', выступающее в составе придаточного. Обычно широко распространено в пословицах и поговорках: г. *Кайда сибиртки эринэд, йел сагалыба азбарны сибирэд* (посл.) 'Там, где метла ленится, ветер подметает двор своей бородой'; *Кайда сызлав кеце конду, тери анын йыл туйулад* (посл.) 'Там, где беда провела ночь, ее пот чувствуется в течение года'; т. *Кайда малны кёрядляр, анар башурадлар!* (Ков. 121) 'Где увидит он богатство, там и кланяется ему' (т.е. богатству). Как видно из примеров, относительное местоимение *кайда* ставится в абсолютном начале сложного предложения, таким образом, подчиненное предложение находится в препозиции по отношению к главному. Возможен и другой порядок: *Шагарында Поневежнин йанаша зерятлярибля рабанларнын калган кичи зерятчякляр, кайсыларында уллусу уруштан сон казган окром нечя зерят да артых анда астралмыд* (O, I, 21) 'В городе Паневежисе рядом с еврейскими кладбищами имеются небольшие кладбища (караимов), где после мировой войны копали лишь несколько могил, и больше там ничего не сохранилось'.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- А. – Ај ја. – *A. Mardkowicz*, *Aj jaryhynda*, Juck, 1934.
Б. Кек. – *A. Mardkowicz*, *Birtih keklernin*, Juck, 1931.
г. – Галицкий диалект.
Д. – *S. Rudkowski*, *Dostiar*. Juck, I – 1931, II – 1939.
ДК. – *Dostu Karajнын N 2*, Troch, 1932.
Иер. – Плач Иеремии (рукописный перевод Библии).
Иов. – Книга Иова (рукописный перевод Библии).
к. – Крымский диалект.
КА – *Karaj Awazy*, Juck, 1931-1939.
Ко. – *Sz. Firkowicz Koltchajar*. Wilno, 1935.
Ков. – *T. Kowalski*. *Karaimische Texte im Dialekt von Troki*. Krakow, 1929.
Л – *Ш. Лопатто*, *Рав Зевулун*. Стихотворение в рукописи.
М – *J. Malecki*, *Istyrhan tiuziuvliar*, Panevžys, 1938.
Магаз – Карай услу Магаз (рукопись).
МК – *Myśl Karaimska*, Wilno. 1924-1939.
О – *Onarmach*, Panevžys. 1939.
погов. посл. – из уст караимов.
рук. – Караимская рукопись
RO – *Rocznik Orientalistyczny Lwyw*. Krakow, Warszawa.
SRT – *S. Rudkowski*, *Tutuwlannmahy Karajlarnyn Juckada*. Juck, 1935.
т. – Тракайский диалект.
У – Устачы, рукопись пьесы неизвестного автора.
Шир – Шир шацирим (Песнь Песней) (рукописный перевод Библии).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	7
Караимский язык.	10
Караимская письменность.	30
Место караимского языка среди тюркских языков. ...	33
Диалектное членение караимского языка.	44
История изучения караимского языка.	62
СИНТАКСИС	77
СЛОВСОЧЕТАНИЕ	98
Классификация словосочетаний.	100
Типы сочетания частей речи по функции и отношению подчиненного элемента в главному.	102
Определительные словосочетания.	103
Обстоятельственные словосочетания.	104
Объектные словосочетания.	105
Предикативные словосочетания.	106
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КОМПОНЕНТАМИ СОЧЕТАНИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ	111
СРЕДСТВА СОЧЕТАНИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ	118
ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ВИДЫ (ПОДЧИНИТЕЛЬНЫХ) СОЧЕТАНИЙ ЧАСТЕЙ РЕЧИ	121
СТРУКТУРА СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕГО МОРФОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА	125
ФОРМЫ СВЯЗИ КОМПОНЕНТОВ СЛОВСОЧЕТАНИЯ	129

СПОСОБЫ СОЧЕТАНИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ.	129
ПРИМЫКАНИЕ.	129
УПРАВЛЕНИЕ.	132
СОГЛАСОВАНИЕ.	134
Согласование в числе.	135
Согласование в падеже.	138
Согласование в лице	140
ИМЕННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ.	142
с именем существительным в роли главного элемента	146
с именем существительным в роли подчиненного элемента.	146
с именем прилагательным в роли подчиненного элемента	154
с причастием в роли подчиненного элемента.	156
с именем числительным в роли подчиненного элемента.	158
с личным местоимением в роли подчиненного элемента.	159
с местоимением (кроме личных) в роли подчинен- ного элемента.	162
с именем прилагательным в роли главного элемента.	163
Именные словосочетания с несамостоятельным именем в роли грамматического главного элемента.	165
Словосочетания со служебным именем в роли главного элемента.	166
Словосочетания с послелогом в роли главного элемента.	168

Глагольные словосочетания.	171
Глагольные словосочетания с подчиненным элементом в грамматических падежах.	172
Словосочетание с именами в основном падеже в роли подчиненного элемента.	172
Словосочетание с именами в винительном падеже в роли подчиненного элемента.	173
Словосочетание с именами в инструментальном падеже в роли подчиненного элемента.	176
Глагольные словосочетания с подчиненным элементом в пространственных падежах.	178
Словосочетание с именами в дательном-направительном падеже в роли подчиненного элемента.	179
Словосочетание с именами в местном падеже в роли подчиненного элемента.	183
Словосочетание с именами в исходном падеже.	185
Глагольные словосочетания с именами в роли подчиненного элемента, при которых имеются служебные имена и послелоги.	189
Словосочетания с наречием в роли подчиненного элемента.	189
Словосочетание с именем прилагательным в роли подчиненного элемента.	190
Предложение.	191
Простое предложение.	196
Структурные типы простого предложения.	197
Односоставное предложение.	201
Двусоставное предложение.	207
Именное предложение.	209
Глагольное предложение.	210

Простое распространённое предложение.	211
Простое распространённое предложение с определением.	213
Простое распространённое предложение с дополнением.	214
Простое распространённое предложение с обстоятельством.	214
Простое распространённое предложение со смешанными второстепенными членами предложения.	214
Члены предложения.	215
Главные члены предложения.	219
Подлежащее.	219
Сказуемое.	221
Глагольное сказуемое.	222
Именное сказуемое.	224
Дополнение.	228
Прямое дополнение.	229
Косвенное дополнение.	231
Определение.	233
Обстоятельства.	237
Обстоятельство времени.	237
Обстоятельство места.	240
Обстоятельство образа действия.	240
Обстоятельство причины.	242
Обстоятельство меры и степени.	243
Приложение.	245
Модальные члены предложения.	246
Вводный член.	246
Обращение.	248
Однородные члены предложения.	250

ПОРЯДОК СЛОВ В ПРОСТОМ РАСПРОСТРАНЕННОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ.	253
ОБОРОТЫ, ВОЗНИКШИЕ НА БАЗЕ НЕЛИЧНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ.	256
ПРИЧАСТНЫЕ ОБОРОТЫ.	257
Причастный оборот, образуемый формой на <i>-ган</i>	257
Причастный оборот, образуемый формой на <i>-адогон</i>	264
Причастный оборот, образуемый причастием на <i>-увчу</i>	266
ДЕЕПРИЧАСТНЫЕ ОБОРОТЫ.	267
Деепричастный оборот, образуемый формой на <i>-п</i>	267
Деепричастный оборот, образуемый формой на <i>-а</i>	271
Деепричастный оборот, образуемый формой на <i>-догон</i> . ..	272
Деепричастный оборот, образуемый формой на <i>-адогоч</i> , <i>-адогац</i>	274
ИНФИНИТИВНЫЕ ОБОРОТЫ.	276
Типы простого предложения по модальности и интонации.	281
Повествовательное предложение.	281
Вопросительное предложение.	282
Побудительное предложение.	285
Восклицательное предложение.	286
СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.	288
Бессоюзное сложное предложение.	293
Бессоюзное сложное предложение, состоящее из: глагольное предложение + глагольное предложение.	296
Бессоюзное сложное предложение, состоящее из: глагольное предложение + именное предложение.	300
Бессоюзное сложное предложение, состоящее из: именное предложение + именное предложение.	302

ПРЯМАЯ И КОСВЕННАЯ РЕЧИ.	304
СЛОЖНОСОЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.	305
Сложносочиненные предложения соединительного типа.	306
Сложносочиненные предложения противительного типа.	309
СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.	312
Сложноподчиненное предложение с придаточным подлежащим.	316
Сложноподчиненное предложение с придаточным определительным.	317
Сложноподчиненное предложение с придаточным дополнением.	322
Сложноподчиненное предложение с придаточным условным.	327
Сложноподчиненное предложение с придаточным времени.	331
Сложноподчиненное предложение с придаточным причины.	335
Сложноподчиненное предложение с придаточным следствия.	337
Сложноподчиненное предложение с придаточным цели.	338
Сложноподчиненное предложение с придаточным уступительным.	338
Сложноподчиненное предложение с придаточным образа действия.	339
Сложноподчиненное предложение с придаточным места.	339
Список сокращений.	340
Содержание.	341

Научное издание

Кенесбай Мусаев

СИНТАКСИС КАРАИМСКОГО ЯЗЫКА

Подписано в печать 6.09.2004

Формат 60х90х1/16.

Печать офсетная. Усл. п.л. 23.

Тираж 150 экз. Заказ № 218

Издательство «Гуманитарий», Академии гуманитарных
исследований

Отпечатано в Изд.Центре ИСАА при МГУ им.
М.В.Ломоносова
г. Москва, ул. Моховая, д. 11.